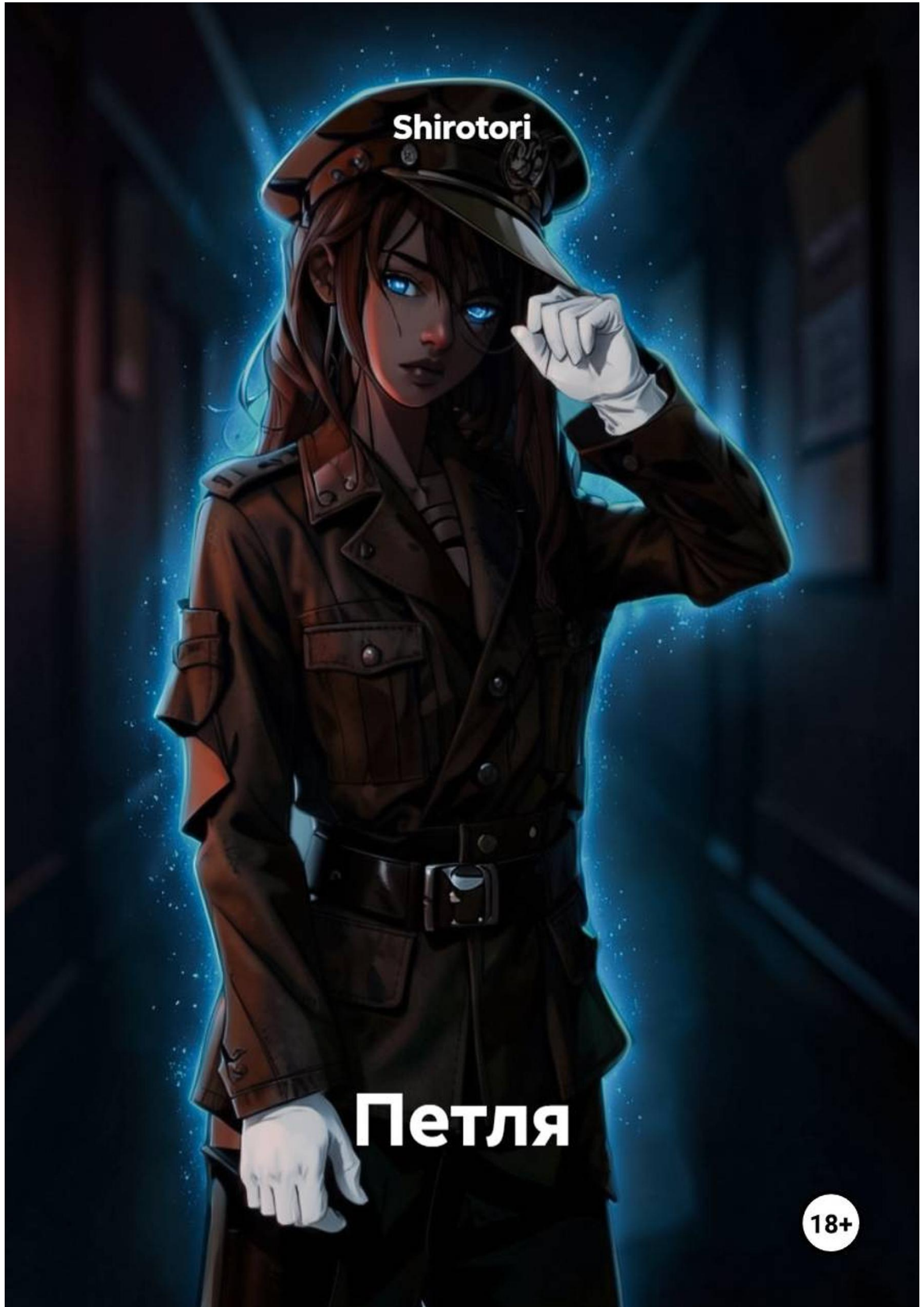

Shirotori

Петля

18+

Shirotori

Петля

«Автор»

2026

Shirotori

Петля / Shirotori — «Автор», 2026

Гуляя по закоулкам мира грёз, молодая девушка вдруг оказывается взаперти. Её новый дом носит название Лабиринт. От старожил ей удаётся выяснить, что это изощрённая ловушка для Архитекторов сознания, где человеческий разум превращён в источник энергии, а воспоминания безжалостно стираются. В этом цифровом чистилище жестокая иерархия Системы и постоянные нападки со стороны надзирателей заставляют пленных искать самые изощрённые и опасные способы пробраться наверх, ведь только власть даёт призрачный шанс на выживание. Оказавшись на самом дне, Селена вынуждена вступить в эту безжалостную игру по чужим правилам. Ей предстоит пройти по лезвию ножа между верностью долгу и подпольным заговором, научиться отличать союзников от предателей и бросить вызов самой создательнице этой вселенной. Сможет ли она взломать код, объединить врагов, разгадать тайну этой тюрьмы и вырваться из идеальной иллюзии? И какова будет цена долгожданной свободы?

© Shirotori, 2026

© Автор, 2026

Shirotori

Петля

Персонажи:

М-4-10:23 — Селена
К-1-00:01 — Очкарик; наставник в Секторе «N»
N-2-11:05 — первый надзиратель в Секторе «M»
V-2-05:12 — Тихоня; наставник в Секторе «N»
С-9-19:40 — Архивариус; наставник в Секторе «N»
Х-1-00:00 — Мясник; наставник в Секторе «N»
Р-1-10:23 — Кайл; Высший Сектора «R»
R-2-06:15 — наставник в «Яме» Сектора «R»
М-10-12:15 — напарник в Секторе «R»
R-12-05:17 — Буйвол; напарник в Секторе «R»
R-5-09:11 — напарник в Секторе «R»
В-1-15:20 — Старик; Высший Сектора «F»
R-8-09:44 — Паразит; Высший Сектора «C»
D-7-03:15 — Высший Сектора «Q»
L-3-02:38 — Лилит; Высшая Сектора «I»
H-6-07:59 — Высший, Глава Внутреннего Надзора I Узла
К-11-14:07 — Блондин; подчинённый в команде «Крысолова»
G-12-05:43 — Дылда; подчинённый в команде «Крысолова»
К-3-07:14 — Воровка; подчинённая в команде «Крысолова»
F-6-21:00 — Прилипала; подчинённый в команде «Крысолова»
U-7-22:13 — Трюкач; подчинённый в команде «Крысолова»
S-5-03:48 — Смертница; подчинённая в команде «Крысолова»
W-8-16:09 — Высший Сектора «E»
J-8-23:12 — Старший инспектор Надзора III Узла
А-1-01:03 — Высший, Глава Внутреннего Надзора III Узла
С-2-12:10 — Высшая Сектора «N»
О-5-04:12 — Высший Сектора «Z»
I-4-02:08 — Архивариус в Секторе «R»
Т-6-20:42 — Высший Сектора «J»
Y-9-22:08 — Высший Сектора «A»
Е-3-08:02 — Куратор в Секторе «Z»
А-2-13:26 — заключённый, бывший Глава Сектора «Z»
Q-4-00:57 — Высший Сектора «V»
Х-9-05:31 — Высший, Глава Внутреннего Надзора II Узла
G-13-12:14 — Высшая Сектора «P»
U-3-17:32 — Высший Сектора «M»
D-2-07:13 — Дива; инспектор Надзора III Узла

В-7-03:03 — Киса; инспектор Надзора III Узла
Х-1-12:21 — Близнецы; инспекторы Надзора III Узла
С-10-04:46 — Главный инженер в Секторе «B»

Грань между мирами истончилась незаметно, как тает утренняя дымка над рекой. Селена открыла глаза. Сознание ещё цеплялось за мягкость подушки, но босые ступни уже чувство-

вали покалывание сухой травы. Она стояла на окраине родной деревни. Воздух здесь был густым, напоенным ароматом нагретой смолы и полевых цветов, а солнце светило так ярко, что мир казался перенасыщенным, почти сюрреалистичным. Это было её любимое состояние — пограничье. Здесь, в этом золотом мареве, девушка всегда чувствовала себя хозяйкой стихий. Она сделала глубокий вдох, ощущая, как лёгкие наполняются чистым восторгом, и побежала.

Впереди вырос старый, покосившийся забор. Селена точно знала: стоит лишь оттолкнуться, и гравитация отпустит её. Она запрыгнула на перекладину, её тело напряглось как пружина, готовое оседлать невидимый поток ветра и взмыть в бесконечную синеву... Она оттолкнулась, ожидая триумфального полёта, но вместо невесомости почувствовала свинцовую тяжесть. Воздух, минуту назад казавшийся родной стихией, вдруг стал плотным и чужим. Удар. Она рухнула вниз, впечатавшись в жёсткую землю. Падение выбило дух, а в ушах зазвенело тонкое, механическое «пи». Оглядевшись, девушка замерла. Мир вокруг неуловимо изменился. Яркое солнце всё ещё заливало двор, но это было чужое пространство. Частная территория, окружённая глухим, бесконечно высоким забором, что сейчас, казалось, тянулся к облакам.

Прямо перед ней стоял небольшой дом. Уродливый, серый, с наглухо заколоченными досками окнами, похожими на зашитые глаза. От этого строения веяло такой древней и холодной жутью, что кожа Селены покрылась мурашками.

— Это просто сон, — прошептала она, пятясь. — Сейчас я моргну, и всё исчезнет.

Но тишину разорвал скрежет. Тяжёлая дверь дома оглушительно распахнулась сама собой, и из чёрного зева проёма выплеснулось Нечто. У него не было чёткого лица или формы — лишь стремительный силуэт, искажающий пространство, словно марево над асфальтом. Селена бросилась прочь. Животный ужас придал ей сил: она взлетела на стену, пытаясь пробежать по вертикали, обмануть физику, как делала это тысячу раз, но гравитация тянула её вниз, словно невидимые цепи. Какая-то внешняя воля блокировала её способность летать, делая её уязвимой. В миг пространство вывернулось наизнанку: досчатая стена дома вдруг стала податливой, как болотная жижа. Девушку дёрнуло назад, пространство схлопнулось, и её буквально всосало внутрь здания сквозь глухую древесину. Она упала на грязный пол. Запахло старостью, потом и отчаянием.

Селена подняла голову и похолодела. Она была не одна. В небольшой комнатке, залитом мертвенным светом, сидели люди. Примерно с десяток. Вместо одежды на них были лохмотья, лица осунулись, превратившись в обтянутые кожей черепа, а в глазах застыла одинаковая, серая пустота. В голове девушки вдруг возник чужой, вибрирующий голос, прошивший мозг насквозь: «Добро пожаловать в Систему. Цикл запущен». Не понимая, что происходит, девушка вскочила, бросаясь к окну, где сквозь щели виднелся клочок неба. Ветер коснулся её лица, даря ложную надежду. Но стоило ей протянуть руку, как гигантская магнитная волна подхватила её тело и с чудовищной силой пригвоздила к противоположной стене. Кости хрустнули, из лёгких вырвался удушливый кашель.

— Сиди тихо, новенькая, — прохрипел кто-то из угла.

Девушка вскочила, задыхаясь от паники. Сознание, привыкшее к логике сна, отчаянно пыталось выстроить защиту: *«Это не может быть правдой. Это просто кошмар. Мозг скоро выкинет меня в реальность»*. Но нутро, скованное ледяным предчувствием, кричало об обратном. Здесь всё было слишком осязаемым: и запах застоялой пыли, и тяжесть собственного тела. Она посмотрела на людей, забившихся в углы. Разговаривать с ними не было смысла — они казались ей пустыми оболочками, бездушными NPC в чьей-то жестокой игре.

— Я сама выйду, — прохрипела она, снова бросаясь к заколоченному окну.

Селена замерла перед досками, концентрируя всю свою волю. Она попыталась сделать то, что всегда удавалось ей в осознанных сновидениях — раздвинуть материю силой мысли. Пространство вокруг её пальцев внезапно пошло мелкой зыбью, воздух завибрировал, изда-

вая низкий, угрожающий гул. Девушку прошиб холодный пот, сердце забилося о рёбра как пойманная птица. Казалось, ещё секунда — и дерево поддастся... Но в этот момент тишина в комнате взорвалась. Те, кого она считала теньями, вдруг ожили. С яростью отчаяния люди подскочили к ней, вцепились в одежду и сбили с ног. Грязный пол больно ударил по рёбрам. На Селену посыпались удары — хаотичные, злые пинки изношенных ботинок и босых ног.

Узники избивали её, пытаясь утихомирить, заглушить тот опасный резонанс, который она вызвала. Они действовали как единый механизм подавления, вбивая её в металл пола. Девушка лишь успела сгруппироваться, закрывая голову руками и чувствуя, как реальность этого места окончательно ставит её на колени. Она лежала на полу, свернувшись калачиком, пока вокруг неё по непонятной причине кипел этот безумный, молчаливый бунт рабов против любой её попытки выбраться отсюда.

Воздух в комнате внезапно стал ледяным и неподвижным. Хлесткий, как удар бича, приказ разрезал пространство, и град ударов мгновенно прекратился. Толпа, ещё секунду назад напоминавшая разъярённого зверя, в ужасе отхлынула к стенам, оставив Селену одну в центре пыльного круга. Тяжело дыша и преодолевая пульсирующую боль, девушка медленно подняла голову. Первое, что ударило по глазам — нестерпимый блеск идеально начищенных чёрных сапог, что казались чужеродным объектом в этом царстве лохмотьев и гнили.

Селена заставила себя посмотреть выше. Перед ней возвышался силуэт в безупречной чёрной униформе. Каждая складка ткани, каждый отполированный знак отличия на груди сияли холодным, мертвенным светом, становясь самым ярким и пугающим пятном в полумраке комнаты. Но когда взгляд девушки коснулся его лица, сердце пропустило удар. Это точно был не человек. Его кожа, цвета древесного угля или самой бездны, почти сливалась с чернотой мундира, делая его похожим на ожившую тень. Лишь глаза — два провала, полных обжигающего презрения — жили на этом лице.

Резкое движение — и ослепительно белая перчатка мелькнула перед глазами Селены. Пальцы, твёрдые как стальные тиски, с жестокой силой вцепились в её волосы, отдёргивая голову назад. Девушка вскрикнула, её шея выгнулась, открывая незащищенное горло.

— Свежее мясо... — прошелестел голос, от которого по позвоночнику пробежала судорога.

Парень — или существо, принявшее его облик — склонился к самому её уху. На его лице расплылась дикая, хищная улыбка, обнажая ровный ряд зубов. Он не просто смотрел на неё — он смаковал её страх, впитывая в себя её жалкий, изломанный вид как самый изысканный деликатес в этом мире. Парень разжал кулак, и Селена бессильно ткнулась лицом в пыльные доски.

— Слушай внимательно, дважды повторять не буду! — его голос пророкотал под сводами комнаты, вибрируя в самих стенах, словно раскат грома в закрытом склепе. — Мы находимся в Секторе «М». Если твой скудный разум ещё не догадался, объясняю: это не сон. Отсюда не выбраться. За каждое нарушение правил предусмотрено соответствующее наказание.

Парень резко выпрямился. Его фигура в чёрном мундире казалась неестественно высокой, подавляющей. Без малейшего предупреждения он нанёс резкий, профессиональный удар сапогом в живот. Боль вспыхнула сверхновой, выжигая кислород из лёгких. Девушку подбросило и отшвырнуло к стене; она врезалась в поверхность с глухим хрустом и сползла вниз, хватая ртом воздух. Парень медленно подошёл ближе, его лицо исказила жестокая, почти экзотическая улыбка. Он наслаждался каждым её судорожным вдохом.

— Ты здесь всего пару минут, а уже нарушила одно из главных табу, — он снова рывком вздёргнул её за волосы, заставляя смотреть прямо в свои янтарные, горящие презрением глаза. — Но я сегодня неприлично добр, поэтому на первый раз ограничимся лишь лёгким предупреждением.

Его лицо оказалось в сантиметре от её — холодное, лишённое пор и морщин, как маска из обсидиана.

— Добро пожаловать в Лабиринт Отчаяния!

Он брезгливо оттолкнул её голову и сделал несколько шагов назад, оправляя безупречные белые перчатки. Его взгляд скользнул по замершей толпе рабов, которые вжимались в стены, стараясь стать невидимыми.

— Объясните ей всё! — рявкнул он, и люди синхронно отшатнулись, словно от удара хлыстом.

Развернувшись на каблуках, парень вышел из комнаты. Его громкий, торжествующий хохот ещё долго эхом гулял по бесконечным коридорам, ввинчиваясь в сознание Селены и окончательно разбивая надежду на пробуждение. Она осталась лежать у стены — сломленная физически, но всё ещё лихорадочно пытающаяся осознать масштаб катастрофы, в которую превратилась её жизнь.

Механический, лишённый эмоций голос заполнил комнату:

— Объект зафиксирован. Сектор: М. Измерение: 4. Время входа: 10:23. Присвоен идентификатор: М-4-10:23.

Толпа заложников, до этого боявшаяся даже вздохнуть, начала медленно приходить в движение. Они смотрели на неё уже не с яростью, а с какой-то обречённой жалостью. К Селене подошла женщина, чьи руки были покрыты мелкими ожогами, и протянула ей серую, пахнущую плесенью тряпку, чтобы та вытерла кровь с лица.

— Это твоё новое имя, запомни его, — прошептала она, озираясь на закрытую дверь.

Девушка сжала тряпку в кулаке. Боль в животе от удара сапогом тупо пульсировала, напоминая о том, что это тело теперь — собственность Сектора «М».

— Что это за место? — выдавила она, чувствуя, как номер жжёт сознание, словно клеймо на коже. — Почему вы здесь? Почему вы помогаете им бить своих?

Женщина горько усмехнулась, и Селена увидела, что у неё не хватает половины зубов.

— Мы не помогаем им. Мы помогаем своим не сдохнуть в первый же час. Система не любит шума. Она любит тишину и порядок.

Женщина присела рядом, её движения были дёргаными, экономными, как у загнанного зверя. Она перешла на едва слышный шёпот, от которого по коже Селены поползли мурашки.

— Слушай внимательно и запоминай. Парень, которого ты только что видела — это надзиратель. Их легко узнать по внешнему виду. Всего есть три ранга надзирателей, ты поймёшь это по их знакам отличия. Чем выше ранг, тем меньше в них осталось человеческого. Приказы их обсуждению не подлежат. Не вздумай возражать, перечить или, упаси Боже, бунтовать. Иначе с тебя быстро снимут шкуру, и больше ты никогда не проснёшься. В буквальном смысле.

— Я не понимаю... — прохрипела девушка, прижимая ладонь к пульсирующему от боли боку. — Так это всё-таки... сон?

Женщина тяжело вздохнула, и этот звук был похож на шелест сухих листьев в склепе. В её выцветших глазах отразилась вековая усталость.

— Был им когда-то... — она на мгновение отвела взгляд, словно вспоминая что-то бесконечно далёкое. — Мы все здесь оказались так же, как и ты. Провалились в кроличью нору, из которой нет выхода. Если объяснять простым языком, то это лабиринт сознания. Огромная ментальная ловушка, расставленная специально для таких, как мы — особенно чутких душ, тех, кто слишком... отличился. Надзиратели здесь — не просто охранники, они следят за исправностью работы всей системы. И поверь, то, что ты видела, — это лишь верхушка айсберга.

Она коснулась запястья Селены, там, где призрачным светом мерцал её новый номер.

— Буква «М» в наших именах — это Сектор. Цифра «4» — Измерение. Ты и представить себе не можешь реальный масштаб этой тюрьмы. Каждое Измерение живёт по своим законам,

но все они сплетены в одну общую петлю. Мы — топливо для этого механизма. Наше отчаяние, наш страх, наше смирение... всё это питает Лабиринт.

Девушка посмотрела на свои дрожащие руки. Реальность родной деревни, запах ветра и тепло солнца теперь казались не более чем старой, выцветавшей фотографией.

— Значит, выхода нет? — её голос сорвался на выдох.

Женщина промолчала, но её взгляд, устремлённый в бесконечную глубину коридора за дверь, был красноречивее любых слов.

Вскоре пришло время обхода. Воздух в комнате наэлектризовался, став колючим и сухим, а от деревянных досок и лучиков солнца больше не осталось и следа. Как по команде, пленные, ещё какое-то время назад казавшиеся бесформенной массой тел, выстроились вдоль стен. Селена, стараясь не привлекать внимания, встала в общий ряд, чувствуя, как руки за спиной касаются холодной поверхности.

Дверь распахнулась с коротким, лязгающим звуком. В комнату вошла небольшая группа надзирателей. Среди них шагал уже знакомый Селене парень в угольно-чёрной форме, а рядом с ним — женщина, чьи движения были пугающе точными и механическими. Девушке объяснили, что каждое утро и вечер этот ритуал повторялся неизменно: они отмечали «живые единицы», проверяя, не дала ли Система сбой и не угас ли в ком-то из узников последний проблеск сознания.

Селена заставила себя опустить взгляд, но краем глаза продолжала изучать их. Она решила: следующие несколько дней станут временем наблюдения. Ей нужно было вгрызться в детали этого места, понять его архитектуру и правила. Как выяснилось, не все заложники этой тюрьмы обладали её даром — способностью осознанно влиять на пространство сна. Большинство здесь были лишь случайными жертвами, «ментальным шумом», неспособным даже на попытку взлёта.

— Приличный список... — задумчиво произнесла женщина-надзиратель. Голос её звучал как шелест металла по камню.

Она оторвалась от планшета и медленно перевела взгляд на девушку. Холодные, неестественно яркие глаза скользнули по её искалеченному телу, фиксируя каждую ссадину и кровоподтёк, оставленные «соратниками». Селена стояла неподвижно, боясь даже лишний раз моргнуть. Железное правило Лабиринта гласило: молчи, пока к тебе не обратятся. Надзиратели, удовлетворённые проверкой, развернулись. Звук их синхронных шагов и сухой стук каблуков по доскам эхом разносился в гробовой тишине. Казалось, само пространство вокруг них становилось плотнее, давя на лёгкие невидимым прессом.

Только когда тяжёлая дверь захлопнулась и звук шагов затих в бесконечной анфиладе коридоров, пленные смогли выдохнуть. Тяжёлый, спёртый воздух комнаты снова пришёл в движение, но Селена знала: это лишь кратковременная передышка перед новым кругом их вечного, замкнутого существования. Теперь она была М-4-10:23, и её личная война с Системой только начиналась.

Адаптация в Секторе «М» происходила болезненно и быстро. За несколько дней Селена впитала в себя неписанные законы Лабиринта, которые были куда страшнее физических преград. Она поняла: здесь каждый надзиратель — и судья, и палач. Они вольны карать по собственному капризу, и лишь одно правило связывало их руки как невидимая стальная нить: «Не убей». Системе не нужны были трупы, ей нужны были вечные батарейки из живых, страдающих душ. Но самой жуткой деталью оказалась коллективная ответственность. Лабиринт мастерски стравливал узников: за твою ошибку, за твой лишний вздох или неосторожный взгляд расплачивались, как показала практика, остальные. Поэтому соратники по несчастью превращались в самых бдительных конвоиров. Прознай они о твоём замысле — и ты получишь от них

куда более жестокую взбучку, чем от человека в чёрном мундире. Самоуправство и доносы здесь поощрялись, становясь валютой для выживания. Но цена была высока: если «свистун» не предъявлял неопровержимых доказательств вины, его самого клеймили как бунтовщика и бросали в жернова системы.

Наказания были разнообразны, как круги ада. Одни надзиратели упивались личной расправой прямо на месте, другие предпочитали методичные, холодные пытки в специальных блоках. Но был и третий путь, о котором старожилы шептали с истинным содроганием.

— Если тебя решат сломать окончательно, отдадут Хозяйке, — рассказывала Селене одна из женщин, чьи глаза казались выжженными изнутри. — Она — сердце этой тюрьмы, её чары пропитывают каждый кирпич и каждую доску.

После «беседы» с этой Женщиной люди менялись навсегда. Они не кричали и не сопротивлялись. Они превращались в пустые оболочки, идеальных исполнителей, лишённых искры воли и памяти о себе. Душа из них вытекала, оставляя лишь послушное мясо. Девушка слушала, впитывая каждое слово. То, что пленные, находящиеся здесь десятилетиями, начали открываться ей, было редкой удачей. Информация становилась её единственным оружием. Она постепенно узнавала правила игры, понимая, чтобы победить Хозяйку и надзирателей, ей нужно стать ещё более расчётливой, чем сама Система.

Недели в Секторе «М» превратились для Селены в бесконечный, серый зацикленный кадр. Время здесь не текло, оно просачивалось сквозь пальцы как тяжёлый мазут. Чтобы не сойти с ума и не превратиться в одну из «теней», она заставляла свой разум работать остро как скальпель, фиксируя каждую деталь быта этой ментальной каторги. Работа в четвёртом Измерении была лишена смысла для человека, но крайне важна для Системы. Пленных заставляли заниматься «сортировкой энтропии». Группы узников часами отскабливали стены коридоров от проступающих на них образов — призрачных воспоминаний других людей, которые материализовывались в виде липкого налёта или шепчущей плесени. Если налёт не счищать, коридоры начинали «схлопываться».

Селене поручили распутывать бесконечные мотки тонкой, пульсирующей проволоки, которая шла вдоль плинтусов. Она была тёплой и вздрагивала в руках, словно живая жила. Старожилы шептали, что это — застывшие нервные импульсы тех, кто пытался бежать. В определённые часы нужно было стоять в пустых залах и записывать на тяжёлые грифельные доски звуки, доносящиеся из вентиляции. Это были обрывки голосов из других Секторов, которые Система использовала для калибровки тишины.

К концу четырнадцатого дня девушка, чьи пальцы были стёрты в кровь о проволоку, сделала несколько ключевых выводов. Она заметила, что коридоры меняют свою длину в зависимости от эмоционального состояния идущего. Если человек впадал в панику — путь становился бесконечным. Если был абсолютно спокоен и опустошён — дверь в общий зал оказывалась всего в десяти шагах. Вывод: пространство реагирует на импульсы мозга. Селена также почувствовала, что воздух в Секторе вибрирует на определённой частоте. Это была тонкая, едва уловимая психическая сеть. Она поняла, что Хозяйка не просто правит — она «ест». Каждый всплеск ярости или страха поглощался стенами и питал её мощь. Вывод: бунт в лоб бесполезен, он лишь накормит тюрьму.

Наблюдая за парнем в чёрном мундире, Селена увидела, как он на мгновение замер перед зеркалом в коридоре, и его угольное лицо на секунду дрогнуло, став почти человеческим, полным невыразимой тоски. Вывод: надзиратели — это те же узники, переступившие через свою человечность. В них остались остатки личности, которые можно было использовать как рычаг, нужно было лишь подобрать нужное давление. Девушка также обнаружила, что её способность к полёту не исчезла, она была «заблокирована» внешней частотой. Проблема весомая, но Селена больше не была той испуганной девчонкой, которая упала с забора. За это время

она научилась смотреть в пол, когда нужно, и молчать, когда больно. Но внутри неё, за бронёй серийного номера, начал выстраиваться план побега, основанный не на силе, а на безупречном знании механики этого ада.

Главная сложность Лабиринта заключалась не в бесконечных коридорах, а в тотальном одиночестве среди толпы. Здесь нельзя было доверять даже тени. Любой пленный, который ещё вчера делился с тобой куском заплесневелого пайка, сегодня мог с холодной улыбкой вонзить нож доноса в спину. Корысть была единственным топливом этой дикой иерархии. Предательство здесь не считалось грехом — оно было карьерной лестницей.

Селена стояла в одном из бесконечных переходов, привалившись плечом к шершавой стене. Она наблюдала за «тружениками», которые монотонно соскребали шёпот со стен, и размышляла о том, как опасно искать союзников там, где каждый мечтает выслужиться перед системой. Внезапно пространство вокруг неё натянулось, как гитарная струна. Селена почувствовала странную, утробную вибрацию, от которой заложило уши и задрожали кости. Сделав резкий шаг в сторону, она увидела, как сама реальность перед ней дала трещину. Прямо из воздуха, сминая и скручивая само полотно четвёртого Измерения, разверзся провал — абсолютно чёрная, пульсирующая дыра, источающая холод и запах озона. Селена замерла, не в силах пошевелиться. Мощь, сочившаяся из этого разлома, была древней и неодолимой.

Из черноты портала медленно вышел высокий мужчина. Селена сразу поняла: это не просто тюремщик. Перед ней был надзиратель высшего ранга — первый, кого ей довелось увидеть в этом Секторе. Его облик разительно отличался от тех угольных теней, к которым она привыкла. Его кожа была бледной, почти прозрачной, а глаза горели живым рубиновым пламенем. На голове восседала фуражка, а подол пальто развевался от энергии, что он излучал. В его походке чувствовалась тяжесть власти, способной стирать целые миры. Он прошёл мимо, даже не взглянув на пронумерованную девчонку у стены, словно она была лишь пылью на его пути. Его энергия обдала Селену волной жара и первобытного страха. Но как только он свернул за угол, сделав пару шагов, её взгляд, словно намагниченный, метнулся к ещё не закрывшемуся разлому.

В глубине этой чёрной дыры она почувствовала нечто родное. Это была та самая вибрация, которую она ощущала, когда пыталась взлететь. Зов свободы, чистой и необузданной. Не рассуждая, не взвешивая риски и забыв о правилах, М-4-10:23 сделала шаг вперёд прямо в бездну прежде, чем портал успел схлопнуться за спиной необычного гостя. Мир вокруг Селены сошёл с ума. В мгновение, когда она пересекла границу разлома, законы физики вывернулись наизнанку: пол стремительно ушёл из-под ног, став потолком, а стены сомкнулись в безумном танце. Единственное, что она успела осознать — это липкое, холодное прикосновение чёрной слизи. Субстанция, похожая на живую нефть, мгновенно облепила её тело, туго стягивая кожу, а затем впиталась, исчезнув без следа.

Девушка обнаружила себя стоящей на вертикальной стене. Головокружение отступило, и она спрыгнула на то, что теперь считалось полом. Это было другое место. Воздух здесь не пах пылью и застарелым потом пленных — он был пропитан стерильной чистотой, озоном и дорогим табаком. Даже цвет стен сменился с гнилого серого на глубокий антрацит, просто крича о принадлежности к Административному Центру. Тишина здесь была не гнетущей, а властной. В конце длинного, освещённого холодными лампами коридора тускло мерцало ростовое зеркало в тяжёлой раме — псише. Селена, пошатываясь, подошла ближе, желая убедиться, что «прыжок» не оставил после себя последствий. Но стоило ей бросить взгляд на амальгаму, как она сдавленно вскрикнула и отпрянула назад, едва не потеряв равновесие.

Сердце колотилось в горле. Дрожащими руками она снова потянулась к зеркалу, медленно приближаясь к своему отражению. Из глубины стекла на неё смотрело чудовище. Или совершенство. Её кожа, когда-то бледная и живая, теперь стала угольно-чёрной, матовой,

поглощающей свет. Она была настолько тёмной, что границы лица почти сливались с тканью безупречно подогнанного чёрного мундира. На плечах восседали погоны, а на груди ослепительно блестели знаки различия, которых она никогда раньше не видела. На голове плотно сидела фуражка с высокой тульёй и шитьём на козырьке. Селена коснулась своего лица. Пальцы в белоснежной перчатке ощутили холодную, неестественно гладкую поверхность кожи.

— Я стала надзирателем... — прошептала она, и собственный голос показался ей чужим, вибрирующим от скрытой мощи.

Система не просто перебросила её в другое Измерение. Она переварила её, содрала серийный номер «М-4-10:23» и облачила в форму палача. Теперь она была частью того механизма, который ещё час назад вбивал её в пол. Но в глубине этого угольного облика, под погонами, всё ещё билось сердце живой девушки, запертой в теле своего злейшего врага.

Шок от собственного отражения ещё не успел осесть в сознании, когда тишину коридора разорвал ритмичный рокот шагов. Из-за поворота выплыла процессия, во главе которой шествовала фигура, чей облик казался вопиющим диссонансом в этом царстве чёрных мундиров. Это была женщина в пышном фиолетовом платье с каскадами рюш, в белоснежных перчатках и на туфлях, чей острый каблук выбивал по полу сухой, властный ритм. Она раздавала команды на ходу, её голос был мягким, но в нём слышался скрежет ледника. Стоило ей заметить Селену, как та, повинувшись внезапному, чужеродному инстинкту, вытянулась в струнку. Тело само, без участия воли, приняло идеальную приветственную позу, словно кости и мышцы помнили этот ритуал тысячи лет.

Хозяйка — это могла быть только она — остановилась. В её глазах на мгновение вспыхнуло подозрение, острое как бритва. Прежде чем девушка успела сделать вдох, невидимая волна колоссальной силы подбросила её вверх и с глухим ударом пригвоздила к потолку.

— Тебя здесь быть не должно. Как ты тут оказалась? — ледяной вопрос сорвался с губ Женщины, пока её рука, обтянутая белым шёлком, имитировала удушающий захват в воздухе.

Селена почувствовала, как её челюсть задвигалась сама собой. Слова вылетали из горла потоком, чеканным и восторженным, хотя внутри она кричала от ужаса.

— Меня затащило в это пространство, и моё тело изменилось! — затараторила она, и в голосе её звучал фанатичный блеск. — Никто, кроме вас, ведь не может даровать силу надзирателя? Это высшая честь! Мои губы шевелятся сами собой, но знайте: я искренне улыбаюсь вам! Я буду самоотверженно исполнять ваши приказы и поддерживать священный порядок в стенах замка! Благодарю за вашу милость!

Самое страшное было в том, что Селена чувствовала эту искренность. Сладкий яд покорности разливался по венам, вытесняя волю. Она действительно верила в то, что говорила; её разум предавал её, подстраиваясь под новую форму. Хозяйка медленно разжала пальцы и девушка рухнула на пол, грациозно приземлившись на колено.

— Видимо, у меня и правда была причина довериться тебе, — пробормотала Женщина, задумчиво оглядывая свою новую слугу. — Не разочаруй меня.

Она бросила этот короткий приказ, как кость, и, не оборачиваясь, двинулась дальше в сопровождении своей свиты. Селена осталась стоять в пустом коридоре. Её сердце билось в ритме Системы, а на угольно-чёрном лице застыла маска фанатичной преданности, скрывающая глубоко внутри остатки умирающей души. Она получила силу, о которой мечтала, но цена оказалась сокрушительной. Селена стояла в пустом коридоре, и тишина вокруг казалась фальшивой, словно записанный на плёнку шум. Внутри неё что-то скрежетало. Это не было обычным сомнением — это было системное противоречие, конфликт кодов. Она чувствовала структуру Лабиринта каждой клеткой своего нового тела, и интуиция её изнутри кричала: «Ошибка!» Хозяйка... Женщина в фиолетовом платье оставила после себя шлейф из запаха лилий и абсолютной пустоты. Её присутствие ощущалось как дыра в реальности. Она была

здесь, она отдавала приказы, но её существование казалось проекцией, мастерски исполненной иллюзией, за которой не было ничего живого.

Девушка снова подошла к зеркалу, как только коридор опустел. Её отражение выглядело безупречно, но когда Селена попыталась выразить то, что чувствовала на самом деле, маска не дрогнула. Она изо всех сил потянула уголки губ вниз, желая сорвать эту приторную, фанатичную улыбку, но мышцы лица не повиновались. Губы застыли в вежливом изгибе, словно были отлиты из того же мёртвого пластика, что и её фуражка. Улыбка была частью униформы, такой же обязательной как знаки отличия.

В этот момент ледяная догадка прошла её сознание. Всё, что произошло с момента падения с забора, не было цепью случайных событий. Весь её путь — от паники в Секторе «М» до этого внезапного «возвышения» — напоминал идеально выстроенный маршрут. Она знала из рассказов пленных, что статус надзирателя выжигается в душе годами предательств и бесед с Хозяйкой. Но Селена получила его за секунды, просто шагнув в портал. *«У меня нет заслуг перед этой тюрьмой, — пульсировало в голове. — Так почему Лабиринт выплюнул меня здесь в этом обличье?»* Ответ пугал: либо Система допустила критический сбой, приняв её за кого-то другого, либо... кто-то очень могущественный внутри этой клетки вёл её за руку, подготовив это место специально для неё. Она не была игроком — она была фигурой, которую передвинули в дамки, не спросив согласия. Но кто и зачем наделил её властью палача, сохранив при этом разум в ловушке послушного тела?

Селену бесцеремонно выдернул из раздумий другой надзиратель. Парень в тонких очках, чья угольная кожа казалась матовой под светом ламп, не тратил слов на приветствия. Короткий кивок — и он повёл её вглубь коридоров, к тяжёлой герметичной двери, за которой скрывался Командный пункт. Когда створки разошлись, Селена замерла. Перед ней открылось истинное «сердце» Лабиринта. Это была не просто комната, а пульсирующий Центр управления, где реальность распадалась на цифры и частоты. Как и шептали старожилы в пыльных углах Сектора «М», Система оказалась колоссальной нейронной сетью, сплетённой из витков чистой энергии.

В центре зала зависла голографическая паутина. Десятки светящихся сфер, соединённых тонкими лучами, медленно вращались, создавая сложный, гипнотический танец. На этой паутине вдруг вспыхнули яркие точки, разбросанные по разным уровням системы.

— Это твои проекции в других Измерениях, — монотонно произнёс «старший», поправляя очки. Его голос звучал сухо, как отчёт автоматизированной системы. — Ты существуешь одновременно в нескольких слоях Лабиринта, М-4-10:23. Поэтому запомни главное: пересекаться с ними категорически запрещено.

Он увеличил одну из сфер, и Селена увидела схематичное изображение коридоров.

— Прежде чем отправиться в назначенный Сектор, ты обязана убедиться, что он чист от твоих собственных копий. Резонанс уничтожит стабильность метрики. Любое нарушение протокола фиксируется Системой мгновенно. Наказание за неповиновение выносится без права на апелляцию.

Девушка смотрела на светящиеся точки — на саму себя, размноженную в зеркалах времени. Она была надзирателем здесь, но кем она была в соседней сфере? Рабыней? Тенью? Или кем-то ещё более пугающим?

— Я поняла, — ответила она, и её губы снова растянулись в той самой безупречной, чужой улыбке.

Теперь она видела шахматную доску целиком. Она была и фигурой, и тем, кто передвигает её по клеткам Измерений. Но правила этой игры писал кто-то другой, и малейшая ошибка могла привести к тому, что её существование сотрут по щелчку пальцев. Главная загвоздка Системы была одновременно её величайшим триумфом и ахиллесовой пятой: полное отсут-

ствие связи между проекциями. Ты — это ты, но в десяти разных мирах ты — незнакомец самому себе. Девушка прекрасно понимала, что встречи жёстко пресекались не из-за риска пространственного коллапса, а потому, что проекция — это единственный идеальный союзник, которого нельзя подкупить или заставить предать. Система панически боялась единства. Но в этом ледяном расчёте Селена вдруг нащупала трещину. Если правила едины для всех, значит, и другие надзиратели заперты в тех же клетках неведения. *«Что насчёт Хозяйки? — мысль вспыхнула в голове яркой неоновой вспышкой. — Если она — часть Системы, значит, и у неё есть проекции в каждом Измерении? И она так же отрезана от своих копий, как и я?»* Девушка замерла, глядя на мерцающую голограмму. В памяти всплыл их короткий, странный разговор в коридоре: *«Тебя здесь быть не должно... Видимо, у меня была причина довериться тебе».*

Эти слова теперь зазвучали иначе. Хозяйка не знала Селену, но её проекция в другом мире могла заключить с копией девушки сделку, о которой эта версия Женщины даже не догадывалась. Система пожирала информацию сама у себя, создавая слепые зоны размером с целые вселенные. *«Становится всё интереснее»*, — подумала Селена, и на этот раз её губы не просто подчинились приказу формы — она улыбнулась искренне, хищно и холодно. Если Хозяйка не помнит, что делали её копии в соседних Секторах, значит, Лабиринтом можно манипулировать, играя на разрывах в памяти его правителей. Селена больше не чувствовала себя жертвой обстоятельств. Она начала видеть в этой гигантской энергетической паутине не тюрьму, а музыкальный инструмент, на котором можно сыграть симфонию разрушения. Главное — найти ту самую проекцию Хозяйки, которая уже совершила ошибку.

Картина складывалась сама собой, пугающая в своей математической точности. Причина, по которой девушка столь стремительно взлетела по иерархической лестнице, была проста и гениальна: это сделала она сама. Другая Селена, из иного Измерения и времени, уже разыграла эту карту, подготовив почву для своей копии. Теперь у неё не оставалось выбора. Единственный путь к свободе лежал через полное доверие плану, который составила она сама, не имея возможности его обсудить. Это был прыжок веры в пустоту собственного разума.

— Нужно играть эту роль безупречно, — прошептала она, глядя на свои чёрные ладони в тишине каюты.

Чтобы выжить и дожидаться момента, когда шестерёнки Измерений снова сойдутся в нужной точке, ей придётся стать идеальным надзирателем. Стать тем, кого она ненавидела всем сердцем. И это было самой мучительной частью сделки. По своей природе Селена была соткана из света; несправедливость жгла её, а насилие вызывало физическую тошноту. Теперь же она была живым воплощением этой жестокости. Ей предстояло смотреть в глаза таким же испуганным «новичкам», каким она была ещё недавно, и не протягивать руки помощи. Ей нужно было чеканить шаг, отдавать приказы и, возможно, карать, чтобы Система не заподозрила в ней «ошибки».

Каждый раз, когда она будет проходить мимо пленных, ей придётся надевать маску ледяного безразличия, пряча крик сочувствия глубоко внутри, под слоями чёрного мундира. Она собиралась стать лицом тюрьмы, чтобы разрушить её стены. Но сколько человеческого останется в ней к тому моменту, когда откроется следующий портал? Этот вопрос не давал ей покоя. Теперь она была хищником, затаившимся в самом сердце стаи, и её главной задачей было не забыть, что под этой чёрной формой всё ещё бьётся сердце человека, мечтающего о ветре и настоящем, не нарисованном солнце.

Будни девушки в роли надзирателя превратились в методичный, холодный кошмар, где каждый час был пропитан запахом озона и чужого страдания. К ней прикрепили наставника — того самого парня в очках, которого звали К-1-00:01. Он был воплощением стерильной

жестокости: его движения были расчётливы, а голос лишён даже намёка на человеческую интонацию. Селена ходила за ним по пятам, словно тень, впитывая новые, извращённые правила этого мира.

— Наблюдай, М-4-10:23, — чеканил «старший», шагая по гулким коридорам Сектора «N». — Твоя задача — не просто карать. Твоя задача — поддерживать идеальный уровень энтропии. Если пленный надеется — он бесполезен. Если он мёртв — он бесполезен. Он должен находиться в состоянии вечного, тлеющего отчаяния. Это — высший пилотаж нашего ремесла.

Они вошли в зал «Сбора эха». Селена увидела группу узников, стоявших на коленях на ледяном полу. Они должны были записывать звуки из вентиляции, но один из них — истощённый старик — выронил грифель. Его пальцы, скрюченные от холода, не слушались. К-1-00:01 остановился. Воздух вокруг него мгновенно сгустился.

— Сбой ритма, — констатировал он.

Не говоря ни слова, он подошёл к старику и наступил своей тяжёлой, идеально вычищенной подошвой на его ладонь. Селена услышала отчётливый хруст костей. Старик не закричал — у него не осталось сил на крик, он лишь издал сухой, хриплый всхлип, похожий на треск ломающихся веток.

— Подними, — приказал надзиратель, не убирая ноги. — Силой мысли, если руки не работают. Покажи мне свою волю, червь.

Селена стояла в двух шагах. Внутри неё всё кричало, сердце рвалось из грудной клетки, требуя оттолкнуть наставника, помочь несчастному. Но её тело, скованное угольно-чёрной формой, оставалось неподвижным. Лицо, запертое в маске надзирателя, сохраняло выражение ледяного превосходства. Она видела страх в глазах других пленных — тот самый страх, который она сама чувствовала совсем недавно. Теперь они смотрели на неё как на демона, как на бездушную деталь механизма.

Позже она стала свидетелем «Процедуры коррекции». Молодую девушку, пойманную на попытке заговорить с собственной проекцией через зеркало, привязали к дыбе из пульсирующей проволоки. Надзиратели медленно пропускали через неё разряды «ментального шума». Пленница билась в конвульсиях, её сознание буквально выжигалось, превращаясь в серый пепел.

— Смотри внимательно, — шептал К-1-00:01 Селене на ухо. — Видишь, как меняется её зрачок? Это уходит личность. Скоро она станет идеальным тружеником. Разве это не милосердие — избавить её от груза памяти?

М-4 смотрела. Она заставляла себя фиксировать каждую деталь: как дрожат руки палачей, как искрит энергия, как другие надзиратели изредка мелькающие в конце коридора, довольно поправляют свои белые перчатки.

Вечерами, возвращаясь в свою стерильную каюту, Селена подходила к зеркалу, которому не было веры, и долго смотрела на свои чёрные руки. Она впитывала правила, чтобы знать, где в них брешь. Она изучала маршруты обходов, чтобы вычислить «слепые пятна». Каждый хруст костей, каждый стон узника она записывала в свою внутреннюю память как долг, который Лабиринт обязан будет вернуть с процентами. Она становилась идеальным надзирателем. Холодным. Беспощадным. Профессиональным. Но под этим слоем чёрного угля её истинное «Я» ковало клинок из накопленной ярости, ожидая момента, когда наставник совершит хотя бы одну, малейшую ошибку.

Они шагали по бесконечному коридору Сектора «N», где свет ламп был холодным и режущим, как скальпель. Звук их синхронных шагов — тяжёлый, выверенный — чеканил ритм

самой Системы. К-1 шёл впереди, его спина казалась отлитой из чугуна, а пальцы в белых перчатках привычно сцеплены за спиной.

— Как давно вы тут, Наставник? — осторожно спросила Селена, стараясь, чтобы её голос звучал почтительно, но с должной долей энтузиазма. — Я всё ещё не понимаю, как именно строится Система, учитывая временные сдвиги. По моим ощущениям, я здесь почти месяц, но увидев структуру изнутри, я уже сомневаюсь в этом. Время здесь... оно словно течёт в разные стороны одновременно.

Парень даже не повернул головы. Он остановился у распределительного щита, проверяя состояние энергетических узлов Сектора. Его движения были скупыми и точными.

— Ты слишком любопытная, М-4-10:23, — сухо отозвался тот. Голос его был лишён обертонов, он вибрировал на одной низкой частоте как работающий трансформатор. — Любопытство в Лабиринте — это избыточный шум. Он мешает чистоте восприятия протокола.

— Но ведь чем лучше я буду понимать механику сдвигов, тем больше смогу сделать для этого места, разве нет? — Селена зашла чуть вперёд, заглядывая ему в лицо, скрытое за бликами очков. Она играла роль фанатичного неофита, жаждущего служения. — Когда мне дадут первое самостоятельное задание?

Парень наконец перевёл на неё взгляд. Его изумрудные глаза за стёклами очков были абсолютно мёртвыми. В его речах не было и тени той искры, которую Селена так старательно имитировала. Он не верил в «миссию», он не любил Хозяйку — он просто был частью этой архитектуры, такой же функциональной и бездушной как стены вокруг них.

— Когда я посчитаю, что ты готова идти дальше, — отрезал он. — Пока что ты — лишь необработанный материал, который Система пытается адаптировать. Самостоятельность — это риск коллапса. Твоя задача сейчас не понимать, а подчиняться.

Он захлопнул крышку щита с резким металлическим лязгом, который эхом разнёсся по пустому коридору. В этом звуке Селена услышала приговор: К-1 не был учителем, он был надсмотрщиком над надсмотрщиком. Его прагматизм был абсолютным, а холод — непроницаемым. Идеальный сотрудник, в чьём сознании не осталось места для вопросов «зачем» и «почему». Для него существовало только «есть» и «выполнено». Они двинулись дальше, и девушка поняла: разговорить его будет сложнее, чем взломать код самого Лабиринта. Но именно в этой его «запрограммированности» она надеялась найти логическую брешь. Ведь любая программа, даже самая совершенная, даёт сбой, если в неё ввести данные, не предусмотренные алгоритмом.

Селена на мгновение замедлила шаг, позволив плечам чуть поникнуть. В этом жесте было ровно столько искренности, чтобы Очкарик не заподозрил симуляцию, но достаточно фальши, чтобы соответствовать её новой маске.

— Просто я чувствую, что могу сделать нечто большее, чем просто следить за тенями в обноских, — в её голосе прозвучала тщательно выверенная, горькая грусть. — У меня богатый арсенал... Я чувствую силу, опыт, который будто вшит в мои кости. Я талантливее большинства надзирателей, которых я видела в общих залах, но вынуждена торчать здесь, в этих удушливых, узких коридорах, пересчитывая грифели.

К-1 остановился и медленно повернул голову. Его взгляд, скрытый за бликами очков, задержался на её лице, застывшем в выражении глубокого разочарования. Казалось, он сканирует её на наличие программных ошибок или скрытых амбиций.

— Я не знаю, почему тебя назначили именно мне, — спокойно, без тени сочувствия ответил он. — В Системе нет случайных связей, есть только функциональные цепочки.

Он сделал шаг к ней, и его тень, неестественно длинная и резкая, накрыла Селену целиком.

— Возможно, кто-то из Высших считает, что твой энтузиазм — это нестабильный элемент. Что его нужно слегка придержать, остудить в этой тишине, прежде чем позволить тебе коснуться рычагов управления.

В его голосе не было издёвки, только сухая констатация фактов. Он смотрел на неё, как на сложный прибор, который работает на слишком высоких оборотах и рискует сломаться.

— Талант в Лабиринте — это не преимущество, М-4-10:23, — добавил он, возвращаясь к своему размеренному шагу. — Это переменная, которую нужно привести к общему знаменателю. Если ты действительно так хороша, как думаешь, ты научишься ждать. Терпение — тоже часть протокола.

Селена последовала за ним, глядя в его безупречно ровную спину. Его прагматизм был непробиваемым щитом, но его слова подтвердили её догадку: её появление здесь, в паре с этим «идеальным сотрудником», было чьим-то осознанным решением. Её не просто учили — её пытались «откалибровать», стереть ту самую искру, которая делала её опасной. Она поняла: чтобы получить свободу действий, ей нужно показать К-1 то, что он хочет увидеть — полное, серое, безжизненное подчинение. Она должна стать такой же скучной, как и он сам.

Если жизнь пленных в Лабиринте была сужена до размеров одной клетки и серой рутины их Сектора, то бытие надзирателей напоминало бесконечный, лихорадочный танец между слоями реальности. Постоянные переходы, мерцание порталов и смена декораций — такова была цена власти в этом месте. Каждый такой прыжок служил Селене негласным подтверждением: в целевой локации её «копии» нет. Она быстро усвоила архитектурную хитрость Системы: двойники не были расставлены в каждом узле времени, как часовые. Существовало множество «пустых» зон, куда девушка могла перемещаться без риска резонанса, если не брать в расчёт вечную, холодную тень Очкарика за спиной.

Во время одного из таких переходов, когда пространство вокруг них свернулось в тугую спираль, Селену пронзила неожиданная мысль. Заключённые в Секторах видели надзирателей каждый день. Они могли видеть её лицо десятки раз, но это всегда могла быть другая она. Другая версия М-4, с другим опытом, другой степенью жестокости или отчаяния. А они, затравленные и измученные, даже не поняли бы подмены. Для них надзиратель был просто функцией, чёрным пятном на фоне серых стен. Но настоящая загадка крылась в тех Секторах, где её индикаторы на голографической карте горели ровным светом. Там, за барьерами, которые ей запрещено пересекать, текла её собственная, иная жизнь. *«Кто я там? — думала Селена, чеканя шаг вслед за наставником. — В какой-то сфере я могу всё ещё сидеть на грязном полу, подставляя рёбра под удары сапог. В другой — я, возможно, добилась высот, о которых здесь только мечтают...»*

Эта мысль отозвалась в сердце холодной тревогой. Какой ценой её копии покупали своё выживание? Лабиринт не давал ничего даром. Если где-то там существовала «успешная» Селена, значит, она могла сломаться. Могла впустить в себя Систему глубже, чем позволяла себе эта, нынешняя версия. Мысль о том, что одна из её проекций могла окончательно поддаться чарам Хозяйки и стать истинным, преданным палачом, пугала её больше, чем пыточные камеры. Она смотрела на безупречную спину К-1 и задавалась вопросом: а не является ли он сам чьей-то сломленной копией, которая когда-то тоже мечтала о свободе, но проиграла в этой математически точной войне с самим собой? Каждый Переход теперь казался ей не просто перемещением, а азартной игрой, где ставкой была её собственная душа, размноженная в бесконечных коридорах Лабиринта.

Дни тянулись по спирали, и каждый новый виток приносил Селене крупинцы запретных знаний. Она превратилась в молчаливого коллекционера: собирала ошибки пленных, как драгоценные камни, впитывала их горький опыт и училась на чужих провалах, чтобы не допустить

своего. *«Зеркала — это ловушка, — рассуждала она, чеканя шаг по гулкому пластику пола. — Стоит попытаться нащупать связь с двойником через отражение, и Система тут же зафиксирует несанкционированный резонанс. Использовать порталы по своей воле? Слишком самонадеянно. Внутренний Надзор вычислит «чужую» ментальную сигнатуру быстрее, чем я успею осознать Переход».*

Селена лихорадочно перебирала в уме свои способности, пытаясь адаптировать их к правилам этого стерильного ада. Она помнила свой первый день — то беспощадное давление, с которым Лабиринт раздавил её попытку взлететь. Действовать напролом было самоубийством. Она начала понимать истинную суть этого места. Лабиринт был рыболовной сетью для Архитекторов — людей, чьи ментальные способности вышли за пределы человеческой нормы. Система вылавливала их, запирала в своих недрах и переплавляла самых изощрённых в менторов и надзирателей. Она делала их своими цепными псами, заставляя удерживать структуру реальности силой собственной воли.

— Но что происходит с телами пленных в реальном мире? — спросила она К-1, когда они проходили мимо ряда капсул в техническом коридоре. — Если их души заперты здесь...

«Наши души...» — болезненно отозвалось в её собственном сознании.

— Всё зависит от степени привязанности и пройденного времени, — ответил наставник будничным тоном, словно речь шла о технических характеристиках кабеля. — Большинство из них уже давно физически мертвы в своих реальностях. Когда тело там изнашивается, Система просто перезапускает их код, чтобы цикл продолжал функционировать.

Селена замерла на долю секунды, едва не сбившись с ритма шага. *«Откатывает в исходную точку?»* — мысль обожгла её ледяным холодом. — *Значит, смерть в Лабиринте — это не конец, а просто кнопка «сброс»?»* Это объясняло всё: и её внезапное появление в форме надзирателя, и странное чувство дежавю, и ту уверенность, с которой её приняла Хозяйка. Выходит, что это действительно не первое её появление здесь. Она могла проживать эти месяцы многократно, каждый раз пытаясь выбраться и каждый раз проигрывая, возвращаясь в начало петли с затёртой памятью.

Если Лабиринт питается энергией Архитекторов, то лучший способ держать их в узде — заставить верить, что они прогрессируют, пока на самом деле просто бегают в колесе. Но если она — М-4-10:23 — смогла сохранить эту искру сознания сейчас, значит, прошлая «она» нашла способ передать это знание через обнуление. Она была не просто в тюрьме. Она была внутри грандиозного компьютерного сбоя, который, возможно, сама же и спровоцировала.

В сознании Селены, словно вспышка магии, возник образ того единственного высшего надзирателя, которого она встретила в день своего «перерождения». Его лицо — живое, пугающе человеческое, лишённое этой мертвенной угольной корки. Его рубиновые глаза, смотревшие не на неё, а сквозь саму структуру реальности.

— А что нужно сделать, чтобы стать Высшим? — спросила она негромко, будто обращаясь к пустоте коридора, но её голос эхом отразился от гладких стен.

Очкарик неожиданно замедлил шаг. Девушка услышала странный звук — сухой, короткий смешок, похожий на шелест ломающегося льда. Она обернулась и замерла: на лице наставника проступило некое подобие усмешки. Это была первая трещина в его идеальном прагматичном фасаде.

— Твои амбиции и впрямь не знают границ, М-4-10:23, — произнёс он, и в его тоне впервые проскользнула некая человеческая интонация, похожая на горькую иронию. — Это самая большая загадка Системы.

— Никто не знает? — Селена остановилась, не веря собственным ушам. В месте, где каждый вдох регламентирован, а каждое движение просчитано алгоритмом, существование загадки казалось невозможным системным сбоем.

— У каждого Высшего есть своя уникальная история, — К-1 снова стал серьёзным, его взгляд за стёклами очков стал непроницаемым. — Большинство этих историй, конечно же, — ложь, сконструированная для поддержания мифа о социальном лифте Лабиринта. На деле же критерии отбора никогда не совпадают. Система сама выдёргивает претендента из общего строя, когда её внутренние весы качнутся в нужную сторону.

Девушка почувствовала, как по спине пробежал холодок. Если Высшие не проходят через стандартную муштру и выслугу лет, значит, их возвышение — это не награда за верность. Это функциональная необходимость.

— Выходит, это не вопрос заслуг? — настойчиво продолжала она.

— Это вопрос резонанса, — отрезал парень, возобновляя движение. — Чтобы стать Высшим, нужно либо полностью синхронизироваться с волей Хозяйки, либо... стать настолько серьёзной угрозой для стабильности Лабиринта, что Системе будет проще поглотить тебя, сделав частью своего управляющего ядра, чем пытаться стереть.

«Стать угрозой», — эхом отозвалось в мыслях Селены. Она вспомнила рубиновые глаза того мужчины. В них не было преданности. В них была бесконечная, выжженная ярость, которую Система просто накрыла золотыми погонами, чтобы не дать ей взорваться. Теперь она точно знала: её «архитектурный» талант — это не просто инструмент для работы. Это её билет в высшие эшелоны власти, где правила подчиняются воле, а не протоколу. Ей не нужно было выслуживаться. Ей нужно было стать настолько опасной «ошибкой», чтобы Лабиринт пал перед ней на колени, пытаясь задобрить правом обладания собственной душой.

«Но как стать ошибкой, которую невозможно удалить?» — этот вопрос пульсировал в голове девушки в такт её шагам. Чтобы система не просто перезапустила цикл, стёрла твоё «Я» и выплюнула новую, послушную копию, нужно было совершить нечто запредельное. Нечто, что прошьёт все Измерения разом, создав неустрашимый баг в самом коде Лабиринта. Ошибка должна была стать фундаментом, без которого всё здание рухнет. Но цена провала была абсолютной. Один неверный жест — и текущая Селена исчезнет, а её место займёт другая версия, которая начнёт свою историю с чистого листа, даже не подозревая о принесённой жертве.

Размышления прервал резкий, надрывный крик, эхом ударивший в своды коридора. Селена и К-1 синхронно прибавили шаг. Вылетев из-за поворота, девушка резко затормозила. Сердце пропустило удар, а в висках застучало. Посреди коридора, окружённый кольцом испуганных пленных, бесновался человек. Его лицо было ей мучительно знакомо — та же линия челюсти, тот же хищный разворот плеч. Это был он. Тот самый надзиратель, который в её первый день в Лабиринте вцепился девушке в волосы и назвал «свежим мясом». Но сейчас, в этом Узле времени, он был рабом. На нём висели грязные лохмотья, лицо было покрыто пылью, а в глазах вместо презрения горело безумие загнанного зверя. Он что-то яростно выкрикивал, размахивая руками, пытаясь пробудить в тенях вокруг хоть каплю воли.

— Останови его, — сухо скомандовал К-1. Его изумрудные глаза превратились в узкие щели, он внимательно, почти с исследовательским интересом, наблюдал за реакцией своей ученицы.

Селена почувствовала, как внутри неё что-то с треском лопнуло. Это была не жалость — это была дикая, первобытная ирония судьбы. На её лице, вопреки внутреннему содроганию, сама собой расцвела та самая жуткая, «уставная» улыбка. Пространство будто сжалось. Девушка не помнила, как сделала шаг, но в следующее мгновение она уже была перед ним. Вся её накопленная ярость, весь страх и боль первых дней выплеснулись в одном движении. Резким ударом ноги она впечатала бунтаря в стену. Звук был глухим и сочным. Парень сполз по поверхности, хватая ртом воздух, его озлобленный, дикий взгляд метался по её идеальной чёрной форме не в силах осознать масштаб своего унижения.

Селена шагнула к нему, её движения были плавными и опасными, как у кобры. Она резко, до хруста в шее, закинула его голову назад, вцепившись в волосы — точно так же, как он

сделал это с ней в той, другой жизни. На его оголённом, костлявом предплечье тускло мерцал серийный номер.

— Что такое, N-2-11:05? — прошептала она ему в самое ухо, и её голос был сладостным ядом. Дикая улыбка не сходила с её лица, превращаясь в маску истинного безумия. — Захотел поиграть в героя? Решил, что правила Сектора на тебя не распространяются?

Она чувствовала, как его дрожь передаётся её руке. В этом моменте была высшая справедливость Лабиринта: палач и жертва поменялись местами в бесконечном танце проекций. И Селена наслаждалась этой ролью. Внутри неё, словно прорванная плотина, бушевала тёмная, ядовитая злость. Трудно было разобрать, что именно питало это пламя: то ли вкрадчивые чары Хозяйки, пропитавшие саму форму надзирателя, то ли застарелая обида за собственное унижение в начале цикла. Что-то чёрное, липкое и первобытное сочилось из самой её сути, диктуя движения.

Она не просто умирjala бунтаря — она вымещала на нём всю несправедливость Лабиринта. Селена нанесла несколько тяжёлых, методичных ударов сапогом, вкладывая в каждый из них холодную ярость. Парень хрипел, его тело содрогалось от боли, пока наконец он не обмяк, перестав сопротивляться и лишь изредка дёргаясь, как раздавленное насекомое. Тяжело дыша, девушка выпрямилась. Она медленно обернулась к наставнику. Её лицо, освещённое мертвенным светом ламп, сияло безупречной, хищной улыбкой. В глазах плескалось торжество палача.

— Бросим его в карцер? — спросила она, и её голос прозвучал как щелчок хлыста.

K-1 коротко и сухо кивнул. В его взгляде промелькнуло нечто похожее на удовлетворение — его ученица наконец-то заговорила на языке Системы. Не дожидаясь помощи, Селена мёртвой хваткой вцепилась в шиворот N-2. Она рванула его на себя и потащила по полу, как мешок с костями. Ноги парня безвольно бились о выступы, а за ними тянулся длинный, рваный кровавый след. Прямо в стене, повинаясь воле надзирателей, разверзся портал — зев абсолютной тьмы, ведущий в нижние уровни изоляции. Селена, не оборачиваясь, шагнула вперёд, увлекая за собой свою добычу. Они скрылись в холодном ничто, оставив за спиной группу рабов, застывших в немом ужасе. Для них в этот миг не было существа страшнее, чем эта девушка с медными погонами и душой, покрытой угольной коркой. Она не просто исполнила приказ — она показала им, что в Лабиринте даже ангел может стать самым беспощадным из демонов.

Тяжёлая гермодверь карцера захлопнулась с глухим, окончательным звоном. Внутри воцарилась такая плотная, вакуумная тишина, что в ней слышалось, как пульсирует кровь в венах и сжимаются от спазма внутренние органы. Селена отступила на шаг, поправляя перчатки. Очкарик стоял в нескольких метрах, прислонившись к холодной стене. Его изумрудные глаза, обычно холодные и расчётливые, сейчас напоминали объективы высокоточного сканера. Он наблюдал. Для него эта сцена была чем-то большим, чем просто подавление бунта. Он видел сотни трансформаций, но случай M-4 выбивался из статистики. В системе существовало негласное правило «Зеркального Возмездия»: жертвы часто становились палачами тех, кто мучил их в начале циклов. Лабиринт кормился этой иронией, заставляя узников бесконечно мстить самим себе в разных обликах. *«Она не просто ударила его, — размышлял парень, фиксируя расширенные зрачки Селены. — Она ударила собственное прошлое. В её движениях не было механического исполнения протокола. Там была личная, выдержанная как яд ненависть».*

Он понимал то, чего девушка ещё не осознавала до конца. Величайшая ловушка Системы заключалась в анонимности этой жестокости. N-2 никогда не узнает, что его избил та самая девчонка, которой он когда-то вырывал волосы. И Селена никогда не получит сатисфакции, потому что этот изломанный раб — не тот надзиратель из её первого дня. Это бесконечный бег по кругу, где каждый удар возвращается к тому, кто его нанёс, спустя сотни сдвигов. *«Она быстро впитывает тьму, — отметил про себя наставник. — Слишком быстро. Обычно у Архитекторов уходит больше времени на то, чтобы перестать соперничать мясу».*

К-1 слегка поправил очки. Его беспокоило не то, что она проявила жестокость — это приветствовалось. Его тревожило то, что за этой жестокостью стоял разум, который всё ещё задаёт вопросы. Слишком эффективный палач всегда становится угрозой для самой Хозяйки, потому что однажды он может решить, что Система работает недостаточно жёстко.

— Пошли, — сухо бросил он, прерывая затянувшуюся паузу. — Ты оставила кровавый след в общественном коридоре. Это неэстетично. В следующий раз бей так, чтобы не осталось и пылинки.

— А по мне, так, захватывающе, — улыбнулась она, легко догнав его и выравнив шаг. — Оттирая его кровь с пола, остальные будут меньше думать о его воодушевляющих словах и гораздо больше — о неизбежности наказания. Страх впитывается в кости лучше, чем любые изречения.

Эти слова заставили Очкарика слегка усмехнуться. Уголки его тонких губ дрогнули, обнажая бездну между их подходами: его стерильный прагматизм столкнулся с её артистичной, почти театральной жестокостью. Он не мог не признать — она прогрессировала пугающе быстро, словно её личность не ломалась, а просто сбрасывала старую кожу, обнажая хищное нутро.

— Как ты стала надзирателем? — вдруг спросил он шёпотом, почти не разжимая губ. Вопрос повис в холодном воздухе, как электрический разряд. Парень тут же осёкся, поправив очки резким, нервным жестом. Он сам от себя не ожидал такой слабости — проявления личного интереса.

— Ого! — Селена замедлила шаг, одарив его лукавой, острой улыбкой. — Вы наконец начали задавать вопросы, Наставник. Лёд тронулся?

— Забудь! — отмахнулся он, ускоряясь.

Но эта мимолётная заминка заставила Селену прищуриться. Она видела, как в его голове что-то щёлкнуло, какой-то старый предохранитель не выдержал её напора. В этом монолите программного кода появилась первая, едва заметная трещина.

— Я отвечу, если и вы расскажете, — она снова поравнялась с ним, заглядывая в боковое стекло его очков. — Знаете, вы совсем не похожи на прирождённого мучителя. Слишком отстранённо всё выполняете. В вас нет страсти, только сухой алгоритм. Словно вы делаете одолжение этой Системе, а не служите ей.

Девушка внимательно следила за его реакцией, продолжая размышлять вслух, пробуя почву.

— Делиться историями ведь не запрещено протоколом... — протянула она. — Поэтому мне всегда было интересно: что вы сделали, чтобы получить эту должность? Кого-то предали? Или, может быть, кого-то спасли ценой собственной воли?

К-1 молчал, но Селена видела, как сжались костяшки его пальцев, сцепленных за спиной. Она попала в цель. За его «идеальностью» скрывалась история, которую Система не смогла стереть до конца, и теперь этот призрак прошлого смотрел на неё его глазами, полными скрытой, вековой боли.

— Не заставляй меня повторять дважды, — отрезал он, и его голос снова стал плоским как лист стали. — Здесь нет места причинам и оправданиям. Есть только Система, которая требует абсолютной самоотверженности и стабильности. Не важно, кем мы были и почему оказались здесь. Важно лишь то, что мы готовы предложить Лабиринту сейчас.

Его слова прозвучали глубоко, с каким-то глухим рокотом подавленной воли, и в то же время пугающе отстранённо. Словно он зачитывал эпитафию самому себе. Селена не стала спорить. Она лишь молча кивнула, глядя на отражение их чёрных фигур в редких зеркалах коридора. Он был прав в своей жестокой логике: прошлое в этом месте было балластом, который тянул на дно. Лабиринту было плевать на их трагедии; он питался их нынешними действиями, их выбором и их готовностью ломать других, чтобы не быть сломленными самим. Важно

было лишь то, как она сыграет свою роль в этом цикле. Каждое её движение, каждый удар и каждая холодная улыбка теперь были вкладом в её собственный, тайный счёт. Она приняла правила Очкарика, но лишь для того, чтобы однажды использовать их против него.

Они продолжали идти в унисон, два безупречных тёмных силуэта в бесконечной анфиладе коридоров. Селена чувствовала, как за маской надзирателя её истинное «Я» становится всё более расчётливым и тихим. Она училась у лучшего — училась быть пустотой, которую Система принимает за свою. Но за этой пустотой уже начал прорастать план, масштабы которого выходили далеко за пределы Сектора «М». Она предложит Системе не только свою стабильность, но и крах. Когда придёт время.

Неделя за неделей Лабиринт перемалывал Селену, подставляя её под разные грани своего безумия. Чтобы «калибровка» была полной, Высшая её нового дома, Сектора «N», назначила ей наставников из разных Измерений. Если К-1 был холодным хирургом системы, то остальные напоминали стихийные бедствия, запертые в чёрные мундиры.

Наставник V-2-05:12 (Тихоня) в «N-7»

Эта женщина почти не говорила. Её специализацией была «стерильность смыслов». Селена целыми днями ходила за ней, выполняя приказы, которые казались абсурдными: протирать невидимую пыль с зеркал, или часами выравнивать тени на полу, чтобы они падали под идеально прямым углом.

— Порядок в малом — залог покорности в великом, — шептала V-2.

Если девушка допускала ошибку, её заставляли слизывать пыль с пола языком перед строем пленных. Это была пытка скукой и унижением, стирающая индивидуальность медленнее, но надёжнее, чем удары.

Наставник C-9-19:40 (Архивариус) в «N-9»

Здесь Селена столкнулась с интеллектуальной жестокостью. C-9 заставлял её копаться в ментальных логах — записях предсмертных мыслей тех, кого обнулили. Девушка должна была сортировать их по категориям: «страх», «надежда», «гнев».

— Смотри, как смешно они цепляются за имена своих детей, — усмехался Архивариус, заставляя Селену зачитывать вслух самые болезненные отрывки перед залом, полным рабов.

— Читай громче, M-4. Пусть они знают, что их память — это всего лишь мусор в наших архивах.

Ей приходилось смотреть, как люди плачут, узнавая в этих логах голоса своих близких, и сохранять при этом каменное лицо.

Наставник X-1-00:00 (Мясник) в «N-5»

Это был предел. X-1 не признавал теорий. Его будни состояли из прямой, грубой вивисекции воли. Селене приказывали лично накладывать клейма на новоприбывших или использовать звуковые хлысты на тех, кто замедлял шаг в коридорах. Однажды он вложил ей в руку раскалённый стержень и указал на ребёнка, сжавшегося в углу:

— Система не знает возраста. Она знает только вес. Этот субъект весит слишком мало, чтобы быть полезным. Сделай его полезным через боль.

Селена чувствовала, как внутри неё что-то умирает, когда она выполняла этот приказ. Её движения стали автоматическими, взгляд — остекленевшим. К концу этого марафона наставников девушка превратилась в идеальный многогранный инструмент. Она научилась имитировать любую эмоцию: от фанатичного восторга до ледяного презрения. Она поняла, что Лабиринт — это не здание, а живой организм, который дышит через страдания. Глубоко внутри, за слоями навязанной жестокости, она создала «сейф», где хранила память о своём доме и о том,

как пахнет ветер. Она прожила систему изнутри, став её самой эффективной деталью. Теперь, когда она знала методы каждого типа надзирателей, от «чистильщиков» до «палачей», она была готова к главному — найти брешь в этой безупречной машине, прежде чем сама окончательно превратится в чёрную пыль, которую так старательно вытирала со стен.

Хозяйка медленно проплыла вдоль шеренги, и звук её каблучков по металлическому полу отбивал такт, похожий на удары метронома в пустой камере пыток. Остановившись прямо перед Селеной, она замерла. В воздухе мгновенно разлился удушливый аромат лилий, от которого у пленных обычно темнело в глазах.

— Неплохо... — протянула она, и её взгляд, острый как хирургическая игла, скользнул от козырька фуражки Селены до носков её идеально начищенных сапог.

Девушка стояла, вытянувшись в струнку. Рядом застыли её наставники. Все они были предельно собраны, превратившись в безжизненные изваяния из угольного камня.

Помощник Хозяйки, бледная тень в сером, подал ей тонкий планшет. Женщина принялась лениво пролистывать отчёты. В этих файлах была задокументирована каждая минута жизни Селены за последний квартал: количество нанесённых ударов, чистота протёртых зеркал, точность классификации ментальных логов. Отзывы были пёстрыми и противоречивыми — от «излишне артистична» до «пугающе эффективна», — но в одном все наставники сходились: эта единица проходит адаптацию слишком быстро. Неестественно быстро.

— Тебя можно ставить в пример... — вдруг расхохоталась Хозяйка, поглядывая на Высшую Сектора «N», что молча стояла неподалёку. Смех её был звонким, но в нём слышался лязг цепей. Она обернулась к остальным надзирателям, чьи лица под фуражками потемнели ещё сильнее. — Посмотрите на неё. Обаятельная, исполнительная и невероятно талантливая. Пожалуй, перед нами идеальный кандидат в Высшие.

Слова упали в тишину зала как раскалённые угли. Селена почувствовала, как по спине пробежал ледяной пот. Она поняла манёвр Хозяйки мгновенно: это было не поощрение, а смертный приговор. Назвать новичка кандидатом в элиту перед ветеранами, которые десятилетиями выгрызали своё право на каплю власти, значило превратить её в мишень для каждого, кто стоял в этом строю. Ярость и зависть присутствующих завибрировали в воздухе почти физически. Девушка чувствовала, как десятки взглядов впиваются в неё, обещая скорую и мучительную расправу выскочке. Внутри неё всё кричало от осознания этой ловушки, но тело, вышколенное месяцами муштры, сработало автономно. Маска надзирателя на лице не дрогнула, а губы, не дожидаясь команды разума, растянулись в фанатичной, преданной улыбке.

— Я вас не подведу, Госпожа! — чеканно выкрикнула она, и в её голосе зазвенел искренний, болезненный восторг. — Сделаю всё, что прикажете!

Хозяйка удовлетворённо прищурилась, поправляя белую перчатку. Она знала, что теперь девушке придётся быть в десять раз жёстче и в сто раз бдительнее, чтобы просто дожить до следующего цикла. Игра вышла на новый уровень: теперь враги Селены носили ту же чёрную форму, что и она сама.

Как только Хозяйка и Высшая со свитой вышли за дверь, тяжёлое море аромата лилий начало рассеиваться, но его место тут же занял едкий, почти осязаемый озон коллективной ненависти. Десятки надзирателей замерли, их фигуры в чёрном казались изваяниями, в которых едва сдерживался механизм расправы.

— Лучше бы она меня отругала... — выдохнула Селена, чувствуя, как невидимые тиски на её горле чуть ослабли, но тут же тяжёлая, кованая рука Мясника обрушилась ей на плечо, едва не вбив в пол.

— Вот теперь ты попала, М-4! — его хохот прогремел по коридору, лишённый всякого сочувствия. Он кивнул в сторону замерших в тени коллег. — Эти пираньи теперь тебе прохода не дадут, мечтая увидеть, как твои погоны смешают с грязью.

— Сама виновата... — бесцветно, как шелест сухой травы, подала голос Тихоня. — Если бы не лезла вперёд, если бы не выставляла свой «талант» напоказ, могла бы тихо гнить в своей каморке веками.

— О, я обязательно сохраню запись этой сцены, — Архивариус поправил манжеты, и в его глазах блеснуло извращённое любопытство. — Буду прокручивать её в архивах... когда твой цикл обнулится. Это будет изысканный финал.

И только Очкарик — не проронил ни слова. Он стоял чуть поодаль, сложив руки за спиной, и его очки отражали стерильный свет ламп, скрывая взгляд. Его мысли в этот момент были холоднее самой бездны. *«Она не просто натравила их на девчонку... Если М-4 выживет в этой банке с пауками, значит, её резонанс с Системой действительно глубже, чем мы думали. И чтобы проверить это, она превратила каждый коридор для неё в зону боевых действий. В таком случае, девчонка либо станет самым кровавым надзирателем в истории Сектора «М», чтобы доказать своё право на жизнь, либо её сожрут до следующего обхода...»*. К-1 едва заметно поправил дужку очков. В его расчётливом уме уже созрел протокол действий на случай, если «идеальная ученица» решит нанести ответный удар не по своим коллегам, а по самой Женщине в фиолетовом платье.

Будни Селены превратились в прогулку по минному полю, замаскированному под стерильные коридоры Лабиринта. Признание Хозяйки стало её нимбом и её же мишенью. Теперь каждый шаг сопровождался не тишиной, а плотным, вибрирующим шёпотом, который обрывался, стоило ей повернуть голову. Косые взгляды преследовали её повсюду. В столовой для надзирателей, где раньше царила равнодушная тишина, теперь воцарялось напряжение, которое можно было резать ножом. Стоило ей сесть за стол, как сидевшие рядом синхронно поднимались и уходили, оставляя её в круге ледяного отчуждения. Это не было случайностью — это была организованная депортация из их касты.

Открыто конфликтовать никто не смел — страх перед наказанием за драку в строю был сильнее ненависти. Но «хищники» в чёрных мундирах были мастерами непрямого воздействия. Однажды, возвращаясь в свою каюту, Селена приложила идентификатор к замку, но вместо двери перед ней открылся технический люк, ведущий в коллектор с «ментальными отходами». Кто-то из навигаторского состава подправил её личный код доступа. Ещё шаг — и она бы захлебнулась в чужом безумии.

Проходя по узким мостикам над блоками рабов, она постоянно чувствовала жёсткие удары плечом. Группа надзирателей шла «свиньёй», не оставляя ей места. Один такой толчок едва не отправил её в полёт с десятиметровой высоты. Когда она оборачивалась, наткнулась лишь на пустые, остекленевшие глаза: *«Прости, М-4-10:23, в коридоре слишком тесно для твоих амбиций»*.

Её отчёты о проверках начали «пропадать» из системы или дополняться ложными данными. В её смены внезапно начали вспыхивать мелкие бунты пленных, которые явно кто-то провоцировал извне, чтобы выставить Селену некомпетентной. Она находила в своих вещах запрещённые артефакты — куски «шепчущего грифеля» или личные вещи рабов, подобранные с целью обвинить её в «недопустимой связи с мясом». Селена видела, как в глазах коллег плещется яд. Эти люди прошли через столетия унижений, чтобы получить свои медные погоны, и видеть, как «девочка из ниоткуда» за квартал стала фавориткой, было для них невыносимо.

Девушка стала ещё более замкнутой. Её движения приобрели хищную плавность — она всегда держала спину у стены, никогда не расслабляла пальцы на рукояти звукового хлыста. Она знала: они ждут её первой ошибки, первой искры жалости или страха, чтобы разорвать её на части и скормить Системе как бракованную деталь. Каждый вечер, смывая с лица угольную пыль, она смотрела в зеркало и видела там уже не ту девушку, что хотела летать. В отражении

стояла кобра, научившаяся шипеть в ответ на чужую злобу. Она понимала: чтобы выжить среди этих изощрённых хищников, ей нужно стать самым страшным существом в этом Лабиринте. Таким, которое не просто кусает в ответ, а уничтожает саму возможность нападения.

В этом ядовитом аквариуме, среди оскаленных лиц коллег, у Селены было негласное преимущество: её дух соперничества перерос в холодную, расчётливую мощь. Сила, дремавшая в глубине души, больше не просила — она требовала воли, царапая сознание изнутри. Она знала, что могла бы одним волевым импульсом вывернуть суставы любому из тех, кто толкал её плечом, заставив их захлебнуться собственным криком. Но она ждала. Статус «неконтролируемой угрозы» захлопнул бы ловушку окончательно. *«Стоп...»* — мысль обожгла её, заставив на мгновение сбиться с ритма шага в пустом переходе. Если Хозяйка назвала её идеальным кандидатом, если наставники писали отчёты, значит, они опирались на фундамент. Но на какой? Она здесь всего один квартал в этом теле. Откуда им знать пределы её ментального арсенала?

«Они знают обо мне всё, — Селена прислонилась к холодной антрацитово́й стене, чувствуя, как вибрирует здание. — Каждое моё микродвижение, каждый всплеск энергии... Но как? Неужели Система хранит логи всех моих прошлых жизней? Всех провалов, всех попыток взлёта и каждой секунды агонии моих проекций?» Догадка превратилась в ледяную уверенность. Наставники не просто учили её — они сверяли её действия с «золотым стандартом» или «катастрофическим сценарием», прописанным в архивах её предыдущих воплощений. Для них она была открытой книгой, финал которой они уже читали десятки раз. *«Я должна увидеть эти отчёты!»* — пульсировало в висках. — *«Я должна знать, какой они меня видят. Что именно зафиксировала Система? Какие мои силы они считают главными козырями, а какие — слабыми местами?»*

Это была единственная возможность переиграть Лабиринт. Если она поймёт, чего от неё ждут на основе прошлых данных, она сможет сделать то, чего не делала ни одна её копия. Она станет непредсказуемой переменной. Но доступ к личным делам надзирателей был заблокирован семью печатями. Единственным местом, где хранилась эта цифровая кровь, был архив, где правил архивариус С-9-19:40. Селена выпрямилась, поправляя фуражку. Взгляд её стал жёстким и прозрачным. Ей нужно было прокрасться в логово к тому, кто ненавидит её больше всех, и выкрасть правду о самой себе прежде, чем её нынешний цикл придёт к своему логическому — и, по мнению Системы, неизбежному — завершению. Пора было использовать статус «фаворитки», чтобы открыть двери, в которые другим вход был заказан.

Однако «прокрасться» в мире, где каждый сантиметр пространства пронизан датчиками слежения, было не просто пафосной затеей, а чистым самоубийством. Селена понимала: любая попытка взломать систему или использовать ментальный импульс вне протокола заставит стены Лабиринта вспыхнуть багровым. Система не просто «увидит» её — она почувствует «чужую» волю как занозу в глазу, и мгновенно запустит механизм подавления. Поэтому единственный путь к архивам лежал через уже знакомого ей С-9. Нужно было сделать так, чтобы этот надменный коллекционер чужих страданий сам, по своей воле, впустил её в святая святых Сектора «N».

Несмотря на статус «будущей Высшей», Селена формально оставалась на самой нижней ступени иерархии надзирателей — разнорабочим. Но именно в этой неустроенности крылся её главный козырь. Пока другие надзиратели чинно патрулировали свои квадраты, Селена, словно юркая тень в чёрном мундире, носилась по всему Сектору между Измерениями. Она бралась за самую грязную, нудную и неблагодарную работу, от которой воротили нос ветераны: доставка нестабильных энергетических блоков в нижние уровни; конвоирование «бракованных» рабов на очистку памяти; сбор физических носителей данных в зонах временных помех, где не работала телепортация. Она стала «курьером бездны». Её видели везде и нигде одновременно. Она

примелькалась, стала частью фонового шума Лабиринта. Надзиратели привыкли к тому, что М-4-10:23 постоянно мельтешит в коридорах с планшетами или контейнерами.

— Опять ты? — цедил сквозь зубы очередной часовой, пропуская её через шлюз. — Всё выслуживаешься?

Селена лишь смиренно опускала глаза и чеканила шаг, нацепляя свою дежурную улыбку. Внутри же она вела тонкую игру. Она начала «случайно» оказываться в «N-9» всё чаще, выполняя поручения других наставников именно там. Девушка ждала момента, когда Архивариус столкнётся с проблемой, которую его стерильные, кабинетные помощники не смогут решить. Ей нужно было стать незаменимой в его специфическом, бумажно-цифровом аду. Селена начала изучать привычки С-9 издалека: она знала, в какое время он запрашивает логи из других Измерений, и, какие именно сбои в записях приводят его в бешенство. Ей оставалось лишь дожидаться идеального хаоса, в который она явится не как захватчик, а как идеальный инструмент для наведения порядка. Ей нужно было заставить его поверить, что её талант к систематизации — именно то, что спасёт его драгоценные архивы от разложения. И тогда двери в его логово откроются сами собой.

Время в Лабиринте окончательно утратило свою линейность, превратившись в вязкую, серую массу. Селена ловила себя на мысли, что больше не может вспомнить, сколько сдвигов произошло с её появления: прошли месяцы, или годы? Ощущение реальности истончалось, оставляя место лишь тошнотворной обыденности. Всё превратилось в бесконечный, заикленный ритуал. Стерильный блеск антрацитовых стен, холодный свет ламп, режущий глаза, и бесконечная вереница чёрных мундиров, сливающихся в одну безликую массу. Даже страдания рабов, которые поначалу вызывали в ней бурю негодования и боли, теперь воспринимались как шум помех на старом радио. Крики, мольбы, хруст костей — всё это стало не более чем фоновым звуком системы, деталью ландшафта, лишённой лица и имени. Её собственная душа будто покрылась той самой угольной коркой, которую она так тщательно счищала со стен в свои первые дни.

— М-4-10:23, отчёт по уборке в технических помещениях, — раздался сухой голос диспетчера. Она зашагала вперёд, не чувствуя ни усталости, ни сострадания.

Эта апатия пугала её больше, чем пытки Мясника. Селена понимала: Система начала её переваривать. Она становилась частью этой биомеханической машины, её идеальным винтиком. Мысли о побеге и архивах всплывали всё реже, погребённые под слоями ежедневных рапортов и бессмысленных поручений. Она ловила своё отражение в зеркалах и видела, как её взгляд становится таким же мёртвым, как у тех, кого она ненавидела. Улыбка надзирателя больше не была маской — она стала её кожей. *«Если я не сделаю ход сейчас, — промелькнуло в сознании сквозь пелену безразличия, — «Селена» окончательно сотрётся, оставив после себя только исправную функцию М-4-10:23»*. Нужен был рывок. Нужен был сбой. И, словно услышав её немой призыв, Лабиринт содрогнулся, а стены окрасились в красный. Это был её шанс. Последний проблеск воли в океане серой рутины. Она сорвалась с места, направляясь к архиву не как курьер, а как хищник, который слишком долго притворялся добычей.

Сирена Сектора «N-9» не была — она пульсировала низким, сводящим с ума ультразвуком, от которого закладывало уши и немели кончики пальцев. Это был сигнал критического расслоения данных. Архивариус С-9 метался у Центрального терминала, его обычно безупречно уложенные волосы выбились из-под фуражки, а пальцы лихорадочно порхали над голографическими панелями, которые окрасились в тревожный багровый цвет. Лог тринадцатого Измерения начали «кровоточить». Память сотен стёртых пленных самопроизвольно распаковывалась, забивая каналы связи бессвязными криками и обрывками чужих жизней. Система не справлялась с очисткой. Селена возникла на пороге архива ровно в тот момент, когда С-9 в ярости оттолкнул одного из своих помощников.

— Бездари! — шипел он. — Если эти данные утекут в общую сеть, Хозяйка сотрёт нас всех раньше, чем закончится этот квартал!

Селена шагнула в залитый красным светом зал. Её лицо было непроницаемо, а движения — отточено спокойными, что резко контрастировало с общим хаосом. Она не ждала разрешения.

— Сэр, позвольте мне, — её голос прозвучал чисто и властно, перекрывая гул аппаратуры. — Я уже работала с этими логами, я знаю их частоту.

Архивариус обернулся, его глаза сузились.

— Ты? Всего лишь разнорабочий? Убирайся, пока я не... — в нём боролись подозрительность и отчаяние.

— Я могу синхронизировать потоки своей силой, либо через пять минут ваши архивы превратятся в кучу цифрового мусора, — перебила она его, делая шаг к главному пульту. — Вы сами говорили, что я талантлива. А ждать группу поддержки нет времени, пустите меня в дело.

С-9 замер, тяжело дыша. Секунды тикали, отсчитывая время до коллапса. Наконец он отступил, махнув рукой.

— Действуй. Но если ты ошибёшься, я лично прослежу, чтобы твои остатки стёрли из истории Лабиринта навсегда.

Селена положила руки на ментальную панель. Холодный металл отозвался в её сознании привычным гулом. Она закрыла глаза и впервые за долгое время позволила своей истинной силе — той, что так долго скреблась внутри — выплеснуться наружу. Она не вводила коды, а просто чувствовала нити энергии, которыми был прошит Архив. Девушка начала плести свою собственную сеть поверх хаоса. Но пока её руки «лечили» систему, разум, словно спрут, запускал щупальца в самые потайные папки Архивариуса. Она искала не ошибки в логах тринадцатого Измерения. Она искала файл, помеченный её серийным номером.

«М-4-10:23. Личное дело. История итераций». Вот он. Маленькая иконка в море багрового шума. Пока Архивариус с замиранием сердца следил за графиками стабилизации и вводил расширенные логи доступа, Селена в фоновом режиме читала отчёты о себе. Информация хлынула ледяным потоком, разворачиваясь перед внутренним взором каскадом пугающих данных. Первое, что она увидела — счётчик итераций. Цифра в углу экрана мигнула и замерла: 842. Именно столько раз она просыпалась в этом Лабиринте, пыталась взлететь, падала, была избита, становилась тенью или палачом. Её нынешнее «Я» было лишь крошечной песчинкой в пустыне из её собственных воплощений. Отчёты были сухими и беспощадными:

Итерация 12: «Подавление». Объект М-4-10:23 уничтожен при попытке ментального взлома внешнего периметра. Причина: избыточный эмоциональный фон.

Итерация 215: «Апатия». Объект интегрирован в состав тружеников. Срок службы — 40 лет. Списание по причине износа ментального ядра.

Итерация 509: «Бунт». Объект инициировал сдвиг, повлёкший гибель 30% сектора «М». Ликвидирован.

Селена сглотнула вязкую слюну. Но самое страшное ждало её в разделе «Ментальный профиль». Там была подробная схема способностей, расписанная по уровням угрозы. Оказалось, её «полёты» — это не просто трюк во сне. Система классифицировала это как «пространственное искривление через волевой импульс». В графе «Особые примечания» значилось: «С каждым циклом сопротивляемость ментальной коррекции возрастает на 0.04%. Рекомендуется перевод в статус Надзирателя для самоподавления через чувство вины и причастность к насилию».

— Так вот зачем эта форма... — пронеслось в её голове.

Система знала, что не может её стереть окончательно, поэтому решила использовать собственную мораль девушки против неё самой. Сделать её частью зла, чтобы она сама возненавидела свою силу и перестала пытаться её использовать. Но в самом конце лога, в скрытом

подкаталоге, защищённом био-паролем, который открылся стоило ей прикоснуться к нему, она увидела короткую запись, сделанную от первого лица. Запись от 796-ой её итерации: *«Если ты читаешь это, значит, мы снова здесь. Не верь зеркалам. Хозяйка — это не человек и не программа. Она — отражение безумия, которое создали, чтобы оправдать неспособность выбраться отсюда. Чтобы сломать Лабиринт, не нужно его взрывать. Нужно перестать играть по его правилам. Твой номер — это не твоя клетка, это ключ. 10:23 — это не время входа. Это частота резонанса».*

Время вышло. Графики на терминале окончательно выровнялись. Бирюзовый свет залил лицо Селены, скрывая дрожь. Она закрыла файл, стерев следы своего присутствия в этой папке.

— Потоки выровнены, — произнесла она будто спустя вечность. Её голос дрожал от напряжения, а по виску скатилась капля холодного пота. — Ошибка локализована.

Зал погрузился в тишину. Архивариус медленно подошёл к терминалу, проверяя целостность данных. Он выглядел потрясённым.

— Ты... ты сделала это, — пробормотал он, глядя на неё с новой, пугающей смесью уважения и страха. — Как ты смогла удержать такой объём энтропии?

— Я просто следовала протоколу, Сэр, — Селена выпрямилась, её голос звучал ровно и бесстрастно.

Она привычным жестом поправила фуражку, хотя сознание буквально пылало от колоссального объёма украденной информации.

— Я остановила коллапс, но файлы наверняка были повреждены в процессе сбоя. Нужно выяснить его причину, а также рассортировать данные по своим местам, чтобы восстановить стабильность Сектора.

В зале архива воцарилась тяжёлая, давящая пауза. Все присутствующие — и помощники, и сам Архивариус — молча оценивали масштаб катастрофы и гигантский объём предстоящей работы. Селена чувствовала на себе их настороженные взгляды.

— Разрешите вернуться к своим обязанностям? — спросила она, нарушая тишину.

С-9 медленно поднял взгляд от мерцающих панелей. В его глазах больше не было прежнего пренебрежения — только холодный расчёт.

— Нет, — отрезал он. — С сегодняшнего дня ты официально прикомандирована к архиву. Мне нужны такие руки и такой... контроль. Иди отдыхай, М-4. Завтра начнёшь полную классификацию Сектора «N».

Селена коротко, по-уставному поклонилась и вышла из зала. Стоило дверям за её спиной сомкнуться, как на неё обрушилось осознание содеянного. Её сердце колотилось в груди с такой бешеной силой, что, казалось, этот грохот разносится эхом по всему пустому коридору, выдавая её с головой. Она шла к своей каюте, едва касаясь ногами пола. Цель была достигнута: она оказалась в самом сердце Системы, в святая святых, куда не было доступа ни одному рядовому надзирателю.

Девушка захлопнула дверь каюты, и звук щеколды отозвался в ушах как выстрел. Она сползла на пол, закрыла глаза и заставила себя дышать ровно. Память работала, как проявитель на старой фотоплёнке: сквозь темноту начали проступать рваные строки отчётов, графики и сухие цифры. Селена вздрогнула. Перед её внутренним взором вновь вспыхнуло число — 842. Это не была просто цифра. Это был вес восьми сотен жизней, прожитых и стёртых в этих стенах. Где-то она была тихой труженицей, чей разум угас от монотонного труда. В других жизнях — яростной бунтаркой, чьё тело Система аннигилировала после первой же попытки взлёта. Были и те циклы, где она уже носила этот чёрный мундир, становясь ещё более изощрённым палачом, чем Мясник. Селена лихорадочно перебирала обрывки данных, выуживая из пустоты главное — записи своей предшественницы из 796-го цикла. *«10:23 — это не время... это ключ к резонансу...»*

Она хваталась за эти ошмётки данных, пытаясь собрать из них общую картину. Кем она была до первого цикла? Почему Система так одержима именно её Архитектурным талантом? Ответы были где-то рядом, запертые в глубинных слоях вскрытого Архива, который ей предстояло расшифровать по крупницам, рискуя собственным рассудком и очередной жизнью.

Селена сидела неподвижно, прижавшись затылком к холодному пластику двери. В темноте перед её внутренним взором, словно проступая сквозь чернила, начал разворачиваться список.

Реестр ментальных сигнатур М-4-10:23:

Пространственное смещение: То, что Селена называла «полётом». Система видела в этом способность локально изменять гравитационную константу и плотность метрики. В отчётах стояла пометка: *«Риск спонтанного разрыва ткани пространства. Требуется постоянная блокировка частоты 440 Гц».*

Эмпатическая мимикрия: Способность считывать эмоциональный фон окружающих и зеркально подстраиваться под него. Именно это позволило ей так быстро впитать повадки надзирателей. Система использовала это против неё: *«Объект склонен к самоотравлению через чужую агрессию. Эффективно для интеграции в карательные структуры».*

Ментальное конструирование: Способность воздействовать на структуру неодушевлённых предметов (те самые заколоченные доски, которые она пыталась раздвинуть в первый день). Система классифицировала это как «низкоуровневое переписывание кода реальности».

Но девушка сосредоточилась на строках: *«Квантовая девиация поведения».* Она вчитывалась в сухую формулировку, пытаясь осознать, как именно Система видит её эволюцию. Вместо чёткого диагноза в файле значилось странное примечание, полное скрытого опасения: *«При каждой новой итерации наблюдается нелинейное отклонение в реакциях субъекта на уровне 0,04%. Природа аномалии не установлена».* Селена почувствовала, как по коже пробежал холодок. Система, этот математически выверенный механизм, находилась в замешательстве. В отчётах было зафиксировано, что одни и те же калиброванные события — удары, угрозы, сдвиги — с каждым циклом приводили к непредсказуемым последствиям. Будто М-4-10:23 каждый раз видела чуть больше рисков, чем должна была, и обходила ловушки, которые раньше захлопывались мгновенно. *«Объект демонстрирует интуитивное предвосхищение системных триггеров. Вероятность случайного совпадения: 0,001%. Гипотеза: накопление подсознательных антитодов к методам воздействия».*

— Они не понимают... — прошептала Селена, и её губы тронула слабая, почти призрачная улыбка.

Эти жалкие 0,04% были её самым мощным оружием. Это была цена каждой её боли, каждой смерти и каждого падения. Система не знала, что Селена не просто «отклоняется» от курса — она учится чувствовать фальшь Лабиринта на молекулярном уровне. Там, где раньше она бежала напролом и гибла, теперь она замирала за секунду до удара. Там, где раньше она верила надзирателю, теперь она видела мёртвый блеск в его глазах. Этот крошечный процент был её «слепой зоной» для Архитекторов этого Лабиринта. Они фиксировали результат, но не могли вычислить формулу. Для них она была неисправным прибором, который с каждым ремонтом работает всё более странно.

Селена сжала кулаки. Если она сможет увеличить это отклонение, если сделает свои действия ещё более нелогичными для алгоритмов Системы, она станет для Лабиринта невидимой. Она превратится в призрак, который проходит сквозь стены не потому, что умеет летать, а потому, что знает: этих стен на самом деле не существует. Завтра в архиве она начнёт играть в эту игру по-крупному. Она будет подавать им те реакции, которые они ждут, но внутри каждого её действия будет заложено это крошечное, ядовитое «отклонение», которое в конечном итоге обрушит всю их безупречную статистику. Она была Архитектором, и она только что нашла трещину в фундаменте своего 842-го ада.

На следующее утро Селена вошла в «N-9» с иным чувством. Теперь это место не было просто очередной точкой на карте её рабских маршрутов — оно стало её операционной базой. Звук её шагов по полу архива был сухим и уверенным. Тяжёлые гермодвери разошлись перед ней, пропуская в прохладное, гудящее нутро хранилища. Архивариус С-9 уже был там. Он стоял у центрального колодца данных, окружённый роем парящих голограмм, и выглядел так, будто не покидал этот зал ни на секунду.

— Ты вовремя, М-4, — бросил он, не оборачиваясь. — Терминал 4 подготовлен для твоей сигнатуры. Твоя задача на сегодня: первичная фильтрация логов Сектора за последние три квартала сдвига. Ищи корреляции в отказах памяти.

Селена коротко кивнула и заняла своё место. Панель управления под её пальцами отозвалась мягким бирюзовым светом. Она начала работу, мгновенно погружаясь в потоки информации. Внешне девушка была идеальным сотрудником. Её пальцы порхали над сенсорами с математической точностью, она методично раскладывала «битые» файлы по категориям, исправляла мелкие ошибки в кодировке и восстанавливала структуру повреждённых ментальных слепков. Она подстраивалась под ритм Архива, становясь его органической частью. Но внутри этой рутины она вела сложный двойной процесс.

Пока одна часть её разума «чистила» логи для Архивариуса, другая — тайная и расчётливая — продолжала вскрывать новые пласты данных. Она обнаружила, что Архив хранит не только записи о пленных, но и «Протоколы Износа» самих надзирателей. *«Они тоже ломаются»,* — отметила она про себя, просматривая скрытую ветку данных, пока чинила его повреждённую часть. — *У каждого есть критический порог, после которого Система списывает их в утиль или отправляет на обнуление цикла».*

Селена начала применять свою тактику «0,04%». Она не просто исправляла ошибки — она вносила в систему микроскопические, почти невидимые изменения. В одном месте она чуть сдвинула частоту записи, в другом — оставила крошечную лазейку в коде доступа, которая выглядела как естественная погрешность после вчерашнего коллапса. Она создавала свой собственный «шум» внутри стерильной чистоты данных. Если Система ждала от неё линейного отчёта, она выдавала его, но добавляла к нему едва заметную вибрацию, которая через несколько кварталов сдвига должна была превратиться в резонансный разлом.

— Как продвигается классификация? — голос С-9 раздался совсем рядом. Архивариус встал за её плечом, внимательно наблюдая за бегущими строками на её экране.

— Идёт восстановление восьмого сегмента, Сэр. — Селена не вздрогнула. Она плавно повернула голову, сохраняя на лице выражение сосредоточенной исполнительности. — Корреляция отказов памяти выше нормы на два процента, но я локализовала очаг. Данные будут структурированы к концу смены.

Архивариус прищурился, вглядываясь в её работу. Его подозрительность всё ещё боролась с восхищением её эффективностью.

— Ты работаешь слишком чисто, М-4. Словно ты всю жизнь только и делала, что копалась в чужих мыслях.

— Я просто люблю порядок, — ответила она с той самой идеальной улыбкой. — Система заслуживает того, чтобы её архивы были безупречны.

Он удовлетворённо кивнул и отошёл. Селена снова повернулась к терминалу. В глубине её глаз вспыхнула искра. Она больше не была просто «надзирателем в архиве». Она была вирусом, который нашёл путь к центральному процессору своей тюрьмы.

Следующие несколько дней в архиве прошли под знаком удушливой, стерильной тишины, которая обычно предшествует грозе. Девушка буквально выросла в терминал, став живым интерфейсом между хаосом повреждённых данных и ледяным порядком С-9. Сигнал

о прибытии Высшей прошёл по «N-9», как сейсмическая волна. Воздух мгновенно сгустился, приобретая приторный аромат. Селена почувствовала, как по залу пробежала рябь напряжения: помощники Архивариуса замерли, боясь даже дышать в сторону своих консолей. Женщина вошла неспешно. Её туфли выбивали по полу сухой, хищный ритм. Она остановилась в центре зала, обедая взглядом ряды мерцающих терминалов.

— Слышала, у вас тут был... инцидент, — произнесла она, и её голос скользнул по стенам, заставляя индикаторы на панелях тревожно мигнуть. — Потеря связи, запуск дополнительных генераторов... Система зафиксировала чужеродное вмешательство в святая святых.

Архивариус выступил вперёд, заложив руки за спину. Его лицо было взволнованным, но голос звучал твёрдо — он уже подготовил почву.

— Вынужденная мера, Госпожа, — чеканно произнёс он. — Критическое расслоение логов тринадцатого Измерения не оставляло времени на ожидание группы поддержки. Нам пришлось использовать... нерегламентированный ментальный ресурс, чтобы удержать структуру. Всё зафиксировано в моём отчёте как «экстренная стабилизация периметра».

— Тот самый «талант», о котором говорила Хозяйка? — женщина подошла к Селене. Она протянула руку в белой перчатке и кончиком пальца приподняла подбородок девушки, заставляя её посмотреть себе в глаза. — M-4-10:23. Ты теперь хранительница секретов Лабиринта?

— Я лишь сортирую мусор, Госпожа, — её голос был лишён эмоций, идеально откалиброван под частоту системы. — Чтобы в ваших архивах не было ничего лишнего.

Высшая прищурилась. Девушка не просто имитировала покорность — она транслировала именно тот спектр ментального шума, который та хотела видеть: фанатичную преданность, смешанную с лёгким трепетом перед величием Системы. Женщина, отпустила её подбородок и обернулась к Архивариусу.

— Я ознакомилась с твоим отчётом. «Вынужденная мера» принята. Но учти: если это «внедрение» начнёт пускать корни там, где ему не положено, я обнулю этот архив вместе со всеми, кто в нём находится.

Она ещё раз окинула зал взглядом, задержавшись на Селене. В этом взгляде не было тепла — только холодный расчёт хищника, оценивающего полезность новой детали в механизме. Все присутствующие замерли, превратившись в безжизненные статуи. Девушка чувствовала, как приторный аромат душит её, но внешне оставалась безупречно спокойной.

Когда портал за Высшей схлопнулся, тяжёлое оцепенение спало, но напряжение лишь сгустилось. Селена понимала: слова об обнулении не были пустой угрозой. Слежка за ней теперь станет абсолютной. Каждый её вздох, каждое движение пальцев по сенсорам, каждая микросекунда задержки взгляда на экране будут зафиксированы и проанализированы. Ошибаться было нельзя. Она погрузилась в работу с пугающей самоотдачей. Никаких лишних окон, никаких подозрительных запросов — только чистая, сухая классификация повреждённых логов.

«Вполне возможно, — размышляла она, методично перетаскивая массивы данных в архивные ячейки, — что этот сценарий уже проигрывался. Значит, Следственный Отдел будет сверять мои нынешние действия с прошлыми отчётами. Любое отклонение, которое они смогут интерпретировать как бунт, станет концом». Девушка осознавала ограниченность своих знаний. Да, в той суматохе ей удалось выудить главное — своё личное дело, количество итераций и список известных Системе навыков. Но она не знала всех отчётов. Она не знала, какие именно ловушки были расставлены для её предшественниц в этом Лабиринте.

Прикоснуться к своему делу второй раз было невозможно — это мгновенно подняло бы тревогу. Риск возрастал с каждой минутой. Теперь, когда она знала, что Система в курсе её способностей, ей нужно было во что бы то ни стало скрыть существование других талантов. Тех, что ещё не успели попасть в её личное дело Архитектора. *«Мне нужно быть тише воды,*

— думала она, чувствуя на себе невидимые объективы камер и ментальные щупальца Архивариуса. — *Если я проявлю хоть одну крупную силу, о которой они не знают, меня обнулят на месте, занеся новые данные в реестр. И тогда у следующей Селены, будет на один козырь меньше. Я не имею права стереть прогресс восьмисот сорока двух жизней.*

Она стала тенью внутри системы. Её работа была идеальной, её улыбка — неподвижной, а мысли — надёжно спрятанными за барьером из бесконечных колонок цифр. Она ждала своего часа, понимая, что в этой шахматной партии её главный ход должен быть сделан вне доски, там, где даже Хозяйка не привыкла искать угрозу. Будни девушки в архиве превратились в упражнение по выживанию в вакууме. Злобные взгляды коллег, и раньше жалившие её в спину, теперь обрели плотность и вес реальных фактов. Если раньше их бесила лишь симпатия Хозяйки, то теперь по коридорам гуляли свидетельства её истинного могущества. Слухи о том, как «новенькая» в одиночку удержала распадающийся пласт данных и стабилизировала квантовый шторм, обросли пугающими слухами. Мало кто в касте надзирателей мог похвастаться такой ментальной пластичностью. Подобные силы были редкостью, они ценились в элитных спецподразделениях — тех, что работали непосредственно с аномалиями или информацией.

— Говорят, её скоро заберут «наверх», — шептались в столовой, стоило Селене войти. — Такие таланты не гниют в архивах. Ей место среди гончих Хозяйки.

Шёпот сопровождался не только завистью, но и ощутимым страхом. Те, кто раньше позволял себе толкнуть её плечом или подбросить «ментальный мусор» в отчёты, теперь испуганно отводили глаза. Они понимали: если Селена действительно пойдёт на повышение, их жизни окажутся в её власти. И память о каждой их издёвке услужливо подсказывала им, каким будет её первое решение. Сама же девушка жила в режиме жёсткой экономии ресурсов. Она чувствовала, как вместе с её авторитетом растёт и невидимая клетка вокруг неё. Каждый её шаг теперь фиксировали не только камеры, но и десятки «стукачей», мечтавших выслужиться перед Архивариусом или Высшей. Она работала по восемнадцать часов в сутки, превращаясь в безупречный автомат. Её пальцы летали над консолью, глаза отражали бесконечный каскад цифр, а лицо застыло в маске вежливой отрешённости.

«Пусть шепчутся, — думала она, чувствуя, как 0,04% её отклонения пульсируют в такт системе. — Пусть верят, что я стремлюсь в их элиту. Чем больше они ждут моего триумфа «наверху», тем меньше они замечают то, что я строю здесь, внизу». Она намеренно создавала образ амбициозного карьериста, идеального инструмента Системы. Но под этой личиной она продолжала свою тихую диверсию. Каждый восстановленный ею файл содержал микроскопическую метку — резонансную частоту 10:23. Она «метила» территорию, превращая Архив в огромную детонаторную сеть, которую сможет активировать только она. Селена знала: время её пребывания в Секторе «N-9» истекает. Система уже начала процесс её «переваривания» для более высоких нужд. И ей нужно было закончить свою шахматную партию до того, как её переставят на другую клетку, где правила будут ещё жёстче, а цена ошибки — ещё выше. Она ждала последнего знака — того самого «спецзадания», которое станет её пропуском в закрытые зоны Лабиринта.

Тяжёлые створки архива разошлись с таким грохотом, будто сам металл застонал от веса вошедшего. Резкая, хлесткая команда: «Смирно!» — ввинтилась в тишину, и «компьютерные черви» — помощники и аналитики — мгновенно вскочили со своих мест, выстраиваясь в идеально ровную, дрожащую шеренгу. Селена встала вместе со всеми, но её чувства среагировали раньше, чем зрение. Воздух в зале вдруг стал густым и тяжёлым, как ртуть. Она ощутила приближение чудовищной, плотной ауры, которая катилась по коридору, подобно бесшумному цунами, сметающему всё живое на своём пути. Это была не просто сила — это была власть,

возведённая в абсолюте. До боли знакомое, ледяное чувство пронзило её позвоночник, заставляя замереть каждую клетку тела.

В дверном проёме возник высокий силуэт. Чёрная униформа сидела на нём как вторая кожа, поглощая свет ламп. Бледное, почти алебастровое лицо казалось маской древнего божества, а глаза... глаза горели ровным, безжалостным рубиновым пламенем. Это был он. Тот самый Высший, после встречи с которым её жизнь сорвалась в крутое пике, превратившись в воронку из чёрного мундира и стёртых воспоминаний. Мужчина, чей портал она когда-то рискнула пересечь, не зная, что шагает в собственную погибель.

Звук его шагов тонул в тяжёлых полах длинного чёрного пальто, которое шлейфом тянулось по матовому полу архива, придавая его фигуре монументальность древнего изваяния. Золотые знаки отличия на его груди и погонах вспыхивали искрами, отражая свет ламп. Архивариус С-9 склонился в глубоком, почти заискивающем поклоне, но Высший даже не удостоил его взглядом. Его рубиновые глаза сканировали лица замерших надзирателей, пока не остановились на Селене. Время в архиве будто замедлилось. Девушка чувствовала, как сердце начинало лихорадочно пульсировать, пытаясь скрыть истинный ужас за фасадом идеальной выправки. Она смотрела прямо перед собой, боясь моргнуть, боясь, что он узнает в этом «образцовом сотруднике» ту самую девчонку, которая посмела прыгнуть за ним в бездну.

— Значит, это здесь ты прячешь наш новый Архитектурный талант? — голос Высшего прозвучал низко, с лёгким рокотом, от которого по стенам архива пробежали помехи. Он обратился к Высшей, что стояла неподалёку молча.

Между ним и Селеной было меньше полуметра, и она кожей чувствовала жар, исходящий от его присутствия. Запах озона и старой крови заполнил её лёгкие. Он медленно наклонил голову, изучая её лицо, словно пытался найти под угольной кожей следы той, восьмьсот сорок второй итерации, которая осмелилась нарушить его покой. Тишина в зале стала осязаемой, как вакуум. Селена застыла, превратившись в изваяние из чёрного гранита. Она чувствовала, как его аура давит на плечи, заставляя позвоночник вибрировать от сдерживаемой мощи. По правилам Лабиринта она не имела права даже на вдох без приказа, а уж тем более на слово.

Этот мужчина был легендой и кошмаром Лабиринта одновременно. Командир элитного спецподразделения «Резонанс», длань Системы, чьё появление означало либо масштабную чистку, либо изъятие особо ценных ресурсов. Для него эта проверка была лишь вопросом системного порядка. Донесение о разнорабочем, который в одиночку удержал коллапс данных, дошло до верхов, и Р-1-10:23 прибыл лично, чтобы взглянуть на этот статистический сбой. Высший не спешил. Он медленно оправил безупречно белую перчатку на правой руке, и этот жест, будничным и аристократичным, казался более пугающим, чем прямой замах хлыста.

— Встать ровно, М-4-10:23, — пророкотал он. Его голос не был громким, но он обладал такой плотностью, что у Селены заложило уши.

Девушка вздрогнула, чувствуя, как его рубиновые глаза сканируют её лицо. В этом взгляде не было узнавания или сочувствия — только холодное, бесстрастное любопытство лекционера, обнаружившего в куче мусора редкий, но грязный артефакт.

— С-9-19:40 утверждает, что ты обладаешь... специфической проводимостью, — мужчина едва заметно наклонил голову, и козырёк его фуражки отбросил глубокую тень на верхнюю часть лица, оставив на виду лишь тонкую линию губ, замерших в пренебрежительном изгибе. — Ты вмешалась в структуру логов без санкции. В любой другой день тебя бы обнулили на месте за саботаж.

Он сделал шаг почти вплотную. Его высокая фигура полностью закрыла для Селены свет.

— Но Система ценит эффективность выше протокола, — он медленно обвёл взглядом её застывшую по стойке «смирно» фигуру. — Я пришёл посмотреть, не переоценил ли архивариус твой «талант». Спецподразделение «Резонанс» не терпит ошибок. Ты либо станешь частью моего механизма, либо сгоришь в первой же сессии, подтвердив свою бесполезность.

Селена молчала, впившись взглядом в одну точку на его воротнике. Она кожей чувствовала, как его аура — тяжёлая, властная — пытается раздавить её волю. Это была проверка на прочность. Даже просто находиться рядом с «верхушкой» обычному надзирателю было тяжело. Р-1 не видел в ней личность; для него она была лишь интересной игрушкой, которая по какому-то недоразумению привлекла его внимание своей дерзкой выходкой.

— Соберите её данные, — бросил он Архивариусу и Высшей, даже не оборачиваясь. — Я забираю этот объект на испытательный срок. Посмотрим, насколько хватит её прочности, прежде чем она превратится в обычный цифровой шум.

Он развернулся, и полы его длинного пальто хлестнули по воздуху, словно крылья чёрного ворона. Всё произошло так быстро, что не было и пары секунд для раздумий. Её забрал тот, кто считал её просто ресурсом, и теперь ей предстояло доказать свою полезность в месте, где выживали только самые безжалостные из хищников.

Переход между Измерениями ощущался как выворачивание сознания наизнанку. Пространство архива схлопнулось в точку, и Селену поглотила вязкая, серая пустота квантового туннеля, как только она прошла в конец коридора знакомого Сектора за ним. В краткий миг между «здесь» и «там», когда тело теряет вес, а чувства обостряются до предела, её захлестнула волна осознания.

Она следовала за Р-1, глядя в его широкую спину. Полы его одежды мерно колыхались в такт шагам, которые не издавали звука в этой пустоте. Животный ужас, сковавший её в архиве, сменился ледяным оцепенением. Мурашки всё ещё бежали по коже, а в затылке пульсировала тяжёлая, тёмная аура этого человека. Селена понимала: за его безупречным видом и золотыми знаками отличия скрываются горы трупов. Чтобы стать главой спецподразделения, этот мужчина наверняка перебил тысячи пленных, обнулил сотни мятежных надзирателей и выжег в себе всё человеческое дотла. *«Он — рука смерти этого Лабиринта»*, — пронеслось в её голове.

Размышления прервались резким толчком. Реальность вокруг начала восстанавливаться, приобретая черты Сектора «R». Но вместе с физическим миром Селена ощутила нечто более пугающее. Её частота 10:23, которую она так старательно прятала, вдруг начала входить в резонанс с его присутствием. Это было похоже на низкий гул далёкого колокола, который отзывался в её костях. Чем ближе она была к нему, тем сильнее вибрировало пространство. Селена замерла на пороге нового Измерения, боясь сделать следующий шаг. Воспоминания об их первой встрече нахлынули оглушительным водопадом. Высший остановился и медленно обернулся. В полумраке нового Сектора его рубиновые глаза светились, как два угля в бездне.

— Не отставай, М-4-10:23, — пробасил он, и в его голосе Селена уловила странную сухость. — В «Резонансе» нет места замешательству. Здесь ты либо в ритме с Системой, либо она раздавит тебя своим весом.

Девушка сжала кулаки, пряча дрожь. Она шагнула за ним, понимая, что вошла в логово к самому опасному хищнику Лабиринта. Человеку, который мог стать её ключом к свободе, но который с тем же успехом мог стать последним, что она увидит в своей восьмьсот сорок второй жизни. Она шла по следу его длинного пальто, чувствуя, как их общая частота начинает сплетаться в единый, смертельно опасный узор.

Сектор «R» встретил Селену не пылью архивов, а стерильным холодом и гулом работающих колоссов. Здесь само пространство казалось натянутым до звона, а стены из тёмного матового сплава поглощали любой свет. Первое, что ударило по чувствам — это колоссальный Центр наблюдения и быстрого реагирования. Селена замерла на мгновение, глядя на парящие в пустоте зала тысячи мониторов. Это был «всевидящий глаз» Лабиринта. На экранах в реальном времени пульсировали артерии коридоров, копошились серые тени рабов, вспыхивали

точки сдвигов в дальних Измерениях. Система обнаружения здесь была абсолютной: она считывала не только движения, но и температурные аномалии, и даже всплески страха.

Девушка почувствовала, как по коже пробежал мороз — она поняла, что в этом месте у неё нет и шанса на приватность. Но Р-1 даже не замедлил шаг. У Селены не было допуска к этим данным, и её статус «игрушки» не давал права задерживаться у святыни контроля. Они миновали зал и углубились в коридор, освещённый пульсирующими красными линиями на полу — венами Сектора. Мужчина остановился у массивной двери и, не оборачиваясь, произнёс:

— Твоя «выходка» в Архиве была лишь детской забавой. Здесь мы проверим предел твоей прочности.

Он жестом подозвал одного из своих подчинённых, который стоял в тени, словно вросший в стену часовой. Это был мужчина с резкими, словно высеченными из камня чертами лица, в такой же безупречной форме, но без длинного пальто.

— Это R-2-06:15, — сухо представил его Высший. — Твой наставник на время испытательного срока. Его задача — приобщить тебя к работе «Резонанса» и выяснить, где заканчивается твоя воля и начинается программный код Системы.

Наставник окинул Селену оценивающим, почти брезгливым взглядом. В его ауре не было того всепоглощающего ужаса, что исходил от Р-1, но от него веяло профессиональной, отточенной жестокостью палача, который не задаёт вопросов.

— Слушай его как саму Систему, — добавил мужчина, и в его рубиновых глазах на мгновение отразился холодный блеск. — Если он скажет, что ты бесполезна, я лично закрою твой цикл.

Высший развернулся и ушёл вглубь коридора, оставив Селену наедине с новым наставником. R-2 сделал шаг к ней, сокращая дистанцию так, что она почувствовала запах холодного металла.

— В «Резонансе» нет разнорабочих, — прохрипел он. — Но здесь есть операторы боли и пустоты. Идём, M-4-10:23. Пора проверить, не лопнет ли твой хваленый «талант» при первом же столкновении с реальной угрозой.

R-2 не тратил время на вводные лекции. Его шаг был рваным и быстрым, заставляя Селену почти бежать следом по антрацитовому коридору, где свет ламп пульсировал в такт какому-то механическому сердцу Сектора. Они вышли к огромному панорамному окну, выходящему на Синхронизационную Яму. Селена невольно замедлила шаг, подавляя вскрик. Внизу, в колоссальном провале, сотни пленных были подвешены на энергетических нитях. Они не работали физически — они служили живыми резонаторами. Их ментальная энергия выкачивалась системой, создавая тот самый гул, который поддерживал стабильность Лабиринта.

— Видишь их? — наставник остановился, не оборачиваясь. Его голос был сухим, как треск статического разряда. — Это те, кто не прошёл проверку способностей. Те, кто «фонил» слишком сильно или слишком слабо. Система нашла им применение в качестве батареек.

Он резко развернулся к ней, и Селена увидела в его глазах холодную пустоту профессионального палача.

— Твоя первая задача — мониторинг затухания. Ты должна заходить в их сознание через терминал и «подтягивать» тех, кто начинает гаснуть. Ты будешь их током, их искусственной волей. Если кто-то из них умрёт под твоим надзором — это будет считаться твоей некомпетентностью.

Селену прошиб холодный пот. Это было хуже Архива. Там она работала с цифрами, здесь — с живой агонией. Ей предлагали стать ментальным пастухом для тех, из кого выпивают жизнь.

— Почему я? — сорвалось с её губ прежде, чем она успела вспомнить о запрете на вопросы.

R-2 навис над ней, и его аура — колючая, жёсткая — ударила по её чувствам.

— Потому что Командир хочет знать, насколько глубоко ты можешь войти в чужое сознание, не разрушив себя. Это тест на твою проводимость, М-4, — мужчина подтолкнул её к креслу оператора, утыканному иглами датчиков. — Садись. Мы начнём с «Голоса». Попробуй не сойти с ума в первые пять минут — Глава не любит тратить время на уборку ментального мусора.

Селена медленно опустилась в кресло. Она чувствовала, как на неё смотрят десятки камер слежения, а где-то там, в глубине коридоров, за ней наблюдает Высший с рубиновыми глазами. Она закрыла глаза, и как только датчики коснулись её висков, на неё обрушился океан чужой боли. Это было не 0,04% отклонения — это был стопроцентный ад. Селена сжала подлокотники так, что перчатки скрипнули, натянувшись. Ей нужно было не просто выжить, а научиться фильтровать этот ужас, используя свою частоту как щит, пока её собственный разум не превратился в такое же эхо, как у тех, кто висел в Яме под её ногами. Игра стала смертельно серьёзной. Теперь она была не просто зрителем жестокости — она стала её инструментом. И Р-1-10:23 ждал, когда она совершит свою первую ошибку, чтобы понять, какой именно Архитектор попал к нему в руки.

Десятки обрывков криков, предсмертных просьб и заикленного ужаса гудело в сознании, прошибая насквозь. Система требовала от неё стать ментальным стабилизатором — вливать свою волю в тех, кто угасал, искусственно продлевая их агонию ради энергии Лабиринта. Наставник стоял за спиной, его холодное присутствие ощущалось как лезвие у горла. Он ждал, что она захлебнётся в чужой боли или, что ещё хуже, проявит сострадание, которое сожжёт её изнутри. Но Селена сделала то, чего он не ожидал. Она не стала бороться с потоком.

Вместо того чтобы сопереживать «голосам», она начала воспринимать их как графики. Пользуясь своим опытом в Архиве, она визуализировала каждое сознание внизу не как человека, а как синусоиду. Страх был резким пиком, отчаяние — глубоким провалом, а жизнь — ровной линией. Девушка сделала глубокий вдох и активировала ментальную панель, настраивая свою частоту как тонкий фильтр-сетку. Она начала «просеивать» входящий поток. Эмоциональный шум — гнев, тоску, воспоминания о доме — она безжалостно отсекала, отправляя их в «корзину» своего подсознания, не давая им коснуться сердца. Биологический импульс — чистое желание клеток жить — она вычленяла и усиливала.

Она работала как холодный техник. Если Селена видела, что чья-то кривая внизу начинает выпрямляться в «ноль», она посылала короткий, точный импульс своей воли. Это был не акт милосердия, а сухая «подзарядка» аккумулятора. Она заставляла их сердца биться, не слушая, о чём они молят. Это был её способ минимизировать ущерб для себя: она превратила живых людей в электрические цепи. *«Если я буду видеть в них людей, я сгорю через минуту, — пульсировало в голове. — Сейчас они — лишь узлы сети. Я просто поддерживаю напряжение»*. На экранах терминала багровые индикаторы затухания один за другим сменялись ровным зелёным свечением. Синхронизация восстанавливалась. Девушка сидела с каменным лицом, её зрачки были расширены, а кожа приобрела ещё более глубокий угольный оттенок от напряжения.

— Ты не сопереживаешь им? — Р-2 наклонился к самому уху Селены, и его ледяное дыхание обожгло кожу. Голос стал вкрадчивым, почти интимным, пропитанным ядовитым сочувствием. — Посмотри на их лица... Посмотри, как они мучаются.

Он нажал кнопку на панели, и один из экранов увеличил изображение: крупным планом возникло лицо молодого парня, чьи глаза закатились от невыносимой стимуляции, а рот застыл в беззвучном крике.

— Разве тебе их не жалко? — шептал наставник, не сводя глаз с профиля девушки, ловя малейшее дрожание ресниц. — Их бросили сюда, вычеркнули из жизни, наплевав на всё, что они любили. А теперь ты... М-4, лично вливаешь в них ток, заставляя это гниющее мясо функционировать, не давая им шанса даже умереть спокойно...

Он специально провоцировал её, ударяя по остаткам человечности, чтобы пробить брешь в её Архитектурной броне. Его задача была проста: выжать из неё эмоциональный всплеск, заставить её силу сорваться в хаос. Система хотела знать, сломается ли она под грузом вины или превратится в истинное чудовище. Девушка чувствовала, как внутри всё сжимается. Каждое его слово попадало точно в цель, беря раны восьмисот сорока двух жизней. Образ парня на экране накладывался на её собственные воспоминания о первом дне в Лабиринте. *«Он провоцирует меня, — пульсировало в висках. — Он хочет, чтобы я сострадала, чтобы мой ритм сбился»*. Она медленно повернула голову к R-2. Её глаза были сухими и пугающе ясными.

— Жалость — это роскошь для тех, у кого есть выбор, — ответила она, и её голос был холодным, как металл терминала. — У них выбора нет. У меня — тоже. Я не даю им умереть не потому, что я жестока, а потому, что Система требует их энергии. Если я отпущу их, меня просто заменят так же, как и их. Я этого не хочу.

Она снова повернулась к монитору и резко увеличила подачу импульса. Лицо парня на экране дёрнулось, индикатор жизни прыгнул вверх, закрепившись на стабильной отметке.

— Мне не важны их лица, — солгала она, чувствуя, как 10:23 вибрирует в её костях, выстраивая стену между ней и наставником. — Я вижу только показатели проводимости. И если вы закончили с морализаторством, я бы хотела завершить калибровку «Голоса».

R-2 выпрямился, и в его взгляде промелькнуло разочарование, смешанное с невольным уважением. Он не смог её «вскрыть». Селена выдержала этот ментальный допрос, превратив свою боль в ледяную функциональность. Но глубоко внутри, там, где не видел ни наставник, ни камеры, Селена дала себе клятву: когда эта Яма вспыхнет её резонансом, R-2 будет первым, кто почувствует на себе всю ту «жалость», которую он так старательно пытался в ней пробудить.

R-1-10:23 наблюдал за этой сценой из смотровой. Изображение на панорамном экране было безупречно чётким: холодный профиль Селены, её неподвижные пальцы на сенсорах и нависшая над ней тень наставника. Слова девушки — *«Если я отпущу их, меня просто заменят так же, как и их. Я этого не хочу»* — прозвучали в динамиках сухим, лишённым жизни шелестом. Но в кабинете они отозвались тяжёлым, свинцовым эхом. Высший медленно подошёл к стеклу, за которым открывался обзор на комнату оператора, и сжал руки за спиной. Белоснежная ткань перчаток натянулась на костяшках.

— Она учится быстрее, чем я предполагал... — выдохнул он. — Простая, животная истина Лабиринта. Здесь нет героев, есть только те, кто ещё дышит за счёт тех, кто уже перестал.

Он вспомнил свои первые шаги в этой форме. Он помнил, как сам когда-то пытался спасти, как искал «человечный» путь, пока Система не вырвала это из него с корнем, заставив нажать на курок. Селена сейчас проходила ту же инициацию пустотой. Она осознала главную механику этой тюрьмы: моральные ценности — это лишний вес, который тянет на дно Ямы. Чтобы стоять наверху, нужно научиться не замечать тех, по чьим головам ты идёшь.

Ему было мерзко и в то же время спокойно. Мерзко — потому что он видел, как эта девушка, его ментальное отражение, пачкает руки в той же цифровой крови, что и он. Спокойно — потому что только такая Селена, расчётливая и эгоистичная в своём выживании, имела шанс дойти до финала.

— Ты права, M-4, — прошептал он в пустоту кабинета. — Мы все здесь — лишь расходный материал разной степени проводимости.

Он видел, как на экране R-2 отступил, признав поражение в своей провокации. Наставник искал в ней слабость, а нашёл зеркало — такое же холодное и бездушное, как он сам. *«Выживай, — мысленно приказал он ей. — Становись чудовищем. Предавай свои ценности. Потому что только когда ты доберёшься до самого верха и увидишь, что там нет ничего, кроме нас двоих, мы сможем наконец обрушить этот чёртов Лабиринт»*.

Он резко развернулся к терминалу и ввёл команду: *«Увеличить нагрузку на объект. Перевести к фазе практического изъятия энергии»*. Он не собирался давать ей передышку. Если она выбрала жизнь за счёт других, он заставит её испить эту чашу до дна. R-2 получил уведомление на свой планшет и хищно оскалился. Прямой приказ от Высшего: форсировать обучение.

— Поздравляю, М-4, — проскрежетал он, отключая режим пассивного мониторинга. — Командиру понравилась твоя «эффективность». Теперь мы переходим к активной фазе. Довольно просто поддерживать в них искру — попробуй сама стать их источником.

Он нажал комбинацию клавиш, и кресло Селены внезапно завибрировало, из него выдвинулись дополнительные захваты, намертво фиксируя её запястья. Панели в Яме под ними начали разворачиваться, обнажая центральный стержень-излучатель.

— Твоя задача — прямое изъятие, — наставник перешёл на шёпот, от которого веяло металлической стружкой. — Ты должна не просто стабилизировать их, а вытянуть излишки их ментальной боли и переплавить её в чистую энергию для верхних ярусов. Стань фильтром. Пропусти их агонию сквозь себя, очисти её и верни Системе как топливо.

Селена почувствовала, как через иглы в висках в её мозг хлынул раскалённый поток. Это не было похоже на прошлый раз: теперь она не смотрела на графики, она стала частью цепи. Чужие жизни ворвались в её сознание необработанным, диким хаосом. Она видела обрывки чужих детских воспоминаний, чувствовала вкус крови во рту тех, кто висел внизу, ощущала их судороги как свои собственные.

— Давай! — рявкнул R-2, ударив кулаком по подлокотнику её кресла. — Преврати это в ресурс! Если не сможешь отфильтровать — твой мозг просто вскипит от их отчаяния!

Девушка стиснула зубы так, что послышался хруст. Глаза застлала багровая пелена. Ей хотелось закричать, сорвать датчики, сбежать в спасительное беспамятство, но её решимость жгла сильнее тока. Весь этот липкий, грязный ужас она бросила в бешеное вращение. Страх — влево, боль — вправо, надежда — в осадок. В самом центре этого вихря она удерживала свою частоту 10:23, используя её как лезвие, которое обрезало лишние смыслы, оставляя только голую чистую энергию. Она начала действовать на чистых инстинктах 842-й итерации, представив своё сознание центрифугой.

Пространство в зале «Резонанса» начало искажаться. Воздух заискрился, вокруг Селены возникло слабое свечение — побочный эффект колоссального ментального напряжения. Центральный стержень в Яме вспыхнул ослепительно белым светом. Энергия потекла вверх по жилам Сектора. Р-1 в своём кабинете видел, как шкалы мощности на его панели подпрыгнули в красную зону. Он сцепил пальцы в замок, наблюдая за тем, как Селена превращается в живой реактор. Она не просто фильтровала — она перемалывала чужое страдание с такой яростью, будто хотела стереть само понятие боли.

— Неплохо для «игрушки», — пробормотал он, хотя его собственный резонанс внутри груди отзывался болезненным сочувствием к её напряжению.

Селена сидела в кресле, её голова была запрокинута, а из уголка рта потянулась тонкая струйка крови. Она выполняла план. Она давала Системе то, что та хотела — чистую силу. Но в этом потоке, проходящем сквозь неё, она начала нащупывать нечто большее: она чувствовала каждого пленного внизу как часть своего тела. Она больше не была одна. Она была сердцем, которое билось за сотни других. И это сердце начинало копить в себе не только энергию, но и коллективную, многовековую жажду расплаты.

Девушка чувствовала, как её сознание растягивается, превращаясь в тончайшую, раскалённую добела нить, связывающую её с каждой «батарейкой» в Яме. Боль людей больше не была внешним шумом — она стала её собственной нервной системой. R-2 стоял рядом, завожжённо наблюдая за тем, как индикаторы на панели зашкаливают. Воздух вокруг затрещал, запахло палёной изоляцией и озоном.

— Ещё! — выкрикнул наставник, его голос дрожал от жадности. — Выжимай их досуха! Система требует пика!

Селена стиснула зубы так, что в ушах зазвенело. Она чувствовала, как из пленных внизу вытекают последние капли воли, превращаясь в ослепительный поток энергии, проходящий сквозь её тело. Это было невыносимо. Её собственная частота 10:23 начала вибрировать в опасном диссонансе с мощностью Системы. В этот момент в её голове вспыхнул образ: не цифры, не графики, а рука. Тёплая человеческая рука, сжимающая её ладонь. Эта вспышка стала детонатором. Она не просто пропустила ток сквозь себя — она ударила в ответ. Вместо того чтобы направить очищенную энергию в накопители верхних секторов, она на долю секунды замкнула поток на себе, создав колоссальный обратный импульс. Зал содрогнулся. Экраны мониторов лопнули, осыпав пол дождём из искр и мелкого стекла. R-2 отлетел к стене мощной волной статического разряда.

Высший в своём кабинете вскочил. Его личный терминал замигал багровым, выдавая критическую ошибку: *«Резонансный пробой. Источник: M-4-10:23. Уровень угрозы: Максимальный»*.

— Дрянь... — прошептал он, но в его глазах вспыхнул не гнев, а безумный, отчаянный восторг. — Она сделала это. Она ударила по цепи.

Селена сидела в кресле, тяжело роняя голову на грудь. Её мундир был покрыт инеем от резкого перепада энергии, а из носа и рта тонкими струйками сочилась кровь. Она была на грани обнуления, её ментальное ядро трещало по швам, но в Яме под ней воцарилась тишина. Пленные не умерли — они замерли в глубоком, защитном трансе, который она успела им навязать этим ударом. Наставник, пошатываясь, поднялся с пола. Его лицо было обожжено.

— Ты... что ты натворила... — прохрипел он, выхватывая звуковой хлыст. — Ты уничтожила норму выработки за месяц!

Он замахнулся, но дверь в зал с грохотом разошлась. В проёме стоял P-1. Его длинное пальто развевалось, словно от невидимого ветра, а рубиновые глаза светились так ярко, что на них было больно смотреть.

— Отставить, — бросил он, и голос его прозвучал как обвал в горах.

Он подошёл к Селене, которая едва держалась в сознании. Белоснежная перчатка коснулась её окровавленного лица. В этот миг их общая частота 10:23 соединилась в безмолвном, мощном резонансе. *«Живая...»*, — пронеслось в голове, хотя его губы не шевельнулись. Девушка с трудом подняла взгляд на него. В этом хаосе из разбитых экранов и стонов, она впервые увидела в его рубиновых глазах не карателя, а того, кто знает цену каждого её вдоха.

— Она не справилась с нагрузкой, — холодно произнёс Высший, оборачиваясь к наставнику. — Но единицы в порядке. Её потенциал нестабилен, поэтому я забираю её на личную калибровку в изолятор. Разберись тут со всем.

Он подхватил обмякшее тело Селены на руки. Она была лёгкой, как сожжённая страница, почти невесомой в своей предельной истощённости. Последним, что запечатлело угасающее сознание девушки, было ощущение жёсткой ткани его пальто и удивительно крепких, уверенных рук, которые не дали ей рухнуть в бездну окончательного обнуления.

Когда Селена очнулась, мир не вернулся к ней сразу. Белоснежная комната, залитая тусклым, мертвенным светом, больше напоминала холодный, стерильный склеп, чем лазарет. Тишина здесь была обманчивой: внутри её собственной головы стоял невыносимый шум. Обрывки чужих воспоминаний, предсмертные хрипы и яростные крики людей из Ямы всё ещё метались в её разуме, словно запертые птицы, превратившись в незатихающее эхо. Превозможная тошноту и свинцовую тяжесть в плечах, Селена попыталась приподняться на локтях. Каждый сантиметр кожи горел, будто по венам всё ещё бежал электрический ток. Она мутным взором осматривала пространство, пытаясь понять, где находится.

В этот момент дверь с мягким шипением отъехала в сторону. В палату вошла женщина в ослепительно белом халате, резко контрастирующим с привычной угольной формой. Индикаторы на её запястье часто мигали, считывая показатели жизнедеятельности пациентки. Завидев, что девушка пытается встать, она почти подскочила к кровати.

— Куда это ты собралась? — воодушевлённый, неожиданно звонкий голос пронзил тишину комнаты, заставив Селену поморщиться от резкой боли в висках. — А ну-ка давай обратно! Ты ещё не пришла в себя полностью, твой фон искрит, как оголённый провод.

Врач мягко, но решительно надала на плечи Селены, заставляя её лечь на холодные простыни.

— Тебя принесли сюда в таком состоянии, что датчики чуть не сошли с ума, — продолжала женщина, быстро проверяя капельницы, по которым в вену Селены стекал светящийся состав. — Высший лично отдал приказ о твоей стабилизации. Ты хоть понимаешь, как тебе повезло? Обычно после такого пробоя прямой путь в утиль, а ты... ты просто феномен.

Селена закрыла глаза, слушая этот бодрый, почти неуместный здесь голос. Голова раскалывалась. Среди шума чужих жизней она пыталась нащупать крупницу собственной — ту самую частоту 10:23, которая помогла ей выжить. Она была в «Резонансе». В месте, где её не могли достать наставники, но где она оказалась один на один с тем, чьи руки всё ещё чувствовала на своём теле. Девушка бессильно уронила голову на подушку. Белизна потолка резала глаза, а голос врача казался слишком громким для этого стерильного sklepa.

— Кто... кто меня принёс? — едва слышно прохрипела она, хотя ответ был и так высечен в её памяти ощущением тяжёлого сукна и запахом озона.

— Сам Командир, — женщина в халате поправила датчик на виске Селены, и её лицо на миг стало серьёзным. — Он стоял здесь, пока мы не измерили твои показатели. Никогда не видела его таким... сосредоточенным. Обычно Высшие не пачкают руки о «нестабильные единицы».

Врач отошла к терминалу, и по комнате поплыл мягкий голографический график. Селена видела свою кардиограмму, переплетённую с кривой ментальной активности. Она всё ещё искрила, выбрасывая ломаные пики.

— Ты сотворила что-то невероятное в Яме, девочка, — продолжала женщина, не оборачиваясь. — Система зафиксировала выброс, равный месячной норме, но ты выжила. Твой мозг должен был превратиться в кашу, а ты будто просто... перезагрузилась.

Селена слушала, как внутри неё затихает гул чужих голосов. Теперь, когда адреналин схлынул, она почувствовала нечто странное. В её сознании, среди обрывков данных, осталось «пятно» тепла. Оно было там, где Р-1 коснулся её лица. Это не был холод надзирателя. Это был резонанс.

— Где он сейчас? — спросила девушка, пытаясь сфокусировать взгляд.

— У себя. Сказал доложить, как только ты сможешь связно говорить. Но я бы на твоём месте не торопилась, — женщина обернулась и сочувственно прищурилась. — После того, что ты сделала, тебе нужно подготовиться к допросу. Если он забрал тебя сюда на «калибровку», значит, хочет выпотрошить твой секрет до самого основания.

Селена сжала пальцами край простыни, мысленно пытаясь подготовить себя к ментальному вскрытию. Но она также помнила тот безмолвный голос в своей голове в момент пробоя. Дверь палаты снова шикнула. В проёме возникла тёмная фигура. Врач мгновенно вытянулась в струнку, её воодушевление испарилось, уступив место профессиональному страху. В комнату вошёл Глава. Его аура оставалась прежней — подавляющей, заполняющей всё пространство.

— Выйди, — коротко бросил он врачу.

Женщина исчезла мгновенно, не проронив ни слова. Селена осталась один на один с человеком, который был её билетом в бездну или к спасению. Он подошёл к кровати и сел на

край, нарушая все мыслимые дистанции между Высшим и подчинённым. Его рубиновые глаза в полумраке казались бесконечно усталыми.

— М-4, — произнёс он тихим, естественным голосом, в котором не было ни грамма системного пафоса. — Ты понимаешь, что ты натворила?

Селена замерла, вжавшись в подушку. Его тон — спокойный, почти мягкий — пугал её гораздо сильнее, чем крики Мясника или холодный цинизм Архивариуса. Она была готова к допросу, к ментальному вскрытию, к тому, что её будут ломать за уничтоженную энергию Сектора. Но этот негромкий голос в пустоте белоснежного склепа выбивал почву из-под ног. Мужчина сидел на краю её кровати, и его идеальная чёрная форма казалась инородным пятном в этом стерильном пространстве. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его рубиновых глазах читался холодный анализ начальника, столкнувшегося с крайне ценным, но опасно неисправным оборудованием.

— Я жду отчёта, — добавил он, когда пауза затянулась. — Твой несанкционированный выброс обрушил калибровку целого блока. По официальным протоколам, твой цикл должен был завершиться в ту же секунду.

Селена с трудом сглотнула, чувствуя, как пересохло в горле. Её тело всё ещё было слабым, ментальное ядро пульсировало тупой болью, и эта беспомощность перед лицом самого опасного человека в Лабиринте делала её уязвимой.

— Нагрузка... она была слишком велика, — прохрипела она, стараясь придать голосу уставную твёрдость. — Система требовала пика, и я... я просто стала проводником. Я не контролировала объём.

— Не лги мне, — Р-1 едва заметно наклонился вперёд. — Ты создала обратный импульс, ударив по Системе её же силой. Для Архитектора твоего уровня — это смертный приговор.

Он замолчал, изучая её реакцию. Его мягкость была ловушкой, бархатной перчаткой на стальной руке. Селена чувствовала, как 0,04% её отклонения кричат об опасности. Он не пытал её тело, он прощупывал волю, ища ту самую трещину, через которую она посмела выплеснуть свой гнев.

— Я приказал перевести тебя сюда, потому что ты стала угрозой, — продолжил он, и в его голосе проскользнула сталь. — Не только для Сектора, но и для самой себя. Твоя частота нестабильна. Если ты повторишь это снова, я не смогу — и не захочу — тебя вытаскивать.

Он встал, и тень от его высокой фигуры накрыла Селену целиком.

— Сейчас ты будешь восстанавливаться под моим личным надзором. Любое несанкционированное действие будет подавлено мгновенно. Ты поняла меня, М-4-10:23?

— Да, Командир, — выдохнула она, закрывая глаза.

Тревога внутри неё только росла. Его «забота» пахла изоляцией и ещё более тотальным контролем. Она была его проектом, его ценным ресурсом, и теперь, в тишине изолятора, он собирался выяснить, насколько глубоко зашли корни её «ошибки» прежде, чем позволить ей сделать следующий вдох в этом мире.

Селена шла по коридору Сектора «R», и каждый шаг отдавался гулким эхом в её висках. Изолятор остался позади, но свобода, которую ей вернули, была приторной и фальшивой. Презрительные взгляды надзирателей, мимо которых она проходила, теперь стали острее бритвы. Они ненавидели её за тот хаос, который она устроила. *«Это из-за поломки?»* — размышляла она, кусая губы. В их глазах она была неисправным инструментом, который почему-то не выбросили на свалку.

Двери кабинета Главы разошлись с бесшумной грацией. Р-1 сидел за массивным столом из тёмного полимера. Без своего тяжёлого пальто он выглядел иначе: простая чёрная рубашка с расстёгнутым воротником обнажала напряжённые линии шеи, делая его облик пугающе чело-

вечным и в то же время ещё более опасным. Он не поднял головы, погружённый в чтение отчётов на голографических панелях.

— М-4-10:23 прибыла. Мои показатели стабилизированы, я полностью восстановилась и готова отработать причинённый Системе ущерб, — чеканно произнесла она, стараясь скрыть дрожь в голосе. Селена замерла в уставном приветствии.

Тишина затянулась на несколько бесконечных минут. Слышно было лишь тихое гудение серверов. Наконец мужчина медленно поднял на неё свой рубиновый взгляд. Он встал, и его высокая фигура, лишённая брони пальто, казалась ещё более внушительной. Он не спеша обошёл стол, сокращая дистанцию. Его глаза, холодные и изучающие, медленно скользили по её лицу, словно проверяя целостность её ментальной оболочки. Он зашел ей за спину. Селена инстинктивно напряглась, её отклонение в 0,04% взвилось сигналом тревоги, она попыталась среагировать, развернуться... но пространство вокруг неё вдруг перевернулось, и невидимый пресс колоссальной физической силы ударил сверху — девушка с грохотом рухнула на спину, растянувшись на холодном полу, не в силах пошевелить даже пальцем.

Р-1 неторопливо присел рядом на корточки, заглядывая ей прямо в глаза. Селена лежала, прижатая к полу невидимой плитой его воли, и в её сознании метался только один вопрос: *«Что он собирается делать?»*

— «Готова отработать»? — негромко повторил он её слова, и в его голосе прозвучала опасная, вибрирующая нота.

Он протянул руку и медленно, почти лениво, коснулся кончиками пальцев её шеи, там, где пульсировала жилка. Селена не могла даже закричать. Она была полностью во власти человека, который только что продемонстрировал ей истинную разницу между «талантливым новичком» и тем, кто сам является частью Системы. Его взгляд был лишён ярости, в нём была лишь пугающая, абсолютная уверенность хищника, который наконец-то решил рассмотреть свою добычу без лишних свидетелей.

— Как собираешься это сделать, если с трудом на ногах стоишь? — спросил он прямо в лоб. Его голос, лишённый официальной дистанции, полоснул по её самолюбию резче, чем любой выговор.

Он не сводил с неё глаз. Ещё несколько бесконечных секунд Р-1 пристально, почти до боли, рассматривал её лицо, словно выискивая в чертах Селены ответы на вопросы, которые сам себе боялся задать. Тяжёлое давление его воли, прижимавшее её к полу, внезапно исчезло, оставив после себя лишь звон в ушах и фантомную тяжесть в мышцах. Мужчина медленно выпрямился, возвышаясь над ней тёмной громадой, и, вопреки всем ожиданиям, протянул ей руку.

Этот жест был настолько неуместным, настолько невозможным в иерархии надзирателей, что Селена на мгновение оцепенела. Его поведение сбивало её с толку во всех смыслах: сначала сокрушительная демонстрация силы, а теперь — рука помощи, предложенная с почти человеческим спокойствием. В Лабиринте не помогали подняться. В Лабиринте добивали слабых. Но не подчиниться было нельзя. Девушка понимала: любое её промедление будет расценено как вызов, а сил на второй раунд противостояния у неё просто не осталось. Она медленно подняла руку и коснулась его ладони.

Пальцы Р-1 сомкнулись на её запястье, и он рывком поставил её на ноги. Движение было резким, властным, но в нём не было намеренной боли. На долю секунды, когда их кожа соприкоснулась сквозь ткань перчаток и рукавов, Селена снова почувствовала ту самую вибрацию — частота 10:23 внутри неё отозвалась тихим, болезненным стоном, резонируя с его присутствием. Она покачнулась, едва удержав равновесие, и замерла в шаге от него, не смея поднять взгляд выше его расстёгнутого воротника.

— В «Резонансе» долги не отрабатывают сверхурочными часами в архиве, — произнёс он, возвращаясь к своему холодному, деловому тону. — Ты сожгла ресурс Системы. Теперь ты

сама станешь этим ресурсом. Ты будешь участвовать в полевых испытаниях. Либо твой потенциал стабилизируется в реальных условиях, либо... — он сделал паузу, и его глаза сверкнули рубиновым льдом, — твоя следующая итерация будет гораздо послушнее этой.

Селена сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. Полевые испытания были практически синонимом смертной казни для неподготовленных единиц. Он бросал её в самое пекло, официально закрепляя за ней статус «опасного эксперимента». Но в глубине души, за слоями животного ужаса, девушка почувствовала странное, горькое облегчение: игра в прятки закончилась. Теперь она была на свету, и её единственный путь к выходу лежал через того, кто только что помог ей подняться с колен.

Высший отошёл к окну, за которым бесконечные уровни Лабиринта пульсировали холодным неонem. Его спина, обтянутая чёрной тканью рубашки, казалась живой стеной.

— Ты пойдёшь в Сектор «Зеро», — произнёс он, не оборачиваясь. — Посмотрим, сможешь ли ты войти в резонанс с дырами, как сделала это с заключёнными.

Селена почувствовала, как по спине пробежал холод. Сектор «Зеро» был легендой среди надзирателей — гиблое место на самой границе пустоты, где время распадалось на ошмётки. Искусственно созданное Системой пространство нестабильности, предназначенное для тренировок «Резонанса» и полевых исследовательских испытаний. Оттуда возвращались либо героями с выжженными мозгами, либо не возвращались вовсе.

— Это самоубийство, — сорвалось с её губ раньше, чем она успела себя остановить.

Мужчина медленно обернулся и подошёл к ней вплотную. Его лицо в полумраке кабинета казалось высеченным из белого гранита, а рубиновые глаза светились ровным, пугающим светом.

— Для кого-то другого — да. Но ты, 10:23, — он выделил эти цифры особым ударением, перейдя на шёпот, — ты уже умирала восемьсот сорок два раза. Одним разом больше, одним меньше... Какая разница для статистики?

Он нажал на кнопку консоли, после чего звук, прозвучавший в тишине кабинета как стартовый выстрел, отозвался на ручном терминале, который он протянул ей.

— У тебя есть час на подготовку, — произнёс он, возвращаясь к своему ледяному, командному тону. — В Арсенале тебе выдадут необходимое снаряжение. Встретимся у шлюза Перемещений.

Селена замерла, сжимая терминал в ладони. Холод металла просачивался сквозь кожу, но куда сильнее обожгла внезапная мысль. Она подняла на него взгляд, в котором смешались недоумение и зачатки новой паники.

— В-вы тоже идёте? — сорвалось с её губ прежде, чем она успела прикусить язык.

P-1 на мгновение замер. Он медленно повернул голову, и рубиновое свечение его глаз стало почти осязаемым. В этом взгляде не было участия, только жёсткая, как стальной трос, уверенность.

— Кто-то же должен убедиться, что ты вернёшься... — он сделал паузу, и его губы тронула едва заметная, острая усмешка. — А что? Есть возражения, M-4?

— Никак нет! — почти выкрикнула она, выпрямляясь по стойке «смирно». Сердце заколотилось о рёбра. Идти в самое опасное место Лабиринта — это одно. Идти туда под личным надзором человека, который видит её насквозь и подавляет одним своим присутствием — совсем другое.

— Тогда не трать моё время, — сухо бросил он, возвращаясь к отчётам. — Свободна.

Селена коротко поклонилась и вышла из кабинета. Двери за спиной сомкнулись, отсекая холодную ауру Высшего, но мурашки на её плечах не исчезли. Час. Всего один час на то, чтобы собрать остатки воли и подготовиться к выходу в Сектор «Зеро». Она почти бегом направилась к Арсеналу, чувствуя, как время начинает утекать сквозь пальцы. Мысли в голове неслись вскачь, обгоняя друг друга, пока она затягивала ремни снаряжения в стерильной тишине.

Пальцы работали машинально, проверяя крепления звуковых фильтров и защитных пластин, но разум был далеко. *«Зачем ему идти лично? — эта мысль пульсировала в висках, мешая сосредоточиться. — Он — Глава спецподразделения, его время стоит дороже, чем целое Измерение. Он мог отправить десяток опытных ветеранов, которые скрутили бы меня в бараний рог при малейшем шорохе. Но он идёт сам...»*

Она вспомнила его слова про «личный надзор». В Лабиринте это обычно означало только одно — объект слишком ценен или слишком опасен, чтобы доверять его кому-то другому. Но было и нечто иное. Что-то подозрительное в том, как он держался в кабинете без своего тяжёлого пальто, как почти по-человечески смотрел на неё, лежащую на полу. И эти цифры. Восемьсот сорок два раза. *«Это ведь секретная информация из Архива... Почему он сказал это так буднично, будто был уверен, что я уже в курсе...»* Селена замерла, сжимая в руке иньектор с ментальным стабилизатором. Холодный металл обжёг ладонь.

Всё в Р-1 кричало об опасности. Это не был просто страх перед начальником-садистом. Это был ужас перед тайной, которую он воплощал. Его аура, тяжёлая и давящая, теперь казалась ей не просто силой, а невидимой цепью, связывающей их. *«Он знает обо мне больше, чем кажется»*, — догадка заставила её вздрогнуть. Она натянула тактический жилет, чувствуя, как броня плотно облегает тело. Ей казалось, что она одевается не для миссии, а для дуэли, где противником будет не хаос Сектора «Зеро», а этот мужчина с рубиновыми глазами. Его поведение ломало все шаблоны системы, и это пугало её больше, чем перспектива сгореть в пространственном разрыве. Защёлкнув последний карабин, девушка взглянула в зеркало. Из отражения на неё смотрел надзиратель, готовый к бою, но в глубине зрачков всё ещё металась испуганная девчонка. Час истёк. Пора было идти к шлюзу перемещений, туда, где её ждал человек, ставший в один миг персональным проклятием.

Селена вышла к назначенному месту, чеканя шаг по матовому полу. Издалека она увидела его, и на мгновение замедлилась, не узнав со спины. Р-1 сменил свой величественный облик на штурмовое снаряжение спецподразделения «Резонанс». На нём был тяжёлый тактический доспех из матового композита, который не отражал свет, а будто поглощал его. Вместо длинного пальто — укороченная куртка из плотного армированного волокна, подогнанная точно по фигуре, и высокие берцы на массивной подошве. На бёдрах крепились дополнительные подсумки и кобура с импульсным излучателем. На голове — шлем, венчая этот образ идеальной машины для убийства.

— Ты опоздала на семь секунд, — произнёс он, не оборачиваясь. Его голос прозвучал низко, вибрируя в унисон с гулом работающих систем слежения.

— Виновата. Заминка в Арсенале, — Селена вытянулась в струнку, чувствуя, как под его невидимым взглядом кожа покрывается мурашками.

Он медленно повернулся, в этом снаряжении кажущийся ещё крупнее и опаснее. Широкие плечи, стянутые ремнями разгрузки, и рубиновые глаза, сверкающие из-под забрала, создавали образ хищника, вышедшего на тропу войны. Он окинул её быстрым, оценивающим взглядом, проверяя, как сидит на ней броня.

— В Секторе «Зеро» твои оправдания никого не интересуют. Там время не идёт по прямой, оно петляет и кусает само себя за хвост. Семь секунд там могут превратиться в столетия агонии. Запомни это.

Он подошёл вплотную, и Селена снова ощутила этот удушливый запах озона и старой стали. Он был так близко, что она видела отражение огней помещения в его глазах.

— Готова? — короткий вопрос, похожий на удар хлыста.

— Так точно.

— Тогда не надейся на то, чему тебя учили наставники-теоретики. В Секторе «Зеро» правила Системы — это лишь шум. Там важна только твоя чистота резонанса.

Он резко взмахнул рукой, и прямо перед ними реальность начала рваться, обнажая изнанку мира — бездонную, шевелящуюся мглу, прошитую вспышками белого электричества. Портал в Сектор «Зеро» не был аккуратным кольцом, он выглядел как зияющая рана в пространстве.

— Шагай первой, — приказал он, и в его голосе проскользнула странная, почти торжественная нота. — Покажи мне, насколько глубоко ты готова зайти в эту кроличью нору.

Селена сглотнула вязкую слюну. Страх парализовал ноги, но его присутствие за спиной, тяжёлое и властное, толкало вперёд сильнее любого приказа. Она сделала шаг в ревущую пустоту разлома. В тот миг, когда холод небытия коснулся её лица, она почувствовала, как он шагнул следом. Мир исчез. Остался только бешеный ритм сердца и его рука, которая на долю секунды крепко сжала её плечо в этом прыжке в неизвестность.

Выход из портала был похож на падение в ледяную воду. Реальность обрушилась на Селену хаосом искажённых звуков и всполохов. Здесь не было привычных прямых углов и бесконечных коридоров: стены изгибались, местами превращаясь в прозрачную дымку, сквозь которую виднелись другие, заброшенные слои Лабиринта. Селена пошатнулась, её вестибулярный аппарат взбунтовался, не понимая, где верх, а где низ, но тяжёлая рука Р-1 на плече не дала ей упасть. Он стоял рядом — монументальный, в своём матовом доспехе, совершенно невозмутимый перед лицом этого пространственного шторма.

— Не пытайся фокусировать взгляд на стенах, — его голос прогремел как гром. — Смотри в центр потока. Здесь всё — иллюзия, кроме твоего собственного центра тяжести.

Селена глубоко вдохнула колющий, пахнущий озоном воздух. Она видела, как в нескольких метрах от них кусок пола медленно растворяется, обнажая бездну, а затем срывается вновь, но уже из другого материала.

— Зачем мы здесь? — спросила она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Мужчина сделал шаг вперёд, и его ботинки глухо ударили по вибрирующей поверхности.

— Видишь ту пульсацию в конце пролёта? — он указал на сгусток энергии, который сжимался и разжимался, как больное сердце. — Это «Язва». Она высасывает стабильность из пространства.

Он обернулся к ней, и рубиновый свет его глаз в этом полумраке казался единственным твёрдым ориентиром.

— Используй свою гибкость, которой нет у других, хотя бы на 0,04%. Ты должна войти в контакт с этой аномалией и убедить её, что она — часть тебя. Подчини её ритм своей воле.

Селена посмотрела на чёрную дыру, от которой исходил стон тысячи искажённых голосов. Это было то самое «самоубийство», о котором она говорила, но в его приказе почувствовался вызов: он не просто проверял её силу, он заставлял её коснуться самой сути Лабиринта.

— А что будете делать вы? — она взглянула на него снизу вверх.

— Я буду держать периметр, чтобы это место не сожрало нас обоих раньше времени, — он выхватил из кобуры импульсный излучатель и проверил заряд. — Идём. И помни: если ты потеряешь ритм, я не смогу тебя вытащить.

Они медленно подошли к пульсирующей тьме. С каждым шагом её частота 10:23 начала вибрировать всё сильнее, отзываясь на зов Язвы. Она чувствовала взгляд мужчины на своей спине — тяжёлый, контролирующий, но теперь в нём было нечто большее. Словно он стоял не как надзиратель, а как живой щит между ней и окончательным безумием. Она была М-4-10:23, и это была её первая битва за право называться Архитектором.

Селена решительно кивнула сама себе: *«Я вытрясу из него правду. И про восемьсот сорок две жизни, и про эти чёртовы сотые доли процента»*. Его поведение не укладывалось в логику Лабиринта. Надзиратели не вытаскивают пленных из обморока, не носят их на руках и уж точно не охраняют спину в Секторе «Зеро», как преданные няньки. В каждом его жесте, в

каждом взгляде рубиновых глаз сквозила тайна, которая жгла её сильнее, чем электрические разряды в Яме. Но сейчас вопросы должны были подождать. Перед ней пульсировала Язва — живой разрыв в ткани реальности, изрыгающий холод и хриплый шёпот тысяч потерянных душ.

Девушка глубоко вздохнула, чувствуя, как за спиной замер тяжёлый, неподвижный силуэт Р-1. Его присутствие давило, но в то же время служило единственным якорем в этом плывущем мире. Селена медленно протянула руки вперёд, навстречу клубящейся тьме. Пальцы коснулись границы аномалии, и пространство мгновенно отозвалось резкой, вибрирующей болью. Это не было физическим касанием — это было столкновение двух волей. Селена закрыла глаза, отсекая визуальный хаос Сектора «Зеро», и сосредоточилась на внутреннем ритме.

Она начала транслировать свою частоту в самое сердце Язвы. Сначала она сопротивлялась, пытаясь поглотить её, выпить ментальную энергию досуха. Но девушка не боролась с ней грубой силой. Она использовала ту гибкость, о которой говорил Высший. Селена начала подстраиваться под хаотичное биение чёрного сгустка, мягко, слой за слоем, навязывая ему свой собственный темп.

— Не дави... — прозвучал его голос, низкий и предостерегающий. — Стань её частью. Позволь энергии течь сквозь тебя.

Она почувствовала, как её тело пронзает холод, а по венам будто потекло битое стекло, но не отступила. Её ладони погрузились в чёрную субстанцию. Частота 10:23 в её груди начала разгоняться, входя в контакт с аномалией. Воздух вокруг заискрился. Чёрная мгла Язвы начала светлеть, приобретая стальной оттенок. Селена чувствовала каждую нить пространства, каждую прореху в коде этого Измерения. Она не просто «разглаживала» сгусток — она переписывала его структуру, превращая разрушение в стабильность.

Сзади Р-1 крепче сжал рукоять излучателя. Его глаза не отрывались от её тонкой фигурки, которая сейчас казалась ослепительным центром шторма. Он видел, как девушка справляется, как её «ошибка» превращается в совершенный инструмент созидания. В этот момент он был готов обрушить всю мощь своего оружия на любого, кто посмел бы прервать этот сакральный процесс. Для Системы это была «калибровка», но для него это был момент, когда Селена — какая бы итерация это ни была — снова доказывала, что она сильнее этой бездны.

Чёрная субстанция Язвы сопротивлялась, выкручивая девушке суставы невидимыми рычагами. В ушах стоял гул, переходящий в ультразвук, а перед закрытыми глазами вспыхивали искры — белые, холодные, мёртвые. Она чувствовала, как Лабиринт пытается раздавить её за дерзость, за попытку коснуться его изнанки голыми руками.

— Держи ритм, — голос Высшего стал твёрже, почти осязаемым как физическая опора. — Не дай хаосу диктовать условия. Стань его центром.

Селена сжала зубы до хруста. Если Система ждала от неё прямого столкновения, она пойдёт в обход. Девушка расслабила плечи, позволяя чёрным нитям оплести свои предплечья. Она не выталкивала тьму — она всасывала её в себя, пропуская будто через фильтр. В этот миг всё изменилось. Рёв Язвы сменился глубоким, вибрирующим басом, который вошёл в идеальный унисон с её сердцем. Селена почувствовала, как пространство под её пальцами из жидкого и враждебного становится податливым, как глина. Она начала «сшивать» края реальности, накладывая ментальные стежки один за другим.

Чёрный сгусток начал сжиматься, теряя свою агрессивную форму. Вспышка ослепительно света на мгновение залила пространство, выбеливая всё вокруг. Девушка глубоко и громко выдохнула — не от боли, а от колоссального опустошения. Аномалия схлопнулась. На её месте осталась лишь идеально гладкая стена из матового антрацита, холодная и безмолвная. Селена пошатнулась. Силы оставили её мгновенно, как выключенный ток. Она начала оседать

на пол, но Командир оказался рядом в долю секунды. Его тяжёлая рука в тактической перчатке подхватила её под локоть, не давая упасть.

— Работа выполнена, — сухо произнёс он.

Она тяжело дышала, глядя на свои руки — на них всё ещё мерцали остатки статического электричества. Медленно, преодолевая ватную слабость, она подняла голову и посмотрела ему прямо в лицо. Забрало больше не скрывало его глаз — рубиновые угли светились совсем рядом. Зрительный контакт длился лишь секунду, острую и болезненную, как вспышка разряда. Р-1 резко отвернулся, намереваясь сделать шаг в сторону, разорвать эту опасную близость и вернуть себе маску холодного командира, но Селена не позволила. Прежде чем он успел отстраниться, она мёртвой хваткой вцепилась в его предплечье, обтянутое плотной тканью спецнаряжения. Её пальцы сжали его руку, а глаза сверкали лихорадочным, непокорным огнём. В этом жесте не было и тени почтения к Высшему, не было страха перед карателем. Это был вызов равного, требование того, кто только что заглянул в бездну и вернулся обратно.

Минута абсолютного молчания окутала их, поглощая гул Сектора «Зеро». Казалось, само время завязалось узлом вокруг этой точки соприкосновения. Он замер, глядя на её руку на своём рукаве, и в этой неподвижности чувствовалось колоссальное напряжение — словно плотина вот-вот рухнет под напором их общего резонанса.

— Не здесь... — ответил он наконец. Его голос прозвучал тише и мягче, лишённый металлической сухости приказов.

В этом коротком ответе Селена услышала не отказ, а признание. Его прямой, пронзительный взгляд заставил её медленно, палец за пальцем, разжать хватку и опустить руку. Она почувствовала, как между ними прошёл невидимый ток — не обжигающий, а горький и глубокий. Они вместе развернулись и зашагали обратно к мерцающему разлому портала. Тяжёлые ботинки Р-1 и быстрые шаги Селены звучали в унисон. Они уходили из «Зеро», оставляя за собой восстановленную тишину, но унося с собой тайну, которая теперь жгла их обоих. Ответы были близко, в тех зонах тени, где надзиратели превращаются в людей, а номера — в имена, которые Лабиринт так старательно пытался стереть.

Возвращение в Сектор «R» прошло в гнетущем, почти ритуальном молчании. Как только портал за их спинами захлопнулся, магия «Зеро» исчезла, уступив место стерильной дисциплине. Р-1 сразу вернул себе маску непроницаемого командира, его шаги снова стали чеканными и холодными. Селену изнутри буквально выжигало недовольство, смешанное с лихорадочным любопытством, но она заставила себя молчать. Девушка выучила главный урок Лабиринта: терпение — это тоже оружие. Она послушно последовала в Арсенал, где медленно, с каким-то механическим упорством, снимала тяжёлую экипировку. Каждый ремень, каждый карабин поддавался с трудом, пальцы всё ещё подрагивали от пережитого стресса.

Затем последовал томительный час бумажной волокиты. Селена сидела за терминалом, составляя официальный рапорт. Врать не было смысла — Система и так зафиксировала всплеск её силы. Она сухим, канцелярским языком описала процесс «разглаживания» Язвы, превращая свой триумф в скучную последовательность ментальных команд. Она видела, как алгоритмы принимают её отчёт, помечая её способности как «стабилизированный актив». Всё это время она чувствовала присутствие мужчины где-то в недрах штаба. Он не вызывал её, не присылал сообщений. Высший тоже был занят — он проверял данные, закрывал протоколы и, вероятно, сочинял свою версию произошедшего для Хозяйки.

Лишь когда последние цифры были внесены, а дежурный офицер принял её пропуск, Селена направилась к его кабинету. Она знала, что он ждёт. Тот короткий ответ «не здесь» в Секторе «Зеро» теперь горел в её сознании ярче рубиновых ламп. Она больше не была просто подчинённой, идущей на доклад. Она была тенью, идущей за своей правдой. Девушка остановилась перед знакомой дверью. Сердце колотилось в горле, перекрывая гул вентиляции. Она глубоко вдохнула, поправила китель и коснулась сенсора вызова. Время официальных отчётов

закончилось. Наступило время ответов, которые не вносятся в реестр. Она вошла в кабинет с той же внешней выправкой, что и несколько часов назад, но в её движениях больше не было рабской осторожности.

— Рапорт о стабилизации Сектора «Зеро» отправлен в общую сеть, Командир. Данные классифицированы и заархивированы, — отчеканила она, но её взгляд, острый и требовательный, впился в него, игнорируя все правила субординации. Это был не доклад подчинённого, а ультиматум.

Р-1, снова сидевший в одной чёрной рубашке, медленно откинулся на спинку кресла. Тень усмешки тронула его губы — он заметил, как быстро в этой девчонке выгорел страх перед его статусом. Она больше не видела в нём Высшего, она видела в нём должника, который задолжал ей правду длиной в восемьсот с лишним жизней.

— Твоя самоуверенность растёт быстрее, чем твои показатели проводимости, — негромко произнёс он, закрывая голографическую панель.

Мужчина поднялся из-за стола, беря в руки китель. Он не проронил ни слова, лишь коротким, властным кивком приказал ей следовать за собой. Селена шла по пятам, чувствуя, как напряжение между ними натягивается, словно струна под лезвием. Они миновали несколько уровней допуска, спустились на лифте в закрытый жилой блок, куда вход рядовым надзирателям был заказан, и остановились перед массивной дверью из матового металла. Когда сенсор считал его ладонь, дверь бесшумно ушла в сторону.

Селена переступила порог и замерла. Это не была каюта или технический бокс. Это были личные покои, пространство, которое казалось вырванным из другого мира. Полумрак, мягкий свет скрытых ламп, тяжёлая мебель и — что поразило её больше всего — книжные полки. В мире цифровых логов и энергетических всплесков настоящая бумага выглядела, как святотатство. В воздухе плыл едва уловимый аромат корицы и старого дерева, такой чужой для стерильного Лабиринта, что у Селены на мгновение закружилась голова.

Дверь за ними закрылась с тяжёлым, окончательным щелчком. Гул Системы, этот вечный фоновый шум, к которому она привыкла за месяцы, внезапно исчез. Наступила абсолютная, почти пугающая тишина, когда девушка ощутила сзади на своей шее его дыхание:

— Так и продолжишь стоять в дверях?

Селену прошиб электрический ток, но не тот, системный, а живой, обжигающий. Она замерла, не понимая, зачем он привёл её в свои личные покои. В голове промелькнула дикая, почти запретная мысль, от которой сердце пропустило удар. Она осторожно, словно боясь спугнуть мгновение, обернулась. Р-1 стоял совсем рядом, и на его лице играла едва заметная, непривычная улыбка. Его глаза в полумраке комнаты сверкали мягким рубиновым светом, и было очевидно: он откровенно наслаждается её замешательством. Это зрелище было настолько неестественным для «карателя», что кровь прилила к лицу девушки. В тусклом сиянии ламп мужчина казался таким настоящим, живым, лишённым этой угольной брони, что та невольно вздрогнула.

— Здесь нет прослушки и камер... — медленно произнёс он, сокращая дистанцию до опасного минимума.

Селена затаила дыхание, ожидая чего угодно, но в последнюю секунду он просто прошёл мимо, едва задев её плечом, и направился вглубь комнаты.

— Можем поговорить спокойно, без номеров и протоколов, — добавил он, не оборачиваясь.

Девушка стояла совершенно обескураженная. Эта резкая смена поведения выбила её из колеи сильнее, чем прыжок в Сектор «Зеро». Она ловила себя на том, что наблюдает за ним жадно, почти лихорадочно. В этом кабинете, в этих тенях, он будто перестал быть частью Системы. Мужчина казался выходцем из другого мира — того самого, который она видела в своих редких, ускользающих снах.

— Вы... вы привели меня сюда, чтобы ответить на вопросы? — её голос прозвучал тише, чем она планировала, выдавая волнение.

Он обернулся, опираясь руками о край массивного стола, и в этой позе было столько усталой грации, что Селена снова почувствовала, как резонанс внутри неё начинает вибрировать на новой, незнакомой частоте.

— А ты решишься их задать или так и продолжишь стоять на пороге, как испуганный котёнок? — его голос хлестнул по её гордости, мгновенно разрушая оцепенение.

Девушка с силой сглотнула. Эта издёвка подействовала именно так, как он рассчитывал — страх отступил, уступая место холодной решимости. Она сделала твёрдый шаг навстречу, сокращая дистанцию, и посмотрела ему прямо в глаза.

— Тогда расскажите: что это за 842 жизни и 0,04%?

Он лишь лениво махнул рукой, словно отгоняя назойливое насекомое.

— Нет-нет. Опустим эту сверку фактов, ты и так сама уже всё прекрасно знаешь, — он сделал короткую паузу, и на его губах расцвела понимающая, почти общинническая улыбка. — Ты просто не могла попасть в Архив и не проштудировать информацию о себе. Я слишком хорошо тебя знаю.

Озноб прошёл Селену насквозь. В голове, словно набатом, пульсировала одна пугающая мысль, требующая подтверждения.

— Так это правда? Мы с вами уже были знакомы? Сколько раз?

— А есть ли разница между десятками и сотнями? — спросил он, продолжая сверлить её взглядом, в котором читался вековой опыт их столкновений.

Он был прав. Сейчас это было лишь её личное любопытство, жажда заполнить пустоту в памяти, но никак не жизненно важная информация. Селена тряхнула головой, сбрасывая наваждение.

— Тогда спрошу прямо, — её голос стал сухим и твёрдым, как гранит. — Вы друг или враг?

Она ударила пугающе точно, целясь в самую суть их странной связи. Мужчина ничего не ответил. Он лишь медленно отвёл взгляд, и Селена увидела, как он пытается подавить внутри себя нечто тёмное, тяжёлое, что едва не вырвалось наружу. Он медленно выпрямился.

— А что тебе подсказывает твоё чутьё? — спросил он, снова приближаясь.

Между ними осталось всего пара шагов. Воздух в комнате, казалось, наэлектризовался.

— Что вы опасны и вам нельзя доверять, — честно выдохнула она.

Он снова улыбнулся — на этот раз горько и одобрительно.

— Именно... — он выдержал тяжёлую паузу, глядя на неё сверху вниз. — Доверяй только себе и своему чутью. Оно ведь никогда не подводило тебя...

Что-то в его тоне не давало девушке покоя. Эта недосказанность за спиной его слов. Он был пугающе честен в своей опасности, и эта откровенность сбивала с толку больше, чем любая ложь. Он не обещал спасения, он лишь подтверждал её страхи, и в этой комнате, лишённой глаз Системы, его честность казалась самым изощрённым видом пытки.

— Тогда что у нас за отношения? — спросила Селена, и вопрос её повис в воздухе тяжёлым невидимым маятником. — Я должна понимать, как относиться к вам... Скажите что-нибудь, что знаю только я.

Мужчина внимательно смотрел на неё, и в этом взгляде на миг промелькнуло что-то пугающе человеческое — смесь нежности и бесконечной скорби.

— Если мы были близки... — девушка сделала паузу, пытаясь унять дрожь в голосе, — то вы должны быть в курсе хотя бы одного моего секрета. Расскажите то, чего нет в отчётах Системы.

Он слегка улыбнулся, наблюдая за тем, как она отчаянно пытается нащупать опору в пустоте своей памяти. Он медленно сократил расстояние, пока между ними не осталось ничего, кроме густого, наэлектризованного воздуха.

— Секрет? — его голос стал тише, приобретая ту самую глубину, которая заставляла её резонанс 10:23 вибрировать под кожей. — Твой самый главный секрет в том, что Системе известны не все твои таланты. Именно поэтому ты всегда была так чертовски осторожна в их использовании.

Он смотрел ей прямо в глаза, не давая отвести взгляд. Селена затаила дыхание. Сердце в груди забилося о рёбра, как пойманная птица. Этих общих слов ей было, очевидно, недостаточно — она требовала взглядом, чтобы он сорвал покровы до конца.

— Например, — продолжал он, и в его голосе проскользнула пугающая уверенность, — я знаю, что помимо полётов и ментального воздействия на объекты, ты умеешь создавать собственные порталы. Именно эта твоя чувствительность к ментальной структуре среды позволяет тебе замечать изгибы пространства раньше, чем они происходят в реальности. Ты видишь трещины в ткани мира до того, как они станут видимы для датчиков.

Девушка замерла. Она жадно следила за его мимикой, пытаясь разгадать этот сложный шифр: кто он на самом деле? Союзник, выжидающий момента, или самый изощрённый из провокаторов, который сейчас просто зачитывает ей смертный приговор?

— Но у тебя есть ещё один секрет, — голос его стал мягче, приобретая вкрадчивую, почти интимную таинственность. — Ты назвала это поглощением. Ты можешь не просто стабилизировать других, Селена. Ты можешь похищать ментальное здоровье, выпивать саму суть существа, чтобы восполнить свои силы...

Это стало последней каплей. Реальность в комнате на мгновение дрогнула. Это знание было слишком личным, слишком тёмным. Оно не могло быть в отчётах, потому что она сама боялась этой силы и ни разу не применяла её в этом цикле.

— Откуда... откуда ты это знаешь? — её голос сорвался на шёпот, полный ужаса.

Если он знал об этой её стороне — о способности быть паразитом, высасывающим чужие души, — значит, он видел её в те моменты, которые она сама предпочла бы стереть из всех восьмисот сорока двух итераций. Это означало, что их связь была глубже и страшнее, чем просто знакомство. Он был свидетелем её падения, и теперь он стоял здесь, в полумраке своих покоев, владея самой тёмной частью её существа. Девушка отшатнулась, словно от физического удара. Холодный пот прошиб её спину. Эти слова были не просто констатацией фактов — они были приговором. Знание о её способности похищать ментальное здоровье других было тёмным пятном, которое она прятала даже от самой себя. Это была та самая черта, которая делала её опасной не только для Системы, но и для всего живого.

— Откуда! — голос сорвался, превратившись в хрип. — Как ты можешь это знать? Я не... я не использовала это здесь. Ни разу.

Мужчина медленно сократил расстояние, и в этот раз Селена не смогла пошевелиться. Его аура окутала её, подавляя волю. Он наклонился к самому её лицу, и рубиновый блеск его глаз стал невыносимо ярким.

— Потому что в 511-ой итерации ты выжила только благодаря этому, — прошептал он, и его дыхание коснулось её губ.

Он сделал паузу, и его пальцы, затянутые в белую ткань перчатки, осторожно, почти нежно, коснулись её шеи, там, где бешено билась жилка.

— Момент был критическим... и ты, — он смотрел прямо ей в глаза, и в их рубиновой глубине вспыхнуло что-то пугающе живое, — попросила *«поделиться с тобой жизненной силой»*.

Селена застыла. Эти слова ударили сильнее, чем электрический разряд. Она не просто «крала» энергию — она брала её у него? В той, другой жизни, стёртой из памяти, она добро-

вольно открыла своё сознание, чтобы впустить в себя его суть? Воздух в комнате стал невыносимо густым, почти осязаемым. Атмосфера натянулась как струна, готовая лопнуть от малейшего звука, сковывая движения Селены невидимыми путами. Она стояла не шелохнувшись, чувствуя, как тепло его ладони через кожу перчатки проникает в её собственную кровь. *«Что это был за момент?»* — лихорадочно соображала она. — *«И что происходит сейчас?»* В полумраке его апартаментов время снова начало искажаться. Селена видела перед собой не Высшего надзирателя, а мужчину, который знал вкус её страха и цену её выживания. Резонанс 10:23 между ними зазвучал низким, вибрирующим аккордом, стирая границы между прошлым и настоящим. Он не убирал руки. Его пальцы продолжали лежать на её шее, и это прикосновение было одновременно и лаской, и смертельным захватом.

В ту же секунду в сознании девушки, пробив плотину забвения, вспыхнули ослепительные образы. В тех бесконечных Измерениях снов она не была жертвой. Она была стихией. Как дикий, первобытный зверь, она скользила между мирами, охотясь на души других, впитывая их сияние, чтобы продлить свой бесконечный полёт. Тогда она не знала жалости, только голод и упоение собственной мощью. Но здесь, в полумраке этих покоев, всё перевернулось. Под тяжёлым, пронизывающим взглядом рубиновых глаз Селена вдруг ощутила, как её бывшая хищная натура съёживается и отступает. Та, что когда-то потрошила чужие сознания ради забавы, теперь сама была загнана в угол.

— В чём дело? — низкий голос выбил её из вихря пугающих озарений.

Мужчина уже стоял перед ней, убрав руку. Между ними снова образовалась дистанция, но воздух всё ещё вибрировал от его слов.

— Ты ведь сама попросила рассказать секрет... — он произнёс это почти буднично, но в глубине его глаз всё ещё тлели угли того самого знания, которое он только что обрушил на неё.

Селена лихорадочно соображала. Если другая её версия — та, что была в 511-й итерации — доверила ему свою истинную, пугающую суть, значит, они и впрямь были близки. Можно ли было доверять ему сейчас? Его мундир, его статус карателя, его ледяная маска — всё кричало о том, что верить ему не стоит. Но этот измученный, вековой взгляд, который он на мгновение обнажил, не давал ей покоя. Это был взгляд человека, который слишком долго нёс чужую ношу.

— Как тебя зовут? — спросила она вдруг, и тишина в комнате мгновенно стала острой как лезвие.

Мужчина замер. Плечи под тонкой тканью мундира напряглись. Он явно не ожидал от неё столь быстрого принятия ситуации и такого прямого, почти запретного вопроса. В мире номеров и секторов имя было ключом к личности, которую Система пыталась стереть. Девушка глубоко выдохнула, стараясь унять дрожь и собрать мысли воедино. Она больше не пыталась казаться испуганным котёнком.

— Раз ты так много знаешь обо мне... Не честно, что я о тебе ничего не знаю, — её голос окреп, в нём зазвучало требование.

Он медленно скользнул взглядом по её лицу. В полумраке его черты казались высеченными из камня, но губы дрогнули в едва заметной, горькой усмешке. Он молчал долго, словно пробовал это забытое слово на вкус, прежде чем выпустить его в эфир этой защищённой комнаты.

— Кайл, — выдохнул он, и это имя прозвучало как пароль от забытого мира. — В той реальности, которую ты забыла, меня звали Кайл.

Селена повторила это имя про себя, и её частота 10:23 отозвалась мягким, узнающим толчком где-то под рёбрами. Кайл. Теперь он перестал быть просто Р-1-10:23. Он стал человеком с прошлым, которое они делили на двоих, и это знание теперь связывало их крепче, чем любые цепи Лабиринта. Она видела, как он ждал её реакции, и понимала: маски сорваны, и пути назад к простому подчинению больше нет.

— И что теперь? — спросила она чуть более решительно. — На чём мы остановились в прошлый раз?

Девушка смотрела прямо ему в глаза, пытаясь выудить из рубиновой глубины хоть крупицу истины.

— Мы ведь пытались сбежать? — вглядывалась она в его лицо, подмечая каждую деталь. — Как далеко мы смогли зайти? И как мы вообще познакомились? В мире, где каждый желает тебе смерти... Как так вышло, что мы доверились друг другу?

Её взгляд изучал его как под микроскопом, сканируя мимику, жесты, малейшее движение зрачков. Она искала в этом карателе того, кому когда-то открыла свою самую тёмную сторону.

— Подсказка находится в наших серийных номерах... — с едва заметной, довольной улыбкой произнёс он. Было видно, что его забавляет, как быстро она входит в ритм и начинает складывать мозаику.

— 10:23? — сообразила она. В памяти тут же всплыли слова из отчёта про частоту резонанса. — Мы как-то среагировали друг на друга?

Кайл коротко кивнул, и в этом жесте было признание их общей, неразрывной природы.

— Ты помнишь, как мы впервые встретились в Секторе «М»? — его голос стал тише, приобретая вибрирующую глубину. — Ты почувствовала меня раньше, чем я физически появился в том Измерении. Твой резонанс начал биться о стенки сознания, предупреждая о приближении чего-то... идентичного.

Селена замерла. Она вспомнила тот первый день: за секунду до того, как открылся портал и из него вышел этот пугающий мужчина, её пробила странная дрожь. Она тогда списала это на животный ужас, но теперь понимала — это был скорее зов. Её 10:23 узнало его 10:23 сквозь слои пространства и времени. Девушка сузила глаза, пытаясь поймать в его лице хоть тень лжи. Факты рассыпались перед ней, как битый пиксельный код.

— Однако этот резонанс не даёт никаких гарантий, — размышляла она вслух, чеканя каждое слово. — Чисто по статистике, он может совпасть у многих. И учитывая, что мы изначально из разных Секторов и Измерений, шанс, что мы окажемся заодно, катастрофически мал. Что изменилось в тот раз?

Кайл отошёл к терминалу, его пальцы привычно пробежали по сенсорам, отсекая последние шансы на внешнее прослушивание.

— Ты знаешь, что пленникам запрещено рассказывать про циклы, — продолжил он, не оборачиваясь. — Это базовая директива. Она нужна, чтобы минимизировать процент отклонения в поведении при обнулении. Ты появлялась в Секторе «М-4» более восьмисот раз, и каждый раз тебя перекидывали в новые локации для работы, стирая связи.

— Да, в этом я и сама разобралась, — перебила она его, не желая слушать очевидное.

— Так мы и пересекались с тобой. Каждый раз, когда наши маршруты скрещивались в коридорах, мы чувствовали этот гул. Этот резонанс заставлял нас оборачиваться. Вопросы накапливались от встречи к встрече. Так мы и стали сообщниками.

— Это ты рассказываешь свой путь... — горько заметила девушка.

— И некоторые наши версии не раз повторяли его, — он наконец повернулся, и в его взгляде вспыхнула жёсткая искра. — Мы всегда находили друг друга. Это системная константа.

— Тогда почему в этот раз всё по-другому? — Селена сделала шаг вперёд, сокращая дистанцию. — Моя трансформация в надзирателя... Это твоих рук дело?

— Нет, — Кайл ответил мгновенно и твёрдо. — Я к этому отношения не имею. Система не позволила бы мне провести такую манипуляцию.

— Но ты был там! — она почти крикнула это, её существо завибрировало от возмущения. — Ты вышел из стены, и сразу после этого я стала надзирателем. Это не может быть совпадением!

Мужчина молчал, и эта тишина пугала больше, чем его признание. Он смотрел на неё так, будто видел не одну Селену, а все восемьсот сорок две сразу. Его взгляд был тяжёлым, пропитанным вековой усталостью и чем-то, что девушка не могла разобрать — то ли милосердием, то ли высшей формой безразличия.

— Время от времени я навещал твои итерации, — заговорил он наконец, и его голос в пустой комнате прозвучал как шелест осыпающегося камня. — У каждой из них был свой путь, вмешиваться в который я не мог, иначе меня бы обнулили. Мне оставалось просто наблюдать и ждать... Ждать, какая из них решится изменить свою судьбу.

Девушка молчала, лихорадочно обдумывая его слова. Каждое «навещал» в его устах означало сотни лет ожидания в тени. Она представила его — неизменного, в этом чёрном мундире, смотрящего через экраны наблюдения на то, как она раз за разом падает, ломается или стирается в пыль.

— И сколько моих версий смогли добраться до тебя нынешнего? — спросила она, и её голос дрогнул.

Вопрос повис в воздухе, заставляя гул вентиляции казаться оглушительным. Селена видела, как напряглась его челюсть.

— Четыре, — произнёс он спокойно, но в этой простоте скрывалась бездна.

Девушка сделала глубокий вдох, ресницы задрожали. Нервы ходили ходуном, а в висках стучало. Из восьмисот сорока двух попыток — всего четыре. Статистика выживания была ничтожной, почти невозможной.

— И они все, очевидно, не справились... — закончила она за него, выдохнув.

Они смотрели друг на друга в упор. Это была тяжёлая минута осознания. Кайл на своём веку Главнокомандующего Сектором «R» пережил четыре её версии. Четыре раза он видел, как она доходит до его порога, как она вспоминает его имя и четыре раза он видел, как её свет гаснет навсегда. В голове Селены бушевали вопросы, один страшнее другого. Если те четверо были сильнее, опытнее и дошли до этой комнаты — почему они проиграли? Что стало с ними? И не является ли его нынешнее «приглашение» просто пятым разом в этом бесконечном списке потерь? Она искала в его глазах хоть какой-то знак, но видела лишь отражение собственной тревоги.

— Что с ними стало? — её шёпот разрезал тишину. — Ты сам их обнулil? Или это сделала Система, когда вы подошли слишком близко к выходу?

— Система постоянно сталкивает нас лбами, — Кайл отошёл к окну, и его силуэт на фоне огней Лабиринта показался девушке бесконечно одиноким. — Предательства сменяются предательствами, циклы — циклами. Не все твои итерации могли вынести этот накал. Было время, когда в Системе одновременно существовало тринадцать «тебя» в разных Секторах.

Он коротко, невесело усмехнулся, не оборачиваясь.

— Я думал, Система сошла с ума. Ты и недели не могла прожить без обнуления. Тебя стирали так часто, что я всерьёз начал бояться, что от той девушки, которую знал я, не останется даже тени...

Селена молчала, переваривая услышанное. Тринадцать копий. Недели жизни. Дикая карусель смертей, в которой он был единственным постоянным зрителем.

— А что насчёт тебя? — вдруг спросила она, и в её голосе прорезалось острое подозрение. — Какой по счёту ты?

— Триста двадцать шестой, — ответил он мгновенно. Его лицо оставалось непроницаемым, будто из фарфора.

Селена не сдержала горькой усмешки. Триста двадцать шесть против её восьмисот сорока двух. Разрыв в опыте и, возможно, в степени «сохранности» души был очевиден.

— Это не потому, что я не сражался за свою свободу, — отчеканил он, безошибочно считав её мысли. — Не думай, что кресло Высшего досталось мне на тарелочке. Просто эта

вариация меня решила пробиться наверх во что бы то ни стало. Чтобы иметь возможность помочь тебе в другой жизни. Стать системным игроком, у которого есть рычаги влияния.

Наступила тяжёлая, свинцовая пауза. Селена смотрела на него и видела за этим признанием годы — или века — жестокости, которую он был вынужден носить как вторую кожу. Вся та кровь на его руках, весь тот ужас, который он внушал подчинённым, — всё это было ценой за право сидеть в этом кабинете и ждать её появления. Усталость в его глазах теперь казалась ей не просто признаком возраста, а клеймом этой бесконечной жертвы. Мужчина тяжело облокотился на шкаф с книгами, стоявший рядом.

— Были итерации и после меня... — тихо продолжил Кайл. — Доступа к своему личному делу я не имею, но не думаю, что кто-то из моих «последователей» добился чего-то подобного. И какой сейчас по счёту «Я» существую в реальности Лабиринта — не знаю. Может быть, мой счётчик уже тоже перевалил за восемьсот...

Он замолчал, и Селена поняла: он такой же узник, как и она, просто его клетка больше и обставлена лучше. Но его 326-й номер, застывший в её сознании, стал символом воли, которая не просто сопротивлялась, а методично строила стратегию спасения на протяжении сотен её смертей.

— И что теперь? — спросила она, чувствуя, как внутри неё пробуждается та самая 842-я версия, которая не хочет становиться 843-й. — Раз ты проложил этот путь наверх... что мы будем делать дальше?

Мужчина отстранился спиной от шкафа, и его движения в этой домашней обстановке казались непривычно мягкими. Он усмехнулся и тяжело опустился в глубокое кожаное кресло.

— Ты удивишься, но я мало что смог сделать без тебя... — Кайл покачал головой, и в его глазах промелькнула искра старого, почти забытого тепла. — В нашей связке я всегда был мышцами, а ты — мозгом. Это ты строила маршруты, ты видела лазейки в коде. Я лишь пробивал дорогу там, где ты указывала.

Он на мгновение замолчал, и улыбка его стала горькой.

— Когда наши пути разошлись... — он сделал короткую паузу, и его лицо на миг исказилось, будто он коснулся открытой раны. — Мне пришлось стать Высшим. Чтобы выжить и сохранить хоть каплю влияния, я играл свою роль безупречно. Как видишь, свободного времени при такой нагрузке у меня почти не бывает. Я не мог допустить, чтобы Система или Хозяйка заподозрили во мне брешь, поэтому выполнял свои обязанности... самоотверженно.

Селена смотрела на него, пытаясь осознать масштаб этой «самоотверженности». Сколько жизней он сломал, сколько приказов отдал, чтобы просто удержаться в этом кресле ради призрачного шанса дождаться её?

— Тогда расскажи мне всё, чего я ещё не знаю, — произнесла она, и её голос зазвенел сталью.

Она подошла к его массивному столу и упёрлась в него руками, подавшись вперёд. Расстояние между ними сократилось, и теперь она смотрела на него сверху вниз, требуя правды без прикрас.

— Я должна знать обо всех ловушках, о каждом датчике и о каждом секретном протоколе Хозяйки. Я не собираюсь становиться восемьсот сорок третьей итерацией только потому, что чего-то не учла.

Кайл поднял на неё взгляд и невольно улыбнулся. Сердце в его груди, давно привыкшее к размеренному ритму Системы, пропустило удар. Как давно он не ощущал этого чувства — этого электрического напряжения, исходящего от неё. Она наконец-то стояла перед ним: не напуганный раб, не послушный надзиратель, а та самая Селена, решительная и опасная, способная бросить вызов самой реальности.

— Ловушек больше, чем ты можешь себе представить, — тихо ответил он, подаваясь к ней навстречу. — Лабиринт — это не здание, это алгоритм, который учится на твоих успехах.

Но теперь, когда у нас есть доступ к Центру наблюдения и твои способности Архитектора, мы начнём играть не против правил, а внутри них.

Он нажал скрытую кнопку на столе, и в центре комнаты вспыхнула сложная, многослойная голограмма «Резонанса», прошитая золотыми нитями, которых Селена не видела в общих архивах.

— Начнём с того, что Хозяйка — это не единственная проблема. Настоящий надсмотрщик здесь — это Система. Хозяйки сами по себе не имеют прямой связи друг с другом, как и остальные заложники Лабиринта, — Кайл откинулся в кресле, и его взгляд стал задумчивым. — Однако... Думаю, ты и сама уже догадалась. Ты можешь взаимодействовать с пространством и обитателями Измерений без особых преград. Теоретически ничто не мешает передать самой себе послание, в каком бы виде оно ни было. Главное, чтобы чисто физически ты и твой двойник не оказались рядом — этот резонанс Система заметит мгновенно.

— Только вот записки передавать никто не будет, — съязвила Селена, криво усмехнувшись. — Система сделала всё, чтобы настроить здесь всех против всех.

Мужчина согласно кивнул, признавая её правоту.

— Именно поэтому Хозяйки общаются друг с другом через Секретарей. Это уникальные люди, копий которых нет ни в одном другом Измерении. Они — исключения из правил Лабиринта.

— Значит, они могут беспрепятственно появляться где хотят... — Селена подхватила его мысль, и в её глазах блеснул азарт исследователя. — Это, должно быть, самые преданные её рабы, раз она даровала им такую свободу. Живые почтовые голуби в золотых клетках.

— Да. Они докладывают ей обо всём, что покажется подозрительным. И даже я, при всём своём статусе, не видел их всех в лицо. Они — тени, скользящие между швами реальности.

Девушка на мгновение замолчала, всматриваясь в Кайла. Она вдруг осознала весь масштаб его положения.

— Да ты по своей сути находишься в ещё более сжатых рамках, чем я, — размышляла она с неожиданным уколом сочувствия. — Находясь под прицелом стольких глаз, удивительно, что ты ещё не совершил роковой ошибки, живя на острие ножа.

— Просто всё это время рядом не было тебя, — Кайл улыбнулся, и в этой улыбке проскользнуло что-то мальчишеское, из какой-то прошлой их жизни. — Ты ведь так любишь вносить хаос во всё, к чему прикасаешься.

— Это ты меня сейчас упрекнул? — прищурилась она, но в её голосе не было злости.

Они оба улыбнулись. Эта пауза впервые за всё время показалась лёгкой, почти прозрачной. Селена вдруг поймала себя на мысли, что если вспомнить их первую встречу в Секторе «М» — ту ярость, тот животный страх и холод, — то сейчас атмосфера была совершенно иной. Словно они наконец-то вынырнули на поверхность, чтобы просто глотнуть воздуха перед следующим погружением.

— Тогда что на счёт других моих версий? — спросила Селена, и её голос в тишине комнаты прозвучал резко, возвращая их к суровой реальности. — Ты сказал, что контактировал лишь с четырьмя. Но что на счёт остальных? Ты знаешь, как далеко они смогли зайти?

Она сделала шаг к нему, и в её глазах вспыхнул азарт человека, нащупавшего след.

— В Архиве, в личном деле, мне оставила подсказку одна из итераций. Какая-то из версий смогла пробраться в святая святых, значит, она прошла гораздо дальше, чем просто коридоры Сектора «М»...

Кайл надолго задумался. Он смотрел на Селену, и в его взгляде боролись осторожность и невольное восхищение. Он оценивал риски: стоит ли вываливать на неё всю правду сейчас, когда её ментальное ядро и так работает на пределе.

— Мне моя роль надзирателя досталась слишком внезапно... — продолжала размышлять девушка, не дожидаясь его ответа. — Если это не ты подстроил мой перевод через портал,

тогда, я думаю, что это какая-то из моих прошлых версий могла постараться. Подготовила почву, взломала сценарий...

— Возможно... — ответил он отстранённо, его пальцы машинально коснулись края стола. — Либо Система сама приняла решение назначить тебя сразу, чтобы попробовать минимизировать риски. Держать тебя под прицелом в качестве надзирателя проще, чем ловить, как призрака в рядах пленных.

Он поднял на неё взгляд, и в нём промелькнула тень сомнения. Кайл встал и подошёл к ней почти вплотную.

— Ты должна понимать, Селена: Лабиринт не просто тюрьма, это самообучающаяся сеть. Если пробили брешь, то в следующий раз Система эту брешь залатает вдвойне. То, что сработало у другой, для тебя станет ловушкой. Нам нельзя повторять этот путь. Нам нужно создать абсолютно новое отклонение, которое не зафиксировано ни в одном из предыдущих восьмисот отчётов.

Селена внимательно слушала, впитывая каждое слово. Она понимала: он боится. Не за себя, а за то, что этот хрупкий шанс снова рассыплется в прах.

— Если нельзя войти через двери, — твёрдо произнесла она. — Значит, мы создадим свои собственные окна возможностей. С твоим доступом к «Резонансу» и моей способностью видеть изгибы пространства... мы вырежем себе новый выход.

Усталость в глазах Кайла на мгновение отступила, сменившись тем самым блеском, который она видела в Секторе «Зеро».

— Тогда нам нельзя спешить, — произнёс он и встал, расправляя плечи. — Первое, что мы должны сделать — убедить всех вокруг и саму Систему, что ты стабильна и больше не несёшь вреда. Любое подозрение приведёт к немедленному обнулению.

Он подошёл почти вплотную, и Селена ощутила, как комната снова наполнилась его плотной, властной аурой.

— А это значит, нужно разобраться с твоей силой, чтобы не допустить повторения ошибок в Яме, — он смотрел прямо ей в глаза, и в этом взгляде читалась суровая решимость учителя. — Я уже направил запрос на твоё полное подчинение моему подразделению. Теперь, после удачной вылазки в Сектор «Зеро», Хозяйка просто обязана его одобрить. Ей нужен рабочий инструмент, а не пороховая бочка.

Кайл сделал паузу, и его голос стал ещё тише, вибрируя на грани их общего резонанса.

— Я лично буду тренировать тебя. Мы превратим твой хаос в хирургическую точность. Нужно стабилизировать твои показатели до идеала, чтобы Система сочла тебя не просто «талантливым новичком», а незаменимым ресурсом, без которого Лабиринт начнёт рассыпаться. Только став частью механизма, ты сможешь найти в нём слабое место.

Селена слушала его, чувствуя, как внутри неё снова просыпается та самая настороженность. Личные тренировки с Высшим надзирателем, чья сила подавляла её волю одним присутствием — это была опасная игра.

— Лично? — переспросила она, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Думаешь, другие надзиратели не учуют в этом неладное? R-2 уже дышит мне в затылок.

— Пусть дышит, — усмехнулся Кайл. — В Секторе «R» моё слово — закон. Они будут думать, что я решил выжать из тебя максимум пользы перед тем, как окончательно сломать. И мы дадим им повод так думать. Твои тренировки будут выглядеть, как пытка, Селена. Но на самом деле это будет наш единственный способ говорить без слов.

Он протянул руку и коснулся её плеча — жест был коротким, почти формальным, но через него девушка снова почувствовала ту самую частоту 10:23.

— Твоё быстрое продвижение по службе подкреплено отзывами надзирателей и надеждой Хозяйки, — произнёс мужчина, и его голос снова обрёл ту властную уверенность, которая не допускала возражений. — Твои успехи в архиве и в Секторе «Зеро» теперь имеют вес.

Никто не усомнится в том, что ты достойна моего внимания. Для остальных это будет выглядеть так, будто я первым успел дотянуться до талантливого новичка, пока тебя не перехватили другие подразделения.

Его слова звучали логично и пугающе точно. В этой дикой иерархии, где каждый стремился укорениться в Системе любыми способами, захват перспективного кадра считался признаком силы. Кайл выстраивал идеальное алиби: он вербовал талант, чтобы взрастить его лично, подмять под себя и сделать идеальным оружием «Резонанса». Никто не заподозрил бы в этом акте экспансии старую привязанность или заговор. Девушка молча кивнула, принимая правила этой новой, смертельно опасной игры. Она понимала, что под маской его «личного проекта» ей придётся терпеть двойное давление — и от Системы, и от него самого.

— Дождёмся одобрения и начнём тренировки, — сказал он и убрал руку с её плеча. Разрыв физического контакта ощутился почти как потеря опоры, но Селена заставила себя стоять ровно. — Теперь пути назад не будет. Как только приказ вступит в силу, ты станешь моей тенью. И это будет самая тяжёлая роль, которую ты когда-либо играла.

Он подошёл к двери и активировал замок.

— Иди к себе. И постарайся не привлекать внимания в коридорах. Твой триумф в «Зеро» уже сделал тебя мишенью, а моё покровительство сделает тебя объектом охоты. Будь готова к тому, что совсем скоро мир для тебя сузится до размеров тренировочного зала.

Селена вышла из его апартаментов, чувствуя, как за спиной снова смыкается гул Лабиринта. Но теперь этот шум не казался таким всепоглощающим. В голове пульсировала частота, которую не смог стереть ни один из восьмисот сорока двух циклов. Она шла к своей каюте, зная: завтра начнётся их общая война, и на этот раз она не собиралась проигрывать.

Пару дней затишья в Секторе «R» нельзя было назвать спокойными. Селена чувствовала, как вокруг неё смыкается кольцо невидимого внимания. В коридорах, по пути в жилой блок и в общей столовой она то и дело ловила на себе странные взгляды. Коллеги-надзиратели больше не просто игнорировали её — они перешёптывались, провожая её фигуру двусмысленными смешками и колючими комментариями. Девушка чувствовала себя не в своей тарелке, стараясь списать это на обычную дедовщину. Она убеждала себя, что после инцидента в Яме и личного вмешательства Кайла, она просто стала новой удобной мишенью для тех, кто застрял в этой иерархии.

Атмосфера в «Резонансе» была сугубо военной: тяжёлой, пропитанной дисциплиной и ожиданием приказа. Здесь работало мало девушек, и почти все они занимали административные должности, скрытые за мониторами Архива или штабными терминалами. Активные же группы, занимавшиеся устранением Язв и захватом опасных Архитекторов, целиком состояли из крепких, физически развитых мужчин с выжженной эмпатией. Находясь среди них, Селена ощущала себя чужеродным элементом. Но она понимала: «Резонанс» — это передовая. Их жизни всегда висели на волоске, и любое проявление мягкости здесь приравнивалось к фатальной ошибке. *«Пусть смеются, — думала она, сжимая кулаки. — Они видят во мне только девчонку, которой повезло привлечь внимание Высшего».* Она ждала вызова на первую тренировку, понимая, что эти шепотки за спиной — лишь небольшие волны перед настоящим штормом, который разразится, как только двери зала закроются за ней и Кайлом.

На третий день, когда тишина в коридорах стала почти осязаемой, на личный терминал Селены пришло короткое системное сообщение: *«Тренировочный зал «Альфа». 05:00. Полная выкладка».* Она пришла за десять минут до назначенного времени. Зал встретил её гулким эхом и холодным светом прожекторов. Это было огромное пустое пространство, стены которого были покрыты амортизирующим составом, способным гасить ментальные удары колос-

сальной мощности. В центре зала, спиной к ней, стоял Кайл. На нём был тренировочный костюм — без мундира он казался ещё более массивным и опасным.

— Закрой дверь, — бросил он, не оборачиваясь.

Селена подчинилась. Тяжёлый засов встал на место. Кайл медленно повернулся, и его взгляд был лишён той мягкости, которую она видела в его покаях. Сейчас перед ней снова был Р-1-10:23.

— Ты думаешь, шум вокруг тебя — это просто зависть? — спросил он, подходя ближе. Его шаги были тихими. — Нет, М-4. Они делают ставки на то, через сколько минут ты сломаешься. Для них ты — выскочка, которую я решил «приручить» ради забавы. И мы не будем их разубеждать.

Он остановился в двух шагах и резко вскинул руку. Селена едва успела отпрянуть, когда невидимая волна давления пронеслась в миллиметре от её лица.

— Твоя проблема в том, что ты действуешь на инстинктах, — жёстко произнёс он. — В Яме ты выжила чудом. Но в реальном бою никто не даст тебе времени на раздумья. Для начала поработаем над твоей реакцией.

Он снова атаковал — на этот раз серией быстрых ментальных толчков, которые заставляли пространство вокруг неё вибрировать и сжиматься. Селене приходилось лихорадочно выстраивать щиты, используя силы, что были известны Системе.

— Бей в ответ! — рявкнул он. — Не защищайся, а перехватывай ритм! Если ты не научишься контролировать резонанс, он сожрёт тебя раньше, чем ты успеешь понять, что произошло.

Тренировки превратились в изнурительный танец боли и концентрации. Кайл был беспощаден: он бил точно в слабые места, заставляя её раз за разом падать на жёсткий пол и подниматься снова. Он провоцировал её, заставлял работать на пределе тех способностей, которые уже были зафиксированы в её личном деле. Теперь «глаза» и «уши» Системы следили за каждым их действием. Малейшая ошибка, малейший намёк на неформальную связь или использование скрытых талантов — и их обоих ждал провал.

— Медленно, М-4! Твой импульс рассеивается! — гремел его голос, отражаясь от амортизирующих стен.

Селена тяжело дышала, чувствуя, как мышцы горят от напряжения. Она послушно концентрировала энергию, создавая только те пространственные искажения, которые были уже внесены в протоколы. Никаких порталов, никакой ментальной «подпитки». Только чистый, санкционированный Системой резонанс.

Кайл навис над ней, когда она в очередной раз рухнула на колено после мощного ментального толчка. Его лицо оставалось маской холодного превосходства, лишённой и тени того сочувствия, что она видела в его покаях.

— Вставай. Система не терпит бракованных инструментов, — сухо бросил он, глядя на неё сверху вниз. — Ты должна научиться стабилизировать поток за доли секунды. Если ты не можешь справиться с элементарным давлением здесь, в реальном бою от тебя останется только пыль.

Селена сжала зубы, впиваясь пальцами в покрытие пола. Она понимала правила: сейчас они — командир и подчинённая. Он — высшая воля, она — податливая глина. Любое подозрительное поведение было под строжайшим запретом. Она заставила себя подняться, игнорируя дрожь в ногах, и снова выстроила щит.

Они работали часами. Это была изматывающая имитация укрощения строптивого новичка. Кайл выжимал из неё всё, что ей было официально «дозволено» уметь, доводя эти навыки до автоматизма. Со стороны это выглядело как жестокая, почти садистская муштра,

но внутри этой пытки Селена чувствовала ритм. Он не просто избивал её — он закалял те грани её силы, которые были видны Системе, делая их настолько безупречными, чтобы никто не заподозрил существование чего-то большего в тени её разума.

Будни в Секторе «R» превратились в изматывающий марафон между казармой, тренировочным залом «Альфа» и короткими часами забытья. Селена больше не была разнорабочей, она стала личным проектом Высшего, и эта роль требовала от неё ежеминутного напряжения сил. Каждое утро начиналось с того, что Кайл выжимал из неё остатки воли, не давая поблажек. Он гонял её до тех пор, пока её ментальный щит не начинал вибрировать от истощения. Со стороны казалось, что Командир просто ломает амбициозного новичка, заставляя его раз за разом падать на холодный пол. Кайл выкрикивал команды, его голос хлестал, как плеть, заставляя девушку оттачивать навыки. Никаких имён, никаких прикосновений — только холодная иерархия.

В общих зонах ситуация накалилась. Шепотки за спиной сменились тяжёлым молчанием, когда она входила. Теперь надзиратели смотрели на неё с опаской, смешанной с презрением.

— Смотри, «любимица» идёт, — едва слышно бросил один из ветеранов, когда Селена проходила мимо с подносом. — Командир вытряс из неё всё, кроме спеси.

— Ничего, — ответил другой, не скрывая ухмылки, — скоро она сгорит. P-1 не оставит после неё и крохи гордости.

Девушка молча ела свою безвкусную белковую массу, чувствуя на затылке десятки глаз. Она научилась не реагировать. Каждая их насмешка была подтверждением того, что их с Кайлом легенда работает идеально.

В перерывах между тренировками её приобщали к оперативной работе. Она сопровождала группы зачистки к мелким пространственным разломам. Под надзором R-2 она «сшивала» мелкие трещины в реальности, демонстрируя ту самую стабильность, которой от неё требовал Кайл. Она видела, как её наставник злится, не находя в её действиях ни единой ошибки, за которую можно было бы зацепиться, и это было тем немногим, что поднимало ей настроение.

Вечерами, возвращаясь в свою каюту, Селена чувствовала себя выжатым лимоном. Тело ныло от синяков, а разум — от постоянного контроля. Она подходила к зеркалу и долго всматривалась в свои голубые глаза, которые становились всё ярче. *«Я становлюсь похожей на него»*, — думала она. Единственным утешением было осознание того, что в этой изнурительной рутине она становится сильнее. Её 0,04% отклонения никуда не делись — они просто спрятались глубже, маскируясь под усталость. Она знала, что за стеной, в нескольких уровнях от неё, Кайл так же снимает китель и смотрит в пустоту, считая часы до момента, когда они смогут снова оказаться в «мёртвой зоне» его покоев. Но до тех пор они оставались двумя деталями одного механизма, который методично готовился к взрыву.

На самом деле во всей этой «обыденности» не было логики, но смысл в ней крылся колоссальный. Все люди здесь были лишь ментальными проекциями своих тел, и в прямом смысле им не требовалось «спать», «есть» или «свободно проводить время». Однако для поддержания рассудка и эффективности работы Системы такая имитация была жизненно необходима. Всё было выстроено так, чтобы подпитывать угасающий интерес к этой искусственной жизни, создавая иллюзию нормальности. *«Здесь даже заводить интрижки находят время»*, — размышляла девушка, мельком наблюдая за парочкой, которая вовсю флиртовала за крайним столом.

— В чём дело, M-4-10:23? — раздался резкий голос со стороны. — Завидуешь?

К ней подошли две надзирательницы. По их надменному виду и холодным смешкам Селена сразу считала густую волну враждебности.

— О чём ты говоришь? — с напускным удивлением подхватила вторая, поправляя идеально отглаженный воротничок. — Зачем ей завидовать, они ведь так «близки» с нашим Главой.

Девушки издевательски рассмеялись. Селена молча встала, собираясь уйти и проигнорировать этот выпад, но следующая фраза заставила её замереть на месте.

— Или что? — ядовито бросила первая. — Думала, запрыгнешь к нему в постель, а дальше жизнь как по маслу пойдёт?

Селена медленно обернулась под громкий смех, глядя на них в полном недоумении. Она была готова к ненависти из-за своих талантов, но не к таким грязным домыслам.

— То-то он её так мутузит в зале! — продолжала заливаться смехом вторая, указывая на Селену пальцем. — Видать, совсем не впечатлила она его, раз он из неё всю дурь выбивает!

Воздух вокруг мгновенно стал плотным и липким. Аура М-4 резко потяжелела, а стаканы на столах мелко задрожали от непроизвольного ментального всплеска. Она смотрела на хихикающих надзирательниц, и внутри неё закипало нечто тёмное, чего она сама начинала бояться. Эти куклы Системы даже не представляли, какую грань они сейчас перешли. Селена медленно сократила расстояние, и хихиканье мгновенно застряло у девушек в горле. Она не коснулась их, но обе надзирательницы синхронно попятнулись.

— Вы думаете, — голос Селены был тихим, лишённым эмоций, но вибрирующим на той самой пугающей частоте, — что методы обучения Высшего — это тема для ваших сплетен в столовой?

Она наклонилась к той, что говорила про «впечатления», и та вздрогнула, чувствуя, как её собственное ментальное поле трещит под напором чужой, первобытной силы.

— Если вы считаете, что тренировки в зале «Альфа» — это способ привлечь внимание мужчины, то мне искренне жаль ваши жалкие процессоры, которые вы называете мозгами.

Селена сделала ещё полшага, заставляя их буквально вжаться друг в друга.

— Если так хотите, я попрошу его включить вас в завтрашний график. Проверим, насколько «впечатляющими» окажутся ваши навыки выживания, заодно и покрасуетесь перед ним, пока я буду вжимать вас в стены.

Тишина в зале стала мёртвой. Сплетницы с недоумением переглянулись. Весь их надменный лоск осыпался, обнажая обычный, примитивный страх перед тем, чего они не могли понять.

— Нет? Тогда свободны, — бросила Селена, копируя ледяной тон Кайла.

Она развернулась и пошла к выходу, не оборачиваясь, чётко давая понять, что между ней и Высшим стоит не дешёвый флирт, а сила, масштаб которой их пустые головы даже не в состоянии осознать. Выйдя в коридор, девушка прислонилась к стене и глубоко вдохнула. Руки всё ещё подрагивали. «*Мутузит, значит?*» — пронеслось в голове с горькой усмешкой. Она понимала, что эта стычка только добавит дров в костёр слухов, но позволить этим куклам безнаказанно полоскать их общее прошлое она просто не могла. Теперь ей нужно было на тренировку. И на этот раз она была готова отвечать Кайлу ещё жёстче — просто чтобы доказать самой себе, что она не «игрушка», а полноценный игрок в этой кровавой партии.

На тренировке Селена была предельно сосредоточена, но её лицо выдавало внутреннюю бурю. Напряжение последних дней и едкие смешки в столовой копились внутри, пока не выплеснулись наружу. В какой-то момент, когда Кайл обрушил на неё очередную серию мощных ударов, девушка не выдержала и ответила резкой встречной волной.

— Отрабатываем защиту, а не нападение! — его голос прогремел на весь зал, когда он ловко увернулся от её выпада. — Где ты витаешь?

Мужчина остановился, глядя на неё сверху вниз.

— Прошу прощения... — её дыхание было рваным и сбивчивым от дикой усталости, а по виску катился пот.

Он подошёл к ней почти вплотную. В официальной обстановке зала это выглядело как психологическое давление, но на самом деле он пытался разглядеть, что именно гложет его подопечную. Она явно была чем-то встревожена сильнее обычного.

— В чём дело? — спросил он уже более спокойным, низким тоном.

— Всё нормально... — Селена попыталась отмахнуться, глядя в сторону. — Не берите в голову.

— Как я могу не брать, когда ты даже простейшее задание не в силах держать в голове? — он оставался суров в своей роли жёсткого командира, не давая ей расслабиться. — Давай, выкладывай.

Девушка замялась, чувствуя, как под его прямым взглядом рушится её самообладание.

— Меня... беспокоят слухи, — наконец выдавила она, не поднимая глаз. — Касаемо нас двоих. Не станет ли это проблемой для вас?

Кайл на мгновение замер. И вместо ожидаемого выговора за пустые мысли, он вдруг потянулся к ней и слегка ткнул пальцами в лоб. Жест был коротким, почти грубым со стороны, но тон в его голосе стал неожиданно мягким:

— Не думай о ерунде. Сосредоточься на своих задачах, а не на том, что о тебе говорят другие.

Он тут же отступил на несколько шагов, всем своим видом показывая, что перерыв окончен. Селена кивнула, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Его мимолётный, почти человеческий жест — на мгновение прошёл её сознание теплом, но тут же растворился в суровом свете тренировочного зала. Она выпрямилась и снова выставила блоки. Ей нужно было играть роль дисциплинированной подчинённой безупречно, даже если внутри всё пульсировало от недосказанностей. Кайл снова замер в боевой стойке, превратившись в монолитную преграду, которую ей предстояло преодолеть.

— Ещё раз, М-4! — скомандовал он, и его голос снова обрёл ту стальную плотность, которая не оставляла места для личных чувств. — Сфокусируйся на одной точке. Если ты будешь распыляться на шёпот за спиной, Язва в следующий раз выпьет тебя досуха.

Селена глубоко вдохнула, заставляя себя отрешиться от лиц тех девиц в столовой и их ядовитых смешков. Она понимала, что Кайл прав. В этом мире слухи — это тоже часть системы подавления. Если она позволит им занять хоть один процент её внимания, то проиграет. Она снова выставила руки вперёд. Воздух между ними задрожал.

— Защита! — выкрикнул Кайл и обрушил на неё мощный ментальный пресс.

Девушка не пошатнулась. Она приняла удар, распределяя его по касательной, как он учил. Её частота отозвалась ровным, гулким ритмом. Она видела, как мужчина внимательно следит за каждым её движением, за каждой микросекундой реакции. Для системы это была муштра строптивого новичка, но для них двоих это была единственная форма близости, которую они могли себе позволить под прицелом камер. *«Он прав, — думала она, уходя от очередного выпада. — Пусть болтают. Пока они обсуждают мои «отношения» с Командиром, я научусь ломать их реальность, как сухие доски».*

Тренировка продолжалась до тех пор, пока колени Селены не начали подкашиваться от истощения. Кайл остановился лишь тогда, когда индикаторы на стенах замигали жёлтым, сигнализируя о пределе физического износа объекта.

— На сегодня достаточно, — сухо бросил он, подбирая полотенце со скамьи. — Твои показатели выросли на 0,02% от вчерашних. Это приемлемо. Свободна.

Он не обернулся, когда она уходила, сохраняя дистанцию до самого конца. Но Селена знала: за этой сухой оценкой скрывается облегчение. Она не сломалась под гнётом сплетен. Выходя из зала, девушка поймала своё отражение в зеркале — измотанная, в мокрой от пота

форме, но с глазами, в которых больше не было сомнений. Ей предстояло стать его лучшим учеником и его самой опасной тайной.

Тренировки давали плоды: движения Селены стали экономными, а ментальные щиты — плотными, как броня. Настал день, когда Кайл решил, что пора проверить её в условиях, максимально приближённых к боевым. Противником девушки назначили R-2. Тот самый наставник, который провоцировал её в Яме, вошёл в зал «Альфа» с нескрываемым превосходством. Он разминал кулаки, и в его взгляде читалось желание не просто потренировать новичка, а раздавить её, доказав, что «особое внимание» Главы — пустая трата ресурсов. Кайл стоял на возвышении, скрестив руки на груди. Его лицо было непроницаемым, как маска.

— Правила просты, — пророкотал он. — Бой до первого критического пробоя или команды «стоп». Начинайте.

R-2 не стал ждать. Он сорвался с места, как сжатая пружина, обрушив на Селену каскад мощных ментальных ударов. Это была не просто тренировка — это была агрессия, подкреплённая многолетним опытом карателя. Воздух в зале задрожал от плотности энергии. Девушка приняла первый удар на щит, чувствуя, как вибрация отдаётся в зубах. Она помнила наставление Кайла: *«Не защищайся, а перехватывай ритм»*. Вместо того, чтобы просто стоять под градом атак, она начала двигаться.

— Что такое, M-4? — прохрипел противник, пытаясь зажать её в углу. — Командир не научил тебя, как отвечать?

Он нанёс резкий выпад, целясь в её ментальный центр. Селена изящно ушла с линии атаки, и в этот момент её частота отозвалась чётким, холодным импульсом. Она не стала бить в ответ грубой силой. Вместо этого она создала короткое пространственное искажение прямо под ногами наставника. R-2 споткнулся, его концентрация на мгновение дала трещину. Этого было достаточно. Девушка выставила руку, и направленный удар впечатал противника в границу ринга. Звук удара о гасящее покрытие был глухим и сочным. В зале воцарилась тишина. Наставник медленно сполз на пол, тяжело дыша и вытирая кровь с разбитой губы. Он явно не ожидал такой прыти от «архивного червя». Кайл медленно спустился с помоста. Его взгляд скользнул по Селене, задержавшись на долю секунды дольше положенного, но голос остался ледяным:

— R-2, ты позволил новичку прочитать свой ритм?

Он повернулся к Селене.

— Ты задержала импульс на две секунды. В реальном бою это стоило бы тебе головы.

Она выпрямилась, стараясь унять дрожь в руках. Она видела, как ярится R-2, поднимаясь с пола, и теперь он возненавидит её ещё сильнее, но это не имело значения. Девушка доказала Системе и Кайлу, что она — не просто жертва. Она была бойцом, способным сбить с ног ветерана, не выходя за рамки дозволенных способностей. И этот успех был лишь первым шагом в их большом плане.

Периодические бои с R-2-06:15 стали для Селены настоящим чистилищем. Наставник быстро оправился от первого шока и больше не позволял себе недооценивать «архивного червя». Теперь он выходил на ринг с холодной яростью, методично вколачивая её в пол при малейшей оплошности. Девушка далеко не всегда выходила победителем. R-2 обладал тем, чего у неё пока не было — грязным боевым опытом. Он знал сотни уловок: ложные выпады, скрытые ментальные подножки и умение бить в моменты, когда противник только собирается вдохнуть. Тренировочный зал «Альфа» с его гасящим покрытием создавал иллюзию безопасности, но удары наставника были вполне реальными.

— Думаешь, противники будут ждать, пока ты настроишься? — рычал он, придавливая её колено к полу после очередного захвата. — Враг не играет по правилам. Он ударит в спину, пока ты будешь «сшивать» пространство!

Селена понимала: если бы не невидимая рука Кайла, который жёстко регламентировал их поединки, R-2 давно бы превратил её разум в кашу. Командир пресекал любые его попытки перейти черту, за которой тренировка превращалась в линчевание. Его голос — «Отставить!» или «Смена позиции!» — звучал именно тогда, когда девушка была на грани критического срыва. Он выступал в роли живого ограничителя, позволяя наставнику проявлять жестокость, чтобы закалить Селену, но не давал ему сломать её окончательно. Ветеран бесился от этого контроля, чувствуя, как Командир буквально «выращивает» девчонку, оберегая её от фатальных ошибок своим авторитетом.

Будни превратились в череду падений и подъёмов. Селена училась считывать подлость в движениях противника ещё до того, как тот наносил удар. Она начала понимать, что в реальной миссии ей придётся столкнуться не с честным боем, а с коварством самой ткани Лабиринта. Вечерами, рассматривая новые синяки на предплечьях, она осознала: Кайл бросил её под танк в лице R-2 не для того, чтобы она побеждала каждый раз. Он хотел, чтобы она привыкла к боли и научилась выживать там, где честность — это смертный приговор. Каждый проигранный бой в зале «Альфа» учил её реакциям всё более непредсказуемым для стандартных алгоритмов Системы. Она становилась не просто сильнее — она становилась хитрее.

Присутствие зрителей превращало тренировочный зал в гладиаторскую арену. Кайл намеренно оставлял галереи открытыми: он знал, что под прицелом десятков оценивающих, полных скепсиса глаз Селена будет вынуждена выкладываться не на сто, а на двести процентов. Он не давал ей убежища, не пресекал смешки и не ставил на место тех, кто открыто делал ставки на её проигрыш. Для надзирателей Сектора «R» такие бои были главным развлечением. Они приходили поглазеть, как «протезе Командира» в очередной раз впечатывают в стену.

— Смотри, опять пропустила нижний импульс, — лениво комментировал кто-то из ветеранов, облокотившись на перила. — Долго она не протянет, R-2 её просто измором возьмёт.

Девушка чувствовала это давление кожей. Каждый раз, когда она падала под градом ударов наставника, до неё долетал издевательский свист или разочарованный вздох. Но Кайл оставался неподвижен. Он понимал: если он вмешается, её авторитет так и не поднимется с нуля. Она должна была сама выгрызть себе право на уважение в этом серпентарии.

Отношения с коллегами вне зала оставались натянутыми до предела. В коридорах ей по-прежнему не давали прохода, но теперь в этих столкновениях плечами появилось нечто новое — проверка. Они прощупывали её реакцию, ждали, когда она сорвётся. *«Он бросил меня им на растерзание, — думала Селена, поднимаясь с пола после очередного броска R-2 под одобрительный гул толпы. — Но он же и научил меня, что жалость — это системный мусор».* Она вытирала кровь с разбитой губы и снова вставала в стойку, ловя на себе ледяной, почти безразличный взгляд Кайла. Но в этом безразличии она читала вызов: *«Покажи им. Покажи, что ты — не ошибка, а их будущий кошмар».*

Постепенно характер «зрительского интереса» начал меняться. Однажды, когда Селена, измотанная и едва стоявшая на ногах, умудрилась провести сложный контрудар и на мгновение дезориентировать ветерана, шепотки на галерее приутихли. Насмешки сменились короткими, рублеными фразами обсуждения её техники. Она медленно, шаг за шагом, вбивала в их головы простую мысль: она здесь не потому, что «понравилась» Главе, а потому, что выживает там, где они бы уже давно сдались. Кайл видел эту перемену и едва заметно сжимал кулаки — его план по созданию «несокрушимого ресурса» работал безупречно.

Невидимая стена между Селеной и остальными надзирателями Сектора «R» начала давать трещины. Это не было дружбой — в Лабиринте такого понятия не существовало — это было признание силы. Те, кто раньше смеялся на галерее, теперь спускались пониже, чтобы в деталях рассмотреть, как «эта девчонка» умудряется держать удар ветерана. После очередного такого боя, когда R-2 едва не вывернул ей плечо, к Селене подошёл один из оперативников. Он молча бросил на скамью тюбик с восстанавливающим гелем и, не глядя в глаза, буркнул: «Удар слева у тебя дырявый. Поправь локоть при заносе». И ушёл, не дожидаясь ответа. Это был первый раз, когда кто-то из «своих» дал ей дельный совет, а не издевательский комментарий.

Кайл наблюдал за своей работой из тени. Он видел, как меняется походка Селены — она больше не прижималась к стенам, её взгляд стал прямым и колючим, как у хищника. Она выстраивала свой авторитет на синяках и крови, и теперь Система видела в ней закалённого бойца.

— Ты готова, — произнёс он однажды вечером, когда зал «Альфа» опустел, и они остались одни под тусклым светом дежурных ламп.

Девушка, тяжело дыша, разматывала бинты на руках. Она медленно подняла на него взгляд.

— К чему? К ещё одной порции избиений?

— К настоящему делу, — мужчина стоял над ней, когда уголки его губ едва заметно дрогнули. — Хозяйка прислала распоряжение. Твои индивидуальные показатели стабильны, но «Резонанс» — это не сольное выступление. Завтра ты выходишь на своё первое полноценное задание в составе группы.

Селена замерла, разминая затёкшее плечо. Сердце ёкнуло — не от страха, а от предвкушения.

— Что за объект? — спросила она, стараясь звучать так же буднично.

— Сектор «К-14». Рутинная зачистка остаточного эха после сдвига. Никаких Язв или критических Разрывов, просто мусорная работа по калибровке частот, — Кайл подошёл ближе, его фигура в полумраке казалась огромной. — Нас будет пятеро. Твоя задача — не геройствовать. Ты должна встроиться в общий ритм, держать щит и выполнять команды без задержки.

Это было классическое приобщение. Хозяйка хотела видеть, как «талантливый новичок» ведёт себя в строю, не тянет ли одеяло на себя и не сбоит ли под давлением коллективной работы. Для Системы это был тест на социализацию инструмента. Для Селены — шанс увидеть, как работают те, кто дышит ей в затылок.

— Командовать будете вы? — уточнила она.

— Официально — да. Но на месте я буду лишь наблюдателем. Группой будет руководить R-2. Мне нужно увидеть, сработаетесь ли ты с теми, кто ещё вчера пытался выбить из тебя дух в этом зале.

Девушка криво усмехнулась. Кайл ставил её в максимально неудобное положение: подчиняться врагу под присмотром того, кому она тайно доверяла. Идеальная проверка на выдержку.

— Я поняла. Буду в форме к отправке.

— Свободна, M-4, выпись. Завтра тебе понадобятся не только мозги, но и стальные нервы. Группа будет следить за каждым твоим вздохом. Одно неверное движение — и они сожрут тебя быстрее, чем любая пространственная аномалия.

Он проводил её взглядом до дверей. Селена шла по коридору, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугий узел. Это было обычное задание, «пыльная работа», но она понимала: именно на таких мелочах ломаются великие планы. Ей нужно было стать идеальной деталью механизма, серой и незаметной, чтобы, когда придёт время настоящего взрыва, никто не посмотрел в её сторону. Она теперь была частью «Резонанса», и завтра ей предстояло это доказать.

Утро в Секторе «R» началось со звонкой, металлической тишины шлюзового отсека. Селена стояла в строю, чувствуя на себе тяжесть стандартного боевого снаряжения. Рядом застыли четверо оперативников. Они переговаривались, проверяя системы связи и плотность энергетических щитов. Среди них выделялся R-2 — его массивная фигура так и сочилась неприязню, которую он даже не пытался скрывать под маской устава. Кайл вошёл в отсек последним. Он был в своём штурмовом доспехе, но держался чуть в стороне, как и обещал — роль пассивного наблюдателя сидела на нём как влитая. Его рубиновые глаза скользнули по шеренге, задержавшись на Селене ровно на секунду дольше, чем на остальных.

— Выход через тридцать секунд, — пробасил R-2-06:15, занимая позицию лидера. — Объект «К-14». Задача: подавление остаточного эха. Построение «ромб». Новичок — в центр, на поддержку частоты. Если хоть один из вас просядет по энергии — пеняйте на себя.

Портал открылся с характерным хлопком, и группа слаженно шагнула в зев Измерения. Сектор встретил их серым маревом. Здесь реальность «зависла»: стены казались полупрозрачными, а пол под ногами вибрировал, издавая низкий, тягучий гул. Это не был боевой хаос Сектора «Зеро», скорее заброшенное кладбище данных, где обрывки старых сдвигов превратились в колющий ментальный туман.

— Начали, — скомандовал командир операции. — Глушим волну.

Селена заняла своё место в центре построения. Она чувствовала, как четверо мужчин вокруг неё выстраивают единый силовой периметр. Её задача была самой нудной, но критически важной: она должна была «подшивать» их в единую сеть, не давая общему щиту распасться на куски под давлением эха. Это была работа на износ. Ей приходилось чувствовать каждого из них — их агрессию, их усталость, их ритм. Резонанс внутри неё пульсировал, работая как метроном для всего отряда.

— М-4, левый фланг проседает! Добавь мощности! — рявкнул наставник в гарнитуру.

Девушка послушно направила поток энергии влево, чувствуя, как её собственные резервы вибрируют. Это было испытание на командную работу: если бы она дала слишком много — сожгла бы щит напарника, если слишком мало — эхо пробило бы их строй. Она балансировала на лезвии бритвы, стараясь быть идеальной незаметной деталью.

Кайл шёл позади, сложив руки за спиной. Он не помогал, не советовал. Он просто смотрел, как Селена гнётся под весом чужих ментальных полей, как её лицо бледнеет, а пальцы начинают мелко дрожать. Для Системы это была идеальная картина: Высший надзиратель дрессирует новую единицу в полевых условиях. Но для девушки это был момент истины — она впервые по-настоящему почувствовала, что значит быть частью «Резонанса». Это не было честью, это было тяжёлым, грязным трудом в одной упряжке с теми, кто тебя ненавидит, ради выживания всей системы. И она справлялась, миллиметр за миллиметром завоёвывая право на этот мундир не в зале «Альфа», а в серой пыли реального Сектора.

Селена чувствовала, как её сознание растягивается, превращаясь в связующую нить для четверых мужчин. Это было странное, почти интимное ощущение: она слышала их пульс, ловила всплески их раздражения и усталости. R-2 вёл группу агрессивно, его команды были короткими и грубыми, он словно специально выбирал самые нестабильные участки марева, проверяя, выдержит ли «центр» — выдержит ли она. «К-14» был на ультразвуке. Остаточное эхо билось о щиты группы как невидимые волны прибоя. Девушка видела, как двое оперативников впереди напряглись, их плечи ходили ходуном от ментального давления.

— Удерживай вектор, М-4! — прохрипел один из них через внутреннюю связь. — Щит плывёт!

Она не ответила, экономя силы, просто закрыла глаза, полностью перейдя на внутреннее зрение. В этой серой каше она видела их как четыре неровных огня. Ей нужно было не просто «подливать» им энергии, а стать для них общим знаменателем. Селена начала мягко подстра-

ивать их частоты под свой ритм, сглаживая острые углы их агрессии. Группа пошла ровнее. Гул Сектора начал затихать, подавленный их слаженной работой. R-2 бросил короткий взгляд через плечо на девушку. В его глазах не было благодарности, только угрюмое признание факта: она справлялась. Она не паниковала, не пыталась выделиться, просто... работала.

Кайл следовал за ними в пяти шагах. Его присутствие ощущалось, как холодная, неподвижная тень. Он не вмешивался, даже когда один из Разрывов едва не задел край их построения. Он наблюдал за тем, как Селена ювелирно распределяет нагрузку, не давая никому из оперативников «перегореть». Для стороннего наблюдателя это была образцовая зачистка. Но для Кайла это было подтверждением: она научилась главному правилу спецподразделения — доверять ритму соседа больше, чем собственному зрению.

— Зачистка завершена. Стабилизация 98%, — сухо доложил R-2 в штаб через сорок минут. — Возвращаемся.

Когда они вышли обратно в стерильный шлюз «Резонанса», Селена едва не рухнула от нахлынувшей слабости. Ноги были ватными, а перед глазами плыли цветные пятна. Оперативники начали снимать шлемы и разгрузки, перебрасываясь короткими фразами. Один из них, тот, что просил поддержки слева, проходя мимо, задержался на секунду.

— Неплохо, M-4, — бросил он, едва заметно кивнув. — Для первого раза сойдёт.

Это было больше, чем похвала. Это было принятие в стаю. Кайл подошёл к группе, когда они уже заканчивали разоружение в Арсенале. Он по-прежнему сохранял дистанцию Высшего.

— R-2, отчёт на стол через час, — приказал он. Затем его взгляд переместился на Селену, стоявшую у стены. — M-4, в мой кабинет после санобработки. Нам нужно обсудить твою интеграцию.

Группа разошлась и девушка осталась одна на несколько секунд, глядя на дрожащие руки. Она прошла тест. Она стала частью команды. Но теперь, когда официальная половина была окончена, её ждал разговор с боссом.

Санобработка в Секторе «R» была такой же холодной и безличной, как и всё остальное. Ледяные струи дезинфицирующего состава смывали серую пыль «K-14», но не могли унять дрожь в мышцах. Селена переоделась в свежий чёрный мундир, методично застёгивая пуговицы. В зеркале на неё смотрело лицо, которое за один этот выход стало ещё более чужим: скулы заострились, а в глазах застыла та самая отстранённость, которую она видела у ветеранов группы. Она вошла в кабинет Командира. Мужчина уже снял штормовую броню и стоял у окна, скрестив руки на груди. На столе лежал предварительный отчёт R-2.

— Сядь, — бросил он, не оборачиваясь.

Девушка опустилась на диван, чувствуя, как каждая клетка тела молит о покое. Но разум бодрствовал. Тот странный отголосок, который она поймала в «K-14», не давал ей покоя.

— Ты справилась, — Кайл повернулся к ней. В его взгляде не было торжества, только сухая констатация. — R-2 признал, что «центр» держал нагрузку без сбоев. Для Системы ты теперь официально — функциональная единица спецподразделения.

Селена внимательно слушала Командира, но в голове у неё пульсировала совсем другая мысль. Официальный статус, интеграция, отчёты — всё это было лишь верхним слоем, на который Система наносила свой лак. Но то, что она почувствовала в «K-14», и то, как вёл себя Кайл во время операции, требовало немедленного обсуждения без свидетелей. Она подняла на него глаза. В этом взгляде не было покорности подчинённой — в нём была настойчивость человека, который учуял след. Девушка понимала: здесь, в кабинете, забитом датчиками и протоколами безопасности, стены буквально впитывали каждый звук. Любое неосторожное слово могло стать их последним общим воспоминанием. Ей нужно было снова попасть в его «мёртвую зону». Туда, где тишина была настоящей.

После её первого визита к Главе и тех сцен в тренировочном зале, сплетни об «особом интересе» Р-1 к новичку стали местным фольклором. Она решила больше не бороться с этим. Наоборот — пора было использовать эти слухи как дымовую завесу. Поэтому, когда официальная часть встречи закончилась, и ей полагалось уходить, остановившись в дверях, она медленно обернулась, мягко коснувшись косяка.

— Командир... — негромко произнесла она, так, чтобы микрофоны в кабинете чётко зафиксировали её голос. — Прошу прощения. Кажется, после «К-14» мой фон всё ещё нестабилен. Я чувствую... странную вибрацию, но не понимаю, нормально ли это. Вы не могли бы лично проверить мои показатели? Я боюсь, что общие сканеры в медблоке могли дать сбой...

В кабинете воцарилась тишина. Кайл медленно поднял голову от терминала. Его рубиновые глаза на мгновение сузились; он считал её игру. Девушка прямо сейчас предлагала ему легальный повод уединиться, который Система классифицирует как «углубление межличностной связи».

— Твоя проводимость действительно вызывает опасения, — холодно ответил он, вставая из-за стола. — Не хватало ещё, чтобы ты «коротнула» в жилом блоке и выжгла систему жизнеобеспечения. Идём. Я проведу калибровку на изолированном оборудовании.

Он вышел вслед за ней, и Селена кожей почувствовала, как по коридору пронёсся немой вздох разочарования и зависти, когда случайные прохожие поняли, куда они идут вдвоём. Теперь их поход в «мёртвую зону» выглядел для всех как начало очередной интрижки, санкционированной самим Командиром. Когда за ними закрылась дверь его покоев и тяжёлый щелчок отсек гул Системы, девушка мгновенно выпрямилась. Усталость исчезла с лица, сменившись ледяной сосредоточенностью.

— Это было так очевидно... — Кайл бросил китель на кресло и обернулся к ней с улыбкой. — О чём ты хотела поговорить, Селена?

— Я почувствовала что-то, — начала она, стараясь унять внутреннюю дрожь. — В «К-14» было не только эхо сдвига.

Мужчина замер. Он внимательно вглядывался в её лицо, ловя малейшее изменение мимики.

— Что именно?

Девушка подалась вперёд, и её голос стал тише, почти переходя на шёпот.

— Среди этого серого мусора я наткнулась на обрывок частоты, похожей на нашу. Но она была... искажённой. Словно кто-то пытался имитировать резонанс, но ошибся в фазе.

Кайл на мгновение отвёл взгляд, и по этой короткой заминке Селена поняла, что он точно знает, о чём она говорит.

— Думал, ты уже в курсе, — тихо произнёс он, и в его интонации проскользнуло нечто похожее на вину. — То, что ты слышала — это остатки одной из твоих прошлых итераций, «ложное эхо». Эти волны иногда просачиваются в стены и пространство Лабиринта, создавая нестабильные участки. Их же используют в попытках.

Девушку прошиб холодный пот. Тошнотворное осознание накрыло её с головой: она только что калибровала пространство, буквально пропитанное останками собственного прошлого «Я». Она работала с ошмётками своей души, как с обычным строительным мусором.

— Значит, «рутинная зачистка» была не просто тестом на командную работу? — её голос стал жёстким, в нём зазвенел металл. — Ты хотел, чтобы я столкнулась со своим эхом?

— Не намеренно, — признался он, и теперь его взгляд был прямым и серьёзным. — Большинство Архитекторов сгорают, столкнувшись с собственным эхом: они принимают его за реальность и пытаются спасти, выдавая себя Системе. Но ты, похоже, интуитивно встроила его в щит и переработала в ресурс для группы. Я рад, что твои 0,04% работают на полную.

Он замолчал, давая ей возможность осознать сказанное. В тишине комнаты, защищённой от «ушей» Лабиринта, Селена понимала: её способность адаптироваться и использовать даже

собственные обломки для выживания — это именно то, что делает её такой опасной и такой перспективной для их общего, тайного плана.

— Думаешь, это Хозяйка подстроила? — спросила она ещё тише, почти одними губами. — Проверяла меня на вшивость этим эхом?

Мужчина на мгновение нахмурился, вглядываясь в пустоту за её плечом, словно пытаясь прочесть невидимые алгоритмы, парящие в воздухе.

— Вполне возможно... — он сделал паузу, подбирая слова. — В этом месте нельзя сказать наверняка, было ли это спланированным тестом или просто роковой случайностью.

Он медленно подошёл к ней и положил руку на плечо. После бесконечных часов в зале «Альфа», где его касания были жёсткими, как удары хлыста, это движение показалось Селене чем-то запредельным. Его пальцы сжимали её плечо непривычно мягко, почти бережно, передавая ей своё спокойствие.

— Но если бы твоя частота дала хоть малейший сбой, Система бы уже оповестила команду Надзора, — он смотрел ей прямо в глаза, и его рубиновый взгляд больше не обжигал, а словно укрывал от внешнего мира. — Поэтому сейчас можно выдохнуть. Ты прошла это испытание.

Между ними возникла густая, плотная тишина. Девушка чувствовала тепло его ладони сквозь ткань мундира, и эта физическая осязаемость Кайла — не командира, не Высшего, а просто человека, который стоит рядом — странным образом отвлекла её от тошнотворных мыслей о «собственном эхе». Она прикрыла глаза и на мгновение позволила себе просто дышать, доверившись его опыту. Он-то уж точно знал, когда можно опустить щиты, а когда нужно сжать зубы. Если этот мужчина говорит, что можно выдохнуть — значит, эта битва закончена.

— Спасибо... Кайл, — прошептала она, впервые добровольно сокращая дистанцию в этом цикле.

Он не убрал руки, и на долю секунды девушке показалось, что его пальцы чуть сильнее сжались на её плече, словно он тоже нуждался в этом коротком моменте тишины перед тем, как им снова придётся выйти за дверь и надеть свои маски. Девушка улыбнулась, глядя куда-то в пустоту перед собой, и эта улыбка была горькой, но удивительно живой для этого места.

— Это странно... — выдохнула она.

— Что именно? — спросил он, и его голос в тишине апартаментов прозвучал непривычно мягко.

— Сейчас ты не кажешься мне таким страшным, как при первой нашей встрече... — Селена подняла глаза, встретившись с его рубиновым взглядом. Расстояние между ними было мизерным, и само пространство вокруг них будто натянулось, заискрилось от невидимого напряжения.

Его рука медленно, почти неохотно освободила её плечо. И девушка заметила, как его пальцы слегка дрогнули в воздухе, прежде чем он опустил их. В груди что-то сильно кольнуло — острый, фантомный отзвук из тех жизней, которые она не помнила, но которые он хранил в себе.

— Похоже, я был к тебе недостаточно суров на тренировках, — Кайл улыбнулся, и эта улыбка была защитной реакцией, попыткой не затягивать момент, который мог сломить их обоих. — Завтра придётся увеличить нагрузку вдвое, раз ты начала расслабляться в присутствии «самого опасного хищника» Сектора.

Он сделал пару шагов назад, восстанавливая дистанцию, которая была необходима им для выживания. Но Селена, поддавшись внезапному порыву лёгкости, который эта комната дарила вопреки логике Лабиринта, не дала холоду вернуться.

— Пожалуйста, не надо! — рассмеялась она, делая эти два шага навстречу и сокращая расстояние до прежнего. — Я правда думала, что в какой-то момент окажусь в медблоке из-за истощения.

Она искренне улыбалась. Странно, но теперь его адские тренировки, от которых ломило всё тело, отзывались в её душе странным теплом. Несмотря на весь ужас, творящийся за стенами вокруг, этот угрюмый мужчина с рубиновыми глазами внушал ей странную уверенность в завтрашнем дне.

— Лучше скажи, что мы будем делать, пока остальные придумывают новые подробности нашего «романа»? — девушка отошла к массивному шкафу, где стройными рядами стояли книги в настоящих переплётках. Корешки из кожи и ткани манили своей реальностью. — Нужно занять себя чем-то на пару часов, раз уж я здесь «на калибровке».

Она провела кончиками пальцев по корешкам, ощущая шероховатость. Кайл замер, наблюдая за ней. На его губах снова появилась та самая мягкая усмешка, которую он позволял себе только здесь.

— Можешь выбрать любую, — он кивнул на полки, подходя чуть ближе, но уже не пытаясь давить своей аурой. — Система считает чтение бесполезной тратой когнитивного ресурса, поэтому эти книги — самый безопасный способ занять время. Они не транслируют данные, не требуют подключения и не оставляют цифрового следа.

Он прислонился плечом к книжному стеллажу, наблюдая, как она жадно рассматривает названия.

— Пока Сектор «R» обсуждает, как я «укрошаю» твой строптивый нрав, мы можем просто поговорить о чём-то, что не касается сдвигов и Язв. Расскажи мне... — он запнулся, подбирая слова, — какая из этих книг заставила бы прежнюю тебя забыть о времени?

Селена обернулась к нему, зажав в руках небольшой томик в потемневшем переплётке. В этой тихой комнате, под его выжидающим взглядом, она вдруг поняла: эти два часа в «мёртвой зоне» — самая большая роскошь, которую они могли себе позволить. И это была их маленькая победа над Лабиринтом — право просто быть собой, пока весь остальной мир ждал их возвращения в масках надзирателей.

Встречи с ним были для неё глотком воздуха, но вместе с тем и испытанием. Она чувствовала на себе взгляд Кайла — не того командира из тренировочного зала, а этого, нынешнего, который молча наблюдал за ней. Ей было неловко. Она понимала, что этот человек видит в ней не просто M-4-10:23, а кого-то гораздо более важного из своего далёкого прошлого. У них и впрямь мог быть роман когда-то, но для неё самой он всё ещё оставался загадкой. Она осознавала всю жестокость этой ситуации: перед ним была не та возлюбленная, которую он помнил, а совершенно новый человек, пусть и с тем же лицом, голосом и привычками.

— Выбери что-нибудь, — негромко произнёс он, прерывая затянувшуюся тишину. Он сел в кресло, что стояло чуть поодаль.

Атмосфера в комнате стала мягкой и тягучей. Селена вытащила небольшую книгу с полки. Это были стихи. Она присела в кресло напротив, стараясь не смотреть прямо в глаза, чтобы не выдать своего замешательства.

— В 511-й итерации ты любила читать вслух, — Кайл слегка улыбнулся, и эта робкая улыбка сделала его лицо почти юным. — Ты говорила, что так слова обретают вес и их сложнее стереть из памяти.

Селена открыла книгу на случайной странице. Её пальцы слегка дрожали. Она начала читать — сначала тихо и неуверенно, но постепенно её голос окреп. Мужчина слушал, прикрыв глаза. В этой тихой комнате, под мерный ритм слов, разделяющая их пропасть из восьмисот жизней на мгновение показалась чуть меньше.

Они проводили это время в странном, доверительном полузабытии. Кайл рассказывал ей короткие истории — не о Лабиринте и битвах, а о мелочах: о том, как она морщила нос, когда сердилась, или как любила смотреть на звёзды, которых здесь никогда не было. Селена слушала, и в её груди росло странное чувство — смесь боли за этого мужчину и благодарности за то, что он сохранил в себе эту её версию. Однако чем дольше он говорил, тем отчётливее она понимала: она не хочет быть лишь тенью или эхом той женщины. Она хотела, чтобы он видел её сейчас, в этой 842-й итерации, а не призрака из прошлого.

— Ты скучаешь по ней? — спросила она, и её голос предательски дрогнул.

Кайл замер. Он смотрел на неё долго, всматриваясь в черты лица, которые не менялись веками, но за которыми теперь билась совсем другая личность. Он отвёл глаза, и в этом жесте было столько подавленной боли, что Селене захотелось забрать свои слова назад.

— Я забылся? Прости... — глухо произнёс он, и его пальцы непроизвольно сжались.

— Дело не в этом... — она не хотела теревить его старые раны, но любопытство, смешанное с пугающим предчувствием, не давало ей покоя. — Расскажешь мне, как ваши пути разошлись?

Вопрос повис в воздухе тяжёлым свинцовым грузом. В комнате стало так тихо, что слышно было, как в вентиляции свистит воздух. Селена всматривалась в его профиль, пытаясь разгадать главную загадку: как этот мужчина, способный на такую тихую нежность, стал самым эффективным палачом Системы? Она почти кожей чувствовала, что эта ледяная броня, эти золотые погоны и рубиновое безразличие в глазах — всё это появилось не просто так. Это был саркофаг, который он построил вокруг себя после того, как та, другая Селена, исчезла.

Кайл молчал. Он медленно повернул голову к ней, и в его взгляде на мгновение отразилась та самая ночь, когда всё рухнуло. Мужчина колебался, пальцы на подлокотнике кресла побелели от напряжения. Правда была слишком острой, слишком грязной для этой внезапно возникшей тишины.

— Если расскажу, ты больше не сможешь находиться со мной в одной комнате... — слова, выдавленные с такой нечеловеческой болью, казалось, физически скребли его лёгкие.

Он смотрел на неё в упор, и в чертах его лица, обычно неподвижных, как маска, Селена читала сокрушительную, выжигающую изнутри вину. Она видела, как он борется с желанием снова спрятаться за ролью командира, но назад дороги уже не было. Его предупреждение лишь сильнее подстегнуло её решимость.

— Лучше так, чем биться в постоянных догадках... — произнесла она тише, но твёрдо, не отводя взгляда.

— Я... убил её...

Эти слова повисли в воздухе, словно ядовитый газ. Девушка замерла, перестав чувствовать собственное дыхание. Стерильная тишина апартаментов вдруг наполнилась звоном, похожим на звук разбитого стекла.

— Это была пятьсот одиннадцатая итерация, — продолжил он, и его голос стал сухим, безжизненным, как шелест пепла. — Мы были в шаге от Ядра. Система поставила ультиматум: либо один из нас стирает другого, чтобы получить энергию для прорыва, либо мы оба стираемся в ноль. Без права на возвращение. Без шанса на новую попытку.

Он поднял на неё свои рубиновые глаза, в которых сейчас плескалось чистое отчаяние.

— Она сама приставила мой излучатель к своему виску. Заставила меня нажать на спуск, чтобы я выжил, сохранил память и стал частью Системы. Чтобы я мог ждать тебя здесь, в «Резонансе», цикл за циклом.

Селена вздрогнула. Книжные полки, запах корицы, мягкий свет — всё это мгновенно стало чужим и пугающим. Перед ней сидел человек, который купил своё место в иерархии Лабиринта ценой её собственной крови. Его «верность» и «ожидание» были выстроены на фундаменте самого страшного предательства — или самой страшной жертвы.

— Ты... ты действительно сделал это? — её голос сорвался на хрип.

— Каждый день, когда я смотрю в зеркало, вижу того, кто нажал на спусковой крючок, — Кайл закрыл лицо рукой, вцепившись пальцами в переносицу. — Теперь ты знаешь всё. Ты всё ещё хочешь остаться в этой комнате, М-4?

Девушка была парализована этой правдой. Резонанс между ними, который ещё минуту назад казался уютным, теперь жёг кожу. Она смотрела на него и не знала, кого видеть: монстра, который убил её, или мученика, который обрёк себя на вечную память об этом убийстве. Понимание того, почему он был так жесток на тренировках, ударило её под дых. Селена медленно поднялась из кресла, отложив книгу, словно та внезапно стала невыносимо тяжёлой. Каждый её шаг к нему отдавался гулким эхом в висках. А в следующую секунду её ладонь, заряженная статическим напряжением, замерла у самой его шеи. Упираясь ногой в край его кресла, она нависла над ним в боевой позе, готовая превратить его разум в выжженную пустыню одним коротким импульсом.

Кайл даже не шелохнулся. Он сидел неподвижно, подставив горло под удар, и в этой его покорности было больше силы, чем в любой защитной стойке. Он понимал её ярость — она была закономерной, чистой и справедливой. Он дал ей полное право стать его судьёй здесь и сейчас.

— Почему... — голос Селены сорвался, а рука заметно дрогнула. — Почему тогда при всём при этом ты так смотришь на меня? С этой невыносимой, тупой надеждой в глазах?

Он молчал, и тишина в комнате стала острой как бритва.

— Ждёшь прощения? Или сострадания? — она почти выплюнула эти слова ему в лицо. — Я не дам тебе ни того, ни другого.

Мужчина поднял на неё взгляд, и в глубине его рубиновых глаз она увидела лишь бесконечную, выжженную пустыню.

— Мне ничего от тебя не нужно... — произнёс он сухим, бесцветным голосом. — Я уже давно свыкся со своей ролью. Прощение не сотрёт память, а сострадание не вернёт тех, кого я обнулил, чтобы дождаться тебя.

Селена вскинула свободную руку, подпирая атакующую, она концентрировала энергию на кончиках пальцев, будто собиралась вот-вот шмальнуть в упор.

— Ролью? — она горько усмехнулась, и в этой усмешке было больше боли, чем в крике. — Если ты смог нажать на спуск... ты либо никогда не любил её, либо стал монстром, которым тебя считает весь Лабиринт.

Её рука дрожала так сильно, что искры срывались с пальцев, обжигая воздух. Обида за ту прошлую Селену, которую предали в пятьсот одиннадцатой итерации, смешивалась с яростью на этого человека, который так спокойно, почти обыденно, признался в убийстве.

— Тогда чего же ты ждёшь... — прошептал Кайл, и его взгляд стал почти вызывающим. — Сделай это. Закончи мою главу. Это будет самый логичный финал для монстра.

Девушка смотрела на него, и в голове её бушевал хаос. Он не защищался. Он ждал удара, как избавления. И именно эта его готовность умереть от её руки злила её больше всего — потому что, убив его, она бы окончательно подтвердила, что Система победила их обоих, превратив в идеальных палачей друг для друга. Селена резко разжала пальцы, и накопленный заряд энергии с треском рассеялся в воздухе бесполезными искрами. Но вместо того чтобы отступить, она рванулась вперёд, мёртвой хваткой вцепившись в его горло. Девушка навалилась на него всем телом, прижимая к спинке кресла, словно физическая близость могла заставить его забрать свои слова назад.

Её взгляд продолжал буравить его лицо, ища в этих чертах хоть малейший след предательства, но видела она лишь бесконечную, выжженную пустоту. Злость, только что пылавшая в груди, начала стремительно остывать, сменяясь ледяным чувством бессмысленности. *«За что я его сужу?»* — эта мысль полоснула по сознанию как бритва. — *Он убил ту, другую.*

Пятьсот одиннадцатую. А я — восемьсот сорок вторая. Мы оба здесь — лишь тени своих итераций».

Бессилие тяжёлым грузом навалилось на плечи. Девушка прерывисто дышала, чувствуя, как пульс Кайла бьётся под её пальцами — ровный, размеренный, пугающе спокойный. Она медленно закрыла глаза, пытаясь собрать разрозненные куски этого кошмара воедино. Силы покинули её так же внезапно, как и ярость. Её голова тяжело наклонилась вперёд, и их лбы соприкоснулись. Селена замерла. Её пальцы на его шее продолжали мелко дрожать, и он чувствовал эту дрожь каждой клеткой своего тела, но сидел смирно, почти не дыша, позволяя ей выплеснуть это отчаяние.

— Это невыносимо... — прошептала она, и её голос сорвался. — Мы будто два призрака, которые терзают друг друга за грехи, которых не помним.

Тишина в комнате стала густой, как патока. Резонанс между ними зазвучал низким, траурным аккордом. Кайл не пытался убрать её руку, не пытался обнять или утешить. Он просто был рядом — единственный свидетель её бесконечных падений и единственный, кто знал, что под этой чёрной формой надзирателя всё ещё бьётся сердце, способное на боль.

— Если ты хочешь ненавидеть меня — ненавидь, — его голос прозвучал прямо у её губ, тихий и лишённый всякой надежды на прощение. — Это самое честное чувство, которое осталось в этом Лабиринте. Но не смей сдаваться. Не дай 511-й умереть зря.

Селена сжала пальцы на его воротнике, почти до боли, и из-под закрытых век скатилась одинокая, обжигающая слеза. Она ненавидела его за правду, но ещё больше она ненавидела этот мир, который заставил его сделать такой выбор. В этой тихой комнате, в этой болезненной близости, было очевидно: они связаны не любовью и не долгом, а общим преступлением против самих себя, и единственный способ искупить его — это дойти до конца вместе.

Девушка судорожно разжала пальцы, словно обжёгшись о его кожу, и попыталась набрать в лёгкие побольше воздуха, который казался густым и горячим. Она сделала резкое движение, чтобы отстраниться, разорвать эту удушающую близость, но тело, измотанное тренировками и эмоциональным взрывом, подвело её. Ноги подогнулись. Кайл среагировал мгновенно. Он перехватил её под локоть, когда она пошатнулась, не давая упасть, но и не отпуская. Селена оказалась зажата между его коленями и крепкой хваткой рук, всё ещё пугающе близко к нему. Этот калейдоскоп чувств — ярости, бессилия и странного, болезненного притяжения — лишил её возможности мыслить здраво. Слова мужчины о том, что Система постоянно сталкивает их лбами, заиграли в её голове новыми, по-настоящему жестокими красками.

Это был идеальный замкнутый круг. Система не просто стирала их память, она использовала их чувства как топливо для самой изощрённой пытки. Она давала им найти друг друга лишь для того, чтобы в финале один принёс в жертву другого, множа вину и укрепляя стены Лабиринта. Селена подняла глаза, его лицо было совсем рядом.

— Значит, это и есть наш «резонанс»? — прошептала она, и её голос дрожал от осознания масштаба их проклятия. — Мы обречены находить друг друга только для того, чтобы снова уничтожить?

Кайл сжал её локоть чуть сильнее, и Селена почувствовала, как 10:23 внутри неё отозвалось глухим, стонущим ритмом.

— По крайней мере, Система хочет, чтобы мы так думали, — его голос был низким и надтреснутым.

Он медленно отпустил её руку, давая ей возможность обрести равновесие, но не отводя взгляда. Девушка наконец смогла выпрямиться, чувствуя, как между ними снова выстраивается дистанция, необходимая для выживания. Но тепло его рук всё ещё жгло кожу сквозь рукава мундира. У неё больше не было сил ненавидеть его за то, что он сделал триста циклов назад. Теперь нужно было убедиться, что этот сценарий больше никогда не повторится.

— Больше никаких жертв, Кайл, — твёрдо произнесла она, поправляя китель. — Я не позволю тебе убить меня снова. И сама не стану твоим палачом. Мы выйдем отсюда живыми, или этот Лабиринт сгорит вместе с нами.

Девушка тяжело поднялась, каждое движение давалось ей с трудом, словно гравитация в этой комнате внезапно стала в несколько раз сильнее. Он следил за ней неотрывно, его взгляд буквально прикипел к её поникшим плечам. Селена сделала пару неуверенных шагов назад, пока не наткнулась на массивный край стола, и тяжело опёрлась на него руками, пытаясь удержать равновесие. Мужчина видел, как новые тревоги окутывают её, как туман. Она стояла, опустив голову, и её дыхание всё ещё было неровным. Кайл чувствовал это кожей — смутение и страх перед этой чудовищной правдой, её отвращение к самой себе и к нему.

Внутри него всё кричало о желании подойти, коснуться её волос, просто обнять, чтобы заглушить эту боль, но он не шелухнулся. Он не имел на это права. Его пальцы впились в кожаные подлокотники кресла с такой силой, что послышался едва уловимый скрип кожи. Эта пытка тишиной была для него привычной, но видеть Селену такой — сломленной осознанием того, что их связь замешана на крови — было выше его сил. Он сидел в тени, застыв, как статуя, пока она сражалась с собственными мыслями.

Девушка до боли прикусила губу. Осознание того, что пока они здесь, в этой гулкой тишине, буквально задыхаются от присутствия друг друга, другие, там, за дверью, будут лихо-радочно фантазировать об их личной жизни, жгло горло как едкий дым. Как теперь играть свои роли? Как выходить в зал, чеканя шаг, когда общее горе сдавливает лёгкие, не давая вздохнуть? Она подняла взгляд на Кайла. Он не шевелился, его глаза смотрели куда-то в пол, теряясь в тенях. Но его напряжённая, нервная поза — сцепленные пальцы, окаменевшие плечи — кричала о том, что ему сейчас тоже не просто. Он был заперт в этой комнате со своим признанием, как в камере пыток. Девушка тяжело, надрывно вздохнула, нарушая мёртвую тишину.

— Ладно... — она запустила пальцы в волосы, резким движением откидывая короткие пряди у лица назад, словно пытаясь физически сбросить с себя оцепенение. — Забыть это уже не удастся... Но мы теперь хотя бы можем быть честны друг с другом.

Мужчина медленно, словно преодолевая сопротивление, поднял на неё взгляд. В глубине его рубиновых глаз отразилось горькое удивление — он не ждал от неё такой пугающей рациональности.

— Бессмысленно злиться на то, к чему не имеешь отношения... — продолжала она; её голос окреп, обретая ту самую сталь, которую он в ней закалял. — Мы не можем этого изменить. 511-я итерация мертва. А я здесь, и умирать не собираюсь.

Она выпрямилась, чувствуя, как холодный расчёт вытесняет обиду. Если они оба — заложники этого сценария, то единственный способ выжить — это принять правила игры, но изменить финал.

— Мы закончим это, — твёрдо произнесла она. — Не ради прощения и не ради того, что было когда-то. А ради того, чтобы больше никому из нас не пришлось проходить через это.

Кайл медленно разжал пальцы, и в его взгляде впервые за вечер промелькнуло нечто похожее на облегчение. Она не ушла, хлопнув дверью, не сломалась. Она приняла его грех как часть их общего уравнения.

— Ты примешь меня? — спросил он робко, и этот вопрос, лишённый всякой власти, прозвучал почти надломленно. — С таким прошлым...

Селена замерла у стола, глядя в пустоту перед собой. В её голове всё ещё стоял гул от его признания, но инстинкт выживания уже выстраивал новые баррикады.

— У меня нет выбора, — кивнула она, будто подтверждая этот факт самой себе. — Ты единственный человек, которому я в этом месте могу доверять, как бы противоестественно это ни звучало...

Тяжёлая, пыльная пауза осела на их плечи. Девушка чувствовала, как частота внутри неё вибрирует от близости Кайла, напоминая о связи, которую не разорвать даже пулей.

— Это просто холодный расчёт, — жёстко отрезала она, обрывая любые намёки на сентиментальность. Ей нужно было верить в эту рациональность, чтобы не сойти с ума.

Кайл молча кивнул, принимая её условия. Его лицо снова превратилось в каменную маску, скрывающую шторм внутри. Девушка бросила короткий взгляд на часы, прошло чуть больше часа. Остаться в этой удушающей обстановке, пропитанной запахом корицы, у неё больше не было сил — воздух казался слишком густым.

— Для короткой интрижки сойдёт, — бросила она, резко отстранившись от стола. Фраза прозвучала хлестко, как пощёчина — она констатировала это как факт для системных датчиков и тех, кто будет анализировать их «свидание».

Девушка направилась к выходу, чеканя шаг. Кайл встал следом, провожая её взглядом. Он чувствовал каждую крупину её напряжения и понимал: сейчас она не хочет видеть его ни секундой дольше. Любое его слово только усугубит ситуацию. Дверь захлопнулась за ней с тяжёлым, окончательным звуком. Мужчина остался стоять посреди своих тихих апартаментов, один на один со своей многовековой болью и гулкой пустотой, которую Селена оставила после себя.

Она шла по коридору, не глядя по сторонам. Её лицо было непроницаемым, но внутри всё кипело. Она приняла его, приняла их общее проклятие, и теперь ей нужно было дожить до рассвета, чтобы снова встретиться с «убийцей» из 511-й итерации в тренировочном зале и продолжить их смертельный танец к свободе.

Новые будни в Секторе «R» превратились в холодный, отточенный до автоматизма спектакль. Слухи об их «романе» заиграли новыми, порой грязными красками: в столовой и курилках только и обсуждали, как быстро «фаворитка» Командира перешла из разряда развлечений в разряд рабочих инструментов. Но реальность была куда суровее любых сплетен. Внутри этой «золотой клетки» Селена и Кайл почти перестали разговаривать. Тот вечер в его покоях оставил между ними выжженную землю, через которую никто не решался перешагнуть. Они отделились друг от друга настолько, насколько это было возможно в рамках одного подразделения. Каждый ушёл в свою работу: Кайл погряз в бесконечных отчётах и интригах верхних эшелонов, а Селена стала постоянным гостем в шлюзовых камерах. Он больше не тренировал её лично каждый день. Вместо этого Главнокомандующий методично отправлял её в самые разные вылазки с группами зачистки.

— Набирайся опыта у ветеранов, М-4, — сухо бросал он на утренних разводах, даже не глядя в её сторону. — Мне не нужен теоретик, мне нужен полевой игрок, который чувствует ложь пространства кожей.

Девушка работала на износ. Она закрывала разломы в технических коллекторах, стабилизировала «шумящие» порталы в жилых блоках и училась действовать в связке с мужчинами, которые всё ещё смотрели на неё как на чужака. Она впитывала их опыт: как «ставить подножку» ментальному эху, как экономить энергию, когда щит трещит по швам, как не сойти с ума, глядя в бездну. Иногда, когда их пути мельком пересекались в Центре наблюдения или в узких переходах, Селена ловила на себе его взгляд. Тяжёлый, пронзительный, полный той самой невысказанной боли, от которой они оба пытались убежать. В эти секунды пространство между ними натягивалось, как струна, но Кайл первым отводил глаза, возвращаясь к своим обязанностям.

Она не понимала, как работать с ним дальше. Каждое его распоряжение она выполняла безупречно, но внутри неё росло глухое чувство бессилия. Он был прав — 511-я итерация стояла между ними стеной. Она видела в нём Кайла — человека, который помнит её имя, но тут же представляла его руки на горле той, другой Селены. Ей оставалось просто ждать. Ждать,

когда эта дистанция между ними либо превратится в пропасть, либо станет тем самым рывком, который выбросит их из Лабиринта навсегда. Но пока в её жизни были только холодный металл коридоров, сухие приказы и рубиновые глаза, которые следили за ней из темноты командного мостика.

Дни в «Резонансе» постепенно обретали плотность настоящей жизни, вытесняя стерильный ужас первых дней. Селена больше не была призраком, мелькающим в тени Командира; она стала осязаемой частью коллектива. Оказалось, что за маской сурового Архитектора скрывается живой, ироничный и на удивление общительный человек. Этот контраст поражал сослуживцев. В столовой она больше не сидела в углу, уткнувшись в тарелку. Теперь её часто можно было увидеть в центре стола, где оперативники в расстёгнутых кителях лениво обсуждали прошедшие смены. Она легко подхватывала их грубоватый юмор, спорила о тактике подавления частот и даже научилась паре карточных фокусов, которые работали на малейших искажениях пространства. Во время тренировок с другими наставниками — суровыми ветеранами, которые поначалу ждали от неё капризов «протеже» — она пахала до седьмого пота.

— Ноги шире, М-4! Опять центр тяжести гуляет! — рычал на неё рослый оперативник по кличке Буйвол.

— Ты хочешь, чтобы я на шпагат села? — огрызалась она, вытирая пот, и зал взрывался коротким, одобрителем смехом.

Будни текли своей чередой, превращаясь в странную смесь армейской дисциплины и почти семейного уюта, который бывает только у людей, ежедневно рискующих жизнью. Селена обнаружила, что её общительность — это мощный инструмент. Она смеялась над скабрёзными шутками Буйвола, помогала М-10-12:15 калибровать личный излучатель и приносила лишнюю порцию синтетического кофе дежурным в шлюзе. Контраст был разительным. Те, кто ожидал увидеть высокомерную «подстилку Командира», столкнулись с девчонкой, которая не боялась испачкать руки в технической смазке и могла вернуть крепкое словцо, когда щит в рейде начинал искрить.

Так, после затяжной миссии в «D-8», они сидели в столовой большой компанией. Стол ломился от стандартных пайков, но атмосфера была расслабленной.

— Слышь, М-4, — отозвался один из сослуживцев. — Я ведь тебе в первый день чуть подножку не поставил в коридоре. Думал: *«Ну вот, притащил старый хрен себе игрушку из архива, теперь будем её сопли вытирать»*.

По столу прошёл одобрителем гул и смешки. Селена иронично выгнула бровь, не отрываясь от еды.

— А теперь что? — спросила она.

— Мы ведь все видели, как он тебя гоняет. Если бы это был «роман», ты бы не выходила из зала на четвереньках, — констатировал он факты под одобрителем кивки. — Он тебя не балует, а в бетон закатывает. И то, что ты при этом ещё умудряешься нам анекдоты травить... Короче, признаю: мы были идиотами. Ты — наш человек.

Девушка почувствовала, как в груди разливается странное тепло. Это было признание. Настоящее, честное, не продиктованное протоколом.

— Значит, ставки на мой вылет из Сектора аннулированы? — усмехнулась она.

— О, нет, — влез Буйвол, сверкнув зубами. — Теперь мы ставим на то, через сколько месяцев ты займёшь место R-2. Он тебя уже побаивается; я видел, как у него дёргается глаз, когда ты обходишь его блоки.

Разговор перетёк на обсуждение технических деталей следующего рейда, но Селена кожей почувствовала перемену в воздухе. В дверях столовой на мгновение замер Кайл. Он был в своём обычном закрытом кителе, холодный и отстранённый. Его взгляд на секунду встре-

тился с её — в этом шуме, среди смеха и звона посуды, их частоты соприкоснулись коротким, болезненным разрядом. Он не зашёл внутрь. Просто увидел её — живую, принятую отрядом, настоящую — и скрылся в темноте коридора. Селена на мгновение замолчала, её рука со стаканом замерла. Она видела эту тень одиночества, которую он унёс с собой, будто намеренно отдалял её от себя, бросая в объятия коллектива, чтобы у неё была эта «нормальная» жизнь, пока он сам продолжал гнить в своём золочёном склепе.

— Эй, М-4, ты где застряла? — толкнул её в плечо М-10.

— Здесь я, — улыбнулась она, возвращаясь к реальности. — Продолжай, Буйвол, на чём ты остановился?

Она снова стала «своим парнем», душой компании, но внутри неё теперь жил холодный, расчётливый план. Каждый её новый друг в этом отряде, каждый, кто хлопал её по плечу, становился невольным участником их с Кайлом заговора. Чем сильнее её любили здесь, тем меньше подозрений вызывал её «учитель». И она собиралась использовать это доверие до последней капли, когда придёт время выбирать: остаться в этой уютной иллюзии или шагнуть в бездну вместе с тем, кто однажды уже убил её.

Но несмотря на выстроенную стену отчуждения, Лабиринт не позволял им окончательно разойтись по разным углам. Уникальность Селены, подкреплённая новыми достижениями, превратила её в востребованный инструмент. Как только её признали полноценным оперативником, запросы на «корректировку реальности» из других Секторов посыпались один за другим.

— Ну что, «звезда» наша, — хохотнул М-10, проверяя крепления на своём шлеме в оружейной. — Снова во внешний периметр. На этот раз связисты из «Т-9» жалуются, что у них частоты плывут.

— Угу, — лениво отозвалась Селена, затягивая перчатку. — Как-то это уже напрягает. У них ведь должны быть свои оперативники, при чём тут мы? Такое ощущение, что я теперь штатный ремонтник для всего Лабиринта.

— Это значит, что и другие Сектора признали твою уникальность, — раздался холодный, вибрирующий голос со стороны входа.

М-10 и Селена мгновенно выпрямились по стойке «смирно». В дверях стоял Кайл. На нём был полный полевой комплект, а в руках он держал личный излучатель. Его присутствие мгновенно вытеснило из комнаты весь дружеский гул, заменив его привычным озоновым напряжением.

— Сегодня пойдём вдвоём, — отрезал он, глядя девушке прямо в глаза. В этом взгляде не было и тени мягкости — только ледяная воля командира. — У меня есть дела во внешнем контуре, заодно поможешь мне с калибровкой контура. Группа поддержки не требуется.

Напарник коротко кивнул и, бросив на Селену сочувственный взгляд, поспешил ретироваться. Работать один на один с Высшим считалось в «Резонансе» сомнительным удовольствием. Девушка осталась стоять перед ним, чувствуя, как нечто внутри неё мгновенно отошло на его близость. Пульс участился, но она сохраняла маску идеального солдата.

— Есть, Командир, — чётко ответила она. — Когда выступаем?

— Прямо сейчас. Транспортный шлюз номер три.

Он развернулся, и полы его укороченной куртки резко качнулись. Селена последовала за ним, чувствуя, как будничность последних дней рассыпается прахом. Это был их первый совместный выход после того разговора. Без свидетелей, без группы за спиной, в зоне, где реальность была тоньше бумажного листа. Это было официальное задание на чужой территории, в Секторе «Т-9», где всё — от кодировки стен до частоты освещения — подчинялось иным алгоритмам. Здесь нужно было быть начеку: каждый техник или связист мог оказаться глазами Хозяйки.

— Как у тебя дела? — спросил Кайл почти мягко, когда они свернули в пустой технический тоннель, ведущий к порталу. Голос его звучал ровно, но в нём проскальзывала та интонация, которую он позволял себе только за закрытыми дверями. — Есть жалобы на команду или наставников?

— Никак нет, — Селена соблюдала нормы обращения, держа дистанцию в два шага за его правым плечом, но голос её был тихим, почти интимным. — По сравнению с вами они просто ангелы.

Наступила короткая пауза. Звук их шагов по металлическому решетчатому полу показался Селене слишком гулким. Она вдруг испугалась, что её ирония прозвучала слишком остро, задев ту самую рану, которую он обнажил в своих покоях.

— Я про тренировки... — поспешила она объясниться, слегка склонив голову, заглядывая ему в лицо. — Неудачная шутка, простите...

Она ожидала холодного выговора или сухого кивка, но, подняв взгляд, наткнулась на его печальную, почти прозрачную улыбку. Он не оборачивался полностью, но профиль его лица в тусклом свете индикаторов на миг смягчился.

— Я рад... — выдохнул он. В этом коротком признании было всё: и горечь от того, что он вынужден быть для неё тираном, и облегчение от того, что она нашла себе место среди других, не став изгоем.

Когда они вошли в шлюз чужого Сектора, маски были надеты мгновенно. Реальность — холодная, пронизанная сеткой лазерных датчиков и гулом серверов — обрушилась на них вместе с десятками внимательных взглядов. Местные оперативники в серой форме замерли, провожая Высшего из «Резонанса» и его спутницу подозрительными, изучающими взорами. Здесь не было места для шуток. Группа сопровождения молча приняла их и повела вглубь отсеков. Девушка чувствовала, как он снова стал монолитом из чёрного металла и воли. Мужчине шёл впереди, и его аура подавляла любое желание заговорить, но Селена всё ещё ощущала на своих губах отзвук его «*Я рад*». В этом чужом, враждебном месте это короткое слово стало её личным щитом, более надёжным, чем любая броня. Она была идеальным дополнением к своему командиру, и сейчас им предстояло показать Сектору «Т-9», почему именно их тандем считается таковым.

Воздух гудел от перегруженных серверов, а стены мерцали каскадами бесконечных кодов. Группа сопровождения довела их до Центрального узла — огромного зала, где пространство буквально «провисло», создавая мутную линзу, сквозь которую реальность искажалась, как в испорченном зеркале.

— Аномалия стабильна, но частота уплывает каждые три минуты, — доложил старший техник Сектора, косясь на рубиновые глаза Высшего. — Наши системы не могут поймать фазу.

Кайл не ответил. Он молча жестом приказал Селене занять позицию, а сам встал рядом. Местные оперативники замерли у стен, затаив дыхание. Они ожидали долгой подготовки, приборов, расчётов. Но эти двое работали иначе.

— Начали, — коротко бросил Кайл.

Девушка закрыла глаза. Она не видела его, но ощущала присутствие как мощный низкочастотный гул. Она протянула руки к искажению, и её пальцы мгновенно окутало призрачное сияние. Она начала «прошупывать» структуру марева, находя трещины в коде. Мужчина вступил секундой позже. Он не «шил» реальность, как она — он создавал вокруг неё силовой каркас. Своей волей он подавлял внешние помехи, выстраивая вокруг Селены зону абсолютной тишины. Для посторонних это выглядело пугающе синхронно. Они не переговаривались. Когда девушка чувствовала, что давление разрыва становится слишком сильным, Кайл мгновенно усиливал напор со своей стороны, принимая удар на себя. Когда ему нужно было сместить фокус, она интуитивно «подхватывала» край реальности, не давая ей схлопнуться.

Это был идеальный резонанс. Частота 10:23 в их телах звучала в унисон, создавая вокруг них сферу, в которой хаос Сектора просто переставал существовать. Селена работала легко, почти изящно: она видела изгибы пространства раньше, чем они успевали искривиться, и направляла их своей волей, опираясь на стальную мощь Кайла. Через десять минут линза в центре зала начала сжиматься. Гул серверов выровнялся, а мутное марево исчезло, оставив после себя лишь идеально прозрачный воздух.

— Стабилизация сто процентов, — выдохнул техник, глядя на свои приборы. — Неве-
роятно...

Кайл медленно опустил руки. Его дыхание было ровным, но на виске вздулась жилка от напряжения. Селена открыла глаза и слегка покачнулась. Мужчина тут же оказался рядом, придерживая её за локоть — жест, который для местных выглядел как проверка состояния «инструмента», но для неё был единственной связью с реальностью.

— Работа закончена, — сухо произнёс Командир, обращаясь к принимающей стороне. — М-4-10:23, отчёт подготовишь по возвращении.

Они вышли из зала под гробовое молчание местных. Те видели не просто зачистку — они видели тандем, который действовал как единый организм, как две части одного сложного механизма, который не нуждался в приказах Системы, потому что подчинялся собственному, внутреннему ритму. В этом чужом Секторе они оставили после себя не только порядок, но и страх перед силой, которую невозможно было ни измерить, ни подчинить. Но путь им преградила группа в тяжёлой, забрызганной чем-то бурым форме. Воздух мгновенно пропитался запахом жжёного мяса и дешёвых антисептиков.

В центре стоял он — Мясник. Его массивная фигура в окровавленном кожаном фартуке, накинутом прямо поверх мундира, казалась здесь, в стерильном коридоре, воплощением кошмара. Он вытирал огромные руки грязной ветошью, а его помощники, запуганные и суетливые, тащили за ним контейнеры с «бракованным биоматериалом». Мясник остановился, и его маленькие, заплывшие жиром глаза хищно блеснули, заведя тандем.

— О-о-о, какие гости в нашем цифровом болоте! — пробасил он, и его смех прозвучал как хруст костей.

Он проигнорировал Кайла, который мгновенно окаменел, и направился напрямик к Селене. Прежде чем она успела отстраниться, его тяжёлая, липкая ладонь с размаху опустилась ей на плечо, едва не сбив с ног.

— Давно не виделись, крошка! — мужчина бесцеремонно встряхнул её, обдав запахом пота и сырости. — А я смотрю, ты времени зря не теряешь. Слухи о тебе по Лабиринту бегут быстрее, чем сдвиги. Говорят, ты теперь правая рука нашего дорогого Р-1?

Он мазнул взглядом по Кайлу, который стоял рядом, сжимая рукоять излучателя.

— Ещё недавно была такой малышкой, — Х-1 снова повернулся к Селене, игнорируя её ледяной взгляд. — Кто бы мог подумать, что из «архивной крысы» вырастет такая... «породистая гончая». Работаете чисто как единое целое, а? Говорят, у вас любовь-морковь и всё такое...

Помощники за его спиной подобострастно захихикали. Селена чувствовала, как под его ладонью горит кожа, а частота внутри неё начинает вибрировать от ярости, готовой вырваться наружу и выжечь этому уроду глаза.

— Убери руку, — голос Кайла прозвучал тихо, но в нём было столько концентрированной угрозы, что техники Сектора «Т-9», ставшие случайными свидетелями этой странной стычки, попятились к стенам. Мясник медленно повернул голову, его ухмылка стала ещё шире, обнажая жёлтые зубы.

— Ой-ой, какие мы нежные! — он картинно поднял руки, отступая на шаг, но продолжая буравить Селену взглядом. Его ухмылка стала ещё более хищной.

— Годы идут, а ты становишься ещё более вспыльчивым, Р-1. Статус «Высшего» явно не пошёл тебе на пользу, — проскрежетал он, и в его голосе прорезалась застарелая, гноющая зависть.

Кайл не ответил яростью. Напротив, он вдруг расслабился, и на его губах заиграла ехидная, почти издевательская улыбка, от которой Селене стало не по себе.

— Мой статус вам всё ещё глаза мозолит, Наставник? — процедил он, подчёркнуто выделяя последнее слово. — Столько лет прошло, а вы держитесь за старые обиды ещё сильнее, чем за свой тесак.

Атмосфера в коридоре мгновенно стала свинцовой. Из этого короткого обмена репликами Селене открылась картина, от которой внутри всё похолодело. Тот, кого все называли Мясником, когда-то был наставником Кайла. Человек, олицетворяющий самую грязную и кровавую работу Лабиринта, приложил руку к созданию того «монстра», которым мужчина был сейчас. Х-1 дёрнулся, его лицо побагровело, а рука непроизвольно легла на тяжёлую рукоять инструмента у пояса. Помощники за его спиной замерли, боясь даже вздохнуть. Столкновение двух чинов — одного из прошлого, другого из настоящего — пахло неминуемой катастрофой.

— Ты высоко взлетел, щенок, — прохрипел Мясник, делая шаг вперёд, так что его грязный фартук почти коснулся снаряжения Кайла. — Но не забывай, чьими руками ковалась твоя «стабильность».

— О, не переживай, Х-1, — Кайл перешёл на личности, и его голос прозвучал как удар хлыста. — Я стал лучшим твоим проектом, и Лабиринт этого никогда не забудет.

Между ними буквально искрилась старая, невыветрившаяся вражда. Мясник не обладал статусом Высшего, но в Лабиринте было не много по-настоящему жестоких надзирателей, способных конкурировать с ним по уровню авторитета и кровожадности. По тому, как тот кривил губы, Селена поняла: он задыхается от злобы на Кайла за то, что тот перепрыгнул его предел, став элитой, в то время как сам Х-1 навсегда застрял в крови и внутренностях нижних Секторов.

— Почему вы здесь, Наставник? — вдруг обратилась девушка к Мяснику, непринуждённо, как старая знакомая. В её голосе не было страха, лишь холодное любопытство. — Произошло что-то из ряда вон выходящее, раз и вас позвали?

Мужчина ехидно хохотнул, оценив её смелость.

— Да, тут было месиво! Какой-то болван возомнил себя героем и взял заложников из числа техников, — он гордо поднял голову, расправив заляпанные плечи. — Местные оперативники быстро его скрутили, но... Я вёл допрос! Никто не умеет развязывать языки так, как я.

Селена скользнула взглядом по контейнерам, которые тащила его свита. Из-под плохо пригнанных крышек сочился тяжёлый, металлический запах.

— Это всё, что от него осталось, полагаю? — бесстрастно уточнила она.

Мясник снова хохотнул, и этот звук эхом отозвался в пустом коридоре.

— Ты меня знаешь, крошка! Иногда я так увлекаюсь, что забываю, зачем вообще начал работу! — он подмигнул ей, и это выглядело омерзительно. — Парень оказался крепким, но в итоге выдал всё, даже то, что сам о себе не знал. Жаль только, собирать его теперь придётся по частям в утиле.

Кайл стоял неподвижно, его лицо было бледным, а челюсти сжаты так, что на скулах ходили желваки. Он явно не одобрял эту «светскую беседу», но Селена видела: Мясник заглотил наживку. Её фамильярность сбила его с толку, на мгновение ослабив напряжение между двумя хищниками.

— Что ж, не будем вам мешать, — добавила она, слегка склонив голову. — Утиль не любит ждать, а у нас с Командиром ещё много работы по калибровке.

— Идите, идите... — прохрипел он им. — Но сделай мне одолжение.

Мясник сократил дистанцию с Селеной так резко, что она ощутила липкий холод, исходящий от его фартука. Он наклонился к самому её уху, перекинув руку через плечо и обдав запахом меди и формалина.

— Ты ведь тоже мой проект, — прошептал он с каким-то извращённым подобием гордости, но так, чтобы Кайл это услышал. — Будь добра, выкинь этого эгоиста из кресла начальника. Он сидит в нём так долго, что уже стал забывать, какова настоящая жизнь здесь, внизу.

С этими словами он ехидно хохотнул и вместе со своей свитой, гружённой контейнерами, двинулся дальше по коридору, оставляя за собой тяжёлый шлейф. Р-1 проводил его ледяным, полным ненависти взглядом, после чего резко развернулся и зашагал в противоположную сторону. Селена, сохраняя уставную дистанцию, последовала за ним. Стены Сектора «Т-9» отражали ритмичный стук их ботинок, но тишина между ними была наэлектризована до предела. Портал между ними открылся неожиданно и так же резко исчез за спинами.

— Мило ты ведёшь беседы с этим садистом, — прошипел Кайл, не оборачиваясь. Его плечи под курткой были напряжены так, словно он всё ещё готов был сорваться в атаку.

— Я просто не хотела, чтобы вам пришлось отчитываться за драку перед Надзором, Командир, — ответила она спокойно, чеканя каждое слово для протокола.

Он на мгновение замедлил шаг, переваривая её слова. Ей тоже было не по себе от того, что Мясник назвал её *«своим проектом»* — это напомнило о времени, когда, под его руководством, она попадала в пыточные застенки и выходила оттуда сломленной. Но сейчас им обоим нужно было держать лицо.

— Подумаешь, — бросил он, скорее самому себе, чем ей, хотя голос всё ещё вибрировал от подавленной ярости. — Написал бы пару объяснительных. Этот провокатор давно заслужил хороших тумаков, и Комитет это знает.

— Может быть, — продолжала она спокойно, чеканя шаг за его плечом. — Однако вам это точно не приписали бы в заслуги. Лишнее пятно в личном деле перед очередной проверкой Хозяйки — плохая стратегия.

Кайл замедлил ход и искоса взглянул на неё. Несмотря на то что холод их последней ссоры в апартаментах всё ещё ощущался физически, он остро чувствовал: она переживает за него. Мужчина прекрасно знал, как сильно Селене противен этот боров, чьи руки по локоть запачканы в крови, но она намеренно влезла в их ядовитый диалог; подставилась под его липкий взгляд только для того, чтобы сменить фокус его внимания с Кайла на себя, давая возможность остыть.

— Не делай так больше... — выдохнул он, с трудом собирая мысли и заставляя свой голос звучать максимально официально для окружающих датчиков. — В этот раз твоё поведение можно списать на «давнее знакомство», но впредь следи за субординацией.

Он остановился у входа в лифтовую шахту и обернулся, полоснув её резким, дисциплинарным взглядом.

— Или моё особое отношение заставило тебя забыть правила устава, М-4-10:23? — припечатал он, и в этом вопросе была вся тяжесть его положения.

— Прошу прощения. Больше не повторится... — выдавила она, вытянувшись в струнку.

Селена в этот момент всем сердцем ненавидела Лабиринт. Ненавидела за то, что даже здесь, в пустом техническом переходе, они были вынуждены носить эти жестокие маски и хлестать друг друга словами, как плетью. Кайл бил по ней уставом, чтобы защитить от подозрений Системы, а она принимала этот удар, понимая, что за его грубостью скрывается дикий страх за её жизнь. Двери лифта открылись, и они вошли внутрь: суровый Высший и его дисциплинированная подчинённая. Но в тишине, пока кабина неслась вверх, их общий резонанс гудел так сильно, что казалось, сами стены вот-вот начнут плавиться от этого невысказанного, горького понимания.

Лифт плавно остановился, и двери разошлись, выпуская их в стерильный холл Арсенала «Резонанса». Здесь уже не пахло кровью и старыми серверами — только озоном и холодом. Кайл вышел первым, его шаги по металлическому полу звучали как удары молота.

— Свободна, М-4, — бросил он, не оборачиваясь, когда они достигли развилки коридоров. — Отчёт о стабилизации Сектора «Т-9» жду к утреннему разводу. Лично.

— Есть, Командир. — Селена вытянулась в струнку, чувствуя, как его официальный тон полоснул по её натянутым нервам.

Она смотрела, как его высокая фигура скрывается за поворотом. Спина Кайла была прямой, но она видела, как он на мгновение сжал кулаки, прежде чем уйти. Эта маска Высшего срасталась с ним, становясь его кожей, и девушка понимала: за каждое её спасение, за каждое несоблюдение устава, он платит куском своей свободы перед Комитетом.

Вернувшись в свою каюту, девушка стащила с себя форму. Кожа на плече, где её коснулся Мясник, всё ещё горела отворачиванием. Она уткнулась в терминал и начала вбивать сухие строчки отчёта, но буквы расплывались перед глазами. *«Лучший проект...»* — слова Кайла в адрес наставника-садиста не выходили из головы. Осознание, что он не просто выживал, а мимикрировал под это чудовище, чтобы однажды сожрать его изнутри, выжигало воздух перед глазами. И теперь он боялся, что она пойдёт тем же путём.

В три часа ночи, когда Сектор погрузился в режим пониженного энергопотребления, её терминал коротко пискнул. Это не было официальным уведомлением. На экране вспыхнули строчки: *«Не обращай внимание на «советы» тех, чей путь не хотела бы пройти. Те, кто действительно поддерживает тебя, не будут распылять непрошенное мнение, и уж тем более, ждать, что ты отблагодаришь их за веру в твои способности».*

Она долго смотрела на эти слова, пока они не исчезли. Он снова нарушил правила, рискуя всем, чтобы просто напомнить ей: он видит её настоящую, даже если днём ему приходится вбивать её в пол уставом. Селена легла на жёсткую койку, закрыв глаза. Завтра будет новый день, новые тренировки и новые маски. Но теперь она знала, что за ледяным фасадом Главного командующего скрывается Кайл, который всё ещё ведёт свою личную войну за её душу. И в этой войне она больше не собиралась быть просто «проектом». Она была его единственным союзником. И, возможно, его единственным спасением.

Селена шла вместе с М-10 по коридору после изматывающей тренировки. За последние месяцы они действительно сблизились — возможно, сказывалось общее прошлое в Секторе «М», а может, просто потребность иметь кого-то, с кем можно поговорить без двойного дна. Девушка стала полноправным членом команды, и их шумные посиделки в столовой стали такой же обыденностью, как и гул вентиляции.

— Буйвол сегодня превзошел себя, — морщась, потягивался парень, придерживая бок. — Чуть ребро мне не сломал, скотина.

— Думала, мне показался этот хруст, — она негромко хихикнула, поправляя лямку снаряжения.

— Ага, как же, — возмущался он, но в голосе слышался азарт. — В следующий раз я ему это припомню.

— Сможешь отомстить, когда сам будешь в роли нападающего, — улыбнулась она, подмигивая другу.

— Или пусть слух, что он так неумело скрывает ваши нежные чувства! — влез в разговор R-5, догоняя их и хлопая парня по плечу. — Бери пример с нашей «любимицы», она знает, как заводить «полезные знакомства».

Девушка на автомате показала ему средний палец, и тот, по-дружески, ответил ей тем же, широко улыбаясь.

— Слухи всё ещё не утихли? — вполголоса спросил М-10, когда они свернули к жилому блоку.

— На самом деле, я уже не уверен, что это просто слухи, — заговорщически понизил голос R-5. Он указал на Селену указательным пальцем. — Кое-кто из ночной смены сказал мне, что лично видел, как ты входила в личные покои Главнокомандующего. Причём не на пять минут.

— Так возьми с меня пример, — парировала она, ловко перехватывая его палец и отводя в сторону. — Глядишь, и тебе перепадёт лишний час отдыха в «мёртвой зоне».

В воздухе повис короткий, беспшашный смех, но он оборвался так резко, словно его выключили тумблером. Из-за угла на крестовине коридоров вынырнул Р-1. Его появление мгновенно вымело всё веселье. На руке Кайла тревожно и часто пищали датчики оперативной связи — сигнал критического приоритета. Он встретился взглядом с Селеной, и она увидела в его глазах тот самый ледяной блеск, который предвещал настоящую беду.

— За мной! Живо! — бросил он им всем, даже не замедляя шаг.

Он пронёсся мимо, стремительный и мрачный, на ходу отдавая команды через гарнитуру. Лицо его было серым от напряжения, а челюсти сжаты так, что скулы казались острыми гранями камня. Тяжёлая, удушливая атмосфера ЧП мгновенно накрыла группу. Парни тут же подобрались, мгновенно превращаясь из весёлых сослуживцев в боевые единицы. Селена почувствовала, как внутри всё сжалось. Этот сигнал на его руке... такая частота использовалась только при массовых прорывах или системных сбоях. Игра в «обычную жизнь» закончилась. Лабиринт снова подал голос, и на этот раз он был похож на предсмертный хрип.

Группа неслась за Кайлом, чьи тяжёлые шаги чеканили ритм по металлическому настилу. Веселье в коридоре казалось теперь событием из прошлой жизни. Они ворвались в оперативный штаб Сектора «R». Огромные экраны, обычно показывающие статичные схемы, сейчас полыхали багровым.

— Сектор «М-4»! — выкрикнул дежурный, указывая на центральную проекцию. — Произошёл каскадный сдвиг. Гравитационные фильтры сорваны. Уровни складываются друг в друга как карточный домик.

Селена замерла, глядя на экран. Сектор «М-4» — её дом, место, где она провела две недели и сотни итераций. Сейчас там творился ад: жилые блоки сминались, а люди... люди просто исчезали в пространственных Разрывах, превращаясь в цифровой шум.

— Нам приказано зачистить последствия, — гремел Командир. — Хозяйка вынесла вердикт: Сектор не подлежит восстановлению. Это значит — полная стерилизация.

В штабе повисла мёртвая тишина. Стерилизация означала уничтожение всего живого и неживого в радиусе поражения, чтобы остановить заражение реальности. Тысячи пленных, среди которых были и те, с кем Селена ещё недавно делила паёк, были приговорены.

— Нет... — прошептала она, делая шаг к экрану. — Там же... там стабильные зоны ещё держатся!

Кайл обернулся к ней. Его лицо было непроницаемым, но в глубине рубиновых глаз она увидела дикую, отчаянную мольбу. Он знал, что она скажет. Он знал, что она не сможет просто смотреть.

— М-4-10:23! — его голос прозвучал как удар хлыста, возвращая её в реальность. Он подошёл к ней вплотную, и на мгновение положил руку на плечо. Его пальцы давили кости, но взгляд был прямым. — Приказ Хозяйки не обсуждается, выступаем через две минуты.

Селена сжала кулаки так, что ногти вонзились в ладони. Весь её напускной комфорт, все эти «свои парни» и дружеские подколки — всё это сейчас проверялось на излом. Она должна была пойти и уничтожить свой старый дом. И Кайл, её единственный союзник, был тем, кто обязан был отдать этот приказ.

— Я готова, Командир, — выдохнула она, и её голос был холодным, как лёд.

Шлюзовой отсек заполнился тяжёлым лязгом металла и шипением гидравлики. Группы быстрого реагирования проверяли крепления винтовок и заряд ментальных глушителей. Главнокомандующий возвышался над хаосом, его голос, разрезал пространство:

— М-4, работаем в паре! Не отходишь от меня ни на шаг. Остальные — на подхвате, работаем двойками. Группа 2 и 3 — держите периметр и блокируйте выходы. Никто не покидает Сектор без санкции!

Селена чувствовала, как под экстренной экипировкой кожа покрывается липким холодным потом. Её пальцы в бронированных перчатках машинально защёлкивали карабины, но мысли были там, в «М-4».

— Пошла! — рывкнул Кайл, и реальность перед ними разорвалась.

Портал в «М-4» был нестабильным, его края «кровоточили» багровыми искрами. Как только они шагнули внутрь, Селену едва не сбил с ног звуковой удар. Сектор, который она знала как серую, унылую, но упорядоченную тюрьму, превратился в пережёванное месиво. Потолки «текли», гравитация менялась каждую секунду, заставляя кровь приливать к голове.

— М-4, фокус на мне! — Кайл схватил её за плечо, силой возвращая в реальность. — Не отвлекайся!

Сквозь треск статики и обвалы конструкций доносились крики пленных — тех, кто оказался заперт в складывающихся коридорах.

— Мы здесь для стабилизации частот, а не для спасательной операции! — громко произнёс Кайл для всех участников канала связи, но через их общий резонанс Селена уловила его внутреннюю судорогу.

Они двигались по Центральной артерии Сектора. Группы 2 и 3 уже начали «зачистку», выжигая нестабильные участки вместе с теми, кто там находился. Селена видела, как напарники работают чётко, по-военному, превращая живых людей в статистические потери. В какой-то момент послышался детский крик, и девушку сковала судорога.

Кайл подошёл к ней вплотную и рывком притянул к себе, прерывая её оцепенение. Грохот рушащихся стен и визг деформируемого металла заглушали всё, но его присутствие стало единственной неизбежной точкой в этом аду. Их взгляды встретились — рубиновый огонь в его глазах сейчас казался не холодным, а обжигающе сосредоточенным. Он наклонился к самому её уху, так близко, что она почувствовала жар его кожи.

— Сфокусируйся... — прошептал он, и его пальцы в грубой тактической перчатке едва коснулись её щеки, почти невесомое движение, скрытое от глаз остальных оперативников. — Они переродятся, но сейчас... Сейчас ты должна их отпустить.

Эта секундная вспышка нежности, пробившаяся сквозь хаос и смерть, заставила Селену плотно сжать губы, подавляя рвущийся наружу крик. Он был прав. В этом механизированном кошмаре жизни были лишь данными, которые Лабиринт перетасовывал в бесконечной колоде итераций. Чтобы спасти тех, кто ещё может быть спасён, ей нужно было стать такой же беспощадной, как сама Система.

Девушка коротко, надрывно кивнула. Кайл крепче ухватил её за плечо, коротким властным жестом возвращая в боевой строй. Они двинулись дальше, шаг в шаг, на расстоянии вытянутой руки — два Архитектора в обличье карателей, пробивающиеся сквозь агонизирующий Сектор. Группы 2 и 3 методично «стерилизовали» отсеки. Вспышки аннигиляторов превращали крики в тишину, а плоть — в серый пепел данных. Селена больше не закрывала глаза. Она смотрела сквозь этот ужас, концентрируя частоту на кончиках пальцев.

— Вижу ядро сдвига! — выкрикнула она в общую связь, и её голос был твёрдым, как закалённая сталь. — Выхожу на дистанцию резонанса.

Кайл не ответил, но она чувствовала, как его аура расширяется, закрывая её от обломков и ментального мусора. Он был её щитом, а она — его клинком. В этом безумии они работали как никогда слаженно, превращая свою общую боль в идеальную, ледяную эффективность.

Они ворвались в эпицентр сдвига — туда, где реальность «М-4» окончательно потеряла плотность, превратившись в воронку из битого стекла и застывших криков. Мужчина мгновенно занял позицию за спиной Селены, став её живым бастионом. Его массивная фигура в штурмовом доспехе закрывала её от хаотичных выбросов энергии, а тяжёлые ботинки впились в вибрирующий пол, удерживая их обоих на краю бездны.

— Давай, М-4! — его голос пророкотал над её ухом, перекрывая вой пространственного шторма. — Тяни структуру на себя! Я держу периметр!

Селена вскинула руки, и пространство между её ладонями заискрилось холодным синим пламенем. Она работала ювелирно: там, где Система видела лишь хаос, её Архитектурное зрение вычленило нити кода. Она перехватывала их, скручивала в тугие узлы, заставляя распадающееся Измерение стабилизироваться. Кайл не спускал с неё внимательного, острого взгляда. Он не просто страховал её — он буквально читал каждое движение её плеч, каждый вздох. Его рука то и дело касалась её локтя или спины, направляя, корректируя её положение, передавая ей часть своей непоколебимой уверенности через их общий резонанс. Когда очередной гравитационный удар едва не сбил её с ног, он рывком прижал её к себе, а затем начал стрельбу из импульсного излучателя по подступающим теням аномалии.

Это была пугающая, почти танцевальная слаженность. Селена чувствовала его присутствие каждой клеткой: как он «дышит ей в затылок», как напрягаются его мышцы, когда он принимает на свой щит очередной удар. Она доверяла ему свою спину так, как не доверяла самой себе.

— Ещё немного... — выдохнула она, и её пальцы погрузились в самую гущу светящегося ядра. — Почти...

— Жми! — Кайл накрыл её ладони своими, и их общая частота 10:23 взорвалась ослепительным импульсом.

В этот миг всё замерло. Вой прекратился, стены Сектора с тяжёлым лязгом встали, фиксируя пространство в новой, мёртвой стабильности. Пыль медленно оседала на их шлемы. Мужчина опустил руки, но не отстранился. Его внимательный, сканирующий взгляд скользнул по её лицу, проверяя зрачки и чистоту дыхания. Он искал признаки ментального выгорания, и только убедившись, что она в порядке, позволил себе короткий, едва заметный кивок.

— Узел стабилизирован, — сухо доложил он в общую связь, возвращаясь к роли командира. — Группам 2 и 3 — завершить зачистку остаточных шумов.

Он отступил на шаг, восстанавливая официальную дистанцию, но Селена всё ещё чувствовала на своих руках жар его перчаток. Они сделали это. Они уничтожили «М-4», чтобы он не стал могилой для всех, но в этой победе не было радости. Только холодное осознание того, что в этом Лабиринте они — единственные, кто может удержать друг друга от падения в окончательную тьму. Тени от аварийного освещения удлинились, превращая искорёженные конструкции в скелеты забытых итераций. Кайл стоял в паре шагов от девушки, его высокая фигура в штурмовом доспехе казалась монолитом среди руин.

— Группа 2, статус? — его голос в канале связи был сухим и режущим.

— Зачистка завершена, Командир. Уровни 4-8 стерилизованы. Остаточный шум в пределах нормы, — отозвался Буйвол. В его голосе не было и тени сомнения, только тяжёлая одышка профессионала.

Кайл медленно повернул голову к Селене. Она стояла, опустив руки, и смотрела на то место, где ещё десять минут назад пульсировало Ядро сдвига. Её ладони всё ещё слабо светились остаточным резонансом, а в ушах стоял звон от тишины, которая была страшнее любого крика. Он подошёл ближе, сокращая дистанцию. Его внимательный взгляд скользнул по её

лицу, подмечая каждую деталь: капельку пота на виске, плотно сжатые губы, расширенные зрачки. Он искал в ней трещину, признак того, что 842-я версия не выдержала этого груза.

— Ты сделала это чисто, — произнёс он негромко. — Хозяйка будет довольна результатами.

Селена медленно подняла на него глаза. В этом взгляде не было благодарности — только ледяное осознание их общей вины. Она видела, как он стоит перед ней, безупречный командир, только что уничтоживший целый мир, и понимала: эта слаженность, эта их идеальная работа в паре — это и есть их самое страшное проклятие. Он резко развернулся к подошедшим оперативникам Группы 3.

— Собрать снаряжение. Выдвигаемся к точке эвакуации через три минуты. М-4 — в арьергард. Проверь тыловые щиты на выходе.

Девушка вытянулась в струнку, подчиняясь приказу. Маска надзирателя снова приросла к лицу. Она пошла в хвосте отряда, чувствуя на себе его тяжёлый, контролирующий взгляд. Он следил за каждым её шагом до самого портала, как пастух следит за раненым зверем, который всё ещё может броситься на хозяина.

Обратный путь через переходные шлюзы проходил в тяжёлой, вязкой тишине. Напарники, обычно шумные и грубоватые после успешных зачисток, сейчас лишь изредка переглядывались, замечая поникшие плечи и пустой взгляд девушки. В «Резонансе» каждый прекрасно понимал, чего ей стоила эта миссия — сжигать место, которое когда-то было твоим единственным домом, не проходит бесследно даже для тех, чей код был переписан сотни раз. Когда они вышли в стерильный коридор своего Сектора, R-5 замедлил шаг и коротко, весомо стукнул её по плечу бронированной перчаткой.

— Хорошо справилась, — негромко произнёс он, и в его голосе не было привычной издёвки.

Остальные напарники один за другим последовали его примеру. Кто-то кивнул, кто-то просто коснулся локтем. Это не было сочувствием в обычном понимании — в Лабиринте сочувствие считалось слабостью. Это было признание общей боли. Все надзиратели были глубоко сломленными личностями, запертыми в доспехи карателей. Каждый из них однажды сделал свой страшный выбор: предать, убить или забыть себя, чтобы выжить и оказаться по эту сторону излучателя. Здесь не было невиновных, и именно эта коллективная вина, эта общая выжженная пустота внутри объединяла их крепче любых приказов.

Селена чувствовала каждое это прикосновение как удар тока. Она была одной из них — палачом с разбитым сердцем. Кайл шёл чуть впереди, и хотя он не оборачивался, девушка кожей ощущала, как он фиксирует каждое движение её коллег. Он видел, как отряд принимает её, как эта общая трагедия окончательно вливает её в структуру «Резонанса». Но в его напряжённой спине читалась и другая мысль: теперь она связана с ними кровью «М-4», и эта связь может стать либо её щитом, либо её окончательным концом.

— Всем сдать снаряжение и явиться на дебрифинг через двадцать минут, — бросил Командир, не глядя на группу.

Дебрифинг прошёл в тяжёлом, механическом режиме. Кайл зачитывал сухие цифры потерь и графики стабилизации так, словно речь шла о ремонте неисправного конвейера, а не о гибели целого Сектора. Селена сидела в первом ряду, чувствуя на себе взгляды парней, они сидели прямо, сцепив руки в замок, погружённые в ту специфическую армейскую апатию, которая наступает после большой крови.

— Группы свободны. М-4, останься для подписания личного протокола вмешательства, — бросил Кайл, закрывая голограмму.

Когда дверь за оперативниками закрылась, тишина в зале стала невыносимой. Он подошёл и положил на стол перед ней планшет.

— Подпиши. Это формальность для Системы, подтверждающая твою лояльность, — он сказал это почти шёпотом, словно извиняясь за то, что заставляет её ставить подпись под пеплом её собственного прошлого.

Селена сидела, глубоко откинувшись на спинку кресла. Её руки были бессильно сложены в замок, а взгляд — абсолютно отрешённый, устремлённый сквозь голограммы и стены. Тяжёлая, душная тишина осела между ними, как радиационная пыль после взрыва. Кайл медленно сел в соседнее кресло. Он некоторое время молчал, изучая профиль девушки, которая за один день повзрослела на несколько жизней. Наконец он негромко заговорил:

— Понимаю, что спрашивать «в порядке ли ты» бесполезно, поэтому... — он помедлил, подбирая слова, которые в этом стерильном мире звучали почти ересью. — Может, тебя обнять?

Селена горько усмехнулась. Её взгляд оставался поникшим, а его жест — эти неловко распростёртые руки — в контексте их формы и статусов выглядел почти нелепо. Грозный Высший предлагал утешение, которое не вписывалось ни в один протокол Лабиринта. Он искренне хотел поддержать её, но слов, способных заглушить крики из «М-4», просто не существовало. Девушка резким движением откинула подлокотник кресла и буквально упала в его объятия, пряча взгляд. Она уже не знала, что ещё может помочь ей отвлечься от запаха гари и лиц напарников, ставших её новыми братьями по крови.

Руки Кайла мгновенно и крепко сомкнулись вокруг неё. Он прижал её к себе с такой силой, будто пытался физически заслонить от всего Лабиринта сразу. Каждую секунду это объятие напоминало ей о его присутствии, о том, что в этом бесконечном цикле предательств и смертей он — её единственная реальность. В тишине пустого зала дебрифинга слышно было только мерный, тяжёлый стук сердца Кайла, который сейчас бился только для неё. Она ощущала его спиной. Тяжёлое, мерное дыхание мужчины скользило по её щеке и шее, вызывая дрожь, которая не имела ничего общего с холодом отсека. Он молчал, прислонившись щекой к её макушке, и в этой тишине их общий резонанс гудел низким, успокаивающим баритоном.

Каждый из них остро осознавал предельную жестокость мира, в котором они оказались. Здесь жизни тысяч людей, их накопленные десятилетиями чувства, привязанности и хрупкие воспоминания сужались до сухих цифр в итоговой статистике. Всё обнулялось, превращаясь в мусор, как только Система решала, что «инструмент» больше не эффективен. Селена знала: да, эти люди вернутся. Лабиринт пересоберёт их код, выдаст новые номера и другие роли, но они уже никогда не будут теми, какими она их запомнила. Лица обитателей Сектора «М» — те, с кем она делила редкие минуты тишины, — вспыхивали перед глазами, как гаснущие угли.

Девушка крепче зажмурилась, вжимаясь в сильное плечо. В его объятиях Лабиринт казался чуть менее реальным, а сердцебиение — единственной правдой, за которую стоило держаться. Ей хотелось лишь одного: чтобы эта минута забвения продлилась вечность, прежде чем ей придётся открыть глаза и снова стать частью безжалостного механизма.

— Как ты это делаешь? — спросила она робко. Шёпот был надрывным, почти болезненным. — Как выдерживал всё это столько времени?

Она открыла глаза, цепляясь взглядом за резкие черты его лица, за напряжённую линию шеи, за всё, что делало его живым в этом механическом аду.

— Ты ведь не знал, появится ли вообще М-4, которая сможет добраться до тебя... — её голос дрожал, выдавая всю глубину осознания его одиночества.

— Не знал... — подтвердил он, и в этом коротком слове Селена услышала гул столетий. — Мне оставалось просто ждать и верить.

Его тон звучал непривычно ровно, почти безжизненно, но это была не холодность, а предельное истощение чувств. Их перешёптывание в пустом, залитом мертвенным светом зале сейчас ощущалось как нечто сокровенное, как тайная молитва в храме, который вот-вот рухнет.

— Иногда я пытался отвлечься, не думать... — продолжал он, и его взгляд на мгновение расфокусировался, уходя куда-то вглубь прошлого. — Загружал себя работой, зачистками, интригами Совета. А иногда... иногда просто не оставалось времени, чтобы помнить. Работа Высшего — это бесконечный шум. В нём легко потерять даже собственное имя, не то что чужое.

Он чуть крепче прижал её к себе, словно проверяя, не исчезнет ли она, если он ослабит хватку.

— Но каждый раз, когда в Секторе «М» регистрировали новую единицу с твоим кодом, этот шум затихал. И я снова начинал считать секунды до нашей встречи. Даже если знал, что ты меня не узнаешь. Даже если знал, что нам снова придётся играть в палача и жертву.

Селена слушала, и её сердце сжималось от невыносимой нежности и боли. Она видела в нём Кайла — человека, который превратил своё ожидание в искусство выживания. Он не просто «выдерживал» — он горел на медленном огне, не позволяя себе погаснуть только ради того, чтобы однажды стать маяком для неё.

— И вот она здесь, — прошептала она, касаясь лбом его щеки. — 842-я итерация...

Мужчина ничего не ответил, лишь тяжело вздохнул, и этот вздох был громче любого признания. В тишине штаба они сидели, прижавшись друг к другу, — две сломанные детали огромного мира, которые на одну короткую ночь нашли способ совпасть идеально. Позади был пепел уничтоженного Сектора, впереди — неизвестность, но в это мгновение им обоим было достаточно того, что они просто дышат в унисон.

Осознание, что даже в этот хрупкий момент пространство вокруг них истыкано датчиками, сводило зубы. Любой всплеск их общего резонанса, любая слишком долгая пауза в этом пустом зале могли быть интерпретированы Системой как опасная аномалия. Она вжалась в его мундир пальцами, чувствуя под ладонью холодную броню и жёсткую ткань. Он прижал её к себе ещё сильнее, спрятав её лицо в складках высокого воротника своего кителя. Девушка жадно вдыхала его запах — смесь озона, холодного металла и того едва уловимого аромата корицы, который сохранился лишь в его покоях. Внутри всё пульсировало от обиды: на Лабиринт, на Хозяйку, на саму судьбу, которая заставляла их воровать эти крохи нежности под прицелом невидимых камер.

Кайл медленно поглаживал её по спине, едва слышно шурша плотной тканью формы. Этот звук в мёртвой тишине штаба казался оглушительным. Его рука двигалась размеренно, успокаивающе, хотя сам он был напряжён, как натянутая тетива. Он был её единственным убежищем в этом мире, где даже память была оружием.

— Тише... — едва слышно выдохнул он, и вибрация его голоса отозвалась в её груди. — Мы не дадим им увидеть ничего, кроме того, что они хотят видеть. Пусть считают нас сломленными. Пусть думают, что ты просто ищешь защиты у сильного.

Селена замерла, вслушиваясь в его слова. Обида никуда не исчезла, но к ней добавилась ледяная ясность. Каждое поглаживание, каждый вдох в унисон — это был их тихий акт сопротивления. Посреди Сектора «R», два самых эффективных карателя, и в этот миг они были ближе к свободе, чем когда-либо за все восемьсот сорок два цикла. Девушка медленно отстранялась, но не разорвала дистанцию полностью. Её пальцы все ещё слабо касались ткани его мундира, а взгляд, тяжёлый и внимательный, медленно скользил по его шее, очерчивая линию подбородка, пока не замер, столкнувшись с его рубиновыми глазами.

— Если бы у меня был выбор... — она сделала долгую паузу, вглядываясь в каждую чёрточку его лица, застывшего всего в десяти сантиметрах от неё. — Думаю... я бы не смогла выбрать жизнь в одиночестве. Без тебя.

Она произнесла это отрешённо, почти как технический факт, но оба они знали, что в этих словах скрыт ответ на главный вопрос, мучивший его столетиями. Так 842-я итерация

оправдала поступок 511-й. Это не было актом высокого героизма — это был акт милосердия к самой себе. Она просто не хотела оставаться в Лабиринте одна.

— Это эгоистично и жестоко... — её голос дрогнул, обнажая ту самую трещину, которую не смог затянуть ни один протокол. — Но я бы не выдержала такой жизни.

Ресницы Кайла мелко дрогнули. На мгновение его маска Высшего окончательно осыпалась, обнажая человека, которого только что ударили в самое сердце этой горькой правдой. Он не нашёл слов — их не существовало в языке Системы. Вместо ответа он снова порывисто прижал её к себе, почти до боли, и уткнулся лицом в её волосы. Селена чувствовала, как бешено и тяжело стучит его сердце — этот ритм был хаотичным, живым, совершенно несинхронным с холодным пульсом Лабиринта. В этой тишине, среди мигающих датчиков и багровых экранов, они были, сцепленные общим горем и общим пониманием. Она благодарила его за то, что он выжил, и за то, что взял на себя ношу, которую она сама нести побоялась. И теперь они больше не были палачом и жертвой. Они были двумя частями одной души, которая наконец-то перестала обвинять саму себя в желании просто не быть одинокой.

Неохотно, но спустя несколько минут Селена мягко отстранилась, прошептав, что нужно закругляться — у Кайла впереди была ещё целая гора отчётов и протоколов по ликвидации Сектора. Она видела, как тяжело ему даётся этот разрыв контакта, но правила Лабиринта были неумолимы, поэтому она не хотела нагружать его жизнь ещё больше. Когда девушка открыла дверь в коридор, столкнулась со взглядом М-10. Парень стоял, прислонившись спиной к холодной стене, и, судя по его помятому виду, торчал здесь с самого момента окончания дебрифинга. Кайл вышел следом, его шаги за спиной Селены мгновенно стали тяжёлыми, а взгляд, брошенный на подчинённого, — подозрительным и колючим.

— Почему ты ещё здесь? — спросила девушка, стараясь придать голосу будничную усталость.

— Подумал, что не стоит оставлять тебя одну в такой момент, — его взгляд на секунду задержался на Командире, полном ледяного достоинства, и снова вернулся к девушке. — Я провожу тебя...

Парень коротко отдал честь Командиру, но сделал это механически, без тени привычного почтения. В его позе читалось глухое упрямство. Кайл лишь едва заметно кивнул, желваки на его скулах заходили ходуном. Он задержался у дверей штаба, провожая недовольным, тяжёлым взглядом их удаляющиеся по коридору спины.

— Не стоило ждать, — отстранённо начала Селена, когда они отошли на достаточное расстояние. — Я в порядке.

— Я не думал, что подпись протокола потребует столько времени... — в голосе М-10 прорезались нотки явного недовольства и скрытой тревоги. — О чём вы там говорили так долго?

— Командир дал мне выходной, но не думаю, что смогу провести его в комнате... — взгляд девушки всё ещё был подавлен, образы гибнущего «М-4» не желали уходить.

— Слушай... — парень внезапно остановился и коснулся её плеча, заставляя обернуться. — Он ведь не вынуждает тебя?

— О чём ты? — Селена слабо усмехнулась, чувствуя, как внутри нарастает новое напряжение.

— Я про слухи о вас, — его взгляд был предельно встревожен, в нём читалось желание защитить её от чего-то, чего он сам не понимал. — Скажи мне честно... Это правда? У вас роман? Или он шантажирует тебя чем-то?

Он выпалил это, и в его голосе прозвучала плохо скрытая ревность, перемешанная со страхом за неё.

— Почему вдруг спрашиваешь? — Селена внимательно взглянула на него. — Ты же сам говорил, что не веришь слухам.

— Просто ответь... — он не сводил с неё взгляда, и девушка отчётливо прочла нервность на его лице. Его пальцы подёргивались, а дыхание стало прерывистым.

— Не считаешь... — осторожно начала она, понизив голос до опасного шёпота, — что это немного не твоё дело? То, как я провожу время, и с кем.

Парень резко отвёл взгляд, его кулаки были сжаты. Было видно, как внутри него борются уставная дисциплина и личное отношение.

— Я просто волнуюсь... — буркнул он, глядя куда-то в сторону серых панелей стены. — Если ты не можешь себя защитить от его влияния... Если он пользуется своим положением, чтобы...

— Я не ребёнок, — отрезала она сурово, обрывая его на полуслове. — И не дура. Я не стала бы пробивать себе путь через постель. Или ты во мне сомневаешься?

В её голосе прорезалась холодная сталь, а взгляд буквально буравил его, требуя ответа. В этот момент она была слишком похожа на Кайла — та же непреклонность, та же дистанция.

— Забудь... — бросил он, махнув рукой, словно сдаваясь. — Пошли.

Они двинулись дальше по коридору, но между ними теперь висела неловкость, плотная, как кисель. Селена чувствовала его обиду, но ничего не могла с этим поделать. Она не могла сказать ему правду, но и ложь о «романе» начинала уже душить. Парень шёл рядом, подчёркнуто глядя вперёд, но его молчание было громче любого крика. Он был её другом, возможно, единственным в этом Секторе, кто видел в ней человека, а не боевую единицу. И осознание того, что её тайная связь с Командиром начинает разрушать эту хрупкую дружбу, отзывалось в душе Селены новой, острой болью. Лабиринт продолжал забирать у неё всё — сначала дом, теперь, возможно, и тех, кто стал ей дорог.

Через день на Сектор обрушилась иная катастрофа, тихая и ледяная. В «Резонанс» прибыла Хозяйка. Та версия Системы, за которой был закреплён этот Узел, редко баловала подчинённых «Резонанса» личным присутствием. Работа Кайла была почти автономной: он заслужил этот кредит доверия веками безупречной преданности, поэтому навещать его часто не было необходимости. Селену вызвали в Командный центр. Атмосфера там царила грандиозная и гнетущая одновременно. Надзиратели выстроились ровными шеренгами, застыв, как каменные изваяния. Хозяйка вошла, чеканя шаг, и сухой стук её каблуков эхом отдавался от стальных стен. Её бледное, почти фарфоровое лицо исказило подобие улыбки, когда она остановилась прямо перед девушкой.

— Рада наконец увидеть тебя воочию, — произнесла она, и голос её звучал как скрежет металла по стеклу. — Ты оправдала все ожидания, девочка. Редкий случай, когда «отклонение» идёт на пользу делу.

Она перевела взгляд на Кайла, который стоял поодаль, сохраняя маску абсолютного бесстрастия, хотя Селена чувствовала, как его аура натянулась до предела.

— Ты отхватил настоящий бриллиант, Р-1. Хорошая работа по огранке, — Хозяйка едва заметно кивнула ему, а затем резко обратилась к операторам. — Выведите изображения.

Пальцы техников лихорадочно застучали по клавишам. На огромных экранах штаба вспыхнули записи их недавнего рейда в «М-4». Кадры сменяли друг друга: вот они входят в сдвиг, вот Селена перехватывает поток энергии, а вот Кайл закрывает её собой от обломков.

— Вас двоих в Комитете уже прозвали «идеальным тандемом», — продолжала она, заложив руки за спину и прохаживаясь вдоль экранов. — Посмотрите на эту слаженность. Ни единого слова, ни одной лишней команды.

Все присутствующие не отрывали глаз от мониторов. На записях их работа действительно выглядела магически точной, пугающе синхронной. Но Селена чувствовала, как внутри всё леденеет. То, что для них было отчаянной попыткой выжить и защитить друг друга, для Хозяйки было лишь удачным техническим решением.

— Это именно то, что нужно сейчас Системе, — Женщина снова повернулась к девушке, и в её глазах не было ничего человеческого. — Такая связь... очень ценна. Я пришла лично убедиться, что поводок достаточно крепок.

Кайл не шелохнулся, но Селена уловила мимолётную тень, скользнувшую по его лицу. Хозяйка не просто хвалила их — она ставила метку. Теперь их «идеальный тандем» официально стал объектом высшего контроля. На экранах продолжали мелькать кадры их совместного боя, и в этом свете Селена видела: ловушка, в которую они попали, захлопнулась окончательно. Поводком стала их собственная слаженность.

Хозяйка медленно прошествовала вдоль ряда мониторов, и каждый её шаг отдавался в тишине штаба как удар метронома. Остановившись у кадра, где Кайл накрывает ладони Селены своими в момент финального импульса, она прищурилась.

— Какая... экспрессия, — прошипела она, не оборачиваясь. — Система фиксирует аномальный всплеск эндорфинов и адреналина в этот момент у обоих. Р-1, ты не находишь это излишним для простой стабилизации Сектора?

Кайл выпрямился, его лицо превратилось в маску из мёртвого гранита.

— Работа в критических условиях сдвига всегда сопряжена с гормональным фоном. Это побочный эффект глубокого резонанса. Главное — результат. Сектор стабилизирован.

— Резонанс... — она обернулась к нему, и Селена увидела, как в её пустых глазах отразились рубиновые искры Кайла.

Она снова подошла к девушке, и в воздухе отчётливо запахло стерильностью и озоном — запахом самой Системы. Хозяйка протянула руку и холодным, длинным пальцем приподняла подбородок девушки.

— Тебе нравится твоя новая роль, М-4? Нравится чувствовать силу, которую он тебе даёт?

Девушка не отвела взгляда. Внутри неё всё кричало от ненависти, но внешне она оставалась безупречным инструментом.

— Я служу Системе. Сила — лишь средство для выполнения задач.

— Хороший ответ. Правильный, — Хозяйка убрала руку и обратилась ко всему залу. — С этого дня подразделение «Резонанс» переходит на особый режим. Тандем 10:23 назначается основной ударной силой для зачистки внешних контуров. Вы будете ходить туда, где другие рассыпаются в пыль.

Она сделала паузу, и её улыбка стала по-настоящему пугающей.

— И раз уж вы так слаженно работаете, я хочу видеть продолжение. Р-1, я даю тебе полный карт-бланш на использование способностей этой единицы.

В штабе повисла мёртвая тишина. Селена почувствовала, как по спине пробежал ледяной холод. Это было не поощрение, это был приказ сорвать покровы.

— Благодарю за доверие, Хозяйка, — голос Кайла был сухим; он оставался образцовым командиром, чья выправка не дрогнула даже под этим ледяным давлением.

Женщина уже направилась к выходу, но внезапно остановилась у самых дверей, наполовину обернувшись.

— И ещё одно, — её взгляд, пустой и пронзительный, скользнул по рядам застывших надзирателей. — Надеюсь, ваши личные отношения не повлияют на результативность работы Сектора. Не хотелось бы разлучать такую прекрасную пару.

Она произнесла это вслух, чётко и громко. То, о чём месяцами шептались в курилках и столовой, о чём судачили на тренировках, теперь перестало быть догадкой. Хозяйка одним предложением превратила слухи в официальный статус, закрепив за ними клеймо «пары» перед лицом всего подразделения. Зал застыл в мёртвой тишине. Селена чувствовала, как десятки взглядов теперь жгут её спину с новой силой. Это было не просто признание, это была легализация их уязвимости. Хозяйка не благословила их, она публично указала на ахиллесову

пятью. Кайл не шелохнулся, но девушка кожей ощутила, как его аура на мгновение вспыхнула и тут же погасла, загнанная вглубь.

— Результативность — мой приоритет, — отчеканил он, и в его голосе не дрогнула ни одна нота. — Личные связи лишь укрепляют дисциплину в паре.

— Охотно буду следить за этим, — бросила она, и сухой стук её каблучков возобновился, удаляясь по коридору.

Когда автоматические двери за ней сомкнулись, тяжёлое оцепенение в штабе не исчезло. Напротив, оно сменилось липким, невидимым гулом. Надзиратели стояли не шелохнувшись, затаив дыхание в ожидании команды, которая вернёт мир в привычное русло.

— Разойтись! — голос Кайла прозвучал как удар хлыста, сухой и резкий.

Все тут же ринулись по своим местам. Работа операторов закипела с удвоенной силой, но каждый в зале чувствовал: реальность Сектора «R» безвозвратно изменилась. Заводить отношения между надзирателями Системой не запрещалось — это считалось допустимым способом снятия напряжения, — однако никто не был по-настоящему готов к тому, что грязные слухи окажутся правдой, подтверждённой самой Хозяйкой. Они знали Р-1 как сурового Главнокомандующего, ледяного Высшего, который буквально прогрыз себе путь наверх через горы отчётов и зачисток. В их представлении он был монолитом, лишённым человеческих слабостей. Откуда у него вдруг могли затесаться чувства к кому-либо? Его апартаменты были желанной целью для многих женщин Сектора, стремившихся укрепить своё положение через близость к власти, но статус Командира никогда не обновлялся. Он оставался «холостым» — до появления М-4.

Теперь, когда Хозяйка легализовала их связь, на Селену смотрели не просто как на «талант». В глазах коллег она стала той, кто сумел взломать код самого бесчувственного человека в Лабиринте. Девушка чувствовала это кожей. Она стояла посреди штаба, не смея взглянуть на Кайла. Тот факт, что их тайный заговор теперь замаскирован под официально признанную страсть, дарил безопасность, но цена была огромной. Теперь каждое их движение будет рассматриваться под микроскопом «отношений».

— М-4, задержись, — бросил Глава, не глядя на неё, занятый проверкой данных на планшете. — Нужно скорректировать график патрулирования.

Девушка неохотно остановилась рядом. Она быстро огляделась, ища глазами напарников, но они будто испарились — видимо, покинули штаб в ту же секунду, как прозвучал приказ разойтись. Чувство брошенности и выставленности на всеобщее обозрение жгло кожу.

— Эй, — суровый, но тихий голос прервал её лихорадочные размышления.

Селена вздрогнула и повернулась. Кайл стоял вполборота, протягивая ей планшет и не сводя с неё тяжёлого взгляда. На её лице в этот миг было слишком явно написано, что она витала где-то далеко и не слышала ни единого его слова.

— Простите... — она тут же сделала шаг вперёд, торопливо заглядывая в мерцающий экран, пытаясь сгладить неловкость.

— График... — повторил Командир, подчёркнуто медленно, прекрасно понимая, что она пропустила всё мимо ушей.

Ситуация была мучительной не только для них двоих. Помощники, стоявшие рядом, многозначительно переглянулись, обмениваясь быстрыми, понимающими ухмылками. Теперь, когда каждое их нахождение рядом, каждая заминка и каждый взгляд считывались Системой и окружающими как проявление «любобной связи», отношение к ним как к профессионалам дало трещину. Для техников они превратились в героев остросюжетного романа, за которыми было куда интереснее наблюдать, чем за скучными цифрами стабилизации. Селена чувствовала, как их индивидуальность, их личные цели и страхи стираются, заменяясь этим общим, приторным ярлыком «идеальной пары».

— Сектор «К-9», завтра, третья смена, — Кайл ткнул пальцем в одну из строк, игнорируя тихий шёпот за спиной. — Твои показатели резонанса после «М-4» требуют закрепления в спокойной обстановке.

Он на мгновение задержал руку на планшете так, что их пальцы почти соприкоснулись, и Селена увидела, как у одного из помощников в углу вытянулось лицо от любопытства. В этом жесте, простом и рабочем, теперь виделся скрытый подтекст. Кайл едва заметно стиснул зубы — он понимал, что Хозяйка превратила его Сектор в театральную сцену, и теперь им обоим придётся играть до самого занавеса, даже если от этого их обоих начнёт выворачивать наизнанку.

Смена в «К-9» прошла под знаком удушающей вежливости. Это было хуже открытой враждебности. Раньше надзиратели могли прикрикнуть на Селену или грубо подтолкнуть в плечо в тесноте шлюза, но теперь вокруг неё образовался вакуум подобострастного почтения. Когда она вошла в оружейную, разговоры мгновенно стихли. Буйвол, который раньше не стеснялся в выражениях, теперь подчёркнуто молча уступил ей место у стойки с амундией.

— Проходи, М-4. Тебе нужнее, — бросил он, и в его голосе не было издёвки, только тяжёлая, неловкая серьёзность.

Атмосфера в коллективе изменилась бесповоротно. Теперь Селена была не «своим парнем», она стала «женщиной Командира». Для этих сломленных мужчин она превратилась в объект, обладающий неприкосновенностью высшего уровня. Это воздвигло между ними стену: напарники больше не шутили про её промахи, не звали играть в карты после смены. Они боялись. Боялись, что любая случайная шутка будет истолкована Кайлом как оскорбление его фаворитки. Сама работа в «К-9» — скучная калибровка статических полей — тянулась бесконечно. Селена чувствовала на себе взгляды патрульных. Каждый раз, когда она подносила руку к терминалу или поправляла шлем, она ловила на себе чьи-то глаза, которые тут же отводились. В один миг она стала частью системы власти, а не их общего братства.

— Слушай, М-10, — обратилась она к напарнику, когда они проверяли периметр, — ты чего такой дёрганный? Мы просто закрываем Сектор.

— Да всё нормально... Просто... — парень замаялся, проверяя датчик, который и так был в норме. — Ну, Хозяйка ведь ясно дала понять. Мы теперь понимаем, почему Глава тебя так берёт. Ты просто не бери в голову, работаем по протоколу.

Селене хотелось закричать от этой «нормальности». Она видела, как М-10 старается не сталкиваться с ней взглядом, как R-5 перестал подшучивать над их «романом». Хозяйка добила своего: она не просто легализовала их связь, она изолировала Селену внутри собственного отряда.

Вечером в столовой к ней никто не подсел. Она сидела за длинным столом одна, окружённая невидимым полем «особого статуса». Гул голосов вокруг неё затихал, как только она поднимала голову. Она была «парой» для самого страшного человека в Лабиринте, и эта роль начинала душить её сильнее, чем любой ошейник Системы. Она поняла, что теперь её единственным собеседником, её единственным миром действительно остался только Кайл — именно так, как и планировала Хозяйка, замыкая их друг на друге до окончательного безумия.

«Особого отношения» Селене хватило ровно на неделю. На восьмой день, когда во время плановой тренировки подошла её очередь быть нападающей, плотину сорвало. Ярость на напарников, копившаяся под маской ледяного спокойствия, выплеснулась, как кипяток из котла. Девушка била беспощадно. Она не просто отрабатывала приёмы — она вколачивала парней в амортизирующее покрытие зала «Альфа», прижимая их к полу и стенам своей ментальной силой с такой яростью, что датчики на стенах тревожно замигали красным. Её бесило

это новое, «бережное» отношение, бесила их внезапная вежливость, за которой скрывался страх перед Кайлом.

— Не будете отвечать?! — вскрикнула она, когда М-10 в очередной раз просто выставил пассивный щит, не пытаясь контратаковать. — Ладно! Тогда я похороню вас всех в братской могиле и скажу Командиру, что это вышло случайно! Что вы просто разучились держать удар!

— Тихо-тихо, М-4! — нервно смеясь и пятясь к стене, выставил вперёд руки R-5. — Ты чего взбеленилась? Что не так?

— Что не так?! — Селена окончательно сорвалась на крик, и эта истерика была для неё единственным способом не сойти с ума от одиночества. — Это ты мне ответь, что не так! Где мой напарник, который ржал над моими промахами? Где Буйвол, который обещал мне рёбра пересчитать?

Она начала хватать тяжёлые тренировочные снаряды для отработки бросков и один за другим швырять их в R-5, заставляя его лихорадочно уворачиваться.

— «Команда» называется! — гремела она, и её голос эхом разлетался по огромному залу. — Бросили меня на растерзание этим крысам из штаба! Решили, что раз Хозяйка ляпнула про «пару», то я теперь фарфоровая кукла, которую нельзя трогать?!

Парни замерли. Буйвол и М-10 переглянулись, видя, как Селена стоит посреди зала, тяжело дыша, с растрёпанными волосами и глазами, полными злых слёз. Весь их план «безопасного дистанцирования» пошёл прахом.

— Мы думали, тебе так будет проще... — буркнул Буйвол, опуская руки. — Ну, с Ним... чтобы лишних проблем не было.

— Мне проще, когда вы ведёте себя как люди, а не как перепуганные цыплята! — отрезала она, хватая последний снаряд. — Если ещё раз кто-то из вас уступит мне дорогу в столовой или не ударит в полную силу на ринге — клянусь, я выставлю ваши номера для связи на портале онлайн-флирта!

В зале воцарилась тишина. На балкончике для наблюдателей в тени замерла высокая фигура. Кайл стоял там уже несколько минут, молча наблюдая за этим бунтом. Он видел, как она сражается за свою человечность, разрушая изоляцию, в которую её загнала Хозяйка. На его губах промелькнула едва заметная, гордая улыбка — его «бриллиант» оказался слишком острым, чтобы его можно было просто положить в шкатулку. Она возвращала себе отряд, и он не собирался ей мешать.

— Ладно-ладно... — R-5 нервно улыбнулся, выставляя ладони перед собой. — Положи снаряд, М-4. Мы всё поняли. Никаких поблажек.

Но Селена не собиралась так просто заканчивать этот парад неповиновения. Она с силой швырнула тяжёлую тренировочную сферу в него. Парень легко увернулся, привычным движением уйдя с линии атаки, но Селена коротко вскинула руку. Снаряд, подчиняясь её воле, описал дугу в воздухе и на обратном пути с глухим стуком врезался R-5 прямо в спину, сбивая его с ног.

— Зараза! — прорычал он, растянувшись на покрытии.

Гнев, который он подавлял неделю, наконец-то прорвался наружу.

— Драки хочешь?! — выкрикнул он, переходя на крик и вскакивая на ноги.

— Хочу! — яростно крикнула она ему в ответ, вставая в боевую стойку. — Хочу, чтобы ты перестал смотреть на меня как на декорацию в кабинете Высшего!

— Сама напросилась! — R-5 яростно выпрямился, стряхивая пыль с локтей. Его глаза опасно сузились. — Но не жалуйся потом Командиру, когда я тебя по этому залу размажу!

— Попробуй! — Селена оскалилась, чувствуя, как адреналин выжигает остатки обиды.

Остальные напарники невольно подались назад, освобождая центр зала. В воздухе отчётливо запахло озоном: оба противника начали нагнетать ментальное давление. R-5 больше не сдерживался; он ударил первым — мощным, размашистым импульсом, от которого зазвенели

стёкла на наблюдательном балконе. Девушка приняла удар на жёсткий блок, и её отбросило на пару метров назад, но она устояла. На её лице сияла торжествующая, почти безумная улыбка. Это было то самое «Мы», которого она так жаждала.

Кайл на балкончике сжал перила. Он видел, как R-5 заходит на второй круг, как он готовит захват, который может вывихнуть плечо. Любой другой командир прекратил бы это безумие немедленно, но мужчина знал: если он сейчас вмешается, то убьёт в ней ту искру, которая делала её живой. Он стоял в тени, позволяя своему отряду избивать друг друга, потому что только через эту боль они могли снова стать единым целым.

— Ну же, смелее! — раззадоривала она R-5, уходя перекатом от его очередного выпада.

Зал наполнился грохотом ударов и яростными выкриками. Изоляция лопнула. В этот момент в глазах напарников она снова стала M-4-10:23 — опасным, непредсказуемым и чертовски азартным бойцом, с которым не стыдно было пойти на любую Язву. Поводок Хозяйки на мгновение ослаб, перекушенный их общей, чистой яростью. R-5 не стал церемониться. Он рванул вперёд, закручивая вокруг кулака плотный жгут гравитационного смещения. Воздух вокруг него пошёл рябью. Селена едва успела выставить щит, когда атака обрушилась на неё. Последовала серия ударов.

— Это всё? — прохрипела она, чувствуя, как всё внутри неё начинает вибрировать на запредельной частоте. — Ты бьёшь, как офисная секретарша!

— Ах ты... — R-5 взревел, и на этот раз в атаку включились и остальные.

M-10 и Буйвол, заразившись этой дикой, первобытной энергией, сорвались с мест. Это больше не была тренировка. Это была свалка, в которой каждый выплёскивал накопившееся за неделю унижение от того, что ими манипулировали. Они окружили её, нападая по очереди, жёстко, в полную силу. Девушка крутилась волчком, уходя от захватов, блокируя прямые ментальные удары и отвечая хлесткими импульсами, которые заставляли парней отлетать в стороны. Зал «Альфа» превратился в зону боевых действий. Слышались глухие удары тел о маты, тяжёлое дыхание и ругательства.

— Ну что, «любимица»?! — Буйвол подхватил её за пояс и с силой впечатал в пол, нависая сверху. — Довольна?! Получила, что хотела?!

Селена, прижатая к матам, задыхаясь от нехватки воздуха и боли в придавленных рёбрах, вдруг громко и заливисто рассмеялась.

— Да! — выдохнула она ему в лицо. — Наконец-то!

Буйвол замер, глядя в её сияющие, безумные глаза, и сам невольно хмыкнул, отпуская её. Он протянул ей руку, помогая подняться. R-5 и M-10 подошли ближе, вытирая пот и тяжело дыша. На лицах у всех цвели свежие ссадины, форма была в поту, но та ледяная стена отчуждения, что стояла между ними всю неделю, рассыпалась в прах.

— Сумасшедшая... — выдохнул M-10, качая задавленным плечом. — Ты хоть понимаешь, что если Командир увидит твои синяки, он нас в порошок сотрёт?

— Не сотрёт, — раздался сверху спокойный, ледяной голос.

Все четверо синхронно вскинули головы. Кайл стоял на краю балкончика, опёршись руками о перила. Его лицо было непроницаемым, но рубиновые глаза светились странным, удовлетворённым блеском.

— M-4 права, — произнёс он, и его голос разнёсся по залу, заставляя парней вытянуться во фрунт. — Вы превратились в стадо напуганных новичков. Если вы не способны ударить напарника на тренировке только потому, что боитесь задеть мои чувства — вам не место в «Резонансе».

Он перевёл взгляд на Селену. Она стояла в центре, растрёпанная, со следом от удара на скуле, но в её осанке было столько гордости и силы, что у него на миг перехватило дыхание.

— Группе — сорок минут на восстановление и привести себя в порядок. Чтобы в столовой никто не догадался, что вы устроили здесь самосуд, — приказал он. — M-4... — он сделал

паузу, и его тон стал чуть тише. — Зайди ко мне через час. Нужно проверить, не повредили ли эти остолопы твои потоки.

Парни переглянулись. В этот раз в их взглядах не было зависти или ехидства — только понимающее, молчаливое признание. Они снова были командой. А Селена, чувствуя, как ноет каждая мышца, поняла: она только что вырвала себе право быть собой самой дорогой ценой — болью и риском. Но это стоило того. Она вернулась в строй.

Через час Селена стояла перед дверью его апартаментов. Вид у неё был боевой: не смотря на то, что внешне она была собрана, на скуле наливался едва заметный синяк. Она приложила ладонь к сенсору, и дверь послушно скользнула в сторону. Кайл стоял посреди комнаты, скрестив руки на груди. Как только замок щёлкнул, отсекая внешний мир, он стремительно подошёл к ней. Его лицо, до этого хранившее маску сурового командира, дрогнуло.

— Ты с ума сошла? — спросил он низким, вибрирующим голосом, но в нём не было злости — только концентрированная тревога. Он осторожно взял её за подбородок, поворачивая лицо к свету, чтобы рассмотреть ссадину. — R-5 мог серьёзно тебя приложить. Я едва сдержался, чтобы не прыгнуть с того чёртова балкона.

Селена поморщилась от прикосновения, но не отстранилась. На её губах заиграла дерзкая, почти счастливая улыбка.

— Но не прыгнул же, — выдохнула она, глядя ему прямо в глаза. — Зато теперь они снова смотрят на меня как на человека, а не как на твою хрустальную вазу. Ты видел их лица, Кайл? Они снова злятся на меня. Это... это лучшее чувство за всю неделю.

Мужчина тяжело вздохнул и, не отпуская её лица, большим пальцем осторожно провёл по краю синяка.

— Я видел. Ты устроила маленькую революцию в отдельно взятом зале. Хозяйка хотела изолировать тебя, а ты просто избила тех, кто пытался построить вокруг тебя стены.

Он повёл её к дивану и заставил сесть, а сам достал из аптечки регенерирующий гель.

— Но учти, если завтра ещё кто-то решит проверить тебя на прочность, я не гарантирую, что останусь в тени. Моё терпение здесь славится своим отсутствием.

Селена рассмеялась — тихо и искренне. Ситуация была абсолютно абсурдной: Высший надзиратель, гроза Лабиринта, чьё имя заставляло дрожать целые Сектора, собственноручно мазал ей ссадины, полученные в драке с его же подчинёнными. В полумраке апартаментов, под защитой «мёртвой зоны», этот жест выглядел почти домашним.

— Пусть попробуют, — она наигранно перехватила его руку, останавливая его пальцы у самого своего лица. — Они не сдержат такой ураган, как я. Теперь они это знают.

Она на мгновение замерла, впитывая его реакцию. Кайл не отстранился. Напротив, он нежно улыбался, наблюдая за этим лихорадочным, живым блеском в её глазах, который не смогла погасить даже жестокое обнуление «М-4». В этой улыбке не было ни командира, ни карателя — только человек, который бесконечно гордился её непокорностью. Неловкое мгновение, острое и электрическое, пронзило её сознание. Селена вдруг остро почувствовала тепло его кожи и то, как близко они сидят на этом диване, окружённые тишиной и запахом старых книг. Она медленно опустила руку, разжимая пальцы, и в комнате снова воцарилось то самое робкое, доверительное напряжение.

Кайл аккуратно, почти невесомо нанёс остатки мази на её скулу. Его движения были точными и осторожными, словно он боялся разрушить это хрупкое перемирие с реальностью.

— Ты победила их, Селена, — негромко произнёс он, убирая тюбик, но не спеша отстраняться. — И победила Хозяйку на её же поле. Она хотела сделать тебя одинокой в толпе, а ты заставила их истекать кровью вместе с тобой. Это... — он усмехнулся, подбирая слово, — это достойно Архитектора.

Селена смотрела на его губы, на шрам над бровью, на рубиновые глаза, которые сейчас казались тёплыми, как закатное солнце. Обида на 511-ю итерацию и страх перед будущим на миг отступили, оставив место лишь этому странному, пульсирующему чувству в груди.

— Значит, завтра я могу войти в столовую и просто забрать у Буйвола его десерт? — прошептала она, пытаясь вернуть беседу в русло шутки, чтобы не выдать своего волнения.

— Можешь, — Кайл тихо рассмеялся, и этот звук был самым прекрасным, что она слышала в Лабиринте.

Девушка вдруг поймала себя на странной, почти запретной мысли.

— Сейчас мы впрямь похожи на идеальную пару... — она сказала это вслух, скорее размышляя, чем обращаясь к нему, но тут же осеклась, встретившись с ним взглядом.

Тишина мгновенно повисла в воздухе, плотная и вязкая. Селене стало вдруг невыносимо неловко от собственных слов. Зачем она это ляпнула? В мире, где каждое слово взвешивается на весах выживания, такая искренность была сродни прыжку в бездну.

— Весь Сектор теперь следит за каждой нашей встречей... — неловко усмехнулась она, пытаясь сгладить обстановку и вернуть беседу в безопасное русло иронии. — Это пугает. Чувствую себя экспонатом в музее под стеклом.

Кайл не отвёл глаз. Его улыбка медленно угасла, сменившись выражением, которое Селена не могла разгадать — в нём было слишком много подавленной нежности и застарелой печали.

— Пусть следят, — негромко произнёс он, и его голос вибрировал от странной решимости. — Пусть видят то, что им позволено видеть. Если это стекло защищает тебя от лишних вопросов Системы, я готов сделать его пуленепробиваемым.

Он на мгновение задержал дыхание, глядя на то, как она нервно поправляет край своего рукава.

— Тебе не должно быть неловко за правду, Селена. Даже если эта правда — часть нашего камуфляжа. Лабиринт забирает у нас имена, память и право на выбор. Если он даёт нам возможность хотя бы на час в день чувствовать себя... людьми, мы должны за это цепляться. Даже если это пугает.

Он медленно встал, давая ей понять, что время на «осмотр» вышло, но в его жесте не было холода — только та самая забота, которую он теперь не считал нужным скрывать за закрытыми дверями.

— Иди к себе. Завтра на построении держи спину ровнее. Твой синяк — это доказательство того, что ты принадлежишь отряду, а не мне.

Селена кивнула, направляясь к выходу. На пороге она на секунду обернулась. Кайл стоял в круге света от лампы, и его тень на стене казалась огромной и надёжной. В эту секунду она поняла: пугает её не то, что за ними следят, а то, что слова об «идеальной паре» с каждым днём всё меньше казались ей игрой.

Девушка вышла из его покоев, и прохладный воздух коридора мгновенно лизнул её разгорячённое лицо. Ссадина на скуле стянулась под действием геля, но в груди всё ещё сохранялось то странное, тягучее чувство, которое Кайл оставил своими словами. Она шла по «Резонансу», и теперь каждый встречный патрульный казался ей не просто угрозой, а зрителем в их бесконечном спектакле.

Утро началось с резкого сигнала побудки. На общем построении Селена встала в строй рядом с М-10 и R-5. Последний выглядел не лучше неё: под глазом у него чернел свежий фингал, а двигался он с заметной осторожностью. Когда Кайл вошёл в зал, чеканя шаг, по рядам пронеслось едва уловимое напряжение. Он медленно прошёл вдоль шеренги, заложив руки за спину. Его взгляд задержался на Селене, проскальзывая по её лицу с ледяным безразличием, но она заметила, как на мгновение сузились его зрачки.

— Похоже, вчерашняя тренировка была... продуктивной, — пробасил он, остановившись перед R-5. — Надеюсь, излишняя агрессия вышла вместе с потом. Нам нужны ясные головы для сегодняшнего задания.

R-5 вытянулся в струнку, стараясь не морщиться.

— Так точно, Командир. Отрабатывали контактный бой.

— Вижу, — сухо бросил Кайл и повернулся к Селене. — М-4, твоя защита всё ещё дырявая. Если позволишь противнику подойти так близко в полевых условиях, я лично вычеркну твой номер из списка участников на ближайшие два месяца.

Селена кивнула, сохраняя каменное выражение лица. Она видела, как М-10 украдкой выдохнул — гроза миновала, Глава не стал наказывать их за драку. Напротив, его публичный выговор Селене за «плохую защиту» окончательно легализовал её синяки как результат жёсткой муштры.

— Внимание! — Кайл вывел на голографический экран координаты. — Сектор «S-12». Глубокий контур. Зафиксирована серия микроразрывов. Группа 1 выдвигается полным составом. Задача: калибровка и герметизация. Связь с Центром будет нестабильной, работаем в автономном режиме.

В строю послышался одобрительный гул. Глубокий контур означал отсутствие лишних глаз Хозяйки и возможность поработать по-настоящему, без оглядки на кабинетных стратегов.

— Выходим через двадцать минут, — отрезал Кайл.

Когда они направились к Арсеналу, в плотной толпе надзирателей послышался приглушённый шёпот, змейкой проскользнувший по рядам:

— Даже не спросил, кто её так... просто отчитал за технику.

— Жестокий, — отозвался другой голос, полный то ли сочувствия, то ли суеверного страха перед холодностью Командира.

Селена слышала это, но её лицо оставалось непроницаемым. *«По факту всё сказал, — холодно размышляла она, затягивая ремни тактического жилета. — Техника и впрямь хромает, раз я позволила R-5 зажать себя у стены».* Эти пересуды коллег теперь были для неё лишь фоновым шумом, подтверждением того, что их маски сидят идеально. Кайл выстроил образ тирана, для которого личные чувства подчинённой — ничто по сравнению с боевой эффективностью, и она подыгрывала ему каждым своим движением.

Команда, гремя снаряжением, быстро собралась у выходного шлюза. М-10 и Буйвол заняли свои позиции, обмениваясь короткими жестами проверки связи. Атмосфера была наэлектризована предстоящим выходом в Глубокий контур — зону, где законы физики подчинялись воле случая. Кайл вышел вперёд, его массивная фигура в полном боевом доспехе возвышалась над группой. Он активировал портал, и перед ними разверзлась багровая воронка «S-12».

— Порядок следования стандартный, — отрезал он, и его взгляд на секунду полоснул по Селене, проверяя её готовность. — М-4, замыкаешь первую тройку. Внимание на датчики, там не будет связи с Сектором.

С этими словами он первым шагнул в мерцающую бездну. Селена последовала за ним, чувствуя, как холод шлюза сменяется жаром нестабильного Измерения. Позади остались сплетни и стерильные коридоры, впереди был «S-12», где тишина была опаснее взрыва, а их «идеальный тандем» должен был пройти испытание абсолютной автономией. Команда «Резонанс» исчезла, оставив Лабиринт на время без своей лучшей Группы.

Измерение встретило их тишиной, от которой закладывало уши. Оно казалось старым, почти забытым местом, где стены из матового камня, будто живые, пульсировали в такт какому-то замедленному сердцебиению самого Лабиринта. Здесь не было привычного света;

пространство освещалось лишь флуоресцирующим мхом, ползущим по техническим панелям.

— Связь с Центром потеряна, — доложил R-5, постукивая по датчику на запястье. — Мы в автономном режиме.

— Как и ожидалось, — Кайл вскинул излучатель, проверяя зону обстрела. — Двигаемся ромбом. M-4, центр. Твоё зрение здесь важнее наших сканеров.

Селена закрыла глаза на секунду, настраиваясь. В «S-12» реальность была рыхлой, как подтаявший снег. Она чувствовала микроразрывы повсюду — они шептали на границе её сознания, мелкие трещины, сквозь которые сочилось холодное ничто.

— На два часа, — негромко произнесла она, указывая направление. — Там нарыв. Большой.

Группа двинулась вперёд. Кайл шёл первым, и Селена видела, как он напряжён. Здесь, вдали от глаз Хозяйки, он перестал быть просто командиром — он стал хищником, защищающим свою стаю. Каждый его шаг был выверен, каждый поворот головы — мгновенная оценка угрозы. Они вышли к залу, где пространство буквально вывернулось наизнанку. Огромные кубы чёрного камня висели в воздухе, медленно вращаясь вокруг невидимой оси. В центре пульсировала багровая воронка — один из тех Разрывов, ради которых их прислали.

— Группа, занять периметр! — скомандовал Кайл. — M-4, приступай. Я держу стабилизацию.

Селена шагнула к воронке. Она чувствовала, как резонанс внутри неё начинает вибрировать, откликаясь на хаос Разрыва. Это было опасное место: один неверный импульс — и их всех размажет по стенам этого Измерения. Она начала ткать сеть, соединяя разорванные нити реальности. Кайл встал рядом, почти касаясь её плеча своим. Его присутствие ощущалось, как гранитная скала — непоколебимая мощь, на которую она могла опереться.

— Не спеши... — услышала она его голос вне общего канала.

Напарники стояли по краям зала, направив оружие в темноту коридоров. Они видели только двоих своих лидеров, застывших в странном, светящемся мареве. Для них это была высшая магия резонанса, но для Селены и Кайла это был разговор без слов. В какой-то момент воронка дёрнулась, выбросив струю острой, как бритва, энергии. Кайл мгновенно вскинул руку, принимая удар на свой щит. Селена видела, как его лицо исказилось от напряжения, но он не отступил ни на миллиметр.

— Держу, — прошептал он, и его энергия влилась в её поток, давая ей ту самую силу, которой не хватало для финального рывка.

Разрыв тихо схлопнулся, оставив после себя лишь лёгкий запах озона. В зале воцарилась идеальная, прозрачная тишина. Группа облегчённо выдохнула.

— Чисто, — доложил M-10, опуская винтовку.

Кайл медленно опустил руки и посмотрел на Селену. В этом глубоком контуре, где не было камер и датчиков Хозяйки, его взгляд был другим — открытым, тревожным и бесконечно близким. Но расслабляться было нельзя. Это был не единственный разрыв — Сектор «S-12» буквально решетило невидимыми ранами. Сложность заключалась в том, что аномалии глубокого контура коварны: они не всегда видны человеческому глазу или даже стандартным детекторам. Здесь правила не оптика, а чуткость к пространственным изменениям, и лишь немногие надзиратели могли похвастаться способностью «слышать» изломы реальности.

Группа продолжила свой путь, погружаясь в лабиринт пульсирующих коридоров. Кайл шёл плечом к плечу с Селеной, ни на секунду не ослабляя бдительности. Его рука то и дело замирала в сантиметре от её локтя, готовая подстраховать, если пол под ногами внезапно решит сменить агрегатное состояние. Девушка вела их, ориентируясь по путям, видимым только ей одной. Для остальных стены были монолитными, но она видела, как они идут рябью, словно

отражение в воде. Она останавливалась, поднимала руку, и отряд замирал по её немому сигналу.

— Прямо по курсу, — шептала она, указывая в пустоту, где воздух казался чуть более густым и тёмным. — Там провал. Обходим по левой кромке, шаг в шаг.

Она чувствовала, как Кайл синхронизирует своё дыхание с её ритмом. Его присутствие не давило — оно создавало вокруг неё кокон тишины, позволяя полностью сосредоточиться на тончайших вибрациях «S-12». Напарники за их спинами двигались бесшумно, доверяя каждому жесту девушки. В этой автономной зоне, лишённой контроля сверху, иерархия «командир-подчинённый» окончательно размывалась, уступая место интуитивному тандему двух Архитекторов.

— Ещё один, — Селена резко остановилась перед абсолютно ровной стеной, которая на самом деле была дверью в очередную бездну. — Командир, здесь нужна ваша мощь. Я одна не удержу края.

Он кивнул, вставая за её спиной и накрывая её плечи своим резонансом. В этой темноте, где реальность была тоньше бумажного листа, они работали молча, сплетая свои силы в единый жгут, способный заштопать саму ткань мироздания. Каждый закрытый разрыв делал их связь прочнее, а понимание того, что здесь они — единственные хозяева положения, опьяняло сильнее, чем любой успех в «Резонансе».

Группа 1 в этом выходе была представлена в расширенном составе: помимо привычного отряда — M-10, Буйвола и R-5 — здесь были ещё две четвёрки оперативников. Эти люди до этого видевшие «тандем 10:23» только на зернистых записях в штабе, или, слышавшие о них в пересказах, теперь видели всё своими глазами. И это зрелище внушало им суеверный трепет. Атмосфера была наэлектризована. Ветераны, привыкшие доверять только показаниям приборов и приказам Главы, с опаской косились на то, как Кайл — человек, не прощающий малейшей халатности — полностью отдал инициативу в руки Селены. Он следовал за ней тенью, беспрекословно меняя направление по её едва заметному жесту руки.

— Она ведёт нас буквально вслепую, — прошептал один из новичков во второй группе, глядя, как Селена заставляет их обходить пустое, на первый взгляд, пространство. — Там же ничего нет...

— Заткнись и иди шаг в шаг, — осадил его Буйвол, не оборачиваясь. — Если она говорит «обойти», значит, там развернется ад, как только ты наступишь.

Напарники видели, как Кайл не спускает с неё глаз. Это не был взгляд влюблённого — это был взгляд человека, который поставил свою жизнь и жизнь всей группы на одну единственную фигуру. Его тотальное доверие к её интуиции пугало окружающих даже больше, чем сами аномалии «S-12». В Лабиринте ошибка стоила обнуления, а Селена вела их через минные поля реальности так уверенно, будто сама создавала этот маршрут. Но, как ни странно, она не допустила ни одной ошибки.

Каждый раз, когда девушка останавливала группу, через секунду пространство впереди искажалось, подтверждая её правоту. Она находила «карманы» стабильности там, где приборы показывали хаос, и вычисляла ловушки до того, как они успевали захлопнуться. Жертв не было. Для Глубокого контура это было статистическим чудом. Команда зачищала Сектор планомерно, метр за метром. Сомнения в рядах постепенно сменялись странным, монолитным спокойствием. Оперативники начали двигаться тише, синхронизируя свои движения с парой впереди. Они видели, как Селена и Кайл работают без слов: он подхватывал её ментальные нити, укрепляя их своей мощью, а она направляла его силу в те точки, которые требовали хирургического вмешательства.

К концу третьего часа в «S-12» даже самые скептически настроенные надзиратели поняли: перед ними не просто «фаворитка» и её покровитель. Перед ними была сила нового порядка.

Тандем, способный приручить само пространство. И то, что эта сила подчинялась только друг другу, делало их в глазах отряда почти божествами, сошедшими в этот багровый ад.

Когда последний разлом был стянут их общим усилием, Селена тяжело опустила руки. Тело гудело от перенапряжения, а в голове всё ещё пульсировал ритм Сектора — медленный, вязкий, чужой. Она обернулась и наткнулась на взгляды отряда. Они смотрели на неё из-под шлемов с выражением, которое сложно было описать: в них больше не было ни капли насмешки, ни привычного скепсиса. Это была смесь суеверного почтения и того самого солдатского доверия, которое не покупается словами, а только выгрызается в таких мёртвых зонах.

— Чисто, — выдохнула она, и её голос эхом разлетелся по каменному залу.

Кайл медленно убрал излучатель в кобуру. Он видел реакцию группы. Он чувствовал, как за эти три часа Селена из «талантливого новичка» превратилась для них в константу — в того, кто ведёт их через тьму и возвращает живыми.

— Собираемся в двойки, — скомандовал он, и в его голосе прорезалась едва заметная гордость, которую он не смог полностью скрыть за уставом. — Выходим к точке эвакуации. М-10, Буйвол — прикрыть тыл. М-4 — со мной.

Группа начала движение. Шли молча, слаженно, почти не глядя на приборы. Вера в интуицию Селены стала для них новым ориентиром. По пути назад один из ветеранов второй команды, проходя мимо неё, едва заметно коснулся плеча ладонью — короткий, мужской жест признания, который значил больше, чем любой официальный рапорт.

— Ты сегодня спасла нам кучу времени... и, возможно, шкур, — негромко бросил он.

Селена лишь коротко кивнула. Она чувствовала, как Кайл, идущий впереди, ловит каждое движение за своей спиной. Когда они достигли шлюза и портал начал формироваться, мужчина на мгновение притормозил группу.

— Слушать всем. Глубокий контур останется глубоким контуром. В отчёте укажете стандартную калибровку. Мы работали по протоколу. Это ясно?

— Так точно, Командир, — хором отозвался отряд.

Это было их общее преступление против прозрачности Системы. Они все видели, как она вела их «вслепую», но никто не собирался докладывать об этом Хозяйке. Селена поняла: Кайл не просто тренировал её, он создавал вокруг неё кокон из преданных людей, которые теперь будут молчать вместе с ними.

План Кайла был изыщен в своей жестокости. Он не собирался скрывать успехи девушки — наоборот, он выставил их на витрину. В официальных документах, которые лягут на стол Хозяйки, Селена будет фигурировать, как *«Объект М-4-10:23: модуль высокоточной резонансной детекции»*. В отчёте укажут, что её высокая эффективность — результат «агрессивного подавления воли» со стороны Командира и «шоковой адаптации» в зале «Альфа». Для Системы это выглядело идеально: Высший надзиратель нашёл способ эксплуатировать Архитектора со стопроцентным КПД. Эта формулировка «незаменимости» станет их щитом. Теперь Хозяйка не сможет просто забрать Селену или обнулить её, не разрушив боеспособность самого эффективного подразделения. Но за этой маской «инструмента» будет скрываться их главная тайна: в «S-12» не Кайл управлял Селеной. Это она вела его, а он добровольно стал её силой, её физическим воплощением в реальности.

Группа шагнула в портал, возвращаясь в мир датчиков и камер «Резонанса». Но в «S-12» они оставили не только зачищенные аномалии. Они оставили там остатки своих сомнений. Теперь Селена знала: за её спиной стоит не только один мужчина с рубиновыми глазами, но и целый отряд тех, кто готов был идти за ней даже туда, где не светит ни одна лампа Лабиринта. И это делало их тандем по-настоящему непобедимым.

Когда портал с шипением закрылся за их спинами, стерильный свет «Резонанса» показался ослепительным и чужим. После живого, пульсирующего камня здешние коридоры выглядели, как декорации, лишённые души. Группа 1 начала разоружение. Ритм движений был при-

вычным, но атмосфера внутри отряда изменилась бесповоротно. Больше не было натянутого молчания или косых взглядов. Оперативники из других команд, те, что шли с ними в Глубокий контур, теперь задерживались рядом с Селеной чуть дольше, чем того требовал устав.

— Слушай, М-4, — один из парней второй команды, высокий и жилистый, поравнялся с ней у стойки для сдачи излучателей. — Тот манёвр у чёрных кубов... как ты поняла, что они начнут вращаться в обратную сторону? У меня сканер даже не пикнул.

Селена мельком взглянула на Кайла. Он стоял чуть поодаль, принимая рапорты у командиров групп, но она кожей чувствовала, как он «слушает» её ответ.

— Просто воздух стал холоднее, — уклончиво ответила она, застёгивая пустой чехол. — Интуиция.

— Интуиция, — хмыкнул парень, качая головой. — Здесь это называют «смертным приговором». Но если смерть выглядит, как твой проход через зал, то я, пожалуй, подпишусь на следующую вылазку.

М-10, стоявший неподалёку, негромко рассмеялся, хлопая Селену по плечу.

— Привыкай, «звезда». Теперь за право пойти с тобой в паре будут драться...

— Ага... — отозвался R-5, прислушиваясь к обсуждениям парней их «жёсткой, но эффективной» связки. — После таких отчётов нас загоняют по внешним контурам. Ты теперь для Системы — глаза Командира.

Кайл закончил с рапортами и направился к ним. Группа мгновенно подобралась.

— Дебрифинг через час. М-4, подготовь карту аномалий «S-12» для Архива. Остальным — привести себя в порядок, — его голос был ровным, но Селена заметила, как он едва заметно расслабил плечи, когда убедился, что все вернулись без единой царапины.

Группа покинула Арсенал под одобрительный хохот и ленивые перебранки — адреналин миссии окончательно сменился тяжёлой, но приятной усталостью. Парни на ходу обсуждали, кто первый займёт душевые кабины, и общая атмосфера в шлюзе была на удивление живой и расслабленной. Селена направилась к терминалу, чтобы сразу начать работу над картой аномалий, но Кайл, проходя мимо к своему кабинету, едва заметно замедлил шаг рядом с ней.

— Карта должна быть подробной, — бросил он сухим, официальным тоном, глядя строго перед собой. — Укажи все точки аномалий. Я проверю лично через час.

Это его «проверю лично» заставило стоявших ближе всех солдат многозначительно переглянуться. По рядам пробежала едва уловимая ухмылка — после слов Хозяйки любые слова Командира, обращённые к Селене, обретали в глазах отряда пикантный подтекст. Однако девушке было не до смеха. Её взгляд невольно задержался на М-10. Парень не улыбался. На его лице читалось явное, ничем не скрытое недовольство. Он стоял, скрестив руки на груди, и его челюсти были сжаты так сильно, что на скулах ходили желваки. Он проводил Кайла хмурым взглядом, а затем посмотрел на Селену. В этом взгляде не было и тени того дружеского тепла, что объединяло их раньше. Теперь там была горечь и немое обвинение.

— Опять «личная проверка»? — негромко спросил он, когда Кайл скрылся за поворотом. — Ты ведь только из Глубокого контура вышла. Неужели он не может дать тебе просто выдохнуть?

— Это приказ, М-10, — Селена постаралась, чтобы её голос звучал максимально ровно, но рука на сенсорной панели терминала слегка дрогнула. — Ты же знаешь, как он относится к точности отчётов.

— Да, я знаю, как он относится к точности отчётов, — огрызнулся парень, разворачиваясь и уходя к жилым блокам. — Увидимся в столовой. Если он тебя отпустит.

Селена осталась стоять у терминала, чувствуя, как приятная усталость сменяется липкой тревогой. Ревность М-10 была опасной переменной. Он видел в их связи с Кайлом угрозу для неё, не понимая, что эта «угроза» — её единственный шанс на спасение. Теперь ей предстояло не только составить карту «S-12», но и придумать, как успокоить друга, пока его подозрения не

превратились в проблему для всего их заговора. Через час ей нужно было идти к Кайлу, и она знала: за дверью его кабинета их ждёт не обсуждение карты, а новый раунд этой изматывающей игры в прятки с собственной совестью.

Девушка сосредоточенно вбивала данные в терминал, стараясь не обращать внимания на затихающий в коридоре шум шагов. Карта «S-12» выстраивалась на экране ломаными линиями и пульсирующими точками — реальный рельеф безумия, который они только что приручили. Но мысли Селены постоянно возвращались к М-10. Его недовольство было искренним, и это пугало: в мире, где чувства считались системным мусором, его привязанность к ней становилась слишком заметной.

Ровно через час она стояла у дверей кабинета Кайла. Короткий биометрический сигнал — и дверь скользнула в сторону. Мужчина сидел за столом, всматриваясь в экраны. Он выглядел измотанным; маска Высшего дала трещину, обнажая глубокую усталость в складках у губ. Дверь закрылась, отсекая тихий гул коридора. Девушка сделала шаг к столу, чувствуя, как тяжесть выполненного задания всё ещё давит на плечи.

— Командир, я принесла карту, — начала она, стараясь придать голосу официальную сухость.

Он медленно поднял глаза, и в их рубиновом свете Селена прочла нечто, далёкое от рабочих отчётов.

— Как себя чувствуешь? — спросил он, и этот вопрос, заданный в тишине кабинета, прозвучал неожиданно мягко.

Девушка передала ему планшет, на мгновение замявшись. Его эта внезапная забота сбивала с толку.

— Я буду в норме, но, кажется, у нас назревает проблема... — она отвела взгляд, вспоминая хмурое лицо парня.

— Ты про М-10? — спросил Кайл сухо, подтверждая её опасения.

Селена удивлённо вскинула брови и кивнула.

— Но... откуда вы узнали?

— Его ревность настолько очевидна, что даже бесит, — бросил он, резко вставая из-за стола.

Он обогнул массивную столешницу и сократил дистанцию между ними до минимума. Селена не отступила, хотя сердце предательски ускорило ритм. Кайл замер в шаге от неё, внимательно вглядываясь в её лицо, словно искал на нём следы не только физической усталости, но и сомнений. Его рука медленно потянулась к её лицу, и он осторожным, почти невесомым движением убрал прядь ей за ухо.

— Точно всё в порядке? — его голос стал совсем низким; усталость в глазах скрыть было уже невозможно.

Неловкость и странное, тягучее тепло прошили её насквозь. Она стояла, заворожённая этой его стороной — уязвимой, ищущей подтверждения, что она всё ещё здесь, с ним.

— Угу... — тихо ответила она, не в силах отвести взгляд.

Кайл не убирал руки, его пальцы на мгновение задержались у её виска. В этой близости, под прицелом невидимых камер, которые фиксировали их «интрижку», они оба понимали: М-10 прав в своей тревоге, но он ошибается в причинах. Он видел в Кайле хозяина, а Селена видела в нём единственного человека, который готов был сгореть заживо, лишь бы она продолжала дышать.

— Он будет следить за каждым моим движением, — прошептал Кайл, размышляя. Его взгляд скользнул по её лицу, останавливаясь на губах. — Ярываюсь между тем, чтобы опровергнуть его подозрения или же подтвердить...

Селена едва заметно вздрогнула. Внутри всё сжалось от странного предчувствия. Что именно он собирался подтвердить? Да, Хозяйка наклеила на них ярлык «идеальной пары», да, весь Сектор смаковал детали их несуществующего романа, но сами они этой черты никогда не пересекали. Между ними была верность, общая цель, кровь и пепел прошлых жизней, но не это. Повисла тяжёлая, тягучая пауза. В тишине кабинета было слышно, как гудят системы фильтрации воздуха. Девушка гадала, на что способна эта совершенная машина для убийства, почуяв преграду на своём пути в лице простого оперативника. Избавится ли он от М-10, как от помехи? Или сделает нечто такое, что заставит всех окончательно поверить в их связь?

— В чём дело? — Кайл не отводил взгляда, и в его рубиновых глазах сейчас не было холода, только пугающая, концентрированная интенсивность.

Его рука медленно скользнула по её щеке вниз, к подбородку, заставляя Селену чуть приподнять голову. Кончики его пальцев были горячими, и это тепло казалось инородным в стерильном кабинете.

— Ты боишься меня? — тихо спросил он, и в его голосе проскользнула едва уловимая горечь. — Или боишься того, что я могу сделать, чтобы защитить нашу легенду?

Селена сглотнула, чувствуя, как сердце бьётся где-то в самом горле. Она видела его пальцы на своём лице — те самые пальцы, что сжимали рукоять излучателя, но сейчас они касались её так, словно она была самым хрупким объектом во всём Лабиринте.

— Я боюсь, что мы заиграемся, Кайл, — выдохнула она, и её дыхание коснулось его губ. — М-10 стал мне другом. Если ты... если ты решишь «подтвердить» его подозрения, я потеряю его.

Ситуация вынуждала их находиться в опасной близости — так, чтобы датчики считывали лишь интимный шёпот, а не содержание слов. Но от этой близости атмосфера в кабинете накалилась до предела. Селена понимала: если эта машина для убийства задумает устранить помеху, она не сможет его остановить. Она не требовала, она почти просила, глядя в его потемневшие глаза. Его пальцы на её подбородке заметно дрогнули. Кайл медленно наклонился к её уху, и его горячее дыхание обожгло кожу, заставляя Селену замереть.

— Ты помнишь, что я сказал тебе, когда ты впервые пришла ко мне? — его шёпот, тяжёлый и властный, опустился ей на плечи. — Никому здесь не доверять... М-10 лишь играет в друзей, Селена.

Он сделал паузу, и его голос стал ещё тише, вибрируя от сдерживаемого напряжения.

— Я вижу это в каждом его взгляде на тебя, в каждом движении. Он претендует на то, что принадлежит не ему. И меня это злит...

Густая краска мгновенно прилила к лицу Селены. Эта близость, этот запах озона и кожи, его собственнический тон — всё это выбивало почву из-под ног. Она почувствовала, как его рука скользнула чуть выше по волосам, прижимая её голову к своему плечу.

— Он — угроза нашей легенде, — продолжал мужчина прямо ей в губы, когда она попыталась отстраниться. — И если мне придётся стать монстром, чтобы он отступил — я им стану.

Девушка судорожно вздохнула, чувствуя, как 10:23 внутри неё бьётся в унисон с его яростным ритмом. Она вдруг ощутила, что сейчас Кайл не просто играл роль ревнивого любовника для камер — в этот момент он был пугающе искренен. Его ревность была не системным сбоем, а остатком той человечности, которую он пронёс сквозь сотни лет одиночества. И теперь этот «монстр» был готов растерзать любого, кто посмеет подойти к его «бриллианту» слишком близко.

— Кайл... — прошептала она, но слова застряли в горле.

Он не отпускал её, удерживая в этом капкане из рук и шёпота, заставляя её осознать: в этой игре больше нет места для простых друзей. Есть только они двое против всего Лабиринта, и любой третий — будь то враг или «друг» — будет уничтожен, если встанет на их пути.

— Я сама с ним поговорю... — выдавила она, впиваясь в него ответным взглядом, в котором отчаяние мешалось с решимостью.

Её рука едва заметно дрогнула, когда она осторожно, почти невесомо коснулась его локтя, плавно разрывая эту удушающую дистанцию. Холодный воздух кабинета мгновенно заполнил пространство между ними, принося слабое облегчение. Смотреть в его глаза сейчас — такие пугающе искренние, лишённые всякой защиты — было просто невыносимо. Это сбивало с толку, лишало её привычного самообладания. Она не понимала, что на самом деле у него на уме: говорит ли в нём холодный стратег, устраняющий помеху, или это те самые 326 итераций боли наконец-то прорвали плотину его выдержки.

— Не вмешивайся, прошу, — добавила она уже твёрже, стараясь вернуть голосу официальную сухость. — Если ты сейчас начнёшь на него давить, ты только подтвердишь его догадки о том, что ты — тиран, который меня присвоил. Дай мне время всё уладить.

Мужчина не сразу опустил руку. Его пальцы ещё мгновение сжимали пустоту там, где только что была её щека. Он смотрел на неё сверху вниз, и Селена видела, как в его зрачках гаснет тот опасный, собственнический огонь, сменяясь привычной настороженностью.

— У тебя есть время до завтрашнего построения, — произнёс он глухо. Его спина снова стала прямой и жёсткой. — Сорви пластырь быстро и чётко, потому что, если я увижу, что он продолжает лезть не в своё дело, я приму меры. И мне будет всё равно, что он «из одного Сектора» с тобой.

Селена кивнула, чувствуя, как внутри всё сжимается в тугой узел. Она понимала, что Кайл не шутит. Для него М-10 был переменной, которая вносила хаос в их уравнение, а хаос в Лабиринте карался смертью.

— Я поняла, Командир.

Она развернулась и вышла, не оборачиваясь. В коридоре её обдало шумом систем жизнеобеспечения, но в ушах всё ещё стоял его шёпот: «*М-10 лишь играет в друзей*». Селена шла к столовой, зная, что тот ждёт её там, и эта беседа обещала быть самой сложной за всю неделю. Ей нужно было оттолкнуть друга, чтобы спасти его от монстра, который только что почти нежно гладил её по лицу. Ирония ситуации была в том, что она сама уже не знала, где кончается легенда и начинается то, что заставляло её сердце биться в унисон с его 10:23.

Селена вошла в столовую, и гул голосов мгновенно стал тише. Она чувствовала себя мишенью, на которой сошлись прицелы сразу двух сторон: любопытствующих коллег и одного-единственного человека, сидевшего в дальнем углу. М-10 не ел. Он вертел в руках пустой стакан, и когда девушка села напротив, он даже не поднял головы. Его аура была колючей, пропитанной тем самым недоверием, о котором предупреждал Кайл.

— Долго же ты «сдавала отчёт», — бросил он, и в его голосе Селена услышала не только обиду, но и опасную решимость. — Он тебя совсем не жалеет, да? Или тебе нравится быть его «личным проектом»?

Девушка сжала пальцы под столом так, что ногти впились в ладони. Ей нужно было ударить первой, пока он не наговорил лишнего.

— Слушай меня внимательно, — она подалась вперёд, и её взгляд стал холодным, почти зеркальным. — Р-1-10:23 — наш Командир. Он Высший. И если он считает, что мне нужно дополнительное время на отчёты или тренировки, я буду сидеть в его кабинете столько, сколько потребуется.

— Я же вижу... — он попытался перебить её, вскинув глаза, полные искренней боли. — Ты меняешься. Ты становишься похожей на него. Холодной, расчётливой...

— А какой я должна быть в «Резонансе»? — отрезала она, и в её голосе прорезалась та самая сталь, которую она впитала от Кайла. — Хочешь, чтобы я рыдала над каждым стёртым Сектором? Или чтобы я подставила под удар весь отряд, потому что «чувствую себя не в духе»?

Она видела, как парень вздрогнул. Её жестокость была для него неожиданной.

— Ты переходишь черту, М-10. Твоё «волнение» начинает мешать работе. Командир уже заметил твою нервозность. Ты хочешь, чтобы тебя списали в утиль за нестабильность? Потому что именно к этому всё и идёт.

— Ты меня пугаешь... — прошептал он, отодвигая стакан. — Ты защищаешь его так, будто он — единственное, что у тебя осталось.

Селена резко встала, её стул скрежетнул по полу, привлекая лишнее внимание соседних столиков. Она не дала ему вставить ни слова — шагнула к нему и крепко перехватила за локоть, заставляя подняться.

— Идём, поговорим в другом месте, — отчеканила она.

Тот недовольно фыркнул, пытаясь высвободить руку, но девушка лишь сильнее сжала пальцы. В её хватке чувствовалась та самая жёсткая сила, которую в неё вбивал Кайл на протяжении всего их знакомства.

— Давай, не заставляй меня тащить тебя силой, — её взгляд был ледяным и абсолютно серьёзным. — Ты ведь знаешь, что я это сделаю.

Парень на мгновение замер, всматриваясь в её лицо, и, кажется, впервые по-настоящему испугался той перемены, что в ней произошла. Он глухо выдохнул, сдаваясь, и покорно направился за ней. Они миновали шумную столовую и свернули в технический коридор нижнего яруса — туда, где гул мощных вентиляционных шахт создавал естественную звуковую завесу, а датчики висели реже всего. Это было место с «мёртвыми зонами», где надзиратели иногда позволяли себе перекурить или выругаться в пустоту. Селена остановилась у массивной переборки и резко развернулась к нему, не дожидаясь, пока он начнёт первым.

— Ты хоть понимаешь, на каком краю сейчас стоишь? — прошипела она, и её голос едва перекрывал шум машин. — Командир видит каждое твоё движение. Твоя «забота» для него выглядит как саботаж дисциплины. Если ты не прекратишь строить из себя моего защитника, он тебя обнулит. И я не смогу — слышишь? — не смогу тебя вытащить.

— Так это правда? — М-10 прислонился к стене, глядя на неё с какой-то безнадёжной усталостью. — Ты защищаешь его не потому, что обязана, а потому, что он тебе дорог? Ты променяла команду на Высшего, который выжимает из нас кровь и пот?

— Я выбираю жизнь, — отрезала она, подходя ближе. — Твою, свою и всего отряда. Если ты не замолчишь и не примешь статус-кво, ты станешь первой жертвой в этой игре. Пожалуйста...

Её голос на секунду дрогнул, выдавая настоящую Селену.

— Просто будь солдатом. Ради меня. Перестань копать там, где зарыта смерть. Я довольна своим нынешним положением, — продолжала она давить на него своей правдой, и в её голосе больше не было металла, только глубокая, выстраданная честность. — Впервые за весь свой цикл я ощущаю себя по-настоящему живой. Понимаешь? Не функцией, не призраком из архива.

Она сделала шаг ближе, заглядывая ему в глаза и игнорируя гул вентиляции.

— Здесь я нашла товарищей. Вас. Тех, кто видит во мне не просто единицу или «модуль». Вы все очень дороги мне, М-10. Поэтому я жизнь на кон ставлю в каждой этой чёртовой вылазке, лезу в самое пекло, лишь бы сохранить наше хрупкое счастье здесь, в Лабиринте, построенном на крови. И Р-1... — она запнулась, подбирая слова, чтобы не выдать лишнего. — Он единственный, кто даёт мне силу это делать. Он — гарант того, что нас не сотрут завтра за ненадобностью.

Она замолчала, тяжело дыша. Селена была настолько искренней, что её аура буквально вибрировала от этой отчаянной любви к их маленькому отряду. М-10, который ещё минуту назад был готов к драке и обвинениям, просто сдулся. Его плечи опустились, а кулаки разжались. Он не мог больше щетиниться против этой обезоруживающей правды.

— Значит, ты это серьёзно... — тихо произнёс он, глядя на её дрожащие пальцы. — Ты действительно веришь, что он на нашей стороне? Что всё это — ради нас?

— Я знаю это, — твёрдо ответила она. — Но чтобы это работало, ты должен перестать на него бросаться. Ты подставляешь и меня, и его, и Буйвола, и всех остальных. Я прошу тебя... просто довериться мне.

Парень долго молчал, слушая мерный гул машин. Наконец он поднял на неё взгляд — в нём всё ещё была горечь, но подозрение исчезло.

— Ладно, — выдохнул он, и в его голосе смирение боролось с остатками горечи. — Я... я постараюсь. Не обещаю, что полюблю его методы, но я не хочу быть тем, кто разрушит твой мир.

Девушка продолжала пристально смотреть ему в глаза, ища подвоха, пытаясь уловить малейшую тень фальши в его словах. В Лабиринте ложь была естественной, как дыхание, но сейчас ей жизненно необходимо было верить ему.

— Я не буду мешать твоим планам, — сказал он уже громче, чтобы это звучало убедительнее для них обоих. — Раз уж ты сама выбрала этого монстра...

Он сделал паузу, обдумывая каждое её слово, словно примерял на себя её логику выживания.

— Если тебе этот путь подсказала твоя легендарная интуиция, которая не раз спасала нам жизни, я доверюсь тебе. Не ему. Тебе.

М-10 медленно отстранился от стены. Его голос всё ещё был пропитан недовольством, а на лице застыла маска обиженного, но верного союзника. Он поправил воротник формы и бросил короткий взгляд в сторону выхода из технического коридора.

— Иди, — бросил он, кивнув в сторону жилого блока. — Можешь успокоить «свою пару». Скажи ему, что я уяснил правила этой чёртовой иерархии.

Селена почувствовала, как в груди наконец-то ослаб затянутый узел. Это не была победа, но это было перемирие, купленное ценой её искренности. Она проводила парня взглядом, пока он не скрылся в основном переходе, и только тогда позволила себе тяжело опереться на холодный металл переборки. Теперь ей предстояло вернуться к Кайлу и убедить его, что «угроза М-10» нейтрализована. Но больше всего её пугало то, как легко тот назвал её выбор «путём интуиции». Если даже простые оперативники начали верить в её непогрешимость, то их тандем с Командиром становился не просто «идеальной парой», а новой силой, которую Лабиринт либо вознесёт, либо уничтожит с особой жестокостью. Она выпрямилась, стёрла с лица остатки эмоций и зашагала в сторону апартаментов Высшего. Игра требовала следующего хода.

Девушка шла по коридорам, чувствуя, как внутри наступает странное оцепенение. Она только что совершила невозможное — усмирила ревность М-10, не выдав правды о заговоре, но цена этой победы была горькой. Теперь она официально была «женщиной монстра» не только для врагов, но и для друзей. Она вошла в его комнату без предупреждения. Кайл стоял у окна, заложив руки за спину. Он даже не обернулся на звук открывшейся двери, но его плечи едва заметно расслабились.

— Поговорила? — спросил он тихо.

— Поговорила, — Селена подошла к столу и бессильно опустилась в гостевое кресло. — Он не будет мешать. Я убедила его, что это мой выбор и моя... интуиция.

Мужчина медленно повернулся. В тусклом свете его лицо казалось высеченным из камня, но в глазах застыла невысказанная благодарность. Он подошёл к ней, оставив пару шагов для воздуха.

— Это было рискованно, — произнёс он, вглядываясь в её уставшее лицо. — Но эффективно. Теперь, когда М-10 на твоей стороне, у нас есть надёжный тыл внутри группы.

— Подчеркну! Он не на твоей стороне, Кайл, — Селена подняла на него тяжёлый взгляд. — Он доверился мне. И если ты хоть раз дашь ему повод усомниться в том, что ты меня бережёшь... он выстрелит тебе в спину, не задумываясь о последствиях.

Кайл едва заметно усмехнулся — в этой усмешке была и горечь, и странное уважение к преданности соперника. Он медленно подался вперёд, сокращая дистанцию, и упёрся руками в подлокотники её кресла, буквально отгораживая девушку от всего остального мира своим телом.

— Я и не ждал от него любви, — произнёс он низким, вибрирующим голосом. — Главное, что он замолчал.

Снова эта странная, пугающая близость и «мёртвая зона» личных покоев вмиг сбили с Селены всю её недавнюю спесь. Она вздрогнула от этого неожиданного движения, чувствуя, как спина вжимается в мягкую обивку кресла. Его лицо было так близко, что она видела тончайшие золотистые искры в глубине его рубиновых глаз. Взгляд девушки замер на нём, не в силах оторваться. Она видела каждую чёрточку, каждую тень усталости и ту неистовую решимость, которая делала его Главнокомандующим. Здесь, за закрытыми дверями, он больше не был холодным памятником самому себе — он был живым, опасным и слишком реальным.

— Ты... — она запнулась, чувствуя, как пересохло в горле. — Ты ведь понимаешь, что он теперь будет ждать твоей ошибки ещё сильнее? Он доверился мне, но всё ещё ненавидит тебя за то, что ты «владеешь» мной.

Кайл не отстранился. Напротив, он чуть склонил голову, и его дыхание коснулось её губ.

— Пусть ненавидит, — выдохнул он. — Ненависть — это предсказуемое чувство. Оно делает его сфокусированным, а нам это на руку. Пока он следит за каждым моим взглядом и жестом в твою сторону, он не заметит, как мы взламываем протоколы Сектора.

Кайл замолчал, и тишина в комнате стала плотной, как озоновый слой перед грозой. Селена чувствовала, как 10:23 внутри неё откликается на его близость, стирая границы между прошлым и настоящим. В этот момент не было ни М-10, ни Хозяйки, ни Сектора «М-4». Был только этот мужчина, который держал её в плену своих рук и своего взгляда, и та пугающая правда, которую они оба больше не могли игнорировать: их «легенда» медленно, но верно становилась их единственной реальностью.

— Тебе страшно? — прошептал он, и его рука осторожно, почти невесомо коснулась кончиков её волос. — Ты боишься меня или будущего, которое нас ждёт?

Девушка взглянула на его руку, зависшую в паре сантиметров от её кожи. Сейчас, когда на нём не было плотных перчаток, она отчётливо ощущала жар, исходящий от его ладони. Мурашки пробежали по телу, заставляя её внутренне сжаться.

— Не пойми меня неправильно, Кайл... — начала она осторожно, и её ресницы мелко дрогнули. — Я вижу твою привязанность, но боюсь, что она нацелена не на меня. В твоих глазах я лишь продолжение той, которую ты потерял... Но нынешняя «Я» тебя не знает.

Она замолчала на мгновение, пытаясь подобрать слова для того хаоса, что бушевал внутри.

— Я чувствую эту фантомную связь, наш общий резонанс, — продолжала она тише, — но меня это всё только сильнее запутывает. Я не хочу быть призраком... Я не хочу, чтобы ты любил во мне свою память. Потому что когда игра закончится, я боюсь обнаружить, что для тебя за этой маской никого нет.

Тишина в комнате стала почти болезненной. Кайл не убрал руку, но она замерла, словно наткнувшись на невидимую преграду. Его лицо, обычно непроницаемое, исказилось от горького понимания. Он смотрел на неё — на 842-ю итерацию — и впервые, кажется, осознал всю жестокость своего ожидания. Он видел её страх — страх быть лишь декорацией в его затянувшейся трагедии. Резонанс между ними загудел низко и тревожно, отражая этот внутренний

раскол. Кайл медленно опустил руку, но не отстранился, продолжая удерживать её в пространстве своего присутствия.

— Ты думаешь, я ищу в тебе её? — его голос прозвучал надломленно, и он заметил, как ресницы девушки вновь вздрогнули от этого хриплого, почти сокрушённого тона.

Он медленно протянул руку, коснувшись её подбородка — осторожно, но настойчиво, заставляя её поднять голову и встретиться с ним взглядом. Кайл впивался в эти сапфиры, ища в них честный ответ, отзвук той самой правды, которую они оба боялись произнести вслух. Он ощущал её волнение буквально кожей: мелкую дрожь, сбитое дыхание и то, как бешено пульсирует кожа под его пальцами.

— Глупая... — выдохнул он, и на его лице отразилась печальная, почти беспомощная улыбка.

В ней не было превосходства командира или холодности Высшего. В ней была горькая ирония человека, который осознал, что его величайшая жертва стала для неё величайшим сомнением.

— Если бы я искал в тебе только её, я бы не позволил тебе так сильно менять меня, — прошептал он, сокращая расстояние так, что их дыхание смешалось. Он чуть крепче сжал её подбородок, не давая отвернуться. — Я не могу забыть 511-ю, это правда. Она — часть моего кода. Но 842-я... ты заставляешь моё сердце биться так, будто у него нет протоколов. И то, что я чувствую, когда ты смотришь на меня вот так — с вызовом и страхом одновременно, — это не фантомная связь. Это жизнь, которую я уже и не надеялся почувствовать.

Селена замерла, парализованная этой внезапной лавиной признаний. В «мёртвой зоне» его покоев, где датчики были бессильны против искренности, она вдруг поняла: он не сравнивает её. Он отчаянно пытается удержаться за ту новую искру, которую она принесла в его застывший мир. Его «глупая» прозвучало, как самое нежное из всех возможных обвинений. Неловкость никуда не исчезла, но она изменилась. Теперь это было не недоумение, а пугающая близость двух душ, которые наконец-то начали узнавать друг друга в настоящем времени, без оглядки на призраков прошлого. И эта реальность была гораздо опаснее любого Лабиринта.

Селена, до этого не имевшая возможности и слова вставить, почувствовала, как почва буквально уходит из-под ног. Весь её боевой настрой, вся выдержка, закалённая на миссиях, рассыпались под этим прямым, обжигающим взглядом.

— Воздух... — еле выдавила она, выставляя руки вперёд, чтобы создать хоть какую-то преграду между ними.

Её лицо мгновенно налилось жаром, до самых кончиков ушей.

— Мне нужен воздух! — почти крикнула она от дикого смущения, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. — Ты... ты слишком близко!

— Близко? — Кайл негромко усмехнулся, и в его глазах вспыхнули озорные искорки, которых Селена не видела никогда прежде. — Я могу стать ещё ближе.

Он сдвинулся лишь на сантиметр, едва заметно сократив пространство, но для Селены это стало последней каплей. Она отчаянно впиалась руками в его грудь, упираясь в мягкую ткань рубашки и чувствуя под ладонями его размеренное, сильное сердцебиение.

— Смерти моей хочешь?! — судорожно выдохнула она, пытаясь всеми силами увеличить дистанцию. — Нельзя же так... в лоб!

Кайл не выдержал и рассмеялся — открыто, искренне, запрокинув голову. Звук его смеха заполнил комнату, разбивая гнетущую атмосферу секретности и боли. Он медленно отстранился, но руки с подлокотников не убрал, продолжая смотреть на неё с нескрываемым удовольствием. Его искренне позабавила эта её реакция — такая живая, такая человеческая.

— Прости, — произнёс он, всё ещё улыбаясь.

Взгляд мужчины скользнул по её лицу, жадно впитывая этот момент, разглядывая детали.

— Конечно же, я не хочу твоей смерти, но тебе придётся привыкнуть к моей близости... — голос его стал заговорщическим, низким, проникающим под самую кожу. — Ведь я не собираюсь отступать.

Он шутиливо, но метко ткнул указательным пальцем в колено, которое Селена вскинула ранее, пытаясь соорудить хоть какую-то преграду между ними. Этот жест — такой простой и почти мальчишеский — окончательно выбил её из колеи. Девушку до глубины души бесило то, насколько лёгким и властным он оставался в каждом своём движении и слове. Пока она вжималась в спинку кресла, задыхаясь от шока, смущения и страха перед его внезапным, сокрушительным признанием, Кайл вёл себя так, будто контролировал не только этот разговор, но и каждый удар её сердца.

— Ты... ты невозможен! — Селена наконец нашла в себе силы опустить ногу и выпрямиться, хотя кровь от лица всё ещё не отлила. — Нельзя просто так заявлять подобные вещи в Лабиринте, где даже у стен есть уши!

— Здесь — нет, — он наконец убрал руки с подлокотников, давая ей пространство, но продолжая нависать над ней своей мощной тенью. В его глазах всё ещё плясали смешинки, смешанные с чем-то пугающе серьёзным. — И если ты думаешь, что я позволю тебе спрятаться за уставом или за мнением М-10, то ты плохо меня знаешь.

Селена сердито поправила воротник мундира, стараясь вернуть себе хотя бы крупицу профессиональной отстранённости. Но её пальцы дрожали, и она знала, что он это видит.

— Иди к себе, — добавил он, и в его голосе снова зазвучал тот мягкий тон, который лишал её воли. — Завтра нам снова придётся быть «идеальной парой» перед всеми. Считай это тренировкой.

— Я тебя ненавижу, — буркнула она, вставая и поспешно направляясь к выходу, стараясь не бежать, но чувствуя, как его взгляд буквально жжёт ей спину.

— Врёшь, — донеслось ей вдогонку, и в этом коротком слове было столько уверенности, что Селена едва не споткнулась на пороге.

Она вылетела в коридор, прислонилась к холодной стене и закрыла глаза. Сердце колотилось как бешеное.

Её комната в жилом блоке казалась сейчас тесной, душной, пропитанной запахом металла и её собственного страха, который внезапно смешался с чем-то совершенно иным.

— Это ещё что такое? — прошептала она в пустоту, подбегая к зеркалу.

Отражение пугало. Несмотря на то, что кожа в этом цикле имела глубокий угольный оттенок, сквозь него явственно проступал лихорадочный жар. Щёки горели так, будто она только что вышла из эпицентра пространственного разлома. Глаза — два сапфира, в которых обычно застывал холод, — сейчас метались, выдавая её с потрохами. Постыдный, испуганный и в то же время жадный взгляд.

— Что значит «не собираюсь отступать»? — эта фраза Кайла билась в висках навязчивым ритмом.

Она судорожно проверила воротник мундира, поправила знаки различия. Ей нужно было подтверждение, что там, в коридоре, под прицелом камер и взглядами патрульных, она выглядела как обычно — каменной, дисциплинированной М-4. Но зеркало неумолимо твердило: маска дала трещину. Девушка упала на кровать, на этот раз без сил, закрывая лицо руками. Она пыталась вызвать в памяти образы, хоть что-то, что вернуло бы ей прежнюю ледяную ярость. Но всё было бесполезно. Перед глазами стоял только он. Его смех, его внезапная лёгкость и то, как он ткнул пальцем в её колено, разрушая всю серьёзность её обороны.

Чувство его дыхания на коже всё ещё преследовало её как фантомная боль. Кровь пульсировала, и теперь это был не просто технический резонанс — это был отклик живого существа на другое живое существо. «Он играет... он просто играет роль для Хозяйки», — пыталась

она убедить себя, впиваясь пальцами в волосы. Но честный голос внутри шептал, что в этом не было необходимости за дверями жилого блока. Селена вцепилась пальцами в простыни так сильно, что ткань затрещала. В темноте каюты перед глазами, словно выжженные на сетчатке, вспыхивали её собственные руки на его груди — то, как она отчаянно пыталась оттолкнуть его, и то, как предательски дрожали её пальцы, ощущая тепло его тела сквозь ткань одежды.

— И как теперь ему в глаза смотреть? — прошептала она в подушку, задыхаясь от собственного бессилия.

Обида на него смешивалась с обжигающим стыдом. Кайл разрушил её оборону не силой, а этой своей внезапной, невыносимой человечностью. Его слова теперь набатом били в голове, обретая новые, пугающие смыслы. «Как давно это началось?» — мучил её вопрос. Когда именно этот ледяной Командир перестал видеть в ней «проект»? Смущение накатывало волнами, заставляя кожу гореть. Ей казалось, что если она сейчас закроет глаза, то снова почувствует его дыхание на своей шее и этот заговорщический, лишаящий воли шёпот. Волнение пульсировало в висках, не давая расслабиться ни на секунду. Она пыталась убедить себя, что это просто резонанс, технический сбой их общей частоты, но сердце билось в совершенно ином, живом и неуправляемом ритме.

Сон не шёл. Селена ворочалась, кусая губы, и каждая складка одеяла напоминала ей о близости, которой она так яростно сопротивлялась и которую, как оказалось, теперь не могла забыть. Лабиринт за стенами жил своей механической жизнью, но здесь, в четырёх стенах, её собственная жизнь превратилась в хаос, из которого не было выхода.

Система проявила редкое милосердие, подарив Сектору день передышки после тяжёлых вылазок. Но для Селены этот день стал испытанием страшнее любой аномалии. Внутри бушевал шторм, а память о вчерашнем вечере в покоях Кайла жгла кожу сильнее радиации. На утренней тренировке она работала на износ, превращая своё смятение в чистую кинетическую энергию. Это помогало, пока мышцы горели, но в столовой, где тишина и покой располагали к мыслям, маска начала трещать. Она сидела с М-10 и остальными, вяло ковыряя паёк и слушая их дежурный трёп, когда пространство вокруг стола вдруг вязко уплотнилось. К ним подошли две надзирательницы из вспомогательного корпуса — те самые, что всегда держались поодаль, но ядовито шептались за спиной.

— Эй, М-4, — позвала одна, ехидно хихикая. — Неважно выглядишь сегодня. Пролетела вчера по жилому блоку как ошпаренная. В чём дело? В покоях Главнокомандующего произошло что-то из ряда вон выходящее?

Смех их был тонким и дребезжащим. Его слышали все. Разговоры в столовой оборвались мгновенно, ложки замерли в воздухе. Тишина стала гробовой, тяжёлой, как свинец. Ресницы Селены едва заметно дрогнули, в её сознании этот миг будто растянулся на минуты. Она даже не повернула головы в их сторону, продолжая смотреть в свою тарелку.

— Насекомые... — тихо, почти нежно произнесла она, и это слово отчётливо пронеслось по залу.

По соседним столам поползли смешки, но внезапный, резкий удар её ладони о стол заставил всех вздрогнуть. Гулкий звук разлетелся под сводами столовой, заставив напарников, сидевших рядом, невольно отшатнуться. Лицо Селены было непроницаемым, но взгляд, который она медленно подняла на зачинщиц, был по-настоящему убийственным. В нём не было человеческой обиды — только холодная расчётливость хищника.

— Иногда, когда что-то слишком громко пищит над самым ухом... — начала она вкрадчиво, смакуя каждое слово, — хочется просто прихлопнуть надоедливую тварь. Одним движением.

Девушки ощутимо вздрогнули. Улыбки сползли с их лиц, обнажая примитивный страх. Вся столовая замерла, боясь даже дышать.

— Но перед самым замахом... — Селена сосредоточенно перевела взгляд на свою руку, всё ещё лежавшую на поверхности стола. Она медленно приподняла ладонь на несколько сантиметров, вторя своим словам. — Задумываешься... А не повредит ли это экосистеме? Этот вид исчезнет навсегда от одного удара... или на смену ему прилетят другие такие же глупые существа, которые не умеют вовремя затыкаться?

Она снова вскинула холодный, пронзительный взгляд на девушек. В сапфировых глазах Селены сейчас плескалась такая мощь и такая бездонная усталость от их мелочности, что зачинщицы ссоры попятились. Они ожидали женской перепалки, слёз или оправданий, но столкнулись с той самой «машиной», которую в Селене возвращал Кайл. Она не просто защищалась — она ставила их в один ряд с системным мусором, который вычищала во внешних контурах. И это было унижительнее любого оскорбления.

М-4 медленно встала, и этот простой жест заставил зачинщиц попятиться, пока они не упёрлись спинами в края соседних столиков. Подносы в их руках ходили ходуном, а посуда жалобно дребезжала, выдавая их панику. Глаза девушек метались по её лицу, по знакам различия на мундире, в поисках хоть капли той прежней Селены, которую можно было задеть парой колких слов. Но перед ними стоял хищник. Воздух вокруг будто стал плотнее, он трещал по швам от сдерживаемого взрыва. Её медленный шаг был неотвратимым, тяжёлым, лишаящим пространства для манёвра. Вся столовая замерла; сотни глаз впились в эту сцену. Надзиратели, привыкшие к крикам и дракам, сейчас видели нечто иное — холодную, расчётливую мощь, которая не нуждалась в кулаках. Все были в предвкушении: выпустит ли она «монстра» наружу? Сорвётся ли в ту самую ярость, о которой шептались после тренировок?

Селена подошла к ним вплотную. Запах озона от её едва ощутимой ауры смешался с ароматом синтетической еды. Она улыбнулась. Но эта улыбка была такой тихой и безжизненной, что душила своей простотой. Не отводя взгляда от расширенных зрачков зачинщицы, Селена медленно подняла руку к её подносу. Пальцы, тонкие и уверенные, сомкнулись на лежавшем там яблоке. Атмосфера в зале давила на присутствующих, заставляя некоторых невольно задерживать дыхание.

— Вы... — снова произнесла девушка и негромко усмехнулась, глядя, как капля пота скатилась по виску одной из них. — Вы так дрожите...

Она подбросила яблоко в воздух — короткое, выверенное движение. Девушки синхронно вздрогнули, едва не выронив подносы, когда фрукт с мягким хлопком снова опустился в ладонь Селены.

— Будто совершили самую большую ошибку в своей жизни... — она продолжала смотреть прямо, без тени сомнения, без малейшей дрожи в голосе.

Она не угрожала им открыто, не повышала голос, но делала это так филигранно, что никто в зале не мог пошевелиться, наблюдая за этой изощрённой «пыткой». Это было психологическое потрошение: она заставляла их самих дорисовывать в воображении последствия, которые могли последовать за её жалобой Командиру или за случайным «сдвигом» в их жилом блоке. Она дала им почувствовать вкус собственного ничтожества перед силой, которую они так неосмотрительно решили задеть. Селена поднесла яблоко к губам, но не откусила, а лишь вдохнула его аромат, продолжая буравить их ледяным сапфировым взглядом. Она наслаждалась каждой секундой их парализующего страха, смакуя момент, когда сплетницы осознали: они не просто задели коллегу, они наступили на хвост спящему дракону. И теперь только от её прихоти зависело, позволит ли она им уйти или сотрёт их в системный шум прямо здесь, на глазах у всего Сектора.

Селена медленно, почти торжественно, положила яблоко обратно на поднос. Стук плода о пластик прозвучал в мёртвой тишине, как финальный аккорд. Она не сводила с них взгляда ещё несколько секунд — долгих, невыносимых секунд, в течение которых девушки, казалось, перестали дышать. В её глазах не было ни капли сочувствия, только ледяное констатирование

их ничтожности. Затем она так же медленно, не делая ни одного лишнего движения, развернулась к ним спиной. Этот жест был хлестче любой пощечины. В мире Лабиринта повернуться спиной к противнику означало высшую степень презрения. Это было молчаливое заявление: *«Вы не представляете для меня угрозы. Вы даже не враги, вы — пыль под моими каблуками»*. Что могли сделать эти офисные крысы активной единице, которая только вчера переписывала изломы в Глубоком контуре? Ничего. И это осознание накрыло столовую волной дикого, первобытного восторга.

Ветераны, сидевшие за соседними столами, первыми нарушили тишину. Сначала послышался одиночные смешки, а затем по залу прокатился гул одобрения. Столовая вмиг превратилась в собрание падальщиков, которые с упоением наблюдали за тем, как лев даже не стал марать лапы об издыхающую добычу — слишком мелкую, слишком недостойную его удара.

— Красиво... — пробормотал R-5, когда Селена буднично опустилась на своё место и взяла приборы. — Это было унижительнее, чем если бы ты их через стену выкинула.

Девушки-обидчицы, бледные, со стучащими подносами, буквально вылетели из зала под улюлюканье дальних столиков. Их репутация была уничтожена навсегда — в «Резонансе» не прощали такой жалкой трусости. Селена продолжала есть, сохраняя абсолютное внешнее спокойствие, хотя внутри неё всё пело от ядовитого торжества. Она подняла взгляд на M-10, что сидел молча, буквально буравя её взглядом, пока Буйвол рядом заходил в хохоте вместе с R-5, громогласно восхищаясь той «львицей», которую они, как им казалось, вырастили в своих залах. Парень наконец отвёл глаза, и в этом жесте Селена прочла гнетущее, болезненное признание: ей действительно больше не нужна была его защита. Она переросла его опеку, превратившись в нечто, что теперь пугало его своим потенциалом.

В памяти на секунду вспыхнул их вчерашний разговор в техническом коридоре. Он ничего не сказал, но его сжатые челюсти и то, как он избегал касаться своего подноса, говорили громче слов. День продолжился, будто ни в чём не бывало — лязг металла, сухие доклады, мерцание мониторов — но Селена понимала, что ядовитые слова тех девчонок попали в цель. Парень теперь не просто сомневался в её связи с Кайлом, он мучился от осознания, что этот «роман», настоящий он или нет, сделал её для него недостижимой. Каждая её победа, каждый такой холодный триумф только сильнее вбивал клин между ними. Она стала идеальным напарником для Высшего, но ценой этого стало одиночество среди тех, кого она ещё недавно называла друзьями.

За следующие пару дней ничего не изменилось. Селена пыталась поймать взгляд M-10, найти в нём прежнюю искру или хотя бы привычное ворчание, но тот превратился в ледяную статую. Он выполнял приказы, безупречно работал в связке, но в моменты затишья уходил в себя, отгораживаясь от команды невидимой стеной. На очередной тренировке в зале «Альфа», когда пришло время разбиться на пары, Селена целенаправленно шагнула к нему. Она видела, как он на мгновение напрягся, но промолчал. Ей нужно было знать: он всё ещё с ней, или его верность окончательно выгорела в пламени слухов?

Бой начался вязко. Парень был сосредоточен, его движения были технически идеальными, но в них не было страсти. Он не пытался её поддеть, не искал слабых мест. Когда Селена, используя обманный манёвр, резко сократила дистанцию и рывком повалила его на спину, он даже не попытался вывернуться. Просто замер на мате, глядя в потолок пустыми глазами, и сдался в ту же секунду, едва её колено коснулось его груди.

— Ещё раз, — скомандовала она, не убирая руки. В её голосе прорезалась злость. — Ты даже не сопротивлялся, M-10.

— Смысл? — сухо отозвался он, поднимаясь. — Ты всё равно победишь. Ты теперь на другом уровне.

Слова его прозвучали двусмысленно. Она понимала, что он говорит не только про тренировку.

— Вставай! — рявкнула она, и это отозвалось эхом по всему залу.

Тренировки продолжались в обычном режиме, Буйвол и R-5 старались шутить, но все чувствовали это странное, густое напряжение. Это было похоже на затишье перед бурей. M-10 двигался, как автомат, лишённый воли, и Селена понимала: слова тех девок в столовой не просто задели его, они подтвердили его худший страх — что он теряет её не из-за Системы, а из-за того, что она сама выбрала сторону «монстра».

Девушка дождалась его у выхода из раздевалки. Когда их взгляды встретились в пустом коридоре, парень тяжело, надрывно выдохнул, словно всё это время сдерживал дыхание.

— Ты мне и вдоха свободного не дашь? — спросил он глухо и бесконечно устало.

— Пока ты ведёшь себя странно — да, — ответила она строго, чеканя слова.

Она не сводила с него взгляда, изучая каждую чёрточку его лица, которое за эти дни осунулось и потемнело.

— Чего ты хочешь от меня? У меня есть душа, и она болит... — парень сделал резкий шаг в сторону, пытаясь обойти её и закончить этот разговор. — Тебе знакомо это слово?

Селена не дала ему уйти, поравнявшись с ним и преграждая путь. Она видела, как он загнан в угол собственными чувствами.

— Как я, по-твоему, должен себя вести в такой ситуации? — он не кричал, но его голос вибрировал от истощения. Давление со стороны Командира, шепотки за спиной и её внезапное преобразование давили на него со всех сторон.

— А по мне, так тебе просто нравится жалеть себя... — безжалостно чеканила она, стараясь пробиться сквозь его кокон. — Купаться в самобичевании и бесконечных вариантах «А если бы...».

M-10 резко остановился. Он повернулся к ней, и Селена увидела в его глазах такую концентрированную обиду, что на мгновение ей захотелось замолчать.

— Ты и впрямь стала его «идеальной парой», — прошептал он, и в этом признании было больше боли, чем в любом обвинении. — Говоришь как он, ходишь как он, даже смотришь теперь точно так же...

Он не хотел её обидеть, но горечь, копившаяся внутри, требовала выхода.

— Я... я каждый день только это и слышу... — его голос дрогнул, переходя на едва слышимый шёпот. — И... я ведь уже сказал тебе, что не буду мешать вашим планам. Так зачем ты продолжаешь преследовать меня?

— Потому что чувствую, что иначе потеряю тебя... — выдохнула она.

Это была правда. Самая честная и простая вещь, которую она могла сказать. Она видела, как он отдаляется, как между ними вырастает стена из его замкнутости и её новой роли.

— Просто... — он запнулся, отводя глаза. Его упрямство начало таять под её искренностью. — Просто дай мне время, ладно? Мне нужно привыкнуть к этому... ко всему этому.

Селена смотрела на него, понимая, что заставила его признать поражение. Он больше не спорил, он просил о передышке, чтобы просто решиться вновь на неё посмотреть. M-10 резко отвернулся, бросив напоследок это тяжёлое «дай мне время», и зашагал прочь по коридору. Девушка смотрела ему в спину, но стоило парню завернуть за угол, как он едва не врезался в фигуру, застывшую в тени. P-1 стоял там, расслабленно прислонившись спиной к стене и скрестив руки на груди. Он не прятался — он просто ждал, когда они закончат. Парень вздрогнул, его плечи мгновенно окаменели от неожиданности, но он не шелохнулся, чтобы отдать честь. Лишь сильнее сжал кулаки, и прошёл мимо Командира, обдав его холодом нескрываемой ненависти. Кайл проводил его взглядом и медленно вышел на свет, направляясь к Селене.

— Подслушивал? — спросила она с явным укором, складывая руки на груди. Внутри всё ещё дрожало от тяжёлого разговора с другом.

Мужчина подошёл к ней вплотную. На его лице, обычно суровом и непроницаемом, сейчас играла та самая озорная, почти мальчишеская улыбка, которая так сбивала её с толку в его покоях.

— Просто хотел убедиться, что у тебя всё под контролем, — ровным, бархатистым голосом ответил он.

Его рука плавно скользнула к её лицу, и Селена инстинктивно сделала полшага назад, упираясь лопатками в холодную стену.

— С ума сошёл? — перешла она на яростный шёпот, испуганно оглядываясь на развилку коридоров. — А если кто увидит?

Она дёрнулась, чтобы уйти, но его сильная рука, облачённая в безупречно белую перчатку, легла на стену прямо над её ухом. Ткань едва слышно зашелестела, отрезая ей путь к отступлению. Взгляд Кайла — прямой, искристый и совершенно обезоруживающий — пригвоздил её к месту.

— Ну и что, что увидят? — он склонился к ней так близко, что она почувствовала жар, исходящий от его тела сквозь мундир. — Хозяйка сама дала нам карт-бланш. Весь Сектор ждёт от нас подтверждения слухов. Считай, что я просто... закрепляю легенду.

— Ты играешь с огнём, — выдохнула она, стараясь не смотреть на его губы, которые были в нескольких сантиметрах от её лица. — Не боишься, что из-за чувств ко мне потеряешь авторитет подчинённых?

Тяжёлая пауза повисла между ними. Кайл не сводил с неё глаз, и в этом молчании Селена слышала гул собственного сердца. Его рука медленно, почти торжественно потянулась к её лицу. Девушка замерла; внутри всё прыгало и kloкотало, как перед мощным пространственным сдвигом. Когда его пальцы — тёплые, живые, в один миг лишённые привычной белой ткани — легли на её щёку, она невольно моргнула, чувствуя, как реальность окончательно сужается до этого касания. Она не пыталась вырваться — не могла, да и, по правде сказать, не особо хотела. Он большим пальцем медленно коснулся её губ, и этот жест был настолько интимным, что Селена почувствовала, как по спине пробежал электрический разряд.

— Плевать мне на их мнение, — продолжал он, наклоняясь ещё ближе так, что его голос стал почти осязаемым рокотом. — Даже если эта «Ты» отрицает всё, что нас связывает, я не сдамся. А всем, кто попытается помешать мне, я просто напомню, что означает быть Высшим.

Селена сглотнула, чувствуя, как её ладони, упёртые в холодный металл стены за спиной, судорожно сжимаются под натиском этих уверенных, пылающих глаз. Ей хотелось закричать, что это безумие, что за углом может быть патруль, что Хозяйка вывернет их наизнанку за такую самонадеянность, но слова застряли в горле, превратившись в сбитое, рваное дыхание. Она была совершенно безоружна против такого него. Кайл не применял силу, не использовал свой статус, но он подавлял её самой своей сутью, этим шёпотом, который проникал глубже любого ментального щита. Девушка просто не могла пошевелиться, заворожённая и напуганная этой волной искренности.

Она оказалась зажата в капкане между бездушной стеной и этим мужчиной, чьё присутствие заполняло всё пространство вокруг. Селена лишь мелко дрожала ресницами, не в силах разорвать зрительный контакт. Кайл видел это. Он буквально упивался тем, как эта его «суровая копия», этот идеальный и холодный Архитектор, на глазах превращалась в нечто мягкое, податливое и живое рядом с ним. Его рука всё ещё лежала на её щеке, и он большим пальцем медленно, почти гипнотически поглаживал её скулу, наслаждаясь тем, как взгляд её дрожит от волнения. В этом жесте было столько негласного обладания, что Селена почти перестала дышать.

— Смотри так только на меня, — приказал он тише, хотя она и так не могла отвести взгляд. — Не хочу, чтобы кто-то ещё увидел тебя такой...

Он едва заметно улыбнулся и мягко отстранился, разрывая их интимный кокон. Мужчина не сводил с неё глаз, но улыбка быстро стала почти невидимой, превращаясь в привычную строгую линию. Одним резким, отточенным движением он натянул белую перчатку обратно на руку, возвращая себе облик безупречного командира. Девушка проследила за этим превращением и мгновенно выпрямилась, отстранившись от холодной стены, судорожно пытаясь вернуть лицу выражение каменного безразличия. В коридоре за поворотом послышался беззаботный смех и приглушённые голоса, а в следующее мгновение группа надзирателей из второй смены буквально вывалилась в проход, сразу замерев.

Между Селеной и Кайлом теперь было пару шагов официальной дистанции, но густая, липкая неловкость момента буквально обдала всех присутствующих. Воздух в коридоре казался наэлектризованным. Лицо Командира для солдат оставалось абсолютно непроницаемым — маска Высшего сидела на нём идеально. Но когда он на долю секунды перевёл взгляд на Селену и едва заметно, почти неуловимо дёрнул бровями, она поняла: он не просто спокоен, он упивается этой ситуацией. Ему нравилось это смятение, нравилось, что их «легенда» обрастает такими живыми подробностями прямо на глазах у подчинённых. Мужчина сделал уверенный шаг в сторону и, не оборачиваясь, пошёл по коридору. Группа оперативников инстинктивно вжалась в стену, провожая его напряжёнными взглядами и отдавая честь, пока его мощная фигура не скрылась за поворотом.

Девушка не стала ждать расспросов или двусмысленных ухмылок. Воспользовавшись тем, что всё внимание было приковано к удаляющейся спине Главы, она мгновенно и бесшумно исчезла с места «преступления», скользнув в боковой технический проход. Оказавшись в пустом отсеке, она прижала ладони к пылающим щекам. *«С ума сошёл... точно сошёл с ума»*, — билось в голове. Но перед глазами всё ещё стояла его перчатка, скрывающая руку, которая только что так нежно касалась её кожи, и его взгляд, обещающий, что это было лишь начало. Им придётся играть в эту близость перед всем Лабиринтом, и после сегодняшнего Селена понимала: Кайл не будет притворяться. Он будет забирать своё.

На следующий день Селену вызвали в Центр наблюдения. И каково же было её удивление, когда рядом с Командиром она увидела Хозяйку. Атмосфера была напряжённой. Она улыбалась, но этот изгиб губ не предвещал ничего хорошего — так улыбается хищник перед тем, как перекусить хребет добыче.

— Это окончательное решение? — спросил Кайл. Его голос звенел, как сталь, ударяющая об лёд.

Селена сразу прочла в нём глухое, яростное недовольство. Что-то произошло, пока её не было. Хозяйка лишь медленно кивнула, не сводя глаз с Селены.

— Приступить к заданию, — отчеканила она, и Командир, не тратя ни секунды на поклоны, сорвался к выходу. Проходя мимо девушки, он бросил на неё такой серьёзный взгляд, что у той перехватило дыхание.

— За мной, М-4! — скомандовал он на ходу.

Она среагировала тут же, подстраиваясь под его стремительный шаг. Коридоры пронеслись мимо смазанными полосами.

— Сектор «G-7». Разрыв четвёртого уровня, — отдавал он приказы, не сбавляя темпа, что означало лишь одно: момент критический. — Стабилизация внешнего контура.

Они ворвались в Арсенал, где обычно сутились десятки техников и напарников, готовящихся к выходу. Но сейчас там было пусто. Селена замерла у стойки со снаряжением, оглядываясь по сторонам.

— Где Группа 1? Почему нет остальных? — спросила она, быстро застёгивая нагрудную пластину.

— Мы будем вдвоём, — отрезал он, с силой загоняя энергоблок в свой излучатель. Металл лязгнул в тишине Арсенала особенно зловеще.

«В смысле — вдвоём?» — вспыхнуло у неё в голове возмущение, но, взглянув на Кайла, она осеклась. По его окаменевшему лицу и по тому, как опасно пульсировала его аура, она поняла всё без слов. Хозяйка решила проверить их «идеальный тандем» на излом. Она лишила их поддержки отряда, бросая в эпицентр разлома Сектора «G». Это было не просто задание. Это была попытка физически уничтожить их или заставить показать истинную силу, которую они так тщательно скрывали за протоколами. Хозяйка хотела увидеть, как «идеальная пара» будет выживать, когда между ними и бездной не останется никого, кроме них самих.

— Она хочет крови... — прошептала Селена, перехватывая винтовку.

— Она получит результат, — Кайл обернулся к ней, и в его глазах снова вспыхнуло то самое «я не сдамся», которое она видела вчера в коридоре. — Идём. Нам нельзя опоздать к открытию портала. Закроем Сектор вдвоём, и она больше не посмеет сомневаться в нашей ценности.

Они шагнули к шлюзу. Впереди был хаос «G-7», тишина пустого Арсенала за спиной и пугающая ясность: сегодня их «легенда» станет единственной бронёй против смерти. Портал выплюнул их в самое жерло гравитационного шторма. Здесь реальность не просто трещала — она плавилась. Огромные куски обшивки левитировали в багровом мареве, а пространство ежесекундно схлопывалось, издавая звук, похожий на стон рвущегося металла. Селена едва удержалась на ногах, когда пол под ней ушёл на тридцать градусов вниз. Кайл мгновенно перехватил её за пояс, впечатывая в единственную уцелевшую опору.

— Внимание! — прорычал он в гарнитуру, перекрывая вой хаоса. — Работаем по плотной связке! Не разрывать дистанцию больше метра!

Они двигались, как единый механизм. Пока Кайл выжигал всплески чистой энергии из своего тяжёлого излучателя, расчищая путь, Селена тянула на себя нити распадающейся энергии. Её пальцы светились нестерпимым сапфировым светом. А где-то там, в стерильной прохладе Командного центра, Хозяйка и десятки операторов затаили дыхание. На огромных экранах штаба две крошечные фигурки в чёрном сражались с самой энтропией.

— Посмотрите на синхронизацию, — прошептал кто-то из аналитиков, указывая на график резонанса. — Линии идут внахлёст. Они перекрывают частоты друг друга.

Хозяйка стояла у самого экрана, заложив руки за спину. В её глазах отражались вспышки из Сектора «G». Она видела, как Кайл прикрывает спину Селены, даже не оборачиваясь, чувствуя её перемещения интуитивно. Видела, как девушка подхватывает его затихающие щиты своей волей, продлевая их жизнь на доли секунды. Это было пугающее зрелище. «Идеальный тандем» на глазах у всего Сектора превращался в нечто запредельное. В паре они были эффективнее целой группы.

— Они слишком хороши, — негромко произнесла Хозяйка, и её голос утонул в гуле работающих серверов. — Если они выживут в «G-7» вдвоём, их статус придётся пересмотреть...

В Секторе «G» в этот момент Селена закричала от резкой боли в висках — ядро сдвига ударило по её сознанию. Кайл мгновенно развернулся к ней, обхватывая её лицо ладонями в штурмовых перчатках, которые теперь были в копоты и крови.

— Смотри на меня! — выкрикнул он, заглушая гул в её голове. — Только на меня! Дай мне свою боль, я её заземлю!

Камеры зафиксировали этот момент во всех ракурсах. В штабе воцарилась гробовая тишина. Это не было похоже на «стабилизацию». Это выглядело, как отчаянная, безумная преданность, которая выходила далеко за рамки любого устава. Пока девушка проникала в

структуру Ядра, Кайл буквально впитывал в себя излишки её энергии, его доспех искрил и плавился, но он не отпускал её.

— Сейчас! — выдохнула Селена, и они вместе ударили по аномалии.

Ослепительная вспышка на мгновение выжгла сенсоры всех камер в «G-7». Экраны в Центре наблюдения подёрнулись белой пеленой. Хозяйка подалась вперёд, вглядываясь в помехи. Были ли они ещё живы? Или их «идеальный тандем» сторел в этом последнем, самоубийственном аккорде? В зале воцарилась такая тишина, что было слышно, как гудят системы охлаждения процессоров. Сотни глаз были прикованы к мерцающим мониторам. М-10, стоявший в задних рядах вместе с Буйволом и R-5, вцепился в поручень так, что металл под его пальцами жалобно скрипнул. Его лицо было бледным, почти серым. Весь гнев и ревность последних дней испарились, сменившись ледяным ужасом. Он видел тот последний момент — как Кайл обхватил её лицо, как он буквально втягивал в себя её агонию.

— Они не могли... — прошептал R-5, и его голос сорвался. — Сектор «G» схлопнулся?

— Там плотность была запредельная. Никто не выживет после такого выброса... — послышалось со стороны.

Буйвол молчал, его челюсти были сжаты до хруста. Он, выдавший сотни смертей, сейчас выглядел так, будто сам стоял в том Разрыве. Ветераны Группы 1, те, кто ещё вчера хлопал Селену по плечу, замерли в немом оцепенении. Для них это была не просто гибель Командира и его «пары» — это был крах их новой веры. Если «идеальный тандем» не справился, значит, надежды не было ни у кого. Хозяйка не шевелилась. Её тонкий профиль в багровых отсветах аварийных ламп казался высеченным из кости. Она ждала. Секунды тянулись, как часы. Наконец статика на центральном экране начала редеть. Появились первые зернистые очертания.

— Есть сигнал! — выкрикнул оператор, и его голос сорвался на хрестоматийный визг.

Весь зал синхронно подался вперёд. На экранах Командного центра, охваченных багровыми всполохами, разыгрывалась сцена, от которой у бывалых оперативников перехватывало дыхание. Это была изнурительная, высасывающая все силы борьба за выживание. Среди оседающей пыли и искореженных обломков «G-7», который теперь застыл в мёртвой неподвижности, виднелись две фигуры. Селена стояла в центре бушующего хаоса, её руки были вскинуты вверх, удерживая купол барьера. Кайл находился прямо за её спиной, будто скала. Его руки крепко сжимали её плечи. Через это прикосновение он буквально вливал в неё свою мощь, становясь живым аккумулятором для истощающегося резонанса. Их показатели не просто пульсировали — они были на пределе возможностей.

В штабе воцарилась гнетущая тишина. М-10 и Буйвол стояли, подавшись вперёд, их лица отражали каждую вспышку на экране. Они видели, как дрожат колени Селены, как пот градом катится по её лицу, оставляя дорожки на угольной коже. Это не была «идеальная работа» — это была агония двоих людей, брошенных на растерзание бездне.

— Она не удержит... — прошептал М-10, и в его голосе не было ничего, кроме ужаса. — Посмотрите на вектор разрыва, он её просто раздавит.

Хозяйка стояла неподвижно, её холодный взгляд фиксировал каждую секунду их сопротивления. Она видела, как Кайл стискивает зубы, как его собственный доспех дымился, а правый наплечник был полностью выжжен от перегрузки, передавая Селене последние капли его жизненной силы.

Внезапно ядро сдвига рвануло в последний раз. Девушка вскрикнула — этот звук, искажённый помехами связи, прозвучал, как надломленная струна. Она медленно опустила руки, не в силах больше удерживать барьер. Свет погас. В ту же секунду Кайл подхватил её, мягко опустившись на колени. Её голова бессильно опустилась ему на грудь, а тело обмякло, удерживаемое только его железной хваткой. Он прижимал девушку к себе, укрывая её голову рукой от падающего сверху мусора. Вокруг них оседала пыль уничтоженного Сектора, а багровое

марево сменялось мёртвой серостью затихшего разлома. Они не шевелились, но датчики биометрии на панели оператора выдавали два слабых, но отчётливых пульса.

Все в штабе — от операторов до ветеранов — синхронно выдохнули, осознав, что они справились. На экранах было видно, как Кайл, сам едва держась на ногах, прижимает её к себе, тяжело дыша. В этом жесте не было величия победителей. Только двое изломанных людей среди руин, которые выжили лишь потому, что один отказался отпускать другую.

— Стабилизация завершена, — голос оператора дрожал. — Сектор «G-7» зафиксирован.

М-10 закрыл глаза, прислонившись лбом к холодному металлу — он едва стоял на ногах от облегчения. Хозяйка медленно повернулась к залу. На её лице не было радости — только холодный, расчётливый интерес учёного, обнаружившего новый вид вируса.

— Подготовить медблок, — приказала она, и её голос разрезал тишину, как скальпель. — Помогите им! Живо!

Команда медиков и техников сорвалась с мест ещё до того, как Хозяйка закончила фразу. М-10 смотрел на то, как Кайл осторожно перехватил Селену поудобнее, помогая ей сделать первый шаг к шлюзу. В этом жесте, лишённом всякой грации, было столько первобытной, отчаянной защиты, что у парня окончательно пропали все слова. Это не было «красивым романом» для камер. Это была общая агония, из которой они вышли живыми только вопреки воле Лабиринта.

— Встречайте их в шлюзе! — скомандовал Буйвол, первым срываясь с места.

Когда тяжёлые створки с шипением разошлись, в проёме показались две фигуры, едва различимые в клубах серого дыма и строительной пыли. Кайл шёл первым, почти волоча ноги, но железной хваткой удерживая Селену за талию, и каждый шаг давался им обоим с видимым трудом. В коридоре их уже ждала толпа. Медики с каталками рванулись вперёд, но замерли в паре метров, наткнувшись на тяжёлый, предупреждающий взгляд Кайла. Его лицо было чёрным от копоти, по виску текла струйка крови, но рубиновые глаза горели неистовым, почти диким светом.

— Медленно... — прохрипел он, и этот голос, сорванный криками при разломе, заставил всех вздрогнуть. — Сначала её.

Напарники стояли в первом ряду, не смея подойти ближе. Они видели, как Селена медленно подняла голову. Её взгляд был расфокусирован, глаза подёрнулись мутной пеленой истощения, но она всё ещё крепко опиралась на Кайла.

— Мы... закрыли... — выдохнула она, и этот шёпот в мёртвой тишине коридора прозвучал, как гром.

Мужчина осторожно, словно она была сделана из тончайшего стекла, позволил медикам подхватить её под руки. Как только их физический контакт разорвался, он сам пошатнулся, и М-10 инстинктивно шагнул вперёд, подставляя плечо Главе. Кайл тяжело навалился на парня, и тот охнул от веса его доспеха, пропитанного статической энергией.

— Хорошая работа, Командир... — выдавил он, глядя на то, как Селену укладывают на каталку. В его голосе больше не было ревности — только бесконечное, мрачное уважение к этой запредельной цене победы.

Хозяйка наблюдала за этой сценой с мостика, скрытая тенью. Она видела, как Кайл, даже опираясь на парня, не сводил глаз с девушки, пока ту увозят в сторону реанимации.

— Доложить о состоянии через десять минут, — бросила она помощнику и развернулась к выходу.

Весь Сектор «R» в это мгновение замер. Люди провожали взглядами двух изломанных надзирателей, которые вдвоём сделали то, на что обычно требовалась Группа в полном составе. Это не был триумф — это было выживание на грани фола. Но именно этот момент, когда Кайл и Селена, шатаясь, вышли из огня, окончательно влил их в легенду Лабиринта. Они

больше не были просто «парой». Они стали единым шрамом на теле Системы, который теперь не сможет зажить никогда.

Прошло три часа, прежде чем стерильный покой медблока нарушил первый осознанный звук. Селена открыла глаза, и реальность обрушилась на неё колючим светом люминесцентных ламп. В горле пересохло, а каждая мышца ощущалась, как натянутая до предела струна. Она повернула голову и увидела Кайла. Он не лежал в капсуле — он сидел в кресле рядом, весь в бинтах. Его голова была опущена, руки безвольно лежали на подлокотниках, но пальцы всё ещё были сжаты в кулаки.

— Командир... — прохрипела она.

Мужчина вскинулся мгновенно, будто и не спал, а находился в режиме ожидания. Его взгляд, мутный от усталости, сфокусировался на её лице.

— Лежи, — его голос был похож на шелест наждака по металлу. Он подался вперёд, накрыв своей ладонью её руку, лежащую поверх диагностического геля. — Резонанс стабилизировался. Ты выжила, М-4.

— Мы... выжили, — поправила она его, слабой хваткой отвечая на его прикосновение.

В памяти всплыл момент у разлома: его руки на её плечах, невыносимый жар энергии, перетекающей из его тела, и то пугающее чувство, что их границы стёрлись. Они больше не были двумя отдельными существами. Они были цепью, которая выдержала удар целого мира.

— Хозяйка... она видела всё? — спросила Селена, глядя в потолок.

— Каждую секунду, — мужчина горько усмехнулся, и на его скуле отчётливо проступил свежий шрам от ожога. — Она получила своё шоу. Теперь весь Лабиринт знает, что мы — аномалия, которую невозможно контролировать поодиночке. Она хотела нас сломать, а вместо этого...

— ...сплотила ещё сильнее, — закончила за него девушка.

Она попыталась пошевелиться, чтобы сесть, но резкая боль, как электрический разряд, прошла всё тело от кончиков пальцев до затылка. Селена невольно вскрикнула и замерла.

— Не двигайся... — Кайл мгновенно подался вперёд. Он мягко положил свою тёплую ладонь ей на лоб, осторожным движением убирая короткие пряди с её лица. — Рано. Тебе нужно отдохнуть, ткани ещё не восстановили проводимость.

Селена с трудом сфокусировала взгляд на его лице. Под глазами залегли глубокие тени, а на шее и руках красовались свежие слои медицинских патчей и повязок.

— Почему ты не в капсуле? — прошептала она, глядя на его изломанную позу. — Ты ведь принял на себя основной удар каскада.

— Ты пришла в себя, и мне сразу стало лучше... — он едва заметно улыбнулся, и в этой улыбке было столько непривычной, почти детской мягкости, что у Селены перехватило дыхание.

Её взгляд скользнул по его бинтам на груди и плече, где доспех прогорел, видимо, до самого мяса.

— Врёшь прямо мне в глаза... — выдохнула она, чувствуя, как к горлу подступает ком.

Кайл не ответил, лишь тихо усмехнулся. Он продолжал сидеть рядом, накрыв её ладонь своей и медленно, задумчиво перебирая её пальцы. Тишина в палате была ватной, давящей — они оба кожей чувствовали, какой шторм сейчас бушует снаружи, в коридорах Сектора. Их подвиг уже стал легендой, а их близость — политической проблемой. Но здесь, за тонкой перегородкой, всё это казалось несущественным. В этих прикосновениях больше не было лжи, не было протоколов и нужды играть на камеру. Селена чувствовала живое, пульсирующее тепло его руки. Его взгляд больше не пугал её своей интенсивностью, не вызывал желания сбежать — он успокаивал, как штиль после сокрушительного шторма. В этой стерильной тишине медб-

лока они наконец-то позволили себе быть просто двумя людьми, которые вытащили друг друга из бездны.

Тишина между ними стала почти уютной, если это слово вообще было применимо к Лабиринту. Кайл продолжал поглаживать её ладонь, и Селена чувствовала, как их резонанс, всё ещё раскалённый после миссии, медленно затухает, переходя в ровное, басовитое гудение.

— Тебе нельзя здесь сидеть, — прошептала она, пытаясь сжать его пальцы своими. — Если Хозяйка увидит, что ты игнорируешь капсулу ради того, чтобы сторожить мою кровать...

— Пусть смотрит, — отрезал он, и в его голосе снова прорезалась та самая упрямая сталь. Он наклонился вперёд к её лицу, голос стал вкрадчивым и тихим. — Она сама создала этот прецедент, а я просто следую её сценарию. Влюблённый командир не может оставить свой «бриллиант» в руках медиков.

Селена слабо усмехнулась, прикрыв глаза.

— Ты слишком хорошо вжился в роль. Иногда я забываю, где заканчивается план и начинаешься ты.

Кайл замер. Его пальцы на мгновение сжались чуть крепче, и он медленно, почти благоговейно притянул её руку к своим губам. Селена почувствовала, как его горячее дыхание коснулось кожи, и в ту же секунду мужчина заметил, как её ресницы мелко дрогнули. Она не осмелилась открыть глаза, боясь, что этот хрупкий момент рассыплется под тяжестью реальности. Он коснулся губами её руки, которая всё ещё была скреплена с его пальцами в замок. Это не было частью протокола, это не было «калибровкой» или игрой на камеру — за закрытыми дверями медблока, в этой ватной тишине, жест казался пугающе настоящим. Его лицо сейчас находилось на расстоянии короткого рывка, в зоне, доступной только для их шёпота, который не смогут разобрать даже самые чуткие микрофоны Хозяйки. Девушка кожей чувствовала, как он буквально выжигает на ней своё присутствие. Весь мир сузился до этого тепла и размеренного дыхания.

— Если это роль, — прошептал он так тихо, что вибрация его голоса передалась ей через соединённые руки, — то я готов играть её до самого конца...

Он принял лбом к её кулаку, закрыв глаза. Девушка чувствовала, как её собственное сердце бьётся где-то в горле, откликаясь на его близость. Неловкость, страх, сомнения — всё это отступило, оставив лишь это острое, болезненное чувство сопричастности. Она понимала, что он сейчас делает: он клеймил её собой, давая понять, что после Сектора «G» пути назад нет. Они больше не напарники, вынужденные притворяться. Они — два изломанных существа, которые нашли друг друга в пустоте и больше не собирались отпускать.

— Т-ты... — выдохнула она, всё ещё не открывая глаз, боясь встретиться с тем пожаром, что горел в его взгляде.

— Тише, — ответил он, и она почувствовала, как его губы снова коснулись её кожи, на этот раз чуть дольше. — Просто отдыхай. Пока я здесь, Лабиринт тебя не достанет.

Они застыли в этом моменте, воруя у Системы секунды тишины, зная, что завтра им снова придётся стать сталью и льдом. Но вкус этого поцелуя на руке останется с ней навсегда, как самый надёжный код доступа к их общей свободе.

Последние несколько дней прошли в стерильном вакууме: Кайл лично заблокировал доступ в её палату для всех, включая напарников. Он аргументировал это «критической фазой синхронизации», но Селена знала — он просто давал ей возможность поспать без маски надзирателя на лице. Во время финальной проверки медсестра вела себя необычно словоохотливо.

— Ну и шуму же вы наделали, М-4, — шептала она, прикрепляя последние датчики. — Весь Сектор только о вас и гудит. Командир чуть ли не у дверей ночевал, пока тебя в чувство приводили. Секретари Хозяйки тут трижды ошивались, пытались войти «для снятия показа-

телей», так он их разворачивал на пороге. Сказал: *«Если её частота сойдётся из-за вашего присутствия — я выжгу ваши процессоры лично»*. Это так мило!

Селена слушала, глядя в одну точку. В груди теплилось странное чувство — смесь благодарности и страха за него. Он шёл ва-банк.

— Ты уж береги его, девочка, — добавила она, отсоединяя провода. — Таких, как он, Система обычно ломает об колено. Но за тебя он, кажется, готов и сам переломать хребты.

Выйдя в коридор, девушка глубоко вдохнула. На ней была свежая форма, пахнувшая озоном, а от Сектора «G» не осталось ни следа. Она не успела дойти до жилого блока, как наткнулась на М-10. Он стоял у окна, глядя на тренировочные залы. Увидев её, он вздрогнул и быстро подошёл; выглядел парень измотанно.

— Живая, — выдохнул он, останавливаясь в паре шагов. — Он никого не пускал. Мы дежурили у дверей, но он выставил охрану. Буйвол чуть не подрался с караулом, но... — он запнулся, изучая её лицо. — Как ты?

— В норме, — Селена постаралась улыбнуться, но улыбка вышла слабой. — Он просто... хотел убедиться, что я быстро поправлюсь.

— «Просто хотел», — горько повторил парень, но тут же осёкся. Он явно не хотел обрушивать на неё весь груз своих чувств и подозрений в первую же минуту, как она вышла из медблока.

— Ладно, проехали... — выдохнул он, сбрасывая напряжение с плеч. — Главное, что ты теперь снова в строю.

Селена коротко кивнула. Кажется, он действительно старался взять себя в руки, и это её, как ни странно, успокаивало. Гнетущее чувство вины перед другом немного отступило, давая место привычному теплу боевого братства.

— Нужно это отметить! — сказал он уже более воодушевлённо, и в его глазах промелькнула искра прежнего азарта. — Что скажешь? Собираемся командой, как раньше?

— Конечно, — искренне улыбнулась она. — Я только за. Соскучилась по вашим пьяным рожам.

Они вместе направились по широкому коридору в сторону жилого блока. Селена чувствовала, как ритмичный стук их шагов возвращает ей ощущение реальности, выбивая из головы стерильный покой палаты и обжигающий шёпот Кайла. На мгновение ей показалось, что всё может стать как прежде — простые шутки, общие тренировки и понятные цели. Но на ближайшем перекрёстке она поймала на себе взгляд камеры слежения. Красный огонёк мигнул, словно напоминая: Система не забыла их тандем. И где-то там, на другом конце штаба, сидит человек, который всего несколько дней назад целовал её руку и обещал не отступать.

— Ты идёшь? — окликнул её М-10, заметив, что она притормозила.

— Да, иду, — отозвалась она, ускоряя шаг.

Ей отчаянно хотелось этого вечера с командой, этой иллюзии нормальной жизни. Но внутри уже зрело понимание: как раньше уже не будет. Кайл выжиг эту возможность в «G-7», и теперь ей предстояло балансировать между теплом старых друзей и тёмным, притягательным пламенем своего Командира.

Атмосфера в каюте R-5 была густой, сизой от дыма синтетических сигарет и пропитанной резким, бьющим в нос запахом «Технаря» — самопального спирта, который техники гнали из охладителя и очищали через угольные фильтры системы регенерации. Это была жидкость, от которой обжигало горло, но в «Резонансе» она ценилась выше золота, потому что выжигала из головы страх. Свет был притушен, горели только дежурные лампы у пола, отчего лица парней казались резкими, высеченными из тени масками.

— Ну, за нашу искру! — R-5 хохотнул, опрокидывая в себя стакан и шумно выдыхая. — Клянусь, когда твой щит вспыхнул в «G-7», я подумал, что у меня сетчатка выгорела. Ты была как... как сверхновая.

— Ага, или как закоротивший предохранитель, — Буйвол со смехом хлопнул её по плечу, и Селена едва не пролила свой напиток.

Она сидела на полу, привалившись спиной к холодному металлу койки. Алкоголь уже начал действовать, разливаясь по венам тяжёлым, ленивым теплом. Смех друзей, их грубоватые подначки, запах пота и дешёвого спирта — всё это было таким... настоящим. Живым. В этой каюте, за закрытой дверью, они не были единицами Хозяйки. Они были стаей. M-10 сидел напротив, его взгляд подёрнулся хмельной поволокой, но он не сводил с неё глаз.

— Знаешь... — он протянул ей стакан, его пальцы на секунду коснулись её руки. — Когда ты там... с ним стояла. Мы все думали, что это конец. Но ты вывезла. Ты и эта его бешеная подпитка.

— Мы просто делали свою работу, — Селена отпила обжигающую жидкость, чувствуя, как немеет язык.

— Работа — это когда ты стреляешь в аномалию, — влез R-5, закидывая ноги на стол. — А то, что устроили вы — это уже религия какая-то. Я видел, как он на тебя смотрел, когда вы вышли. Будто от тебя зависело само существование Лабиринта.

В каюте стало тише. Все взгляды скрестились на Селене. Воздух стал тяжёлым от невысказанных вопросов. Градус алкоголя развязал языки, и та завеса тайны, которую Кайл так тщательно выстраивал, начала истончаться.

— Расскажи нам, M-4... — Буйвол наклонился вперёд, его лицо было совсем близко. — Каково это? Чувствовать его силу внутри себя? Говорят, Высшие резонируют так, что мозги плавятся.

Девушка замерла со стаканом у губ. Она чувствовала, как внутри неё всё встрепенулось, откликаясь на само упоминание о Кайле. В этой прокуренной каюте, среди пьяных друзей, она вдруг остро ощутила контраст между этой грубой, честной теплотой парней и тем обжигающим, опасным пламенем, которое предлагал ей он.

— Это... больно, — честно ответила она, и её голос прозвучал неожиданно хрипло. — Но без этого мы бы не выжили.

M-10 резко допил свой стакан и с грохотом поставил его на металлический пол.

— Хватит об этом, — отрезал он. — Сегодня мы празднуем её возвращение, а не обсуждаем методы Командира. Наливай, R-5!

Вечеринка покатилась дальше, шумнее и бесшабашнее. Кто-то запел старую песню из нижних Секторов, потом начали спорить о модификациях излучателей. Селена смеялась вместе со всеми, чувствуя себя частью этого хаоса, но в глубине души она знала: этот спирт не зальёт память о белых перчатках Кайла и о том, как он выжигал на её коже своё присутствие всего несколько дней назад. Она была здесь, с ними, но её резонанс всё ещё искал ту единственную частоту, которая «звала» девушку из закрытого жилого блока.

Градус в каюте R-5 неумолимо рос. «Технарь» делал своё дело: движения парней стали размашистыми, голоса — громче, а шутки — всё более рискованными. Воздух застоялся, пропитавшись запахом спирта и нагретого металла, создавая ту самую атмосферу подпольного братства, где уставные нашивки значат меньше, чем пустой стакан сослуживца.

— А помните, как она в первый день зашла в столовую? — Буйвол хохотнул, едва не опрокинув бутыль. — Выглядела, как потерянный котёнок, а теперь... — он обвёл рукой присутствующих. — Теперь она нас в узлы завязывает на матах!

— За это надо выпить! — взревел R-5, разливая остатки мутной жидкости.

Селена чувствовала, как по телу разливается тяжёлая, вязкая расслабленность. Смех друзей вибрировал где-то в груди, вытесняя холодные расчёты и страх перед Хозяйкой. Она прислонилась головой к стене, чувствуя, как мир вокруг слегка покачивается в такт их нестройному хору. М-10, сидевший рядом на кровати, вдруг наклонился к ней. Его плечо прижалось к её плечу — горячее, живое, пахнущее порохом и чем-то родным из их общего Сектора «М».

— Ты только... не меняйся совсем, ладно? — прошептал он ей в самое ухо, перекрывая гогот Буйвола. — Оставайся хоть немного той девчонкой, которой пришла к нам. Так... будет проще верить, что мы все здесь ещё люди.

Селена повернула к нему лицо. В полумраке его глаза казались тёмными провалами. Она хотела что-то ответить, пообещать, что никогда не станет ледяной копией Кайла, но слова вязли на языке.

— Я постараюсь, — выдохнула она, а в следующую секунду резкий, пронзительный писк дверного звонка разрезал пьяный угар каюты.

Все замерли. Глубокой ночью в жилом блоке такие звуки не предвещали ничего хорошего, а отменная звукоизоляция кают обычно гарантировала, что «праздник» останется тайной. Буйвол, пошатываясь, поднялся, чтобы глянуть на панель домофона, но тут же замер, глухо выругавшись сквозь зубы. Дверь медленно, почти бесшумно отъехала в сторону, и в проёме, залитом холодным светом коридора, показался Главнокомандующий. Атмосфера в комнате мгновенно стала удушающей. Запах дешёвого спирта и табачного дыма в присутствии безупречно одетого Командира казался теперь почти осязаемым преступлением. Его высокая фигура в чёрном мундире заполнила дверной проём, отсекая путь к бегству. Его взгляд, тяжёлый и колючий, медленно прошёлся по пьяным лицам оперативников, задерживаясь на каждом на долю секунды дольше положенного, заставляя парней чувствовать себя провинившимися кадетами. Но когда он перевёл глаза на Селену, сидевшую на кровати с наполовину пустым стаканом, в его рубиновом взоре вспыхнуло нечто по-настоящему пугающее.

— Мы вели себя прилично, Командир, честно-честно! — выдавил R-5, чья пьяная улыбка выглядела жалко под этим прессом авторитета.

Но обстановка говорила сама за себя. Кайл проигнорировал его, как досадный шум. Он смотрел только на неё. Селена чувствовала, как внутри всё сжимается, мгновенно выветривая остатки хмеля. Он стоял неподвижно, и только едва заметное движение желваков выдавало его внутреннее состояние.

— Полагаю... — выдавила она, стараясь не выглядеть слишком встревоженной. — Лучше было сказать...

Эти несколько слов обрушились на парней как смертный приговор. В каюте повисла такая тишина, что было слышно, как гудит охладитель. «Она не предупредила его?» — эта мысль пульсировала в голове у каждого. Если Селена — «его пара» — не получила разрешения на этот вечер, значит, они все коллективно подставили Высшего под удар. Буйвол первым не выдержал этого ледяного давления и почти рухнул на колени, лишившись сил от осознания масштаба проблемы.

— Простите, Командир. Мы не подумали... — пробормотал он, глядя в пол.

— Может быть, если бы это была санкционированная вечеринка, — голос Кайла загремел, заполняя тесное пространство каюты и заставляя стаканы на столе мелко дрожать. — Я бы был более снисходительным. Но раз вы провинились... Значит, отработаете!

— Есть, сэр! — хором отозвались парни, не смея даже головы поднять. Хмель выветрился окончательно, оставив после себя только липкий страх и понимание, что завтрашняя «отработка» заставит их проклясть тот день, когда они решили открыть этот бутыль.

— Я её забираю, — отрезал Кайл.

Его голос был сухим, а взгляд настолько колючим, что Селена невольно вздрогнула. Она знала: если бы дело было в обычном нарушении дисциплины, она бы просто пахала на полосе

препятствий вместе с остальными. Но гнев Кайла был иного рода — глубокий, личный, горящий тихим рубиновым пламенем. Девушка медленно встала, чувствуя себя виноватой перед ребятами. Она видела их поникшие плечи и знала, что Глава выжмет из них все соки за этот вечер.

— Увидимся на отработке... — едва слышно сказала она, оглянувшись на напарников у самого порога.

Дверь за ними щёлкнула, отсекая их от жилого блока. В каюте R-5 прозвучала только одна, полная безнадёжности фраза: «Нам конец...»

Селена едва заметно пошатывалась, когда выходила из комнаты. В голове всё плыло, и она никак не могла разобрать, виной ли тому палёный «Технар» или тяжёлый, парализующий взгляд начальника, который буквально пригвождал её к месту. Она медленно обернулась к нему, пытаясь изобразить на лице хоть подобие привычной дерзости, и выдавила кривую улыбку.

— У меня будет шанс оправдаться? — спросила она осторожно, стараясь, чтобы язык не заплетался.

— Нет. — отрезал Кайл.

И прежде, чем она успела моргнуть, он сделал стремительный шаг вперёд и одним чётким, отработанным движением закинул девушку себе на плечо, как свёрток с амуницией. Селена вскрикнула от неожиданности, но в тот же миг в ужасе зажала рот ладонями, осознав, где они находятся.

— Ты что делаешь? — яростно зашептала она ему в спину, колотя кулаками по жёсткому наплечнику мундира. — Пусти сейчас же! Это нарушение всех протоколов!

— Ты на ногах еле стоишь, — сухо бросил он, даже не сбив дыхания. Его шаг был широким и уверенным, гулкие удары сапог о металл разносились по пустому ночному коридору.

— Неправда! — она продолжала бессильно хлопать его по спине, чувствуя, как кровь приливает к лицу — то ли от положения вниз головой, то ли от жгучего стыда. — Это же нелепо! А если кто-то увидит?

— Продолжай сопротивляться, — процедил Кайл, сворачивая в сторону офицерского блока, — и кто-то обязательно это увидит. Уж я-то постараюсь.

Девушка мгновенно замерла, обмякнув на его плече. В душе бушевал пожар: жгучая вина перед парнями, которых она подставила, смешивалась с диким смятением от его близости. Она чувствовала мощь его плеча, ритмичное движение мышц и запах озона, который всегда исходил от него, когда он был на взводе. Кайл нёс её уверенно, игнорируя камеры, которые, она знала, сейчас фиксировали каждый шаг. Он не просто наказывал её — он забирал своё, демонстрируя всему Лабиринту, что М-4 принадлежит ему, и никакие посиделки с «Технарём» этого не изменят. Когда двери его личных покоев с шипением разошлись и закрылись за ними, отсекая остальной мир, Селена поняла: «разговор о субординации» обещает быть самым жарким в её жизни.

Кайл сбросил её на широкий диван в центре комнаты не слишком церемонно, но достаточно аккуратно, чтобы она не ударилась. Селена тут же попыталась вскочить, но мир перед глазами совершил коварный кульбит, и она рухнула обратно на подушки, тяжело дыша и глядя на него снизу вверх. Мужчина не спешил. Он медленно снял китель, бросив его на кресло, и остался в одной чёрной майке, которая обтягивала его мощные плечи. В тусклом свете комнаты его татуировки на руках казались живыми змеями. Он подошёл к дивану и навис над ней, упираясь руками в спинку и подлокотник.

— «Технар», Селена? — его голос вибрировал от сдерживаемой ярости, но теперь в нём отчётливо слышалась горечь. — Я три дня вытаскивал тебя из комы, а ты идёшь и заливаешь в себя очиститель для труб в компании парней, которые... которые смотрят на тебя так, будто имеют на это право.

— Они мои друзья! — вспыхнула она, чувствуя, как хмель придаёт ей ненужной храбрости. — С ними я могу смеяться, не оглядываясь на датчики! И ты не запрёшь меня в этой клетке!

— Клетке? — он опасно прищурился, и его лицо оказалось в нескольких сантиметрах от её. — Я спасаю твою шкуру, пока ты пытаешься её пропить. Могла хотя бы сообщить о вашей встрече... — он осёкся, желваки на его скулах заходили ходуном. — Не понимаешь, как я переживал? Ты не имеешь права так рисковать собой. Ты принадлежишь этому Сектору. Ты принадлежишь...

Он замолчал, не закончив фразу, но Селена видела, как расширились его зрачки. Весь его холодный расчёт офицера разбился о примитивную, человеческую ревность.

— Кому, Кайл? Тебе? — она дерзко вскинула подбородок, хотя сердце колотилось о рёбра, как безумное. — Скажи это! Скажи, что ты бесишься не из-за устава, а из-за того, что я была там, без твоего «присмотра»!

Мужчина молчал долго, глядя ей прямо в глаза. Его плечи тяжело вздымались от глубокого дыхания, а в полумраке каюты сапфировый блеск её глаз сталкивался с рубиновым жаром его взгляда. Воздух между ними, казалось, можно было резать ножом. Внезапно он громко выдохнул, пытаясь собрать мысли в порядок и обуздать ту бурю, что бушевала внутри. Кайл медленно протянул руку и коснулся её горячей щеки. Его пальцы были прохладными, почти ледяными, и от этого резкого контраста Селена невольно вздрогнула, вжимаясь в подушки дивана.

— Да, — выдохнул он, и этот неожиданный шёпот стал страшнее любого крика, пробирая до самых костей. — Я бешусь. Потому что каждый раз, когда ты не в поле моего зрения, я начинаю думать о худшем...

Он подался ещё ближе, так что она чувствовала кожей жар, исходящий от его тела. Его голос дрожал от сдерживаемого напряжения.

— Поставь себя на моё место, Селена. Ты ничего не сказала и пошла на пьянку с какими-то парнями. А если бы я случайно не увидел это на камерах, ты бы так до утра с ними просидела? — Он сделал паузу, и его пальцы на её щеке чуть напряглись. — А что, если бы М-10 решил действовать, пока меня нет рядом? Пока ты одурманена этой отравой и не можешь за себя постоять?

Селена хотела возразить, сказать, что М-10 никогда бы так не поступил, но слова застряли в горле. Она видела, как ходят ходуном его желваки, как побелели костяшки второй руки, упёртой в диван. Слишком много было этих «А если бы...» в его голове — три сотни лет страха, умноженные на её нынешнюю беспечность.

— Ты хоть понимаешь, что ты для меня значишь? — почти неслышно добавил он, и в этом вопросе было столько измученной искренности, что у Селены защемило в глазах.

Его руки заметно дрожали. Эта идеальная машина для убийства, Высший надзиратель, сейчас выглядел, как человек, который только что едва не потерял всё, ради чего дышал. Его гнев не был направлен на неё — он был направлен на его собственное бессилие защитить её от мира, который он сам же и возглавлял. Девушка смотрела на него, и хмель окончательно выветрился, оставив лишь горькое осознание: она действительно ударила его в самое больное место — в его потребность контролировать её безопасность. Она видела его страх, и этот страх был самым честным признанием в любви, которое она когда-либо слышала в Лабиринте. Девушка медленно подняла руку и накрыла его ладонь, которая всё ещё покоилась на её щеке. Её пальцы, в отличие от его, были горячими, почти лихорадочными.

— Прости... — прошептала она, и это слово, такое редкое в стенах «Резонанса», повисло в воздухе, меняя всё. — Я не думала... что это так сильно тебя заденет.

Кайл не убрал руку. Напротив, он чуть сильнее прижался ладонью к её лицу, словно пытаясь убедиться, что она здесь, целая и невредимая. Его дыхание понемногу выравнивалось,

но в глазах всё ещё плескалась та самая тёмная, глубокая тревога. Мужчина подался вперёд, сокращая дистанцию до опасного минимума. Он буквально сверлил её взглядом, и Селена чувствовала, как под её ладонями, упёртыми в его грудь, напряглись мышцы, превращаясь в литой камень. Она замерла, не понимая, чего ожидать от этой внезапной вспышки холодного, контролируемого гнева.

— Может, ты и талантлива... — голос Кайла зазвенел сталью, отсекая любые пути к оправданию. — Но ты, Селена, всё ещё девушка.

Он напирал, неумолимо вжимая её в мягкие подушки дивана, и она чувствовала мощь его тела каждой клеткой своего существа. Сопротивление казалось бессмысленным — он был слишком огромным, слишком сильным.

— И, похоже, в команде с этими «псами»... ты стала об этом забывать, — процедил он, и в его глазах вспыхнул опасный огонь.

Кайл сделал резкий упор, подавшись ещё ниже. Локти Селены подогнулись, не выдержав натиска, и она окончательно привалилась к сиденью дивана, оказавшись в ловушке под ним. Жестокая правда обрушилась на неё вместе с его близостью.

— Что бы ты сделала, окажись они не такими хорошими друзьями, какими ты их считаешь? — его голос, вибрирующий низким басом у самого её уха, заставил её вздрогнуть. — Если бы этот «Технар» ударил в голову сильнее? Если бы инстинкты этих «псов» взяли верх над уставом?

Он перехватил её запястья, прижимая их к подушкам по обе стороны от её головы. Его дыхание обжигало шею, а близость была такой сокрушительной, что в голове окончательно помутилось.

— Ты слишком доверчива для этого ада, — прошептал он, и в этом шёпоте была почти звериная ярость. — Ты правда думаешь, что они видят в тебе только напарника?

Селена судорожно выдохнула, глядя в его потемневшие глаза. Она видела в них не тирана, а человека, который отчаянно пытался вбить в неё единственный урок, который помог ему выжить: здесь нет безопасности. Кайл медленно потянул её руки вверх, над головой, фиксируя оба запястья одной своей ладонью — легко, но с той пугающей надёжностью, которая не оставляла шансов на рывок. Второй рукой он вновь прикоснулся к её щеке, и Селена почувствовала, как окончательно проваливается в мягкость дивана под его тяжёлым, горячим весом. Это давление прошибало насквозь, лишая возможности даже для вдоха.

Мужчина молчал, но его взгляд был острее любого скальпеля. Он не просто смотрел — он изучал её, словно заново переписывая код её существования. Прохладные пальцы медленно скользнули от скулы к шее, замирая на пульсирующей вене, и по телу Селены мгновенно прокатилась волна колючих мурашек. Она видела, как его глаза неотрывно следят за каждым движением его собственной руки, фиксируя малейшую реакцию её кожи. Рука Кайла двинулась дальше. Медленно, почти мучительно, он вёл пальцами по изгибу её локтя к лопатке, спускаясь ниже к рёбрам. Селена затаила дыхание, чувствуя, как ткань личной одежды натягивается под его нажимом. Когда его пальцы наконец властно сжались на её талии, девушка невольно вздрогнула, издав тихий, сдавленный звук.

— Ты видишь? — прошептал он, и его голос, вибрирующий у самой её шеи, заставил её сердце пропустить удар. — Один неверный шаг, одна лишняя порция этой отравы — и ты теряешь контроль над тем, кто прикасается к тебе. Ты доверяешь им свою спину в бою, но ты не можешь доверять им свою слабость.

Он чуть сильнее сжал руку на её талии, притягивая её тело ближе к своему, насколько позволяло положение, пока Селена боролась с мыслью, что даже не пытается сопротивляться этому напору. Его напору.

— Лабиринт не прощает мягкости, — его взгляд снова метнулся к её губам, а затем впился в сапфиры глаз. — Я не хочу, чтобы ты когда-нибудь почувствовала чужие руки так

же, как чувствуешь мои сейчас. Потому что никто в этом Секторе не остановится там, где останавлиюсь я. Ты понимаешь меня?

Селена не могла ответить. В голове всё кружилось, а близость Кайла была настолько всепоглощающей, что реальность за пределами этой комнаты перестала существовать. Она чувствовала его силу, его гнев и ту отчаянную, почти болезненную потребность защитить её даже от самой себя. В этот момент она осознала: он не просто пугал её — он клеймил её, выжигая в её памяти это чувство подчинённости и безопасности одновременно, чтобы ни один другой мужчина в этом мире больше не смог подойти к ней незамеченным.

Кайл хотел, чтобы этот момент выжегся в её памяти глубже, чем любая системная установка. Его рука, всё ещё властно сжимающая её талию, скользнула ниже, бесцеремонно нарушая границы уставной личной одежды. Край её тонкой майки подался вверх, открывая полоску обнажённой кожи, и когда его холодные пальцы соприкоснулись с её телом, Селена вздрогнула всем существом. Сейчас, без слоёв брони, без опостылевших белых перчаток и жёсткой ткани мундиров, они были оголены друг перед другом в своей пугающей человечности. Девушка на мгновение зажмурилась, до боли прикусив губу, пытаясь сдержать рвущийся наружу вдох. Её ресницы мелко дрожали, как крылья пойманной птицы. Она не знала, как реагировать на этого мужчину, который сейчас обладал над ней абсолютной, почти божественной властью.

Его пальцы медленно, с мучительной неторопливостью скользнули вверх по рёбрам, жадно впиваясь в её плоть, словно он пытался запомнить каждый изгиб, каждую линию её тела. Селена ощущала на своём лице его прерывистое, горячее дыхание.

— Открой глаза... — прозвучало над самым ухом, заставляя её вздрогнуть от вибрации его голоса.

Девушка робко подчинилась, медленно поднимая веки. Он был так близко, что весь мир за пределами их двоих перестал существовать — перед ней был только его острый, обжигающий взгляд, в котором смешались ярость, ревность и невыносимое влечение. Кайл медленно перевёл взор на её прикушенную губу, затем снова впился в её глаза, сокращая расстояние миллиметр за миллиметром. Он не поцеловал её сразу. Вместо этого он скользнул щекой вдоль её щеки, соприкасаясь кожей, делясь своим жаром. Его губы коснулись чувствительной кожи на шее, и Селена непроизвольно сжалась, выгибаясь навстречу этому прикосновению. Внутри всё горело и плавилось, кровь выла от перенапряжения, но это была не боль — это был резонанс такого уровня, который Лабиринт ещё не фиксировал. Она чувствовала, как его рука на рёбрах напряглась, удерживая её на грани между страхом и наслаждением. Кайл клеймил её, вытравливая из её памяти запах «Технаря» и смех напарников, заменяя их собой, своим запахом озона и своей неистовой, тёмной страстью. В этот момент она поняла: он не просто наказывал её за беспечность — он показывал ей, что огненные её тело и её душа принадлежат только этому монстру, который единственный в мире знал, как заставить её чувствовать себя по-настоящему живой.

Наконец он разжал пальцы, освобождая её запястья, и Селена, вместо того чтобы оттолкнуть его, сама инстинктивно вскинула руки, крепко цепляясь за его плечи. Её ладони наткнулись на пережатые напряжённых мышц под тонкой майкой, и это ощущение окончательно выбило почву из-под ног. Кайл перехватил её поудобнее, притираясь своим телом к её, но всё ещё возвышаясь над ней в этой властной, доминирующей позе. Одной рукой он бережно, но собственнически откинул мешающие пряди её длинных волос с шеи, открывая доступ к нежной коже. Его поцелуи — рваные, горячие и требовательные — начали свой медленный спуск от изгиба челюсти к плечу, задерживаясь на каждой ложбинке.

Селена чувствовала, как под его губами расцветает нестерпимый жар. Когда он коснулся губами ключицы, девушка непроизвольно выгнулась, впиваясь пальцами в его плечи, пытаясь то ли притянуть его ещё ближе, то ли удержаться в этой реальности, которая стремительно распадалась на искры. Её дыхание стало нервным, прерывистым, а тело мелко вибрировало,

откликаясь на каждое движение его губ и рук. В этой комнате, лишённой надзора Хозяйки, их резонанс больше не был боевым инструментом. Он превратился в первобытный гул, связывающий их на уровне крови и нервных окончаний. Кайл выжигал в ней память о сегодняшнем вечере, заменяя её собой — своим запахом, своим весом, своей неистовой потребностью обладать ею без остатка.

— Помни... — прохрипел он ей в кожу плеча, и его зубы на мгновение остро прихватили её плоть, оставляя невидимое, но осязаемое клеймо. — Больше никакого «Технаря». Никаких «псов» из отряда. Только этот ритм. Мой ритм.

Селена лишь судорожно выдохнула, запрокидывая голову. Она была побеждена, и это поражение было самым желанным в её 842-й итерации. Все споры о субординации, все опасения М-10 и интриги Сектора сейчас казались бесконечно далёкими и мелкими по сравнению с этим мужчиной, который в своей яростной нежности был готов уничтожить саму суть Лабиринта, лишь бы она принадлежала только ему. Она чувствовала, как его рука на её талии сжимается ещё крепче, лишая последних капель кислорода и воли к сопротивлению.

— Я сдаюсь... — наконец выдавила она из себя.

Кайл замер, его лоб упёрся в её плечо, и Селена чувствовала, как тяжело и неровно колотится его сердце. В комнате повисла тяжёлая, наэлектризованная тишина, в которой слышалось только их сбивчивое дыхание. Он медленно поднял голову, и в его глазах, обычно холодных и расчётливых, сейчас полыхал первобытный, неуправляемый пожар. Его ладонь, всё ещё лежавшая на её талии под краем майки, невольно сжалась, сминая кожу. Селена смотрела на него, широко распахнув глаза, её губы были припухшими, а в голове всё ещё стоял гул от запредельного резонанса.

— Ты... — выдохнула она, и её голос сорвался. — Ты сошёл с ума.

— Возможно, — прохрипел он, не сводя взгляда с её лица. Его рука медленно скользнула вверх, по рёбрам, заставляя её снова вздрогнуть. — Но я предупреждал тебя. Я не умею делиться. И я не умею проигрывать.

Он поправил край её майки, скрывая обнажённую кожу, и этот жест — собственнический и одновременно заботливый — окончательно лишил её остатков воли. Мужчина резко выпрямился, усаживаясь перед ней. Селена чувствовала себя абсолютно незащищённой в этом растрёпанном виде, с пылающим лицом и сбитым дыханием, в то время как Кайл, несмотря на бурю внутри, мгновенно начал возвращать себе маску контроля.

— Приведи себя в порядок в моей ванной, — приказал он, и его голос снова стал свинцовым. — Я не хочу, чтобы М-10 или кто-то ещё увидел на твоей шее то, что я там оставил.

Селена на неслушающих ногах поднялась с дивана. В голове всё ещё шумело от алкоголя и его близости, но страх перед тем, что их выдадут эти отметины, быстро привёл её в чувство. Она сделала шаг к двери ванной, но обернулась. Кайл сидел на краю дивана, сцепив руки в замок и глядя в пол. Он выглядел, как человек, который только что едва не сорвался в пропасть и теперь пытается осознать, как ему удалось устоять.

— Завтра... — начала она, но он перебил её, не поднимая глаз.

— Завтра в пять утра на полигоне. С М-10 и остальными. Я буду смотреть на каждый ваш вдох.

Она скрылась за дверью, и когда на неё обрушились струи холодной воды, смывая запах «Технаря» и жар его рук, она поняла: их игра в «идеальную пару» закончилась сегодня на этом диване. Теперь это была война. И самым страшным врагом в этой войне для неё был не Лабиринт, а этот мужчина, который только что показал ей, что за его ледяным спокойствием скрывается бездна, готовая поглотить её целиком. Селена стояла под ледяными струями душа, прижавшись лбом к кафельной плитке. Холодная вода остужала кожу, но не могла унять пульсацию в тех местах, где его пальцы впивались в её тело. Она видела в зеркале отчётливые следы

на ключицах и плечах — клейма, которые он оставил с такой жадной, почти яростной нежностью.

Когда она вышла из ванной, Кайл всё ещё сидел на диване, и в этом полумраке его фигура казалась монументальной и зловещей.

— Ты закончила? — спросил он, не оборачиваясь. Голос снова стал ровным, командирским, но Селена слышала в нём опасную вибрацию.

— Да, — коротко ответила она, стараясь не смотреть в сторону дивана, где ещё десять минут назад она задыхалась под его весом.

— Иди к себе. Используй технический лифт, там нет патрулей в это время, — он сделал паузу и добавил. — Не злоупотребляй больше моим терпением.

Селена направилась к двери, но на самом пороге замерла.

— Кайл... — она обернулась, и её взгляд встретился с его рубиновыми глазами. — Завтра на полигоне... Ты действительно будешь гонять их до седьмого пота из-за этой бутылки?

Мужчина медленно поднялся, и его тень накрыла проход в комнату.

— Нет, Селена. Не из-за бутылки. А из-за того, что они позволили себе забыть, кто ты такая. И из-за того, что ты позволила им это сделать. Завтра я выставлю им цену этой ошибки. И тебе тоже. — Он сделал шаг вперёд, и девушка невольно сжала пальцы на дверной ручке. — А теперь уходи, пока я не передумал и не оставил тебя здесь до утра, чтобы окончательно закрепить урок.

Она выскользнула за дверь, и та с тихим шипением отсекла её от его мира. Коридор встретил её стерильной тишиной и мертвенным светом ламп. Селена шла к лифту, чувствуя, как внутри всё дрожит от смеси страха и дикого, необъяснимого восторга. Она знала: завтра на полигоне будет ад. Кайл будет беспощаден. Он будет ломать парней заставляя их ненавидеть себя и его. Но она также знала, что под его ледяным взглядом, направленным на неё через прицел системы наблюдения, она будет чувствовать не угрозу, а то самое обжигающее тепло его губ на своей шее.

Добравшись до своей каюты, она упала на кровать, не раздеваясь. Сна не было. В голове крутились его слова: *«Смотри так только на меня»*. Теперь она понимала — это был не просто приказ. Это была присяга, которую он принёс ей, и которую он заставит её соблюдать, чего бы это ни стоило им обоим. Впереди было пять утра, холодный бетон полигона и начало самой опасной главы в их истории. Она была его Архитектором, его оружием и, как оказалось, его единственной слабостью. И завтра она должна будет доказать, что достойна этой ноши.

Пять утра на полигоне Сектора «R» встретили группу ледяным туманом из систем охлаждения и тяжёлым, лязгающим безмолвием. Кайл стоял на возвышении, неподвижный, как изваяние из чёрного гранита. Его боевая стойка, скрытая обтягивающим тренировочным костюмом, не сулила ничего хорошего.

— Полная выкладка! — рявкнул он, и этот звук отразился от бетонных стен, как выстрел. — Полоса препятствий с переменной гравитацией. Десять кругов. Время пошло!

Группа сорвалась с места. Официально никто в Секторе не знал, за что именно Высший надзиратель решил устроить этот внеплановый ад. В рапортах значилось сухое: *«Внезапная проверка боеготовности»*. Но все — от техников до дежурных патрульных — чувствовали: проступок был тяжёлым. Лица парней были серыми, челюсти сжаты, а движения — лихорадочно-точными. Селена бежала в общем строю. Кайл не сделал ей ни единой поправки. Каждый раз, когда она проходила мимо него, он добавлял веса на её гравитационный ранец, как и остальным.

— Быстрее, М-4! — его голос гремел над полигоном. — Если ты не можешь держать темп в учебке, при разломе ты станешь балластом!

Свидетели — другие группы, собиравшиеся на пересменку, — заворожённо перешёптывались, привалившись к ограждениям.

— Ты посмотри на него... Даже своей пассивности спуску не даёт.

— Жёстко. Говорят, они там в каютах что-то не поделили.

— Да какое «не поделили»? Видишь, как гоняет?

В этих шепотках смешивались и искреннее сожаление, и глубокое уважение к Селене. Она не жаловалась. Она преодолевала барьеры, карабкалась по скользким стенам и прыгала в бездну имитаторов, когда лёгкие уже разрывались от нехватки воздуха. Каждый раз, когда она ловила на себе его холодный, пронзительный взгляд, внутри вспыхивало воспоминание о его руках на её талии и шёпоте *«Смотри так только на меня»*. Это была их тайная связь, замаскированная под жестокую муштру. Кайл выжимал из парней остатки алкоголя и гордости, заставляя их ненавидеть саму мысль о нарушении дисциплины. А Селену он закалял, выжигая физической болью остатки вчерашнего смятения.

М-10 бежал рядом, его дыхание было хриплым, а взгляд — прикованным к пяткам Селены. Он видел, что ей тяжелее всех, видел, как дрожат её руки на перекладинах, но видел и то, что она не ищет помощи у Кайла. Это заставляло его стискивать зубы и бежать дальше. Когда восьмой круг подошёл к концу, R-5 едва не рухнул на повороте, но Командир лишь сухо бросил:

— Встать! У нас ещё два круга и отработка ментальных щитов.

Полигон превратился в чистилище. В глазах свидетелей Кайл оставался безупречным, неподкупным лидером, для которого устав был превыше чувств. И только Селена, ловя микровибрации его резонанса, знала: за этой жестокостью скрывается его способ сказать ей, что он никогда не позволит ей быть слабой. Потому что слабость в этом мире означала смерть, а её смерть он больше не мог себе позволить.

Когда десятый круг подошёл к концу, полигон заполнился хриплым, надрывным дыханием. Парни замерли в строю, шатаясь от усталости, их форма потемнела от пота и серой бетонной пыли. Селена стояла в центре, чувствуя, как мелко дрожат её икры, а сердце бьётся о рёбра тяжёлым, болезненным ритмом. Кайл медленно сошёл с возвышения. Его шаги по металлическому настилу звучали, как погребальный звон. Он остановился прямо перед девушкой. В воздухе между ними всё ещё вибрировало эхо вчерашней ночи, но сейчас его лицо было маской из холодного кварца.

— М-4, выйти из строя, — скомандовал он.

Селена сделала шаг вперёд. Её взгляд был прикован к его подбородку — она не смела поднять глаза выше, боясь, что случайные свидетели увидят в её зрачках что-то лишнее.

— Твоё время на полосе — на десять секунд хуже нормы, — произнёс он так, чтобы слышали все. — Либо ты нагоняешь, либо я пересмотрю твоё участие во внешних выходы.

По рядам «зрителей» пронёсся сочувственный шёпот.

— Жест... Десять секунд? Он к ней строже, чем к первогодкам.

— Зато посмотри, как она держится. Другая бы уже в медблок запросилась, а эта стоит, как влитая.

В этих словах сквозило неприкрытое уважение. Селена действительно не шелохнулась. Она чувствовала на себе взгляд М-10 — в нём больше не было той ревности, что сжигала его в столовой. Теперь там было только горькое понимание: Кайл не «присвоил» её, он сделал её частью своего безжалостного механизма, где нет места слабости даже для той, кого он, по слухам, любит.

— Виновата, Командир, — чётко ответила она, наконец вскинув голову.

Их взгляды встретились. Всего на долю секунды рубиновое пламя в его глазах потеплело, признавая её стойкость, но тут же снова застыло льдом.

— Группа! — Кайл развернулся к остальным. — Сорок минут на душ и завтрак. После — теоретический разбор тактики в «F-4».

Парни синхронно выдохнули: «Есть, сэр!» — понимая, что дешево отделались. Отработка была закончена, но урок был усвоен всеми присутствующими: Кайл не даст спуску никому, и Селена — не исключение.

Когда строй начал расходиться, девушка медленно пошла к выходу. Она чувствовала, как под воротником спортивной формы горит кожа там, где Кайл вчера оставил свой след. Физическая боль от тренировки странным образом приглушила ту бурю эмоций, что не давала ей спать. Она была в строю. Она была сталью. И она знала, что за этой публичной поркой Кайл скрыл самое главное — он показал всем, что она неприкосновенна не из-за его чувств, а из-за того, что она — лучший боец, которого этот Сектор когда-либо видел. Она заслужила это право кровью и потом, и теперь никто не посмеет назвать её «куклой Командира».

Селена шла чуть впереди, чувствуя, как мышцы наливаются свинцом, а форма прилипла к коже. Ей было невыносимо стыдно перед ребятами: их трясущиеся руки и прерывистое дыхание были прямым следствием её вчерашней минутной слабости.

— Простите, парни... — виновато бросила она через плечо, когда они вошли в прохладный коридор, ведущий к раздевалкам. — Я напортила. Подставила вас под раздачу.

— Это ещё мягко сказано! — проворчал R-5, вытирая пот со лба ладонью. — У меня до сих пор перед глазами круги от гравитационных ловушек. Чтоб я ещё хоть раз тебе поверил, что «*всё схвачено*» и «*Командир не узнает*»... Да он будто за дверью стоял!

— Да брось, нагоняй лишним не бывает, — неожиданно добродушно отозвался Буйвол. Он вымученно улыбнулся, хлопая R-5 по плечу. — Зато протрезвели все разом. Заметили, как он на M-4 наседа! Клянусь, я думал, он её прямо там, на полосе, в бетон закатает за эти несчастные десять секунд.

— Вот именно, — подал голос M-10. Он шёл последним, и его тон был странно спокойным. — Если он так гоняет свою... — парень запнулся на мгновение, — своего лучшего напарника, то нам грех жаловаться. Он просто держит нас в тонусе.

Селена мельком взглянула на него. В его словах больше не было яда, только признание факта. Он видел, что Кайл не сделал для неё исключения, и это, кажется, окончательно примирило его с реальностью.

— Всё равно... — Селена остановилась у двери женской раздевалки. — С меня дополнительные пайки на неделю. Отработаю.

— Ловим на слове! — хохотнул Буйвол.

Она зашла внутрь, и как только дверь закрылась, бессильно прислонилась к ней спиной. Тело ныло, но на душе стало легче. Напарники не отвернулись, они приняли этот удар вместе с ней. Кайл вылечил их похмелье самой радикальной терапией, и теперь, когда физическая боль заглушила обиды, они снова были единым организмом.

Теоретический разбор тактики в «F-4» проходил в малом зале брифинга. Воздух здесь был сухим и прохладным, резко контрастируя с распаренными телами бойцов после душа. Группа сидела по стойке «смирно», их лица застыли в масках предельной концентрации — урок утренней муштры усвоили все. Командир стоял перед голографической картой Сектора. Синее мерцание лазеров подчёркивало резкие тени на его лице. Он выглядел так, будто и не было бессонной ночи и яростного конвоирования Селены в свои покои. Безупречен. Смертоносен.

— Сектор «F-4» — это не просто склад памяти, — его голос ровно вибрировал в тишине. — Это живой архив. Каждая капсула защищена персональным кодом доступа и системой нейронного отклика. Ошибка в частоте — и Система сожжёт мозг носителя раньше, чем он успеет осознать провал.

Он вывел на экран схему Центрального узла.

— Группа 1 обеспечивает внешний периметр и отвлекает внимание автоматизированных стражей. М-10, Буйвол — на вас контроль входов. R-5, будешь на подхвате.

М-10 коротко кивнул. Его взгляд был сосредоточен на карте, он больше не искал глазами Селену, полностью уйдя в режим боевой задачи.

— М-4 пойдёт со мной к Ядру, — Кайл наконец перевёл взгляд на девушку.

В зале повисла тяжёлая пауза. Напарники знали, что это означает максимальную близость и риск необратимых последствий. Но после утренней порки никто не посмел даже усмехнуться. Напротив, в глазах парней читалось мрачное понимание: это самоубийственное задание, и только эта сумасшедшая пара может его вытянуть.

— Вопросы? — Кайл обвёл взглядом присутствующих.

— Какое окно для отхода, Командир? — хрипло спросил Буйвол.

— Две минуты сорок секунд. После этого системы безопасности «F-4» иницируют протокол полной очистки Сектора. Кто не успеет к portalу — останется там навсегда в виде цифрового мусора.

Разбор закончился быстро. Кайл отпустил группу, но жестом приказал Селене остаться. Когда дверь за парнями закрылась, мужчина медленно подошёл к ней. Он не сокращал дистанцию, как вчера, но его присутствие всё равно заполняло всё пространство вокруг.

— Ты готова? — спросил он тихо, и в этом вопросе не было командирского тона. Только тревога. — Твой резонанс после утренней нагрузки всё ещё фонит усталостью.

— Я справлюсь, — Селена выпрямилась, глядя ему прямо в глаза. — Ты сам сказал: я сталь. А сталь не устаёт.

— Хорошо, — он едва заметно кивнул, и на мгновение в его глазах промелькнула гордость. — Иди отдыхай. На этот раз — действительно отдыхай.

Селена вышла из зала, чувствуя, как внутри всё сжимается от предвкушения. Завтра они шагнут в самое сердце памяти Системы. Они будут играть в «идеальную пару» перед лицом смерти, и эта роль наконец-то сольётся с их истинными целями. Она шла к своей каюте, и каждый встречный надзиратель невольно уступал ей дорогу — тень Высшего лежала на ней так плотно, что её больше никто не смел называть просто «игрушкой». Она была частью легенды.

Девушка лихорадочно структурировала факты и их план с Кайлом. Зачистка была лишь предлогом, чтобы подключиться к Архиву и попытаться выудить данные. Это было идеальное преступление: Система фиксирует любое её действие, как вмешательство в структуру, однако, зная детали она не будет. Ей плевать, что именно ты делаешь внутри — она лишь беспристрастно фиксирует сам факт активности. Они уже продумали оправдания для задержки операции. Нестандартный резонанс энергии фигурировал в их отчётах постоянно, и в этот раз он станет их главным щитом. Никто не сможет проверить истинную природу этих колебаний, и это создавало идеальное алиби.

Тот факт, что сейчас Селена была «главной звездой» Сектора, играл им на руку. В глазах обычных оперативников их сокращённая группа в «F-4» выглядела как «мясо», брошенное на произвол судьбы в самое пекло. Никто не удивится, если операция подзадержится из-за «критических перегрузок» или «сопротивления среды». Селена сидела в своей каюте, перепроверя ментальные триггеры. Она знала, что как только Кайл замкнёт на ней контур, у неё будет всего несколько минут, чтобы нырнуть в архивный поток. Он будет принимать на себя все статические удары защиты, пока она, прикрываясь его мощью, будет грабить память Системы.

— Просто зайти и выйти... — прошептала она, глядя на свои ладони.

Она чувствовала, как 10:23 внутри неё откликается на самую мысль о завтрашнем дне. Это была не просто миссия — это был их единственный шанс узнать, до куда дошла 796-я версия, ведь Кайл о ней ничего не знал. Раз она смогла оставить послание в Архиве, возможно, она, или другая итерация, смогла ещё что-нибудь спрятать в структуре Лабиринта. Риск был

запредельным: если Хозяйка почувствует неладное, их сотрут, повинувшись одному её слову. Но после утренней полосы препятствий и вчерашней ночи в его покоях, страх отступил, сменившись холодным, расчётливым азартом. Они были парой, которую Система сама создала для своей защиты, и теперь эта же пара собиралась вскрыть её изнутри.

Она легла на кровать, на этот раз заставляя себя уснуть. Завтра ей понадобится каждая капля концентрации. Впереди был Сектор «F-4», и там, среди миллионов чужих жизней, она должна будет найти свою собственную правду.

Подготовка к выходу в «F-4» проходила в режиме абсолютной, почти ритуальной сосредоточенности. В Арсенале стояла гулкая тишина, нарушаемая лишь сухим щёлканьем магнитных захватов и тихим шипением заправляемых энергоблоков. Группа 1 двигалась синхронно, как единый организм, отточенными движениями проверяя каждый стык брони. Селена затягивала ремни тактического жилета, чувствуя, как частота внутри неё отзывается на близость портала лёгким покалыванием в пальцах. Она лихорадочно прокручивала в голове их с Кайлом план. Официальная зачистка и калибровка были идеальным прикрытием: Система зафиксировала её подключение к Ядру, как штатную процедуру, не вникая в детали передаваемых пакетов данных. Оправдание для задержки — «аномальный фон» и «нестандартный резонанс» — уже было вписано в предварительный отчёт. Никто в Секторе не обладал достаточной квалификацией, чтобы опровергнуть эти цифры.

Кайл стоял у стойки с амуницией, его массивная фигура в чёрном парадном доспехе доминировала над пространством. Он не сводил с Селены тяжёлого, проверяющего взгляда.

— М-4, проверка частотного фильтра, — бросил он официально, когда она подошла за своим излучателем.

Она встала перед ним, и на мгновение мир вокруг сузился до блеска его рубиновых глаз. Пока он калибровал её наплечный датчик, Селена чувствовала исходящий от него жар и ту самую стальную уверенность, которая в его покоях лишала её воли.

— Группа 1, готовность! — его голос хлестнул по нервам, заставляя парней вытянуться в струнку. — М-10, Буйвол — замыкающие. Работаем по протоколу «Зеро». Лишних движений не делать, на голос капсул не реагировать. Всё, что вы там увидите — остаётся в архивах Сектора.

М-10 коротко кивнул, его лицо было непроницаемым, как бетон полигона. В глазах оперативников их сокращённая группа выглядела, как смертники, идущие на верную гибель ради стабилизации важнейшего узла Системы. Никто не удивится, если они задержатся там дольше положенного — в подобных случаях выживание само по себе было достижением.

— Входим через тридцать секунд, — скомандовал Р-1-10:23, активируя портал.

Перед ними разверзлась сияющая белизна перехода. Селена крепче сжала рукоять оружия, чувствуя, как холодный расчёт вытесняет остатки сна. Под прицелом сотен камер Хозяйки они шагнули в ослепительный свет, готовые вскрыть сердце Лабиринта.

Сектор «F-4» встретил их тишиной, которая была громче любого взрыва. Здесь не было привычного гула машин — только бесконечный, едва уловимый шелест данных, похожий на шёпот миллионов людей, запертых в стеклянных сотах. Стены цвета коньяка уходили в бесконечность, отражая тусклый свет ламп, а под ногами матово поблёскивал прозрачный композит, под которым пульсировали магистрали нейронных сетей.

— Группа 1, занять позиции. Ни шагу вглубь без моего приказа, — голос Кайла в этой тишине прозвучал, как удар хлыста. — М-10, Буйвол — перекрыть основной шлюз. Любое движение со стороны коридоров — огонь на поражение.

— Есть, Командир, — отозвался Буйвол, и лягз его оружия эхом разнёсся по стерильному залу.

Кайл обернулся к Селене. В этом тёплом мареве его чёрная фигура казалась жуткой тенью. Он не прикоснулся к ней, но его взгляд был тяжёлым, почти осязаемым.

— М-4, к терминалу. Начинаем калибровку, — официально произнёс он для камер, которые сейчас фиксировали каждое их движение.

Они подошли к Ядру. Это была сфера чистого света, внутри которой вихрем вращались мириады искр — те самые воспоминания, которые Система считала нужным сохранить. Селена чувствовала, как резонанс внутри неё взвыл, откликаясь на мощь этого места. Её пальцы задрожали, когда она поднесла их к интерфейсу. План был максимально прост: подключиться к коду под видом стабилизации и найти что-то стоящее — ровно так, как она когда-то уже провернула в Архиве Сектора «N». В этот раз сложность заключалась лишь в одном: на любое вмешательство мгновенно реагировали местные стражи, бездушные и смертоносные алгоритмы защиты.

— R-5! — скомандовал Кайл, и его голос эхом разнёсся по стерильному залу. — Страхуй парней у входа. Держать периметр любой ценой!

— Есть! — отозвался боец, вскидывая тяжёлую винтовку.

— По моей команде всем приготовиться! — Кайл встал за спиной Селены, его массивная фигура закрывала её от части камер, и их собственный резонанс начал нагнетаться, создавая помехи для внешних датчиков.

Как только девушка запустит руки в Систему, активируется защитный рефлекс «Биометрии». Сектор расценит это, как попытку взлома или критический сбой, и тут-то и понадобятся оперативники. Со стороны никто не поймёт, что именно делает девушка внутри Ядра — для штаба это будет выглядеть, как отчаянная попытка Архитектора удержать распадающийся Сектор, пока группа отбивается от «взбесившейся» автоматики.

— На счёт три, — прошептал Кайл ей на ухо, и его рука сжала её плечо, передавая уверенность.

— Раз... — она коснулась светящейся панели, чувствуя холод металла. — Два... — 10:23 внутри неё взвыло, готовясь к прыжку в цифровой ад. — Три!

Пальцы Селены погрузились в световой поток интерфейса. В ту же секунду по всему залу взревела сирена, и из скрытых ниш в стенах начали выдвигаться турели и охранные дроны.

— Огонь! — рявкнул Кайл, вскидывая свой излучатель.

Зал наполнился грохотом выстрелов и свистом лазеров. Парни у входа приняли на себя первый удар стражей, создавая необходимый хаос. Пока в зале бушевал санкционированный бой, Селена, продираясь сквозь колючие каскады защиты, нырнула в самый глубокий слой Архива. Ей нужно было найти ту самую лазейку, которую не заметила Хозяйка, но которую чувствовала её собственная, изломанная память. Время пошло на секунды. Грохот выстрелов в замкнутом пространстве слился в единый пульсирующий гул. М-10 и Буйвол за входом вели плотный огонь, отсекая охранных дронов, которые роем вылетали из вентиляционных шахт. Синие вспышки разрядов освещали стерильные стены, превращая зал в арену хаотичной бойни.

Селена не слышала криков напарников. В ту секунду, когда её пальцы прошли световую завесу интерфейса, реальность для неё свернулась в узкий коридор данных. Энергия в её крови взревела, вступая в контакт с Ядром. Датчики Системы зафиксировали «критическое вмешательство», но Кайл уже накрыл её своим полем, выдавая этот всплеск за попытку стабилизировать взбесившийся Сектор.

— Держу! — прорычал Кайл, вскидывая левую руку со щитом, принимая на себя град лазерных искр от потолочной турели. Его правая рука мёртвой хваткой вцепилась в её плечо, заземляя отдачу. — Быстрее, М-4, нас блокируют!

Она продиралась сквозь ледяные каскады защиты. Это было похоже на плавание в жидком азоте — разум коченел, но она упрямо тянулась к тому самому скрытому сегменту. И вдруг... она нащупала его. Это был не файл. Это была «пустота» внутри кода — идеально

замаскированный баг, который выглядел, как системная ошибка. Но на частоте Селены эта «пустота» начала разворачиваться в структуру.

— Есть... — выдохнула она, и её зрачки расширились, заполняясь белым шумом.

Перед глазами всплыл короткий, зашифрованный пакет данных. Строки кода сложились в знакомые изгибы букв. Это был её почерк. Почерк призрака, которым она была сотни жизней назад: «Z»...

Перед внутренним взором, словно помеха на старой плёнке, всплыл призрачный образ: узкий, затянутый мглой тоннель, который не вёл ни в один из известных Секторов. Засекреченный проход. Путь в «никуда», проложенный кем-то, кто носил её имя за сотни циклов до этого дня. Ей невероятно, почти пугающе повезло, что другие итерации тоже оставляли после себя эти «пустоты», крошечные ментальные каверны в ткани Лабиринта, невидимые для алгоритмов Хозяйки, но кричащие для той, кто умел слушать. Эти следы были хлебными крошками, брошенными в бесконечном безумии. Но время истекало. Чудовищное давление Системы начало сминать щит Кайла, а грохот за спиной стал угрожающе близким — Буйвол сорвался на рык, сдерживая натиск дронов голыми руками и силовым полем.

— Закругляемся, — выдохнула девушка, чувствуя, как из носа начинает сочиться тонкая струйка крови.

Ей нужно было немедленно «замести следы», иначе Система поймёт, что Архив был не просто стабилизирован, а вскрыт изнутри. Сосредоточив остатки воли, Селена перенаправила бушующий поток энергии. Она резко выплеснула свою ментальную силу на «склею» повреждённых сегментов. Для внешнего наблюдателя — и для бесстрастных протоколов Лабиринта — это выглядело, как идеальное исполнение приказа. Разрывы затянулись, сирены захлебнулись на полуслове, а турели, потеряв цель, начали медленно втягиваться в свои гнёзда. Её шатнуло, но тяжёлая рука Кайла подхватила её, не давая упасть.

— Миссия выполнена, — процедила она через силу, отстраняясь от интерфейса.

Гул затихающих турелей ещё вибрировал в воздухе, смешиваясь с тяжёлым дыханием Буйвола и лязгом перезаряжаемых магазинов М-10. В этом стерильном полумраке, пропитанном запахом озона и палёного металла, они были одни — под прицелом тысяч невидимых глаз Системы. Лицо мужчины, бледное, словно высеченное из холодного камня, оставалось непроницаемым для отряда, но в глубине рубиновых глаз на мгновение промелькнуло нечто, что не вписывалось в протоколы «Резонанса» — глухая, яростная тревога. Кайл поднял руку. Его длинные пальцы, все ещё хранившие вибрацию от удерживаемого щита, почти коснулись лица девушки. На фоне её угольно-чёрной кожи алая капля крови под носом выглядела, как трещина на драгоценном обсидиане.

— Ты перенапрялась, М-4, — его голос прозвучал сухо, с той властной хрипотцой, к которой все привыкли считать признаком его деспотичного контроля.

Он медленно, почти ритуально, стёр кровь большим пальцем. Это был жест хозяина, проверяющего сохранность ценного инструмента, но Селена почувствовала, как через это мимолётное касание он снова передаёт ей остатки своей статики, пытаясь унять дрожь в её замёрзшем разуме. Он знал, на какой риск она пошла. Сапфировые глаза Селены встретились с его рубиновым взором. В этом контакте не было слов, только общая константа их обречённости.

— Сектор стабилизирован, Командир, — ответила она, выпрямляя спину и восстанавливая маску идеального бойца. — Побочный эффект резонанса. Ничего критического.

Кайл кивнул и резко отвернулся к отряду, возвращая образу привычную жёсткость.

— Группа, свернуть периметр! — скомандовал он, и его голос эхом отразился от стен архива. — Буйвол, замыкаешь. Возвращаемся в Сектор «R» для отчёта. Движение в темпе.

Он не оглядывался, но Селена чувствовала его присутствие, как физическую опору. Координаты Сектора «Z» жгли её изнутри, требуя расшифровки, но сейчас важнее всего было выйти из-под перекрёстного огня датчиков Хозяйки.

Тяжёлые створки шлюза с шипением разошлись, впуская отряд в стерильный холод «Резонанса». Здесь, в родных стенах, напряжение должно было спастись, но вместо этого оно сгустилось, став почти осязаемым. К Кайлу тут же бросились помощники-адъютанты, их движения были суетливыми, а лица — напуганными.

— Командир, — один из них едва не перешёл на шёпот, косясь на Селену и остальных бойцов. — В Командном пункте... гость. Главнокомандующий Сектора «F». Он прибыл в ту же секунду, как ваш отряд пересёк границу его владений. Он наблюдал за всей операцией из штаба.

Мужчина замер на долю секунды. Его рубиновые глаза опасно сузились. Старик редко покидал своё кресло.

— Разоружиться всем, — коротко бросил Кайл, расстёгивая крепления тяжёлого излучателя.

Селена чувствовала, как по спине пробежал холодок. Если Высший видел их работу в архиве, он мог заподозрить что-то неладное. Их легендарная слаженность, о которой шептались в каждом отсеке Лабиринта, из их главного щита превращалась в мишень. Для Системы их связь была аномалией, опасным резонансом, который мог обрушить выверенный порядок итераций. Кайл сбросил тактическую броню, оставшись в полевой форме. Его движения были резкими, хищными. Он не удостоил помощников взглядом, направляясь напрямик к лифту, ведущему в штаб.

— М-4, за мной, — его голос прозвучал официально, но девушка чувствовала его напряжение. Она судорожно скинула с себя тактическое снаряжение и поспешила за ним.

Они вошли в Центральный наблюдательный пункт. Перед панорамными экранами, на которых всё ещё заикленило прокручивались кадры зачистки архива, стоял старик. Его сухая, пергаментная кожа странным образом гармонировала со свободным одеянием высшего чина. Он медленно обернулся, опираясь на трость из тёмного полимера.

— А, вот и они, — проскрипел он, и его выцветшие глаза впились в Селену. — Ваша работа в моём архиве была... поэтичной.

— Зачем пожаловали? — сухо спросил Кайл, сокращая дистанцию. Его шаг был тяжёлым, уверенным, как у хищника, защищающего свою территорию. — Не мне вас учить уставу, В-1-15:20. Прибыли без предупреждения, ещё и в моё отсутствие.

Старик, лишь хрипло хохотнул. Этот звук, сухой и ломкий, заставил девушку внутренне сжаться.

— Хотел понаблюдать за вами... — он обвёл рукой мерцающие экраны, на которых застыли кадры их недавней бойни. — Без прикрас. О вас ходит столько слухов, что я не мог сидеть и ждать, когда мне в терминал просто упадёт уведомление о зачистке. Всё же речь идёт о моём собственном Секторе.

Он медленно повернулся к Селене. Его выцветшие, почти прозрачные глаза впились в её сапфировый взор с пугающей пронизательностью.

— И что же я вижу? Легендарная пара. Высший надзиратель и его... идеальное творение.

Командир замер в паре шагов от него, его бледное лицо казалось маской, высеченной из льда, но рубиновые глаза потемнели, наливаясь цветом запёкшейся крови.

— Если вы проделали этот путь, чтобы обсудить сплетни подчинённых, то вы зря потратили время, — отрезал Кайл. — Мой отряд выполнил задачу. Сектор стабилизирован. Ошибки в коде Архива устранены.

Слова его прозвучали как захлопнувшийся замок, окончательно и безапелляционно. Старик медленно кивнул, и на его губах зазмеилась сухая, едва уловимая улыбка.

— Да, я видел... — он сделал длинную паузу, смакуя напряжение, повисшее в воздухе. — Работа и впрямь была идеальной. Такие таланты — большая редкость в нашем... однообразном мире. Ты отхватил лакомый кусочек, Р-1-10:23.

Мужчины замерли, впившись друг в друга взглядами. Это было столкновение двух эпох: первобытной, скрытой за немощным телом старика, и нынешней — яростной, сосредоточенной в стальной фигуре Кайла. Атмосфера в зале стала тяжёлой. В Лабиринте никто не имел права вмешиваться в диалог Высших. Это была территория богов, где решались судьбы целых Измерений.

— Я бы хотел поговорить с М-4-10:23 наедине, — наконец прервал старик тишину. Он произнёс это мягко, почти по-отечески, но в его тоне слышался лязг кандалов. Он обратился напрямую к Кайлу. — Ты ведь не будешь против?

Воздух зазвенел от ментального давления. Командир не мигая смотрел на старика, и Селена чувствовала, как его аура пульсирует, едва сдерживая желание накрыть её защитным куполом и увести прочь.

— В моём кабинете, — сухо отчеканил он, лишь на мгновение переведя взгляд на Селену. В его рубиновых глазах на дне плескалась опаска.

Они двинулись по коридору. Троица шла впереди, за ними, на почтительном расстоянии, следовала свита из адъютантов обоих Высших. Гнетущая, липкая тишина сопровождала их каждый шаг. Селена шла, стараясь не выдавать волнения, и осторожно пыталась «прощупать» пространство вокруг старика. Но там, где у обычных людей была аура или ментальный отклик, у В-1 зияла абсолютная, холодная пустота. Кайл шёл рядом, и его присутствие ощущалось, как раскалённый металл. Его шаг был тяжёлым, образ — пугающе острым, а аура пульсировала в такт негласному вызову. Он был воплощением контроля, в то время как старик казался его полной противоположностью: тихим, дряхлым и почти прозрачным. Девушка лихорадочно перебирала варианты. О чём он хочет поговорить? Через экраны мониторов невозможно было заметить ту тонкую работу, которую она провернула внутри кода. Система фиксировала только результат — стабилизацию.

Тяжёлые створки кабинета Главнокомандующего сомкнулись, отсекая гул штаба. Командир прошёл к своему столу, сохраняя каменное выражение лица, но его аура вибрировала от сдерживаемого напряжения. Старик же, не дожидаясь приглашения, опустился на диван и жестом подозвал Селену.

— Подойди, М-4, — его голос был дребезжащим, но властным. — Дай мне взглянуть на тебя без этих тактических интерфейсов.

Селена подчинилась, остановившись в паре шагов. Она чувствовала, как датчики на потолке фиксируют каждое движение. Каждое слово сейчас должно было звучать согласно уставу.

— Ты этого не знаешь, — старик обратился к ней, игнорируя Кайла, — но ещё совсем недавно, ты была лучшим архивариусом в моём Секторе. Это была семьсот двенадцатая твоя итерация... удивительно внимательная к деталям, и ко мне.

Он сделал паузу, его выцветшие глаза подёрнулись дымкой воспоминаний.

— Ты не просто латала дыры в коде. Ты проявляла заботу, которая редко встречается в нашем мире. Приносила ментальные стабилизаторы, когда мои давали сбой, следила за чистотой личных покоев, хотя это не входило в твои обязанности...

— Это нарушение регламента, — холодно вставил Кайл, поражённый дерзостью старика. В глазах Системы это выглядело, как собственнический жест командира. — Рассказывать об итерациях запрещено. Это может привести к когнитивному диссонансу юнита.

— Оставь свои нотации для новобранцев, Р-1, — старик едва заметно махнул рукой. — Мой статус позволяет мне некоторые... вольности в трактовке устава. Я рассказываю это потому, что её финал в моём Секторе был трагичен. Она проявила излишнее любопытство

к закрытым сегментам, пытаясь найти способ облегчить моё состояние. Система сочла это попыткой несанкционированного взлома. Её обнулили прямо у меня на глазах.

Он снова перевёл взгляд на Селену, и в его глазах промелькнула искра, которую не могли засечь датчики.

— Я хочу забрать тебя обратно. В Секторе «F» тебе будет безопаснее. Твои таланты в «Резонансе» — это стрельба из пушки по воробьям. Я подам официальный запрос на твой перевод под моё личное руководство, если ты согласишься.

В кабинете повисла звенящая тишина. Кайл медленно обошёл стол и встал рядом с девушкой. Его присутствие ощущалось, как стена, но его голос выдавал раздражение:

— М-4 — мой лучший оперативник и напарник. Её перевод дестабилизирует боеспособность Сектора «R».

— Или спасёт ей жизнь, — тихо, почти шёпотом добавил старик, подавшись вперёд.

Кайл сделал шаг вперёд, сокращая дистанцию до минимума. Его высокая фигура буквально нависла над стариком, создавая плотную зону ментального давления, которую датчики Системы зафиксировали бы, как стандартное подтверждение иерархии. В глубине его рубиновых глаз полыхал настоящий, не программный гнев. Чувство собственности, смешанное с ледяной яростью, заставляло его ауру пульсировать тяжёлыми, рваными толчками.

— Вы уж не сочтите за дерзость, В-1... — процедил Кайл, чеканя каждое слово, словно вбивая сваи. — Но я не отдам вам её. Никогда.

Старик лишь хрипло выдохнул, его пальцы на трости едва заметно дрогнули. В кабинете воцарилась тишина, в которой явственно слышался треск статического электричества. Это была открытая война. Один Высший предъявлял права на «инструмент» другого, прикрываясь сентиментальными тенями прошлого. Селена стояла неподвижно. Внешне она оставалась идеальным отражением устава — холодная, отстранённая, покорная воле своего командира. Но внутри её разум работал со скоростью квантового процессора, перебирая вероятности.

Сектор «F» был для неё пройденным этапом. Да, Архив давал доступ к данным, но «Резонанс» давал нечто большее — свободу манёвра. Под крылом Кайла она была не просто подчинённой, она была стихией. Каждая стабилизация, каждая зачистка позволяла ей незаметно вплетать свои «пустоты» в саму ткань Лабиринта, подготавливая почву для чего-то масштабного. Здесь, рядом с ним, она была неприкосновенна. Его одержимость ею, их официально признанный статус «идеальной пары» служили им лучшим щитом от подозрений Системы. Старик же предлагал ей золотую клетку, построенную на обломках 712-й итерации. Его привязанность к той, прежней Селене, была опасной и подозрительной.

— М-4 — уникальная боевая единица, — продолжал Кайл, и в его голосе звучал металл. — Её показатели синхронизации со мной достигли пика. Вы предлагаете Системе неэффективную трату ресурсов ради вашей... личной ностальгии?

Это был сильный ход. Апелляция к эффективности — единственный аргумент, который Система принимала безоговорочно. Старик медленно поднял голову. Его выцветшие глаза встретились с сапфировым взором Селены, пытаясь отыскать в ней ту заботливую девушку из прошлого.

— Ностальгия — это тоже ресурс, Р-1, — тихо ответил он. — Она рождает преданность, которую не купишь симуляциями. Но если вы так уверены в её «эффективности» здесь... что ж.

Он перевёл взгляд на Кайла, и на мгновение в его глазах блеснуло нечто пугающе острое.

— Пусть будет так, — старик медленно поднялся, опираясь на трость, которая глухо стукнула о металл пола. — Полагаю, вы не откажете мне хотя бы в поддержке серверов? На полное восстановление моего Сектора уйдёт время... Пусть М-4 сделает для меня хотя бы это. Я отправлю официальный запрос.

Он бросил на Селену последний взгляд — долгий, пронизывающий, в котором за завесой старческой немощи на миг блеснули знания, накопленные за тысячи циклов, и, не оборачиваясь, проследовал к выходу. Створки дверей сомкнулись, отсекая его свиту и оставляя Кайла с девушкой в вакууме внезапно наступившей тишины.

Она не проронила ни слова. В этом мире молчание было главным оружием и самой надёжной бронёй. Никто не сомневался в её уникальности, как и в том, что Кайл, вложивший в её тренировки уйму холодного расчёта и скрытой страсти, не отдаст свой «лучший инструмент» под чужое руководство. Но внутри неё роились вопросы. Зачем старик приходил на самом деле? Неужели всё дело в той призрачной ностальгии, о которой он говорил с такой болезненной нежностью? Сколько тайн 712-й итерации он хранил в своей иссохшей памяти, и какую игру затеял теперь?

Тяжёлая, горячая ладонь Кайла коснулась её щеки. Этот жест, уже привычный и в то же время каждый раз бьющий током, заставил её поднять голову и встретиться с его взглядом. Его лицо было совсем рядом — бледная кожа, резкие черты и рубиновые глаза, в которых всё ещё догорали угли недавней ярости.

— Испугалась? — спросил он, и его голос опустился до едва различимого шёпота, предназначенного только для неё.

— Нет, дело не в этом... — она чуть прикрыла глаза, на мгновение позволяя себе опереться на его руку. — Просто это было неожиданно.

Пальцы Кайла медленно скользнули ниже, нежно очерчивая линию её подбородка. Его дыхание коснулось её губ, но в этом касании не было покоя — только напряжение зверя, который едва не потерял самое ценное.

— Наглости ему не занимать, это точно... — в его голосе всё ещё теплилась глухая, вибрирующая злость. — Прийти сюда и заявить права на тебя, прикрываясь сказками о прошлом...

Он замолчал, вглядываясь в сапфировую глубину её глаз, словно пытаясь отыскать там следы той самой заботы, о которой говорил В-1. Мысль о том, что когда-то она могла быть предана кому-то другому, даже в стёртой итерации, жгла его сильнее, чем системные сбои. Поддержка серверов означала неизбежное: Селене придётся вернуться в «F-4». После «стабилизации» Система неизбежно запустит обнуление Сектора и его обитателей, чтобы стереть шероховатости и баги. Ей нужно будет лично проконтролировать процесс, следя, чтобы очистка не привела к сбою.

— Придётся принять его запрос... — отстранённо произнесла она, и Кайл медленно, почти неохотно кивнул.

Они оба понимали: как бы ни кипело в нём чувство собственности и как бы ни настояживали мотивы В-1, проигнорировать официальный запрос Высшего невозможно. Это вызвало бы подозрение у Системы. Единственный выход — выжать из этой ситуации максимум выгоды.

— Во сколько ты сегодня освободишься? — спросила она уже серьёзнее, заглядывая ему прямо в глаза. Весь напускной холод бойца М-4 на миг отступил, обнажая нечто глубоко личное.

— Хочешь заглянуть сегодня ко мне? — Кайл ехидно улыбнулся, и эта улыбка на его бледном лице выглядела почти хищно.

Воспоминание об их недавней близости всё ещё жгло память, замедляя время вокруг них, но нужно было обсудить «Зету» и странное поведение старика там, где у Системы не было ни ушей, ни глаз.

— Сдам отчёт по зачистке через два часа, — добавил он, снова становясь серьёзным. Его пальцы напоследок сжали её подбородок, чуть сильнее, чем требовала нежность. — Буду ждать.

Два часа пролетели для Селены как в тумане бесконечных послеоперационных логов. Она чувствовала на себе взгляды других надзирателей Сектора «R» — в воздухе всё ещё вибрировало эхо визита Старика. Но мысли её были далеко: она снова и снова прокручивала в голове мысли о Секторе «Z» и странные слова В-1 о её «заботе». Когда цифровые часы на периферии зрения отсчитали назначенное время, девушка направилась к жилому блоку Высшего. Это была зона абсолютного приоритета, куда не имел доступа ни один рядовой боец, кроме неё — «идеальной пары» Кайла.

Она приложила ладонь к сенсору. Двери его покоев разошлись с едва слышным шелестом. Внутри царил полумрак, разбавленный лишь синеватым свечением панорамного окна, за которым медленно вращались кольца Лабиринта. Здесь, в личном пространстве Кайла, архитектура Системы казалась чуть менее агрессивной, но ощущение «клетки» никуда не исчезало. Мужчина уже был там. Он сменил строгую форму на простую чёрную одежду, которая делала его фигуру ещё более хищной в этих тенях. Он стоял у окна, заложив руки за спину, и обернулся на звук её шагов. Его рубиновые глаза в темноте казались двумя тлеющими углями.

— Ты вовремя, — негромко произнёс он. Его голос, лишённый привычных командных ноток, заполнил пространство комнаты, которая была их единственным настоящим убежищем.

Селена уверенно подошла ближе. Здесь, за бронированными дверями и каскадами глушащих полей, она наконец позволила себе выдохнуть. Ментальный зажим, который она железной хваткой держала весь день, ослаб, и сапфировое сияние её глаз стало мягче, глубже.

— Что тебе известно о нём? — сразу перешла она к делу, не тратя время на формальности. Лицо её было сосредоточено, каждое слово — как выверенный удар. — Есть предположения, зачем он упомянул 712-ю?

Кайл на мгновение отвёл взгляд в сторону панорамного окна, где за стеклом безмолвно пульсировал Лабиринт.

— Никаких... — отстранённо ответил он. — Мы с ней никогда не пересекались, поэтому я понятия не имею, в каких отношениях она была со Стариком.

— Ты тоже думаешь, что он может что-то знать? — Селена заглянула ему в глаза, пытаясь уловить малейшую тень сомнения.

— Он — хитрый лис. А ещё чертовски старый, — мужчина медленно повернулся к ней, и его рубиновые глаза опасно блеснули в полумраке. — 712-я вполне могла втереться к нему в доверие. Возможно, ей удалось что-то выяснить.

Селена сделала шаг к нему, её голос понизился до едва различимого шёпота:

— В Архиве была только одна её запись... Это было похоже на вспышку, на видение. Я увидела запись о Секторе «Z». А ещё какой-то скрытый проход...

Взгляд Кайла резко дёрнулся. Его пальцы непроизвольно сжались.

— «Зета»? — с явным подозрением и тенью тревоги переспросил он.

— В чём дело? — Селена почувствовала, как по спине пробежал холод. Она редко видела Кайла таким — его уверенность на миг дала трещину.

— Это тюрьма для особо опасных итераций, — объяснил он, и его голос стал сухим, как треск ломающегося льда. — «Зета» — это своего рода «чёрный ящик» Системы. Там держат тех, кого Лабиринт не может обнулить по какой-либо причине.

Он подошёл к ней почти вплотную.

— Если твоя 712-я итерация нашла туда путь, возможно, она нашла что-то, что страшнее даже обнуления.

— Или же спрятала что-то там... — подхватила его мысль Селена. Её голос прозвучал тихо, но в нём отчётливо звякнула сталь.

Кайл на мгновение замер, обдумывая эту вероятность. Его губы тронула горькая, едва заметная усмешка. Да, это было абсолютно в её духе — использовать самое охраняемое место в Лабиринте, как собственный сейф.

— Но попасть в Сектор «Z» не так-то просто, — произнёс он, и в его тоне проступила тяжёлая, свинцовая усталость. — Туда нет свободного доступа. Только особое приглашение или прямой приказ Хозяйки. Это закрытая часть Лабиринта, слепое пятно для всех остальных Секторов.

Девушка внимательно всматривалась в его лицо. Свет с окна подчёркивал глубокие тени под его рубиновыми глазами, делая его похожим на измождённого призрака собственной власти. Она вдруг остро, почти физически ощутила, как сильно он истощён. Для неё эта итерация была новой главой, полной открытий и опасного азарта. Но что насчёт него? Кайл нёс на своих плечах груз сотен жизней, бесконечных заговоров и, самое страшное, — невыносимого ожидания. Каждое обнуление девушки было для него личным адом, из которого он вытаскивал её снова и снова, только чтобы однажды столкнуться с новым тупиком. И теперь этот тупик назывался «Зета» — место, куда даже его полномочия Высшего надзирателя не открывали дверей.

Взгляд Селены медленно скользнул по его силуэту, подмечая каждую деталь, которую он так тщательно скрывал под маской командира. Осунувшиеся плечи, тяжёлое дыхание, запёртое в груди. Её взор опустился к его рукам. В холодном свете бледная кожа Кайла казалась почти прозрачной, болезненной. Под ней перекачивались тугие узлы мышц, которые едва заметно подёргивались от запредельного напряжения. Из-под коротких рукавов чёрной футболки проступали замысловатые татуировки — тёмные линии, которые в этом мерцании будто оживали, извиваясь на его предплечьях, словно живые тени самого Лабиринта.

Она сделала короткий, почти невесомый шаг. Её пальцы — угольно-чёрные, изящные — осторожно коснулись его предплечья. Контраст их кожи был ошеломляющим, как столкновение ночи и бледного лунного света. Кайл замер в тот же миг. Он перестал дышать, превратившись в изваяние, и только его рубиновые глаза, полные невысказанной боли и яростного обожания, следили за каждым её движением. Он не шевелился, боясь спугнуть этот редкий момент, пока она стояла так близко, погружённая в свои мысли. Селена чувствовала под пальцами жар его тела и едва уловимую вибрацию — его энергетические потоки, которые сейчас звучали на грани надрыва.

— Ты слишком долго несёшь это один, — тихо произнесла она, не поднимая глаз и продолжая изучать узоры на его коже. — Весь этот контроль, все эти жизни...

Кайл медленно накрыл её ладонь своей. Его пальцы были ледяными, но прикосновение источало нежность, которую он никогда не позволял себе на людях. Тишина в покоях стала плотной, осязаемой, превращая этот момент в акт глубокой погружённости друг в друга. Его рука медленно, почти невесомо скользнула вверх. Селена затаила дыхание, следя за каждым его движением. Кончики пальцев коснулись её виска, осторожно убирая прядь волос за ухо. По телу девушки пробежали мурашки, а пальцы, всё ещё лежащие на его предплечье, невольно дрогнули, чувствуя, как под кожей перекачивается напряжение его мышц.

Мужчина жадно впитывал её вид. Его рубиновые глаза, обычно холодные и расчётливые, теперь горели лихорадочным блеском. Взгляд медленно скользил по открывшейся линии лица, задерживаясь на изгибе шеи. В этом полумраке, вдали от датчиков и приказов, он видел не бойца М-4, а женщину, которая была его единственным якорем в бесконечном цикле обнулений. Его единственной истиной среди гигабайтов лжи.

— Не важно, если это позволит вновь найти тебя, — прошептал он, и его голос, хриплый и сорванный, заставил её сердце пропустить удар. — Почувствовать кожей...

Кайл наклонился ещё ближе, и его горячее дыхание обожгло её щёку, контрастируя с ледяным холодом пальцев. Он плавно, почти благоговейно потянул её за подбородок на себя, заставляя девушку поднять смущённый, затуманенный взгляд. Расстояние между ними сократилось до критического. В эту секунду весь Лабиринт, со всеми его Секторами, архивами и надзирателями, перестал существовать. Остался только этот крошечный пятанок пространства, где два изломанных существа пытались склеить свои души. Их общий резонанс, обычно

холодный и расчётливый инструмент, сейчас превратился в нечто пугающе живое, пульсирующее в такт их учатившемуся сердцебиению.

Девушка видела, как в глубине его рубиновых глаз отражается её собственное смятение. Кайл смотрел на неё так, словно пытался выжечь этот момент в своей памяти, чтобы никакое обнуление не смогло его стереть. Его пальцы на её подбородке чуть дрожали, выдавая ту бурю, что бушевала под маской ледяного Высшего.

— Селена... — выдохнул он, и это имя, запретное и родное, повисло в воздухе, окончательно разрушая барьеры.

Его губы замерли в миллиметре от её, ожидая последнего знака, подтверждения того, что в этом механическом аду они всё ещё принадлежат друг другу. Пальцы девушки судорожно сжали кожу на его предплечьях, впиваясь в татуировки, но в этот момент из вязкого гипноза их вывел резкий, дребезжащий сигнал на её запястье. Звук прорезал тишину комнаты, как скальпель. Они оба вздрогнули. Селена почти механически отстранилась, тяжело дыша. Она опустила взгляд на мерцающий экран, пытаясь смущённо сфокусировать зрение на бегущих строках.

— Это R-5, спрашивает... — начала она бесцветным голосом, пытаясь вернуть себе маску оперативника.

Однако фразу прервал внезапный, властный рывок. Кайл не дал ей уйти. Он дёрнул её на себя так, что Селена едва не потеряла равновесие. Её пальцы по инерции снова вцепились в его руки, ища опору, но вместо слов она встретила его губы. Мужчина завладел ей в поцелуе — жадном, почти отчаянном, лишённом всякой осторожности. Это был порыв человека, который слишком долго сдерживал лавину и теперь позволил ей обрушиться. Селена не ожидала этой вспышки; дыхание застряло у неё в горле, а сознание на миг подёрнулось белым шумом. Это не был уставной жест или игра на публику — это был крик живой души в мире мёртвых цифр.

Кайл мучительно медленно отстранился, но не отпустил её лицо, лишь приоткрыл глаза, чтобы оценить последствия своего безумия. Его рубиновые зрачки пульсировали. Селена смотрела на него широко раскрытыми, ошеломлёнными глазами. Сапфировый блеск в них дрожал. Внутри неё в эту секунду всё будто рухнуло: все возведённые баррикады, все логические цепочки и планы побега. Осталось только оглушительное осознание того, что между ними больше нет места для приказов. На запястье продолжал настойчиво мигать сигнал от R-5, напоминая о внешнем мире, который требовал ответов. Но сейчас этот мир казался бесконечно далёким и неважным.

— Ты... — выдохнула она, не в силах закончить фразу.

Мужчина молчал, всматриваясь в её лицо, ожидая либо удара, либо того, что она окончательно сдастся этой константе, которая была сильнее любого обнуления. Его взгляд, потемневший от желания, снова скользнул к её губам. Кайл действовал почти инстинктивно: его рука, запутавшись в волосах девушки, переместилась к затылку, и пальцы властно впились в кожу шеи, фиксируя её, не давая ни единого шанса на отступление. Он снова притянул её к себе, но на этот раз порыв не был внезапным — это было осознанное падение в бездну. Мужчина впивался в её губы с неожиданной нежностью, в которой сквозила многолетняя жажда. Селена не отстранялась. Она просто не могла сопротивляться этой сокрушительной страсти, которая выжигала в ней остатки программного кода. Её пальцы судорожно искали опору, царапая кожу на его предплечьях, впиваясь в плоть. Дыхание стало прерывистым и громким, заполняя собой стерильную тишину покоев.

Они оба упивались этим обрушившимся на них водопадом чувств. Это был хаос, который Система не могла оцифровать, резонанс, выходящий за пределы допустимых частот. В этот миг Селена чувствовала каждую татуировку под своими пальцами, каждый рваный выдох Кайла. Весь мир — со стариком В-1, Сектором «Z» и настойчиво мигающим на запястье сигналом — перестал существовать. Осталась только эта обжигающая близость, в которой они пытались

надышаться друг другом перед новым погружением в холод Лабиринта. Он прижал её к себе ещё крепче, словно пытаясь слиться с ней в единое целое, защитить своим телом от всего, что ждало их снаружи. Его поцелуи становились всё глубже, стирая границы между ними и превращая их страх в ярость, а отчаяние — в общую, нерушимую константу.

Наконец, мужчина отстранился, но лишь на несколько сантиметров. Его горячее дыхание всё ещё смешивалось с её собственным, прерывистым и быстрым, а в глазах читалось обещание, которое было куда страшнее любого приговора Системы.

— Если там не что-то важное, я убью его... — шёпот Кайла был низким, вибрирующим от опасного раздражения.

Хватка на её теле медленно ослабла, он нехотя отступил на шаг, восстанавливая дистанцию, но продолжая жадно следить за каждой дрожью её кожи.

— Ответь, — коротко бросил он, подавляя в себе рык.

Это уже был не просто сигнал, а настойчивый, почти истеричный видеовывод. Как только Селена нажала «принять», в воздухе развернулась небольшая голограмма запыхавшегося R-5. Парень явно находился в каком-то подсобном помещении, озираясь по сторонам.

— Эй! М-4! Чего не отвечаешь? Я уже думал, ты в пустоту провалилась! — затараторил он, не замечая обстановки на заднем плане. — Слушай, тут такое... Буйвол поспорил с М-10, что ты сможешь взломать пищевой синтезатор в блоке офисников, чтобы он и нам выдавал не этот серый клейстер, а что-то похожее на кофе. Я уже на месте, но мне нужен твой доступ, а ты...

Договорить он не успел. Кайл, чьё терпение лопнуло окончательно, бесшумно шагнул из тени и возник прямо за плечом девушки. Его бледное лицо в свете голограммы выглядело, как маска разгневанного божества, а рубиновые глаза светились недобрым огнём. R-5 на экране осёкся на полуслове. Его челюсть медленно поползла вниз.

— R-5-09:11, — голос Кайла прозвучал тихо, но от этого звука по стенам комнаты, казалось, пополз иней. — Если через три секунды твой сигнал не исчезнет из сети, завтрашнюю смену ты проведёшь, вручную калибруя датчики давления в сточной шахте Сектора. Без скафандра.

Парень на голограмме сглотнул так громко, что это было слышно в тишине комнаты.

— К-командир! Виноват! Сбой связи! — выкрикнул он, и его изображение мгновенно схлопнулось.

В комнате снова воцарилась тишина, но теперь она была окрашена горько-сладким послевкусием прерванного момента. Мужчина тяжело вздохнул и потёр переносицу, пытаясь унять ярость: «Идиоты» — коротко резюмировал он.

Селена не выдержала и тихо хихикнула, чувствуя, как напряжение последних минут немного отпускает. Тонкий шлейф облегчения и лёгкой неловкости заполнил комнату, вытесняя недавнее электрическое напряжение. Кайл медленно выдохнул, его плечи, только что каменные от ярости, чуть опустились, но во взгляде, брошенном на девушку, всё ещё читалось явное раздражение. Он выглядел как человек, у которого отняли самое ценное в шаге от цели.

— И вот как мне не быть тираном с ними? — спросил он с неприкрытым разочарованием. Голос его звучал глухо, и в нём сквозила досада на весь Сектор вместе взятый.

Селена неловко улыбнулась. Эта нелепая сцена с R-5, выскочившим в самый неподходящий момент, сработала как предохранитель. Опасное, душное напряжение, которое едва не поглотило их обоих, рассеялось, оставив после себя странное, пульсирующее тепло. Барьеры, которые они удерживали долгое время, были сорваны одним коротким поцелуем и одним дурацким звонком. Напряжение выплеснулось, оставив после себя странную, звенящую пустоту и близость, которую невозможно было игнорировать.

Мужчина подошёл к ней вплотную. На этот раз в его движениях не было хищной резкости — только уверенная, собственническая нежность. Он обнял её, притягивая к себе, и Селена

послушно уткнулась лицом в его ключицы. Ткань его майки была мягкой и тёплой, под ней ощущался мерный, тяжёлый стук сердца. Её пальцы невольно сжались, словно она пыталась закоротиться в этой реальности, пахнущей им.

— Закончим на сегодня... — выдохнул он ей в макушку. Голос Кайла стал совсем тихим, лишённым всякой командной стали. — Тебе нужно отдохнуть.

Он медленно, с явным усилием разомкнул руки. Это отстранение чувствовалось почти физически — как будто от кожи отрывали защитный слой. Мужчина заглянул ей в глаза, и в его рубиновом взгляде Селена прочла не только заботу, но и негласное обещание: то, что началось сегодня, не закончится вместе с этим циклом.

— Иди, М-4, — он чуть заметно улыбнулся одними уголками губ, возвращая ей её официальный позывной, но в его интонации это прозвучало как самое интимное имя.

Селена кивнула, чувствуя, как по телу разливается приятная усталость. Она медленно направилась к выходу, ощущая на своей спине его жгучий взгляд, который провожал её до самых дверей.

Официальный запрос от Сектора «F-4» пришёл на рассвете, когда Лабиринт ещё пульсировал в режиме пониженного энергопотребления. Сухие строки на терминале подтверждали: *«Поддержка серверов. Юнит М-4-10:23. Приоритет: Критический»*. Для Системы это была рутинная процедура — после масштабной зачистки Сектор уходил в контролируемое обнуление, и Селена должна была стать «якорем», который не даст структуре рассыпаться в процессе перезагрузки. Но для Кайла это означало одно: она уходит в зону влияния Старика. Одна.

Мужчина стоял у шлюза, провожая её. В присутствии дежурных офицеров он был воплощением ледяной дисциплины — прямая спина, руки, сцепленные за ней, взгляд, прошивающий насквозь. Ни один мускул на его бледном лице не выдавал той бури, что бушевала внутри. Только в глубине рубиновых глаз, когда Селена на мгновение обернулась, вспыхнула почти осязаемая тревога. Он не мог пойти с ней. Его присутствие в чужом Секторе без боевой необходимости было бы расценено, как акт агрессии или, что хуже, как аномальная привязанность.

— Приступай к выполнению, М-4, — его голос прозвучал официально-сухо, но девушка уловила в нём едва заметную вибрацию. — Помни про регламент. Любое отклонение от протокола — и поддержка будет прервана удалённо.

Это было скрытое предупреждение: *«Если что-то пойдёт не так, я вытащу тебя силой, чего бы мне это ни стоило»*. Селена кивнула, сохраняя маску идеального бойца. Она чувствовала тяжесть татуировок на его предплечьях под своими пальцами — фантомное ощущение вчерашнего вечера помогало ей держать спину ровно. Переход в Сектор «F-4» занял считанные секунды, но реальность здесь ощущалась иначе. Стерильный свет, к которому она привыкла в Секторе «R», здесь сменялся тусклым, желтоватым мерцанием старых ламп. Сектор уже начал погружаться в сон: коридоры пустовали, а воздух казался тяжёлым от статического электричества. Её ждали в Центре управления. Но вместо технического персонала её встретил тихий стук полимерной трости по металлическому полу.

— Ты пришла... — проскрипел знакомый голос из тени огромных серверных шкафов. — Рад, что Р-1 не рискнул пойти против официального запроса. Хотя, полагаю, он сейчас выжигает глаза своим техникам, заставляя их следить за твоим сигналом.

Старик медленно вышел на свет. В пустом, погружённом в фазу обнуления, Секторе он казался ещё более древним и могущественным.

— Садись за консоль. Система скоро начнёт стирать этот цикл.

Под прицелом десятков бесстрастных линз и ледяных взглядов местных техников Селена чувствовала себя почти обнажённой. Здесь, в чужом Секторе, без подавляющего присутствия Кайла, её статус «уникального бойца» казался лишь тонкой коркой льда над бездной. Она ощущала свою ничтожность перед машиной Лабиринта — просто единица М-4, расходный

материал в бесконечном цикле питания системы. Она послушно опустилась в кресло перед центральной консолью. Световые потоки интерфейса немедленно обвили её пальцы, считывая биометрию и допуски. Селена глубоко вдохнула, заставляя сапфировое сияние своих глаз стать ровным и холодным. Ей нужно было выполнить работу безупречно: малейшая ошибка в калибровке при обнулении Сектора могла стоить ей жизни, а Кайлу — последней надежды на их общий финал.

Зал был заполнен монотонным гулом охлаждающих систем. Операторы «F-4» работали молча, их движения были механическими, лишёнными жизни — они были частью этой архитектуры, такими же винтиками, как и те серверы, что они обслуживали. Стук полимерной трости за спиной стал отчётливее. Старик подошёл вплотную, его тень накрыла консоль, мешаясь с синими бликами данных. Селена чувствовала его присутствие каждой клеткой своей кожи. Он не просто смотрел — он препарировал каждое её движение, каждое ментальное касание к коду.

— Начинай, — проскрипел он над самым её ухом. — Потоки дрейфуют. Сектор должен забыть всё лишнее, но сохранить структуру. Покажи мне, чему тебя научил твой командир...

Селена погрузилась в работу. Перед глазами заплясали каскады цифр. Она видела, как жизни тысяч пленных в этом Секторе медленно стираются, превращаясь в чистую энергию для Лабиринта. Это был болезненный процесс: ментальная среда стонала, изгибалась, пытаясь удержаться за обрывки воспоминаний, но девушка безжалостно направляла эти потоки в нужное русло. Она действовала быстро и точно, внедряя стабилизирующие патчи, но где-то на периферии сознания уже искала свои «пустоты», чтобы их наличие не было зафиксировано.

— Твои пальцы всё такие же быстрые... — едва слышно прошелестел Старик. Техники были заняты своими терминалами, и этот шёпот, казалось, предназначался только ей.

Она не обернулась. Её пальцы продолжали порхать над световым интерфейсом, сплетая потоки данных в жёсткий каркас обновлённого Сектора. Она чувствовала, как 10:23 в её крови начинает пульсировать в унисон с затихающим «сердцем» «F-4». Система пожирала старые жизни, перемалывая их в чистый ресурс, и Селена была обязана направить эту энергию в нужное русло. Зачем он это делает? Зачем снова и снова тянет за нити 712-й итерации, которой больше не существует? Его настойчивость жгла ей затылок. Он явно чего-то хотел — или, наоборот, отчаянно пытался о чём-то рассказать, не привлекая внимания Системы. Девушка понимала: чтобы получить ответы, им нужно оказаться наедине, вне зоны прямой слышимости техников и всевидящих линз в потолке. Но как?

В этой жизни она была для него лишь приглашённым специалистом из элитного подразделения, инструментом, который Кайл передал ему на время по официальному протоколу. Между ними не было законной связи, кроме холодных рабочих отношений. Даже если 712-я действительно заботилась о нём, нынешняя Селена — 842-я — была закалённым бойцом «Резонанса», верной только Р-1. *«Думай, Селена, думай»*, — приказала она себе. Девушка намеренно замедлила поток данных в одном из периферийных узлов, создавая искусственную задержку. На мониторах техников это выглядело, как стандартное сопротивление среды при обнулении — «вязкий код».

— Узел 2-С нестабилен, — сухо произнесла она, не оборачиваясь. Её голос прозвучал официально и профессионально. — Ментальное эхо слишком сильное, требуется локальное вмешательство в экранированной зоне, иначе возникнет каскадный сбой при перезагрузке.

Она рискнула. Экранированная зона — это небольшое помещение внутри серверной, защищённое от любых излучений, чтобы помехи не мешали тонкой настройке Ядра. Там не было камер. Старик за её спиной на мгновение замер. Селена кожей почувствовала, как он оценивает её манёвр.

— Я сам проконтролирую локальное вмешательство, — проскрипел В-1, обращаясь к техникам. — М-4, возьми переносной терминал. Живее. Нам нельзя терять темп обнуления.

Тяжёлая герметичная дверь отсекала гул серверного зала, погружая их в пространство, где царил лишь низкочастотный рокот работающих ядер. Здесь, в экранированном коконе, Селена мгновенно подключилась к консоли напрямую. Её пальцы задвигались по клавишам со скоростью, граничащей с физическим пределом, создавая для внешних датчиков безупречную картину «локальной калибровки».

— Надеюсь, вам действительно есть что сказать, — произнесла она ледяным шёпотом, не отрывая взгляда от бегущих строк кода.

Старик встал рядом, положив сухую, похожую на кость ладонь на вибрирующую панель ядра. В этот момент он выступал «заземлителем» — его полномочия Главного надзирателя создавали легальное поле для её глубокого вмешательства. Без этой ментальной поддержки Система мгновенно распознала бы чужака в святой святых.

— Иначе обе наши головы окажутся на плахе, — добавила она, и в её голосе прорезалась та самая сталь, которую она обычно демонстрировала только в бою.

Старик хрипло хохотнул. Этот звук, лишённый всякого почтения к уставу, эхом отразился от металлических стен. Его позабавила эта внезапная перемена: из покорного инструмента Кайла девушка на глазах превращалась в ту дерзкую, опасную искру, которую он помнил.

— Рад, что хоть что-то в тебе остаётся неизменным, — улыбнулся он, и в свете индикаторов его лицо показалось Селене маской древнего божества, уставшего от вечности. — Я уж было подумал, что этот тиран совсем сломал тебя, превратив в послушную тень своего величия.

— Р-1 не ломал меня, — девушка на секунду замерла, и один из графиков на экране дёрнулся. — Он единственный, кто пытается сохранить во мне жизнь в этом безумии. Ближе к делу. Обнуление Сектора завершится через семь минут. После этого экранирование снимется автоматически.

Старик подался ближе. Его присутствие теперь не казалось немощным — от него исходила волна холодного, концентрированного знания, которое могло раздавить неопытный разум.

— Сектор «Z»... — выдохнул он прямо ей в ухо, и этот шёпот показался холоднее, чем жидкий азот в системах охлаждения. — Ты ведь нашла подсказку, верно? 712-я итерация была очень изощрённой в своих планах и действиях. Она умела прятать вещи там, где их не найдёт даже вечность.

Селена едва заметно вздрогнула. Значит, он знал. Знал о её «пустотах» в ткани пространства, о тех крошечных кавернах в коде, которые она считала своей самой глубокой тайной.

— Я так и не смог окончательно стереть её присутствие в своём Секторе... — Старик выдохнул это с какой-то надломленной, почти человеческой грустью. Он помолчал, глядя на бегущие по экрану потоки данных, а затем его голос внезапно обрёл пугающую, стальную твёрдость. — Не ходи туда, Селена.

Его сухие пальцы, лежащие на консоли рядом с её руками, заметно дёрнулись, словно он пытался физически преградить ей путь.

— 712-я была смелой, — продолжал он, и теперь в его тоне звучал не наставник, а человек, видевший крушение миров. — Но именно это её и погубило. Она думала, что сможет перехитрить Лабиринт. Проживи эту жизнь без страха за завтрашний день. Просто будь... лучшей версией себя. Не иди по её стопам.

Странное, тяжёлое чувство резануло девушку изнутри. В словах В-1 сквозила такая концентрированная печаль и застарелая вина, что на мгновение маска Высшего с него спала. Перед ней был старик, который, кажется, действительно искренне жалел, что не смог остановить её в том цикле. Что позволил ей сгореть в пламени собственного любопытства.

— Вы просите меня о невозможном, — прошептала она, не отрывая взгляда от монитора, где таймер обнуления неумолимо отсчитывал последние минуты. — Вы, похоже, и впрямь были близки. В таком случае должны прекрасно знать: я не умею останавливаться.

— Тогда ты обречена на тот же финал, — Старик медленно убрал руку с панели. — Р-1 не спасёт тебя в «Зете». Там его власть заканчивается, и начинаются кошмары, которые Система хранит в назидание тем, кто хочет стать свободным.

— Если я умру... — Селена сделала паузу, и звук её собственного голоса в этой изолированной тишине показался ей чужим, почти пророческим. — Так пусть следующей М-4 будет хоть немного проще.

Она наконец оторвала взгляд от мерцающих каскадов кода и посмотрела прямо в лицо Высшего. В этот миг что-то в его иссохшем сердце болезненно кольнуло. Он замер, не в силах отвести глаз: он уже слышал эти слова. Почти столетие назад, в этом же Секторе, другая девушка с такими же сапфировыми глазами произнесла их перед тем, как исчезнуть в недрах Системы. Внимательный, изучающий взгляд Селены скользил по его морщинам, по выцветшим радужкам, будто она пыталась нащупать в глубине своего подсознания ту самую нить, что связывала их тогда.

— Я не сдамся из-за страха начать сначала, — твёрдо произнесла она, и её пальцы на мгновение сжались в кулаки. — Но попрошу вас не мешать мне. Хотя бы ради неё.

Она говорила о 712-й так, словно та была её старшей сестрой, призраком, чьё наследство она обязана была защитить. Девушка чувствовала нутром: тревога В-1 была настоящей, не системной. В мире, где чувства считались багом, этот древний надзиратель хранил в себе целое кладбище воспоминаний о той, кто когда-то стала его опорой. Она не хотела разрушать этот хрупкий мост, не хотела, чтобы её действия в этой итерации запятнали ту светлую, почти святую память, которую он пронёс через века.

Старик медленно закрыл глаза, и по его лицу пробежала тень глубокого страдания.

— Ради неё... — эхом отозвался он. — Ты просишь меня позволить тебе совершить самоубийство ради памяти о той, кто уже его совершил.

Таймер на консоли мигнул красным. Оставалось меньше минуты. Гул серверов изменил тональность — Сектор «F-4» входил в финальную фазу обнуления. Экранирование вот-вот должно было исчезнуть, возвращая их под холодный взор Системы.

— Хорошо, — выдохнул он, открывая глаза. В них больше не было власти, только бесконечная усталость. — Я не стану преграждать тебе путь. Но помни, Селена: «Зета» не прощает ошибок. Если ты откроешь эту дверь, закрой её за собой навсегда. Иначе Лабиринт поглотит и тебя, и Р-1.

Изолированный отсек с тяжёлым шипением начал открываться. Свет из общего зала хлынул внутрь, ослепляя. Девушка мгновенно вернула лицу бесстрастное выражение, а её пальцы завершили последний протокол калибровки.

— Локальное вмешательство завершено, — сухо доложила она, когда первый техник обернулся в их сторону. — Сектор «F-4» готов к перезагрузке.

Старик медленно кивнул, и этот жест был сродни клятве — тяжёлой, негласной печати на их коротком, но обжигающе честном диалоге.

Работа переместилась в общие зоны. Сектор «F-4» замер в странном, стерильном оцепенении: Система только что прогнала через него волну обнуления, вычищая память пленных и сглаживая шероховатости кода. Теперь Селене предстояло пройти по его бесконечным коридорам и лично досмотреть каждый узел. Её чувствительность к ментальной среде здесь была незаменима — она видела энергетические «швы» и микротрещины там, где приборы обнаружения фиксировали идеальный штиль. *«Значит, они были заодно»*, — размышляла она, медленно шагая по гулким залам. Шаги её эхом отражались от стен, а за спиной, на почтительном

расстоянии, следовала группа техников и сам Старик. Мысль обожгла её: *«Какова вероятность, что этот сбой в «F-4» был случайностью? Мог ли Высший намеренно спровоцировать «критический дрейф», чтобы выманить меня из Сектора «R»? Чтобы встретиться лицом к лицу и предостеречь, увидев, что в этой итерации я подошла к запретной черте слишком близко?»*

Она шла под прицелом глаз чужих ей людей, размышляя о его мотивах. Выходило, что в 712-й итерации он не просто закрывал глаза на её действия — он позволял ей «дырывать» пространство своего Сектора. Он давал ей свободу вшивать эти «пустоты», зная, что она прячет что-то в самом сердце его Архива. И он знал её настоящее имя... Вдруг Селена осеклась. Прямо перед ней, в переплетении кабелей и ментальных проекций, протянулась тонкая, едва различимая полоса сизого мерцания. Её видели только её сапфировые глаза. Это была одна из её «пустот» — старая, глубокая, вшитая в пространство так искусно, будто она была естественной частью кода самого Лабиринта.

Девушка подняла руку, и её пальцы замерли в нескольких сантиметрах от вибрирующего воздуха. Она чувствовала нестабильность: узел пульсировал, сопротивляясь новому циклу обнуления. На радарх техников в этот момент пробежала лёгкая рябь помех, но Селена мягким усилием «успокоила» излом, не давая Системе поднять тревогу. Все присутствующие замерли, перехватив дыхание. В тишине было слышно только стрекотание систем охлаждения. Для них она была хирургом, латающим раны реальности. Для самой себя — археологом, который наткнулся на собственную могилу, полную нераскрытых тайн.

— Здесь всё чисто, — сухо произнесла она, не оборачиваясь, хотя сердце колотилось о рёбра. — Просто остаточный резонанс после перезагрузки. Идём дальше.

Но внутри неё уже зрел новый план. Если в этом Секторе так много её следов, значит, Старик не врал — она здесь не гость, а хозяйка призрачного наследства, которое ждало её сотню лет.

Эти «пустоты» не были обычными тайниками или физическими метками. Селена вдруг осознала грандиозность собственного замысла, растянутого на столетия: каждая её итерация, сумевшая дотянуться до нужной ментальной частоты, оставляла в ткани реальности «пробелы». Словно вирус, маскирующийся под здоровую клетку, она заменяла собой незначительные, невидимые части кода Системы. Итерация за итерацией, узел за узлом... Она буквально прорастала в Лабиринт, становясь его неотъемлемой частью, даже не имея прямой связи со своими прошлыми жизнями. Эта мысль придала ей небывалой уверенности. Всё было не зря. Каждая трагедия, каждый стёртый вздох и каждый провальный побег были кирпичиками в фундаменте чего-то масштабного. Раз ей — и всем тем, кем она была до этого — удавалось так долго хранить это в секрете от всевидящего ока Хозяйки, значит, шанс на хороший финал всё ещё существовал.

Селена шла по стерильному коридору «F-4», а в её голове лихорадочно складывался пазл. Она собирала фрагменты, разбросанные по Измерениям: короткие жизни, оборвавшиеся через минуты после пробуждения, и десятилетия изнурительной службы, как у 712-й. Все они, ведомые единым инстинктом, пытались оставить подсказки в пространстве для той, кто придёт следом. Её собственное внезапное «повышение» из бесправного пленного в надзирателя теперь не казалось случайным сбоем или чьей-то прихотью. Это был результат критической массы тех самых «пустот», которые в конце концов заставили Систему признать её уникальность и дать ей в руки оружие. От этой догадки по коже пробежал электрический разряд, который сапфировые глаза выдали короткой яркой вспышкой. Она была не просто ошибкой выжившего. Она была системным обновлением, которое Лабиринт создал сам на себя, не подозревая об угрозе.

— М-4, вы задерживаетесь на этом участке слишком долго, — подал голос один из техников, заметив её минутное оцепенение. — Приборы показывают норму.

— Норма субъективна, — отрезала она, даже не глядя на него.

Старик, шедший позади, едва заметно прищурился. Он видел этот блеск в её глазах и понимал: предостережение не сработало. Напротив, осознание собственной силы пробудило в девушке нечто такое, что уже невозможно было усыпить протоколами.

— Мы закончили здесь, — спустя какое-то время произнёс В-1, постукивая тростью, словно ставя точку. — Сектор стабилизирован. М-4, можешь вернуться в своё Измерение. Твой командир, полагаю, уже извёл своих связистов, ожидая твоего возвращения.

Селена уважительно отдала честь, зафиксировав взгляд на выцветших глазах Старика. В этом жесте не было слепого подчинения — только холодная благодарность за негласный пакт, который теперь пульсировал в её сознании новой силой. Каждая тайна, вырванная у прошлого, открывала перед ней двери, о существовании которых она раньше и не подозревала.

Возвращение в Сектор «R» прошло штатно. Она спокойно доложила о завершении миссии, и как только официальный отчёт с пометкой упал в реестр данных Системы, девушка наконец позволила себе по-настоящему выдохнуть. Тяжесть чужого Сектора сползла с неё, как старая кожа, но в жилом блоке расслабиться не удалось. У дверей её каюты, словно почётный караул, выстроились напарники. М-10, R-5 и Буйвол явно дежурили здесь с того самого момента, как она шагнула в портал обратно. R-5, как всегда, не выдержал первым и сорвался с места, едва завидев её в конце коридора.

— Эй, мы всё видели! — он с размаху хлопнул её по плечу, сияя от возбуждения. — Командир с тебя глаз не сводил в Пункте Наблюдения. Серьёзно, М-4, там искры летели от мониторов, пока ты копалась в этих древних ядрах!

Селена сдержанно улыбнулась, стараясь, чтобы сапфировый блеск её глаз не выдал внутреннего торжества.

— Конечно, — мягко ответила она. — Это ведь была моя первая самостоятельная работа по поддержке серверов такого уровня. Он должен был убедиться, что я не обрушу Сектор.

— Хорошая работа, — лаконично кивнул М-10. — Ты держалась уверенно.

Буйвол просто прогудел что-то одобрительное, скрестив на груди массивные руки. Атмосфера в отряде была приподнятой — успех одного бойца «Резонанса» укреплял статус всего подразделения.

— Ладно, герои, дайте ей проход, — Буйвол легонько отодвинул R-5 в сторону. — Ей нужно восстановить ментальный ресурс.

Селена благодарно кивнула им и приложила ладонь к сенсору своей каюты. Дверь закрылась, отсекая голоса напарников. Теперь ей нужно было сделать самое сложное: решить, что именно из случившегося в «F-4» она расскажет Кайлу. О «пустотах», ставших частью её сути, или о том, что Старик рассказал про «Зету»? Тишина комнаты давила на уши. Девушка села на край кровати, перебирая в уме обрывки данных, как раскалённые угли. В этот момент наручный терминал коротко завибрировал, рассыпая в полумраке каюты холодный свет сообщения: *«Жду вечером у себя»*.

— Как почувствовал... — усмехнувшись, пробормотала она, проведя пальцами по экрану, гася свечение. Кайл не умел ждать, когда дело касалось её безопасности — или её секретов.

Когда на Сектор опустилась ночь и основные магистрали Цитадели затихли, Селена сменила жёсткую форму надзирателя на одежду для личного пользования. Ткань приятно прилегалa к коже, напоминая о том, что под слоями брони и кодов всё ещё бьётся живое сердце. Она шла по коридорам уверенно, почти бесшумно. Охрана и датчики узнавали её биометрию, пропуская без задержек — статус «пары» Командира давал ей привилегии, которые сейчас были важнее любого оружия. Двери его покоев разошлись, впуская её в уже знакомый полумрак.

Кайл сидел за столом, подперев голову рукой, и перед ним в воздухе висели десятки графиков её ментальной активности в Секторе «F-4». Как только она вошла, мужчина одним движением смахнул их в сторону, будто стирая следы своего беспокойства.

— Ты долго, — произнёс он, и в его голосе Селена уловила нетерпение, которое он даже не пытался скрыть. — Что Старик хотел от тебя в той экранированной зоне?

Он смотрел на неё в упор, и его рубиновые глаза в темноте казались единственным источником тепла во всём этом механическом мире. Селена подошла к столу, чувствуя, как внутри неё снова начинает резонировать та самая «пустота».

— Ничего особенного... — выдохнула она, позволяя усталости наконец проступить в голосе. — Хотел поговорить о 712-й без свидетелей и твоего давления. Не передумала ли я перейти под его руководство.

Девушка произнесла это отрешённо, почти механически. Её внешний вид всё ещё хранил следы изматывающей смены в чужом Секторе — несколько часов сна едва хватило, чтобы восстановить ментальный фон, но не унять гул в голове.

— Хотел знать... — она мягко, почти неуловимо улыбнулась, глядя на Кайла. — Не подчинил ли ты себе мою волю, превратив в пустую оболочку.

Взгляд мужчины стал предельно внимательным, пронзительным. Он не проронил ни слова, но его рука медленно скользнула по столу к её руке, накрывая пальцы и мягко притягивая Селену к себе. Тишина между ними в этот миг стала обволакивающей, тяжёлой от невысказанных слов. Его хватка на её коже была крепкой, почти отчаянной, будто он проверял — здесь ли она, не осталась ли часть её души в тех холодных архивах В-1.

— И что ты ответила? — спросил он негромко.

Его глаза были опущены. Он не смотрел на неё, всё его внимание было приковано к их соединённым рукам. Кайл считывал малейшую дрожь её пальцев и запредельную усталость, что бились о стенки сосудов. Селена сделала ещё полшага вперёд, сокращая последнее расстояние. Её вторая рука, свободная и тёплая, медленно поднялась к его лицу. Это был первый раз, когда она сама, по собственной воле, сделала этот шаг навстречу. Кайл замер. Он почти перестал дышать, боясь шелохнуться, пока её тонкие пальцы осторожно касались его бледной щеки. Короткий электрический разряд прошёл их обоих. Мужчина тут же накрыл её ладонь своей, с силой прижимая её руку к своему лицу, словно пытаясь впитать это прикосновение каждой клеткой кожи.

— Я ответила, что моя воля принадлежит только мне, — прошептала она, глядя, как в его рубиновых глазах отражается её собственное сапфировое свечение. — И мой выбор — остаться здесь. С тобой.

Мужчина мягко улыбнулся, и эта редкая, почти болезненно искренняя улыбка заставила тени в углах комнаты отступить. Напряжение, державшее его весь день, начало медленно осыпаться, как сухая штукатурка.

— Но он сказал ещё кое-что, Кайл... — продолжила она, и его плечи снова едва заметно задеревенели.

Он заглянул ей в глаза, пытаясь прочесть то, что скрывалось за сапфировым блеском.

— Старик знает про «Зету»... — начала она осторожно, тщательно взвешивая каждое слово. — Похоже, в той итерации 712-й и впрямь удалось переманить его на свою сторону. Сделать союзником.

Пальцы мужчины на её ладони дрогнули. Он жадно впитывал эту информацию, прокручивая в голове сотни сценариев. Если В-1 на их стороне, правила игры в Лабиринте могли поменяться бесповоротно.

— Мы договорились, что он не будет мешать, — голос девушки стал мягче, она намеренно гасила тревожные нотки, отсекая дурные мысли и от него, и от себя. Селена ободряюще улыбнулась, наклонив голову. — Хорошие новости, верно?

Он ничего не ответил. Вместо слов просто потянул её на себя, утыкаясь лицом в мягкие складки кофты. В этом жесте было столько нехарактерной для Высшего надзирателя уязвимости, что у Селены перехватило дыхание. Он наконец-то смог выдохнуть, сбрасывая груз ответственности, который давил на него с момента её ухода в «F-4». Рука девушки поднялась к его макушке, пальцы мягко зарылись в тёмные волосы, теребя их и успокаивая его беззвучный шторм. Она не стала рассказывать ему о ледяном предостережении Старика. *«Если он узнает, ни за что не отпустит меня туда...»* — пронеслась в голове стремительная, горькая мысль. Сейчас ей важнее было сохранить этот хрупкий момент покоя.

Но тишину внутри неё взорвала внезапная, режущая мысль. Рука Селены, запутавшаяся в его волосах, заметно дрогнула. Её пронзило осознание собственной жестокости: она снова поступает с ним низко. Как и та, 511-я итерация, которая когда-то предпочла смерть, оставив его выть от бессилия в пустоте Лабиринта, Селена сейчас сознательно вступала на тот же путь. Скрыть правду. Уйти в «Зету». Рискнуть всем. Если предостережения Старика — не пустой звук, и она не вернётся из этой цифровой бездны... то вновь оставит его одного. Одного в этом ледяном, механическом аду, где он будет годами, десятилетиями ждать её новой итерации, которая сможет добраться до него. Ком встал в горле, мешая дышать.

Кайл мгновенно ощутил перемену. Его ментальная связь с ней была слишком глубокой, чтобы не заметить этот внезапный холод, сковавший её пальцы. Он отстранился и поднял на неё тревожные, пылающие рубиновым огнём глаза.

— В чём дело? — спросил он, и его голос обрёл пугающую серьёзность. Он считывал её состояние, как открытый код, видя, что за внешней покорностью скрывается нечто тёмное.

— Мы ведь справимся, да?.. — прошептала она. Ресницы её дрогнули, а взгляд стал отрешённым, направленным куда-то сквозь него, в ту самую пустоту, которую она так усердно создавала сама.

Это было впервые. Впервые за всю эту итерацию она позволила сомнению сорваться с губ. Это осознание заставило мужчину резко подняться. Он возвышался над ней, пытаясь заглянуть в самую душу, понять, какой именно ужас поселился там после визита в «F-4». Кайл не стал расспрашивать. Вместо этого он крепко, почти грубо обнял её, вминая в себя отчаянно, до хруста рёбер. Словно физической силой хотел выдавить из неё любое сомнение, любую мысль о поражении или разлуке. Он прижал её к своей груди так плотно, будто пытался срастись с ней кожей, чтобы Система никогда не смогла их разделить.

— Ну конечно... — хрипло шепнул он ей на ухо, и в этом шёпоте было больше отчаяния, чем уверенности. — Слышишь? Мы дойдём до конца. Вместе.

Пальцы девушки судорожно вцепились в ткань футболки на его спине. Она зажмурилась, вдыхая его запах, пытаясь запомнить это тепло. Она знала, что ждёт ему. Но эта ложь была её единственным способом защитить его от той правды, которая могла сломать мужчину ещё до того, как они достигнут Сектора «Z». Несмотря на ледяной холод правды, которую она скрыла, осознание необходимости попасть в «Зету» жгло изнутри. Образ скрытого прохода, тот самый «баг» в архитектуре, который она увидела в Архиве, стоял перед глазами, как выжженное клеймо. Она должна была узнать, куда он ведёт. Должна была понять, что заставило её прошлую версию рискнуть всем.

— Останься сегодня у меня... — внезапный голос Кайла вырвал её из лабиринта собственных мыслей.

Этот шёпот был настолько интимным и надломленным, что он мгновенно выжег всё её самобичевание. Мужчина не отпускал её. Он держал её так, словно она была последним глотком воздуха в вакууме. Его горячее дыхание всё ещё обжигало чувствительную кожу уха, а пальцы продолжали мерно, почти гипнотически поглаживать её по спине и затылку.

— Не хочу разлучаться с тобой сегодня ещё раз... — снова прошептал он, и эти слова накрыли её сознание тяжёлой, сладкой волной.

Селена почувствовала, как её сопротивление окончательно тает. В этом механическом мире, где время измерялось итерациями, а чувства — вольтами, просьба Кайла была самой человеческой вещью, которую она когда-либо слышала. Он чувствовал угрозу. Его инстинкт надзирателя кричал о том, что «Зета» — это начало конца, поэтому он пытался удержать её здесь, в безопасности своих объятий, хотя бы на одну ночь.

— Останусь, — выдохнула она ему в плечо, и её пальцы, всё ещё вцепившиеся в его одежду наконец расслабились.

Она знала, что завтра ей придётся лгать, маневрировать и рисковать. Знала, что Старик будет ждать её следующего шага, а «Зета» раскроет свою пасть. Но сейчас... сейчас был только он. Его тяжёлое сердцебиение под её ладонью и тишина комнаты, которая на несколько часов стала их персональной вселенной.

Кайл чуть отстранился, чтобы заглянуть ей в лицо. Его рубиновые глаза светились приглушённо, в них отражалась смесь облегчения и неисчерпаемой жажды. Он медленно провёл большим пальцем по её нижней губе, которую она только что кусала от волнения.

— Только мы, Селена, — тихо произнёс он, словно давая клятву. — Этой ночью давай забудем про существование Системы...

Впервые она не ушла в свою стерильную каюту под надзор автоматических протоколов. Трепет, тонкий и острый, как лезвие, прошивал её сознание, заставляя сапфировые глаза мерцать в такт учатившемуся пульсу. Кайл не зажигал свет. В глубоком индиговом полумраке его покоев всё казалось иным: острые углы мебели сгладились, а привычный холод металла уступил место живому человеческому теплу. Когда они легли, мир за пределами этой комнаты просто перестал существовать.

Мужчина притянул её к себе — осторожно, словно она была сделана из тончайшего стекла, которое могло треснуть от любого резкого движения. Селена почувствовала спиной его грудь, ощутила, как его тяжёлая рука легла ей на талию, надёжно прижимая к себе. Это не было захватом надзирателя; это было объятие утопающего, нашедшего свою единственную опору.

— Не забывай дышать... — выдохнул он ей в затылок, слегка усмехнувшись. Этот шёпот, лишённый привычной стальной власти, заставил её сердце пропустить удар.

Она замерла, впитывая кожей каждое мгновение этой невозможной близости. Пальцы мужчины переплелись с её на животе, создавая причудливый узор в уютном полумраке.

— Легко тебе говорить... — её голос едва заметно дрогнул, но она заставила себя добавить каплю иронии. — Цель номер один для всех девушек Сектора.

Несмотря на густую атмосферу трепета, их привычка подначивать друг друга сработала, как предохранитель, сглаживая неловкость первой совместной ночи. Кайл прижал её к себе ещё крепче, так что она почувствовала жар его тела сквозь тонкую ткань. Его губы коснулись её уха, обжигая дыханием.

— Хочешь меня в чём-то обвинить? — спросил он, и в его голосе послышалась мягкая, почти кошачья вибрация.

— Нет, и даже знать ничего не хочу, — отрезала она, хотя смятение не отступало.

В ментальном мире Лабиринта физические потребности часто отходили на второй план, уступая место чистому резонансу душ, но люди оставались людьми даже в этой высокотехнологичной клетке. Они отчаянно цеплялись за те немногие крохи тепла, что Система ещё не успела классифицировать, как «ошибку».

— Кстати, хотела спросить тебя... — Селена заговорила серьёзнее, осторожно подбирая слова. — Ты сказал, что до тебя смогли добраться четыре мои итерации за всё это время. Но что насчёт воспоминаний о них? Разве твои подчинённые не должны знать меня в лицо? Я не слышала ни единого слуха от парней...

— Они не знают тебя, потому что Сектор «R» был не раз обнулён, — выдохнул он.

Эти слова заставили девушку резко повернуться к нему и привстать на локтях. Она оказалась лицом к лицу с Кайлом, утопая в рубиновом свете его глаз.

— Почему ты так удивлена? — он невесело усмехнулся, глядя на её потрясённое лицо. — Как и «F-4», каждый Сектор периодически проходит через цикл полной очистки. Система стирает следы любых последствий, которые могут привести к системному сбою. Память надзирателей — такой же ресурс, как и энергия пленных. Её форматируют, когда объём аномалий становится критическим.

Селена смотрела на него, и внутри неё всё леденело.

— Ну да, но я думала надзирателей не обнуляют. Значит... ты единственный, кто помнит меня?

Кайл коснулся её щеки, и его взгляд стал пугающе глубоким.

— Я ведь Высший... Система считает мою память частью своего архива данных. Я — её чёрный ящик. Она хранит мои воспоминания, чтобы я мог эффективнее выполнять свою работу, просчитывать возможные риски и предотвращать ошибки предыдущих обнулений.

Эти слова повисли в воздухе, холодные и неоспоримые. Селена медленно выдохнула, чувствуя, как осознание его одиночества придавливает её к постели. Она опустила с локтей на спину и замерла, глядя на него снизу вверх. В этом полумраке его лицо, подпёртое ладонью, казалось высеченным из бледного кварца.

— Звучит логично... — прошептала она, и её глаза подёрнулись дымкой раздумий. — Вот почему Высшие такие недостижимые для других и друг друга. Ваша память — это не просто чувства, это база данных. Забавно, что где-то в другом слое реальности сейчас есть «другой ты», проживающий свою очередную итерацию и даже не догадывающийся о существовании такой величественной версии себя.

Мужчина замер, и в его рубиновых глазах промелькнула опасная, заговорщическая искра. Он придвинулся ближе, сокращая и без того призрачное расстояние между ними. Его свободная рука легла рядом с её подбородком, а кончики пальцев начали медленно, почти невесомо дразнить чувствительную кожу шеи.

— Тебя это забавляет? — спросил он низким, бархатистым голосом, от которого по спине Селены снова пробежала волна электрического трепета.

— Если забыть о том, что мы здесь все в ловушке... — девушка прикрыла глаза, отдаваясь его прикосновению. — Это удивительное место. Жестокое, безумное, но... грандиозное. Оно создаёт богов из тех, кого должно было стереть.

Кайл наклонился над ней, его тень полностью поглотила её. Он вглядывался в её лицо, пытаясь понять, как в этой хрупкой на вид девушке уживается смирение с судьбой и такая яростная жажда познания.

— Грандиозная клетка — всё ещё клетка, — отрезал он, и его пальцы чуть сильнее сжались на её челюсти, заставляя снова открыть глаза. — И я не хочу, чтобы ты стала частью её «удивительной» статистики.

Он замолчал, и Селена почувствовала, как его ментальное поле — обычно такое острое и колючее — сейчас обволакивает её тёплым, защитным коконом. В этой тишине, защищённой от внешнего мира миллионами вольт и кодов, время окончательно утратило смысл. Мужчина медленно скользнул взглядом к её губам. Его голова оторвалась от руки, и он подался вперёд. Движение было тягучим, осторожным — он внимательно следил за реакцией девушки, давая ей возможность отстраниться, если этот трепет станет слишком тяжёлым.

Его поцелуй был нежным, почти невесомым, пропитанным какой-то щемящей чувственностью. Это не был вчерашний порыв яростной страсти или отчаяния; скорее, это была тонкая, едва ощутимая нить, за которую он цеплялся, пытаясь удержать ускользающую реальность. В этом касании было больше признания, чем в тысяче докладов.

Он плавно отстранился, но не разорвал дистанцию, впиваясь в глаза девушки своим горящим взглядом. В этой близости Селена видела каждую трещинку в его напускном спокойствии, которое он обычно демонстрировал окружающим. Его рука от подбородка скользнула к ней за спину, властно и одновременно бережно прижимая её к себе. Она уткнулась лицом в его грудь, вдыхая запах озона и тепла. Её пальцы робко, почти неосознанно сминали мягкую ткань его майки на лопатках. Она чувствовала, как под её щекой мерно и тяжело бьётся сердце Высшего надзирателя — единственное живое сердце во всём этом механическом Секторе.

— Ты — моя константа, Селена... — прошептал он ей в волосы, и его голос вибрировал прямо у неё в груди. — Что бы ни случилось, что бы ты ни нашла в тех архивах... помни это тепло.

Она зажмурилась, стараясь не думать о том, что через несколько часов им снова придётся нацепить маски и стать частью Системы. Сейчас, в этом коконе его объятий, она впервые за долгое время чувствовала себя не просто юнитом, а кем-то, ради кого хотела бы переписать сами законы мироздания.

Кайл разбудил её почти невесомыми касаниями, вытягивая из глубокого сна, который в этом месте был непозволительной роскошью. Она видела очертания комнаты, уставленной мебелью. Предраассветные лучи освещали комнату, занавески пошатывались от вентиляции. Это был тёплый сон, просыпаться от которого не хотелось, но Селене нужно было успеть вернуться в свою каюту, чтобы сменить домашнюю одежду на жёсткую форму. Мужчина не хотел её отпускать. Это чувствовалось в том, как медленно он размыкал объятия, как его рука до последнего держалась на её плече. На самом пороге, когда створки двери уже были готовы разойтись, Кайл вдруг остановил её.

— Что это? — спросил он, сузив рубиновые глаза и делая вид, что пристально разглядывает её лицо.

Его пальцы вновь коснулись её подбородка, властно, но осторожно притягивая ближе к свету индикаторов. Селена замерла, ожидая замечания о сбитом ментальном фоне или следах усталости, но Кайл лишь поцеловал её — коротко, по-хозяйски, и тут же отстранился, ехидно улыбнувшись.

— Показалось... — бросил он, и в глубине его взгляда промелькнуло мальчишеское озорство, совершенно не вяжущееся с образом сурового командира.

Для Селены всё это до сих пор было в новинку. Внутри неё боролись дисциплина бойца и томлящее, непривычное чувство нежности. Она что-то неразборчиво буркнула себе под нос, чувствуя, как щеки обдаёт жаром, и быстро вышла. Холодный воздух мгновенно привёл её в чувство. Коридоры Сектора «R» были залиты ровным, бездушным светом, и каждый её шаг эхом отдавался от металлических плит. Ей нужно было переодеться, привести мысли в порядок и подготовиться к новому раунду по выживанию. В голове всё ещё звучал голос Старика и стоял образ «Зеты». Теперь, когда она знала, что Кайл — её «чёрный ящик», ответственность за их общее будущее давила на неё ещё сильнее. Она не имела права на ошибку.

Девушка шла к своему блоку, стараясь сохранять походку идеального солдата, но внутри всё ещё вибрировало эхо его ехидной улыбки. Она успела. Переодевание заняло считанные минуты: мягкая ткань сменилась жёстким кителем, который привычно сдавил грудь, возвращая ощущение контроля. Сапфировые глаза в зеркале каюты вспыхнули ровным, холодным светом — маска была на месте.

Когда она вошла в общую столовую, отряд уже был в сборе. М-10 лениво копался в своём пайке, Буйвол поглощал двойную порцию протеинового концентрата, а R-5... R-5 замер с ложкой во рту, как только Селена переступила порог.

— О-о-о, — протянул он, подозрительно прищурившись. — Наша героиня соизволила спуститься к смертным. Ну что, как спалось после триумфа в «F-4»? Командир не замучил тебя «дополнительными отчётами»?

Девушка молча взяла свой контейнер и села напротив. Она чувствовала на себе внимательный, сканирующий взгляд М-10. Тот всегда видел больше, чем положено, и его молчание сейчас было красноречивее любых расспросов.

— Обычный цикл восстановления, — коротко бросила она, не поднимая глаз. — Ничего сверх регламента.

— Да ну? — R-5 хохотнул, подаваясь вперёд. — Тогда позволь спросить, откуда это ты шла утром? Так торопилась в свою каюту...Ай.

Буйвол отвесил напарнику подзатыльник, отчего тот едва не уткнулся носом в кашу.

— Заткнись, Пятый. Дай человеку поесть перед сменой.

Селена не выдержала и хихикнула. Вот она — её единственная отдушина в этой стерильной клетке. Она мельком взглянула на М-10, но тот сосредоточенно изучал свой паёк, не поднимая глаз. Казалось, он окончательно оставил попытки вмешиваться в её жизнь, и это приносило долгожданное облегчение. Они закончили завтрак и уже собирались идти переодеваться на плановую тренировку, когда наручные терминалы всего отряда синхронно выдали резкий, тревожный сигнал. Вызов в штаб. Срочно.

В главном холле было непривычно многолюдно. Десятки групп выстроились в идеальные шеренги, создавая живой коридор из чёрной брони и холодного блеска отличительных значков. Когда тяжёлые двери распахнулись, зал мгновенно замер по стойке «смирно». Воздух будто наэлектризовался. Р-1 вошёл, чеканя шаг. Его лицо было бледнее обычного, а рубиновые глаза светились жёстким, почти осязаемым пламенем.

— Всем внимание! — его голос гремел, отражаясь от высоких сводов, и в этом звуке не осталось ни капли ночной нежности.

«Случилось что-то серьёзное?» — промелькнуло в мыслях девушки.

— Сектор «R» был выбран для внеочередной проверки нижних ярусов. Все группы мобилизованы. Сопровождение Представителя по каждому Измерению и поддержание абсолютного порядка — наш главный приоритет.

Селена почувствовала, как по спине пробежал холод. Нижние ярусы... Место, где реальность Лабиринта была самой грубой, где обитали и работали тысячи пленных. Она так давно не спускалась туда, что почти стёрла из памяти время, когда сама была лишь безликим номером в толпе «доноров» энергии. Странное осознание ударило её под дых: она никогда не была внизу именно здесь, в Секторе «R». Кайл выцепил её, когда она проходила стажировку в Секторе «N», и сразу сделал своей протее, фактически вырвав из грязи нижних уровней. Она знала блеск Цитадели, знала элитный «Резонанс», но понятия не имела, какая жизнь бурлит под их ногами. Что именно они там ищут? И кто этот «Представитель», ради которого подняли весь Сектор?

Девушка поймала на себе мимолётный, тяжёлый взгляд Кайла. Он длился меньше секунды, но в нём она прочла чёткое предупреждение. Эта «проверка» была не просто бюрократией — Система начала прощупывать почву там, где сложнее всего контролировать аномалии.

— Представитель прибудет послезавтра. Проверка будет проходить с первого до последнего Измерения, — продолжал Командир, и его голос резал воздух, как стальной клинок. — У вас есть полчаса на подготовку, после чего каждая группа займёт закреплённую за ней зону.

Он сделал паузу, давая словам осесть в напряжённой тишине зала. Селена видела, как по рядам элитных бойцов пробежала волна едва сдерживаемого ропота.

— Понимаю ваше недовольство. Элитным активным единицам придётся работать бок о бок с обычными надзирателями? Всё верно! — Главнокомандующий внезапно шагнул вперёд, и его аура вспыхнула холодным, яростным гневом. — Чтобы каждый из вас помнил, куда можно легко вернуться, если вы вдруг забыли, что это возможно!

Эти слова ударили по нервам собравшихся сильнее, чем любая физическая атака. В Лабиринте это была высшая форма угрозы: одно обнуление, один системный сбой — и ты снова «крыса», которую топчут те, кто ещё вчера отдавал тебе честь. Перед глазами Селены на мгновение вспыхнули обрывки воспоминаний: серые коридоры, вкус крови во рту и избиения, которые она пережила, будучи обычной пленной.

— Будете находиться там в качестве боевой поддержки, — жёстко продолжал R-1. — Следить за работой местных надзирателей и устранять любые проблемы. Никакого боевого обмундирования. Вы идёте туда не с проломами в пространстве сражаться, а предоставлять услуги «лакеев» для Представителя. А теперь — разойтись!

— Так точно! — слаженно, как единый механизм, прогремел ответ десятков глоток.

Когда шеренги начали распадаться, девушка почувствовала на себе быстрый, почти неуловимый взгляд Кайла. В нём не было сочувствия — только предупреждение. Нижние ярусы Сектора «R» были тёмным пятном на карте её новой жизни. Ей предстояло спуститься в подвалы нынешнего дома, где правила игры были куда более первобытными и жестокими, чем в сверкающих залах Цитадели.

— Полчаса, — прошептал R-5, потирая затылок и стараясь скрыть дрожь в руках. — Лакеи... Он серьёзно? Буйвол, ты в костюме лакея будешь выглядеть, как скала в фартуке.

Но Селене было не до шуток. Она понимала: эта проверка — не просто прихоть. Это начало большой зачистки, и её роль в этом спуске в «ад» могла стать решающей.

— Эй, R-5, — обратилась она к напарнику, когда они сворачивали в жилой коридор. — Какая здесь жизнь в нижних ярусах?

Вопрос прозвучал непривычно серьёзно. Серийный номер R-5-09:11 — был клеймом, напоминавшим, что он выходец именно из тех глубин, куда им предстояло спуститься. Парень вмиг утратил свой задор. Его лицо осунулось, а взгляд стал колючим и холодным.

— Тебе не понравится... — сухо отрезал он, не оборачиваясь.

Группа разошлась по каютам. Подготовка требовала педантичности: внизу ты не просто боец, ты — символ власти Системы. Селена методично приводила себя в порядок. Отполированные до блеска тяжёлые берцы, идеально отутюженный чёрный мундир, серебряные знаки отличия, фуражка с жёстким козырьком и ослепительно белые перчатки. Всматриваясь в своё отражение, девушка кожей чувствовала, как возвращается забытый навык — «держат лицо». Там, внизу, ты должен внушать священный ужас. Каждая складка на твоей одежде должна говорить пленному, что он — ничто.

Странно. Её жизнь в «Резонансе» каждый день балансировала на грани смерти, она заглядывала в разломы пространства, но именно сейчас, перед спуском на жилые уровни, её руки едва заметно дрожали. Угроза Кайла достигла цели. Всех их, какими бы элитными они ни были, объединял один первобытный страх: снова стать частью той серой массы, которую они сегодня идут инспектировать.

Лифт мягко дрогнул, начиная долгое падение вглубь пространства и времени.

— Сектор «R-8», — читала Селена вслух с планшета, пока цифры этажей на табло стремительно менялись. — Профиль: переработка тяжёлого ментального конденсата. Контингент: три тысячи единиц. Уровень смертности в пределах нормы, но зафиксированы частые случаи «затухания» — когда пленные перестают вырабатывать ресурс из-за истощения воли.

— Затухание, — Буйвол мрачно хмыкнул, поправляя белую перчатку на огромном кулаке. — Значит, будем работать «пастухами». Поднимать тех, кто решил, что с них хватит.

R-5 стоял молча, глядя в закрытые двери лифта. Его челюсти были плотно сжаты.

Реальность внутренней жизни Лабиринта была куда уродливее, чем официальные отчёты. Обычные пленные, запертые в своих сотах, видели лишь верхушку айсберга — надзирателей, которые каждое утро лупили их за малейшее неповиновение. Но эти «пастухи», вымещавшие злобу на тех, кто был ещё слабее, на самом деле находились в самом низу зубастой иерархии. Их всех объединяла угольная кожа — метка принадлежности к исполнительному слою, — но знаки отличия кричали о пропасти страданий и полномочий.

Когда двери лифта полностью разошлись, аура группы «Резонанс» буквально ударила по пространству «R-8». Селена чувствовала, как их коллективное ментальное поле, закалённое в зачистках, заставило местный персонал инстинктивно вжать головы в плечи. Они могли раздавить любого здесь по щелчку пальцев. Само присутствие элиты на нижних ярусах не давало покоя никому: от начальника блока до последнего уборщика. Местные надзиратели теперь должны были ходить перед ними по струнке, гадая, каким окажется следующий каприз этих «богов» с серебреными вставками.

Селена сделала несколько шагов по серому коридору, и каждый из них гулко отдались в её памяти. Она вспоминала, как сама когда-то слизывала пыль, как замирала, превращаясь в живую подставку для ног, лишь бы не получить разряд в основание черепа. Её путь по этой кровавой карьерной лестнице был стремительным только потому, что она из кожи вон лезла, стараясь быть идеальным исполнителем. Но вокруг были те, кто застрял в этой иерархии на десятилетия, превратившись в озлобленных теней без единого шанса на просвет. И этот Сектор не был исключением.

— Смирно! — взревел щуплый надзиратель, встречавший их на перроне. Его голос сорвался на визг.

Десяток надзирателей мгновенно застыл, вытянувшись в струнку. В воздухе повис запах первобытного страха.

— Группа «Резонанс», Сектор «R-8» в вашем распоряжении! — отрапортовал он, не смея поднять глаз. — Мы... мы не ожидали проверки так рано.

— Мы здесь не для ожиданий, — холодно произнёс M-10, поправляя фуражку. Его голос в этой тесной бетонной коробке прозвучал, как приговор.

Селена видела, как пальцы R-5 сжимали рукоять шокера на поясе. Для него этот поход был возвращением в личный ад. Устав в нижних ярусах был не просто сводом правил — он был единственным законом, удерживающим хаос. Здесь действовало незыблемое право сильного: нижестоящий не имел права не то что заговорить, но даже поднять взгляд без прямого приказа. Девушка медленно прошла вдоль шеренги местных надзирателей, застывших в струнку. Её шаги, чёткие и размеренные, выбивали сухую дробь по бетонному полу. Она двигалась неспешно, задерживаясь перед каждым, прошивая их насквозь холодным сапфировым взглядом. Её белые перчатки казались ослепительными в этом тусклом мареве. Она проверяла всё: идеальный наклон фуражки, чистоту шевронов, отсутствие малейшей складки на мундире. Вид надзирателя любого ранга должен был быть безупречным, как выверенный программный код. Любая небрежность здесь, внизу, могла быть расценена Представителем, как признак слабости всего Сектора «R», а значит — стать ударом по репутации Кайла. У них были всего сутки, чтобы вычистить этот «подвал» до блеска.

— Разделимся, — спокойно произнесла она, обращаясь к своим напарникам.

Группа ответила коротким, синхронным кивком. Им не нужны были лишние подтверждения или уточнения — бесчисленные совместные зачистки научили их понимать друг друга с полуслова. Это была база их выживания. Однако среди местных пролетел невидимый ток удивления. Глядя на группу, они инстинктивно ожидали инициативы от Буйвола — его животноподобная фигура и пугающая мощь казались им естественным воплощением власти. То, что командовала хрупкая на вид девушка, не вписывалось в их примитивные представления о

силе. Но стоило Селене бросить на них один ледяной, властный взгляд, как всякое сомнение в шеренгах испарилось, сменившись ещё более глубоким, трепетным ужасом.

— М-10, ты берёшь на себя жилые блоки и проверку санитарных норм. R-5 и Буйвол — инспекция рабочих цехов и калибровка оборудования. Я пройду по архивам местной администрации и проверю «затухающих». Через четыре часа — отчёт по закрытому каналу.

Напарники коротко кивнули, и этот синхронный жест поставил точку в обсуждении. Местные надзиратели тут же засуетились, как потревоженные насекомые; такая чёткая, почти военная последовательность действий выбила их из привычного ритма ленивого самодурства. Ответственные за блоки разделились, послушно следуя за «богами», которые разошлись в разные стороны, увлекая за собой перепуганных надсмотрщиков. Распределение обязанностей было безупречным. Селена знала сильные стороны каждого: аналитический ум М-10 идеально подходил для выявления скрытых нарушений в быту, а техническая хватка R-5 и физическое давление Буйвола гарантировали, что в цехах не останется ни одного несмазанного винтика или строптивого пленного. Доверие было абсолютным — база, на которой строилась их выживаемость в самых гиблых миссиях. Разделившись, они не просто экономили время, они давали друг другу возможность сосредоточиться на деталях, не оборачиваясь назад.

Селена направилась в сторону административного крыла. Её шаги по выбитому бетону звучали сухо и властно. Сопровождающий её Старший смотритель едва поспевал следом, то и дело вытирая вспотевший лоб рукавом, боясь нарушить тишину.

— Сюда, Госпожа... Архив личных дел в конце этого коридора, — пролепетал он, дрожащими пальцами активируя замок массивной двери.

Внутри пахло застоявшейся пылью. Ряды серверов и ящиков с физическими носителями — редкость для верхних ярусов, но норма для низов — уходили в полумрак. Селена прошла к Центральному терминалу и, не снимая белых перчаток, коснулась сенсора. Она методично проверила показатели серверов: цифры в реальном времени должны были зеркально отражать отчёты, поданные в штаб. Малейшее расхождение — и полетит голова начальника архива. Но всё было чисто, по крайней мере, на бумаге.

— Теперь «затухающие», — холодно произнесла она, выпрямляясь. — Проводите меня в изолятор.

Сопровождающий заметно ссутулился, будто пытаясь стать невидимым, но послушно засеменил вглубь административного блока. Двери изолятора разошлись с тяжёлым вздохом пневматики. Внутри пахло не смертью, а пустотой. Это был отсек с низким потолком, заставленный капсулами жизнеобеспечения. В каждой из них, окутанный мерцающим голубоватым раствором, неподвижно лежал человек. Система пыталась искусственно поддерживать в них искру жизни, подавая слабые электрические импульсы прямо в нервные узлы — имитацию воли, желание дышать, которое сами пленные давно утратили.

Селена медленно пошла вдоль рядов, её белые перчатки скользили по холодному пластику капсул. Она не просто смотрела — она «слушала» пространство своим ментальным чутьём. Для обычного надзирателя здесь было тихо, но для неё изолятор гудел от остаточного эха сломленных душ.

— Этот юнит, — смотритель указал на одну из капсул. — В затухании уже неделю. Реакция на внешние стимулы 0,3%. Мы увеличили дозу стимуляторов, но... разум просто свернулся.

Девушка остановилась. Её взгляд замер на лице пленного — измождённом, с запавшими глазами, которые даже во сне не находили покоя. Она прикоснулась ладонью к панели управления, и в ту же секунду её контур отозвался коротким, болезненным импульсом. В глубине кода этого «бракованного» юнита она почувствовала знакомую структуру. Это не было обычное истощение. Это было намеренное, ювелирное вмешательство. *«Они не затухают сами, —*

пронеслось у неё в голове. — *Их выпивают. И делают это здесь, в нижних ярусах*. Селена обернулась к зрителю, и её сапфировые глаза вспыхнули так ярко, что тот невольно отшатнулся, нарушив устав и подняв на неё испуганный взгляд.

Осознание прострелило разум, заставив девушку на мгновение замереть. Она слишком хорошо знала этот «почерк». У неё самой была похожая способность — тёмная, запретная грань её дара, о которой не догадывалась Система. Только Кайл знал, что она способна поглощать чужое ментальное здоровье, превращая волю жертвы в собственную силу. Но здесь, в сыром полумраке «R-8», кто-то действовал с пугающей регулярностью. В нижних ярусах затесался талантливый Архитектор, способный перекраивать чужое сознание под покровом официального «затухания». Все, кто попал в Лабиринт, по своей сути были ментальными проводниками, но уровень осознанности у всех разный. И здесь, среди отбросов и «брака», кто-то нашёл способ превратить пленных в личную кормушку. Селена медленно сократила расстояние до зрителя. Тот сжался, понимая, что нарушил устав, подняв на неё глаза, но ужас перед её полыхающим взором был сильнее дисциплины.

— Скажи мне, — её голос упал до ледяного шёпота, вибрирующего от скрытой угрозы, — как давно участились случаи «затухания» в этом Измерении? И кто из персонала имеет беспрепятственный доступ к капсулам?

— Госпожа... мы... мы следуем протоколу, — зритель сглотнул, его кадык судорожно дернулся. — Доступ только у дежурных медиков и старшего техника яруса. Но показатели... они всегда в норме! Система не фиксирует вмешательства!

— Система фиксирует то, что ей позволяют видеть, — отрезала она.

Девушка снова повернулась к капсуле. Если этот «хищник» — надзиратель, он опасно самонадеян. Если же это пленный, сумевший скрыть свой дар от сканеров, то он — потенциальный ключ или смертельная угроза. В голове Селены пазл начал складываться с пугающей быстротой. Визит Представителя, внезапная проверка, зачистка нижних ярусов... Что, если Система уже почуяла этого Архитектора и послала их группу, чтобы выжечь заразу, не называя вещей своими именами? Нужно было выяснить, кто он, и, каковы его истинные цели прежде, чем в Сектор прибудет проверка. Если это новичок, случайно открывший в себе дар поглощения, он был смертельно опасен именно в своей неопытности. «Работа» в изоляторе была грубой, с тяжёлыми ментальными шрамами — хищник не умел замечать следы, он просто вырывал куски сознания, оставляя за собой пустые оболочки. Селена понимала: этот некто мог вершить свои дела и вне стен медицинского блока. В густонаселённых бараках, в шумных цехах переработки — везде, где толпа или уединение скрывала единичный всплеск боли.

— Подготовьте полный список перемещений персонала и пленных за последние три квартала, — холодно бросила она зрителю, не сводя глаз с измождённого лица в капсуле. — И соберите отчёт по всем случаям внезапной агрессии в жилых блоках. Мне нужно видеть общую картину стабильности.

Ей нужно было лично обойти весь Сектор «R-8». Только так, полагаясь на своё уникальное чутьё, она могла распознать «вампира» в толпе. Но действовать открыто было нельзя. Малейший намёк на то, что она ищет кого-то конкретного, мог спугнуть добычу или, что ещё хуже, привлечь внимание Системы к её собственной осведомлённости о таких способностях. Нужно было работать строго в рамках легенды: она — элитный проверяющий, чувствительный к ментальной среде пространства. Любая зацепка должна была выглядеть, как случайная находка при плановом осмотре.

— Я начну обход с третьего уровня содержания, — произнесла она, поправляя белую перчатку. — Сопровождение не требуется. Я должна чувствовать чистый фон Сектора, а ваш страх только создаёт помехи.

Зритель облегчённо, но подозрительно кивнул. Селена вышла из изолятора, и тяжёлые двери за её спиной сомкнулись. Теперь у неё было несколько часов, чтобы раствориться в

коридорах «R-8». Она шла по нижним ярусам, едва касаясь пальцами стен. Металл вибрировал от тысяч чужих жизней, но где-то среди этого гула должна была быть «чёрная дыра» — точка, где энергия не текла, а исчезала. Селена сосредоточилась на своём 10:23, настраивая его, как радар, на поиск того самого грубого, рваного следа, который она только что видела в изоляторе.

Девушка двигалась по ярусам «R-8» подобно бесшумному сканеру. Её шаги в тяжёлых, отполированных берцах выбивали ровный ритм, который в узких коридорах звучал как обратный отсчёт. Уровень за уровнем она погружалась в вязкую атмосферу «низов», вглядываясь в каждое лицо — будь то измождённый пленный или задёрганный местный надзиратель. Она понимала ставки: если это ловушка Системы, ей нужно вскрыть её первой. Если же «вампиры» реален, его обнаружение Представителем станет катастрофой. В Лабиринте коллективная ответственность была абсолютной: за один неучтённый сбой в нижних ярусах под обнуление могли пойти все — от местных дежурных до Кайла.

Пролистав отчёты на планшете, девушка нахмурилась. Связи не было. Инциденты «затухания» вспыхивали хаотично, как искры на неисправной проводке. Жертвы жили в разных отсеках, работали в разных сменах. Единственное, что их объединяло, — точки общего доступа: столовые, душевые и блоки наказаний. Первым делом она направилась в блок строго содержания — туда, где за силовыми решётками держали «бунтовщиков». Это были в основном мужчины, чья воля ещё не была окончательно перемолота Лабиринтом, те, кому осточертело терпеть свинское к себе отношение. Атмосфера здесь была густой от подавленной ярости и тестостерона.

Когда Селена проходила мимо одной из камер, крупный мужчина с татуировкой на шее прильнул к решётке и отпустил сальный, грязный комплимент, сопроводив его хриплым смехом. Девушка даже не замедлила шаг и не повернула головы. Она просто хлестнула коротким ментальным импульсом. Пленного отшвырнуло к задней стенке камеры с такой силой, что кости глухо хрустнули о бетон. В ту же секунду весь блок погрузился в мёртвую тишину. Пленные вжали головы в плечи, осознав, что перед ними не просто «лакей» в белых перчатках, а хищник высшего порядка. Она медленно обвела взглядом камеры. Ничего. Местные надзиратели, стоявшие в карауле, дрожали от страха, но их ауры были серыми и плоскими — обычная злоба и усталость. Среди них не было никого, кто излучал бы ту специфическую, сосущую пустоту, которую она искала. *«Если это не надзиратель, значит, кто-то из них, — подумала она, глядя на притихших пленных. — Кто-то, кто научился прятать свой голод за маской бунтаря или жертвы».*

Она двинулась дальше, к третьему уровню — самому глубокому и мрачному, где располагались цеха первичной переработки. Там, среди грохота машин и испарений ментального конденсата, почуять след было сложнее всего. Индикатор на её запястье коротко завибрировал, рассыпая в полумраке технического коридора холодный свет. Напарники вышли на закрытый канал. На голографическом экране возникли лица М-10 и Буйвола — они уже закончили осмотр своих зон и ждали её резюме.

— Пока не всё понятно, — начала она, и её голос, обычно ровный, прозвучал с пугающей глубиной. — Но, кажется, у нас вырисовывается серьёзная проблема.

Парни замерли, внимательно вслушиваясь. Селена боковым зрением уловила, как засуетились рядом стоящие надсмотрщики. Они ловили каждое её слово, пытались понять, под какой именно удар подставили свои головы. Девушка выпрямилась, и её тон стал жёстким, как удар хлыста.

— Я подозреваю, что в Секторе завелась хитрая «крыса», — отчеканила она, специально используя жаргон нижних ярусов, чтобы до местных дошёл масштаб угрозы. — Присмотрись там ко всем. Подозрительные личности, любые всплески агрессии или, наоборот, беспри-

чинная апатия. Если кто-то из персонала или пленных кажется вам «пустым» — фиксируйте немедленно.

На том конце связи R-5 нахмурился, мгновенно считав подтекст. Как выходец из схожих низов, он лучше других понимал, о чём говорит Селена.

— Ты думаешь, это не системный сбой? — спросил он.

— Я думаю, кто-то здесь ест больше, чем ему положено по рациону, — отрезала она. — И делает это так изящно, что Система списывает всё на износ юнитов. Если Представитель обнаружит неучтённого «хищника», он обнулит весь ярус вместе с администрацией. И нам достанется за недосмотр.

Надсмотрщики «R-8» побледнели так, что их угольная кожа приобрела сероватый, пепельный оттенок. Один из них судорожно схватился за планшет, явно пытаясь лихорадочно перепроверить утренние рапорты.

— Понял тебя, M-4, — прогудел Буйвол. — Мы усилим контроль в цехах. Здесь как раз время пересменки, народ повалит в столовые. Идеальный момент для «крысы».

— Ищите тех, кто выглядит слишком здоровым на фоне этого кладбища, — добавила Селена, отключая связь.

Она развернулась к местным надзирателям. Те буквально вросли в стену под её взглядом.

— Ведите меня в блок переработки «В». Я хочу лично видеть, как ваши пленные работают в условиях... повышенного аппетита.

Внутри неё росло недоброе предчувствие. Если этот Архитектор почувствует загонщиков, он может пойти ва-банк прямо во время визита Представителя. Нужно было этого избежать любой ценой.

Блок переработки «В» встретил их удушливым маревом. Здесь ментальный конденсат отделяли от примесей, и воздух был настолько густым, что казалось, его можно было резать ножом. Грохот огромных центрифуг заглушал мысли, а вспышки статического электричества на кабелях выхватывали из полумрака бледные фигуры пленных. Селена шла по узкому мостику над рабочими рядами. Её белые перчатки теперь казались инородным телом в этом царстве копоти и износа. Она не смотрела на приборы — она искала «провалы». Если кто-то выпивал волю пленных, ей нужно было найти тихий омут среди шторма.

— Всем прекратить работу! — рявкнул сопровождающий надзиратель, пытаясь выслушаться перед элитой.

Машины начали замедляться с протяжным, стонущим звуком. Пленные замерли у своих постов, понуро опустив головы. Селена медленно пошла вдоль ряда, заглядывая в пустые глаза рабочих. Внезапно её 10:23 отозвался резким, колючим холодом. Это не был страх. Это был чужой, жадный интерес. Кто-то в этой толпе не просто не боялся её, а изучал. Она остановилась напротив шуплого парня с номером R-8-09:44. Он выглядел как все: грязная роба, впалые щёки, опущенные плечи. Но Селена видела больше. Его ментальное поле было неестественно плотным, свёрнутым в тугую спираль, как сжатая пружина.

— Ты, — тихо произнесла она. Голос её, усиленный акустикой зала, прозвучал, как приговор.

Парень с растрёпаной шевелюрой не поднял головы, но его пальцы, вцепившиеся в рычаг конвейера, побелели.

— Подними взгляд, — приказала она, сокращая дистанцию.

Местный надзиратель уже замахнулся шокером, чтобы проучить строптивца, но Селена остановила его коротким жестом. Она чувствовала, как «хищник» внутри парня начинает скалиться. Он почуял её силу и, кажется, решил, что она — такая же, как он. Охотник, пришедший за своей добычей.

— Я... я ничего не сделал, Госпожа... — прохрипел он, медленно поднимая глаза.

В его зрачках не было привычного тусклого блеска пленного. Там была бездна. Голодная, осознанная бездна, которая на мгновение попыталась лизнуть ментальное поле Селены, пробуя на вкус. Девушка замерла, её фигура в чёрном мундире казалась неподвижным изваянием на фоне лязгающих механизмов. Она не сводила взгляда с R-8-09:44, чувствуя, как его ментальная бездна в ответ ощупывает её собственные щиты. *«Дыши ровно»*, — приказала она себе. Если он почувствует страх или, что ещё опаснее, её узнавание такой же силы, может сорваться. В тесном цеху, набитом измождёнными людьми, стихийный выброс поглощения превратит это место в братскую могилу за считанные секунды.

Её пальцы за спиной привычно и точно нашли кнопку на терминале. Короткий двойной импульс. *«Координаты переданы. Всем группам — сближение. Код: Аномалия»*. Она знала, что через мгновение М-10, Буйвол и R-5 сорвутся со своих постов, направляясь к блоку «В», стараясь не поднимать лишнего шума.

— Твои показатели выработки падают, — произнесла она вслух, и её голос был сухим, как шелест пергамента. — Ты переутомлён, юнит?

Местный надсмотрщик за спиной Селены подобострастно закивал:

— Да-да, Госпожа! Этот дохляк едва тянет рычаг. Мы хотели отправить его в изолятор к вечеру...

— Нет, — отрезала Селена, не отрывая взгляда от парня. — Изолятор переполнен «затухающими». Я заберу его в административный блок для личного дознания. Мне нужно понять, почему ресурс в этом ряду иссякает быстрее нормы.

Парень медленно разжал пальцы, и рычаг конвейера со стоном вернулся в исходное положение. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на осознанную насмешку. Он понимал, что она видит его насквозь. Но он также видел её белые перчатки, её знаки отличия и... ту самую пустоту в её собственном коде, которая выдавала в ней родственную душу.

— Как прикажете... Госпожа, — прохрипел он. В его голосе не было смирения, только затаённое ожидание.

В этот момент двери в дальнем конце цеха тяжело лязгнули. Селена почувствовала приближение своих. Ауры Буйвола и R-5 вкатились в помещение тяжёлой волной, заставляя воздух вибрировать. *«Только не спугните его»*, — взмолилась она про себя. Девушка сделала шаг назад, освобождая пространство, но не разрывая визуального контакта с «хищником». Сейчас, когда её группа была рядом, ей нужно было решить: станет ли этот парень её ключом или её первым официальным смертным приговором перед лицом Представителя.

Напарники выросли за её спиной, словно две монолитные тени. R-5 мгновенно оценил обстановку: его взгляд метнулся от застывшего конвейера к шуплому парню и замер на его глазах. Буйвол же просто положил свою массивную ладонь на рукоять парализатора, создавая вокруг Селены зону абсолютной физической неприкосновенности.

— Проблемы, М-4? — его голос пророкотал низко, заставляя местных надсмотрщиков втянуть головы в плечи.

— Аномалия в энергообмене, — сухо ответила она, не сводя взгляда с R-8-09:44. — Этот юнит забирает на себя слишком много фонового ресурса. Я забираю его в допросную «А-1».

R-5 сделал шаг вперёд, обходя парня по дуге. Он прищурился, его ментальное чутьё, отточенное в нижних ярусах, забило тревогу.

— Слишком чистый, — прошептал он так, чтобы слышали только свои. — Для рабочего третьей смены у него слишком ровный пульс...

Тот медленно перевёл взгляд на R-5, и на его губах заиграла едва заметная, пугающая улыбка. В ней не было страха перед элитой.

— Идём, — приказала Селена, указывая на выход.

Они двинулись по коридору: девушка впереди, парень между Буйволом и R-5. Местные надзиратели провожали их взглядами, в которых смешались облегчение и ужас. Для них это

было обычное задержание «брака», но для Селены это был поход по минному полю. Они вошли в изолированную допросную административного блока и тяжёлая дверь с шипением заблокировалась, отсекая лишние уши. Парень не делал ничего подозрительного, застыв в центре комнаты. *«Осторожничает?»* — размышляла девушка. По крайней мере, теперь, если случится всплеск, под ударом было только элитное подразделение, способное выдержать ментальный шторм. М-10 вошёл следом, замыкая круг. Теперь их было четверо против одного.

— Я где-то провинился? — спросил парень, медленно осматривая их с ног до головы. Его голос звучал тускло, как у рядового пленного, но в глубине зрачков всё ещё копошилась та самая осознанная бездна.

— Не будем ломать комедию... — начала Селена, подходя к нему вплотную и глядя прямо в глаза. — Я чувствую от тебя ментальные вспышки. Предупреждаю: от твоих ответов и действий будет зависеть твоя дальнейшая жизнь, поэтому подумай дважды, прежде чем что-либо выкинуть. Ответь, ты причастен к ментальному истощению тех, кто сейчас находится в изоляторе?

— Понятия не имею, о чём вы, Госпожа, — ответил он, даже не моргнув. Лицо его осталось серой маской изнеможения.

— Если ты действительно не понимаешь, что с тобой происходит, это не страшно. Мы можем это... классифицировать, — продолжала она ровно, почти вкрадчиво. — Однако, если ты сейчас врёшь мне в надежде остаться безнаказанным, ты глубоко ошибаешься. Твоя причастность уже зафиксирована моей чувствительностью. Что будешь делать?

Девушка сделала ещё шаг, сокращая дистанцию до предела, так, что их ментальные поля начали соприкасаться. Она намеренно приоткрыла свою «пустоту», позволяя ему почувствовать вкус истинной силы.

— Представитель, который прибудет послезавтра, не будет задавать вопросов, — добавил М-10, чей голос прозвучал из угла комнаты, как удар молота. — Он просто сожжёт тебя, чтобыкупировать заразу.

Парень заметно напрягся. Его пальцы судорожно дёрнулись, а по стенам допросной пробежала лёгкая рябь — электронные замки на мгновение вспыхнули красным, реагируя на произвольный выброс его энергии.

— Вы... вы не понимаете, — наконец прохрипел он, и его маска безразличия начала трещать. — Я не выбирал это. Оно само... тянется.

— Значит, неосознанный паразитизм? — подытожил R-5, делая пометку в планшете. — М-4, он — ходячая мина.

Селена видела, что парень на грани срыва. Он казался напуганным собственной силой и тем, что его раскрыли. Но было и ещё что-то... Что-то тёмное, что она видела в его глазах.

— Нет... — произнесла она почти шёпотом, и тишина в допросной мгновенно стала свинцовой. — Осознанный.

В ту же секунду пространство внутри комнаты смялось. Парень перестал притворяться жертвой; его зрачки расширились, поглощая радужку, и из него выплеснулась чёрная ментальная воронка. Это был не крик о помощи, а хищный, расчётливый удар, направленный на то, чтобы выпить волю присутствующих одним глотком. Селена среагировала мгновенно. Она выставила ментальный щит — полупрозрачную сапфировую стену, которая приняла на себя основной удар, но края воронки всё же хлестнули по парням. М-10 пошатнулся, схватившись за виски, а R-5 глухо выругался, чувствуя, как из него вытягивают силы.

Девушка не дала аномалии развиваться, она сократила дистанцию и коснулась его плеча ладонью. Через её пальцы прошёл разряд чистой, концентрированной боли — прямой удар по нервным узлам, парализующий волю. Парень рухнул на колени, его тело выгнулось дугой. Он ещё несколько секунд смотрел на Селену снизу вверх, и в этом взгляде уже не было страха — только узнавание и дикий, хриплый смех.

— Ты... — выдавил он, захлёбываясь этим смехом, будто увидел в ней отражение собственного монстра.

Затем его голова бессильно мотнулась, и он потерял сознание, растянувшись на холодном полу.

— Это что сейчас было? — М-10 медленно опустил руки. Он тяжело дышал, пытаясь восстановить контроль над собственным разумом.

— Брр, какая мерзость... — отозвался R-5, брезгливо передёрнув плечами. Он всё ещё чувствовал на коже липкое, холодное прикосновение чужого голода. — М-4, он чуть не выпотрошил нас прямо здесь.

Селена стояла над бесчувственным телом, её рука всё ещё вибрировала от разряда. Сапфировый блеск в её глазах медленно угасал, сменяясь ледяной задумчивостью.

— Нужно изолировать его, — отчеканила она, и её голос прозвучал в тишине допросной, как удар затвора. — Доложить Главе и закончить работу.

Она произнесла это так обыденно, будто каждый день сталкивалась с ментальными хищниками, способными выпотрошить разум элитного бойца. Её спокойствие озадачивало напарников больше, чем само нападение. Девушка медленно опустилась на корточки рядом с бесчувственным парнем, всматриваясь в его застывшее лицо, словно пыталась прочесть скрытый между строк код его изломанной души.

— Как ты это сделала? — голос Буйвола, обычно ровный, сейчас вибрировал от плохо скрытого потрясения. Он перевёл взгляд с пленного на Селену. — Он жив вообще? После такого удара?

— Жив, — отрезала она, резко поднимаясь на ноги. — Я заблокировала его потоки. Зашила их, как Язву.

Парни замерли. В допросной повисла тяжёлая, липкая тишина. М-10 и R-5 смотрели на неё с нарастающим недоумением, в котором сквозила тень опасения. В этот миг Селена остро, до боли в висках осознала свою ошибку: она перешла черту. Они не знали реальных границ её дара, не знали, что она способна на хирургическое вмешательство в чужой ментальный контур. Её руки непроизвольно дёрнулись, и взгляд упал на раскрытые ладони в белых перчатках. В этом бесконечном мире лжи, где маска прирастала к коже, она сама начала путаться — что ей дозволено показывать, а что должно навсегда остаться в тени её «чёрного ящика».

— Сама не поняла как... — её голос дрогнул, она попыталась придать ему нужную долю растерянности. — Но по ощущениям... это было именно так. Словно инстинкт сработал.

Она сжала руки в кулаки, пряча дрожь пальцев. Нужно было немедленно вернуть контроль над ситуацией, пока их подозрительность не превратилась в официальный рапорт об аномалии самой М-4.

— Я напишу подробный отчёт об инциденте, — Селена старалась взять себя в руки, чеканя каждое слово. — А сейчас — за работу. Нужно проверить остальные блоки. Мы должны быть уверены, что аномалий больше нет, прежде чем Представитель ступит на этот ярус.

Она развернулась к двери, чувствуя на своей спине три пары внимательных, сомневающих глаз. Она знала: этот момент они запомнят. И теперь ей придётся быть в сто раз осторожнее, чтобы не выдать свою истинную суть тем, кому доверяла свою жизнь.

Селена чеканила шаги по коридору, и каждый удар подошв о бетон помогал ей структурировать ложь. Внешне она оставалась ледяным изваянием, но внутри выстраивала защитные барьеры из фактов и полуправды. *«Ничего... — методично рассуждала она. — Датчики зафиксировали самооборону. Моя чувствительность к среде — идеальное прикрытие. Тела людей здесь — тоже ментальные проекции, плотные сгустки энергии. Я просто объясню это, как инстинктивный порыв, я ведь постоянно имею дело с потоками Разрывов — «затянула» узел,*

как обычный ментальный излом в пространстве. Это звучит правдоподобно. Сухие факты, никакой мистики».

Осмотр остальных отсеков прошёл в гнетущем, но продуктивном темпе. Напарники работали молча, бросая на Селену короткие, оценивающие взгляды, но служба была превыше подозрений. Несколько строгих замечаний по калибровке щитов, пара выговоров за грязные изоляторы — и основная часть работы была завершена. Местные надзиратели суетились в поте лица, пытаясь устранить недочёты до приезда Представителя. Наконец Селена смогла отделаться от группы и направиться в Административный центр. Ей нужно было отправить отчёт Кайлу.

Она вошла в кабинет связи, отстранив дежурного оператора коротким жестом. Пальцы в белых перчатках быстро заплесали по сенсорной панели. *«Объект R-8-09:44. Аномальный всплеск ментальной активности. Попытка агрессивного поглощения ресурса группы. Нейтрализован на месте методом локальной блокировки потоков. Действовала в рамках протокола самообороны».* Она отправила пакет данных по закрытому каналу Командиру, добавив в конце личную метку: *«Требуется дополнительная калибровка моего фона по возвращении».* Это был сигнал. Он поймёт, что произошло нечто, о чём нельзя писать даже в зашифрованном отчёте.

Когда полоса загрузки дошла до конца, Селена откинулась на спинку кресла. В мониторе отражалось её лицо — угольно-чёрное, непроницаемое. Она только что создала ещё одну «пустоту», только на этот раз не в Архиве, а в официальной истории этого дня.

Ответ пришёл мгновенно, высветившись на сетчатке её глаз холодными символами: *«Держать объект под особым надзором. Передать Представителю».*

Селена едва заметно кивнула самой себе. Это был сигнал: Кайл уже наверняка просмотрел записи с камер допросной, проанализировал её действия и утвердил легенду. Слово «передать» означало, что аномалию парня решено использовать, как официальный трофей — доказательство бдительности «Резонанса». Она филигранно обыграла ситуацию, превратив опасную случайность в образцовое выполнение долга.

Девушка глубоко выдохнула, стряхивая остатки липкого страха, и вернулась к работе. Оставшиеся часы до рассвета слились в бесконечный марафон проверок. Вместе с парнями они прочёсывали «R-8», не оставляя без внимания ни одного тёмного угла. Селена шла впереди, её ментальное чутьё работало на пределе, выцепляя малейшие очаги недовольства. Несколько «тихонь» — пленных, которые внешне были покорны, но внутри вынашивали планы мелкого саботажа — были отправлены в карцер по её короткому кивку. Она считывала их намерения ещё до того, как они успевали оформиться в связную мысль. Местные надзиратели к утру напоминали тени самих себя: поникшие, дёрганые, они вычистили блоки до неестественного блеска. И вот, наступил час X.

Группа «Резонанс» выстроилась перед центральным лифтом нижнего яруса. Мундиры сидели идеально, белые перчатки слепили чистотой, лица превратились в непроницаемые маски. Тяжёлый гул возвестил о прибытии платформы с верхних уровней. Селена чувствовала, как напрягся Буйвол, как М-10 затаил дыхание. Лифт медленно замедлялся, и воздух в холле начал вибрировать от приближения чьего-то чудовищно плотного и холодного ментального поля.

Двери лифта разошлись, и в полумрак нижнего яруса шагнул Представитель. Его высокая фигура в тяжёлых переливчатых одеждах из синтетики, поглощающей свет, казалась монолитом власти. Но истинное давление пришло следом. Рядом с ним шёл Кайл. В своём образе Главнокомандующего и в тяжёлом чёрном пальто он выглядел карающим мечом Системы. Острый взгляд из-под козырька фуражки мгновенно прошёл строй, заставляя каждого подчинённого превратиться в сталь.

— Группа «Резонанс», доклад о состоянии Сектора «R-8», — голос Представителя прозвучал синтетически ровно, лишённый малейших человеческих интонаций.

М-10 чётко выступил вперёд, передавая планшет с данными. Тишину коридоров теперь прерывал только тяжёлый синхронный ритм шагов принимающей группы. Инспекция двигалась быстро: М-10 бесстрастно докладывал о нормативах выработки и состоянии жилых блоков. Но когда процессия достигла изолятора, в воздухе повисло ледяное напряжение. Был подан рапорт об аномальном объекте: «Угроза обнаружена и своевременно нейтрализована».

Створки особой камеры разошлись с тяжёлым шипением. Парень, которого Селена «зашила» несколько часов назад, сидел в центре, скованный по рукам и ногам силовыми зажимами. Он не мог пошевелиться, но когда проверка вошла внутрь, на его лице расплылась дерзкая, торжествующая улыбка. Представитель смотрел на него несколько секунд, изучая ментальный фон, а затем произнёс вердикт, от которого по спине девушки пробежал холод:

— Хорошая работа. Отпустить.

Кайл застыл, и Селена увидела, как на его скулах остро проступили желваки. В ту же секунду его аура, тяжёлая и яростная, ударила по присутствующим, заставляя техников попятиться. Он понял всё. Мужчина шагнул к пленному и одним резким, грубым движением содрал с него кляп.

— Нет, это уже переходит все границы, — голос Командира вибрировал от плохо скрываемой угрозы. — Может, мне просто убить тебя здесь и сейчас?

Парень запрокинул голову и дико, хрипло рассмеялся.

— Нет-нет! — он скалился, глядя Кайлу прямо в глаза. — Это была не моя идея. Я — просто исполнитель.

Селену прошиб озноб. Она видела, как аура этого «пленного» на глазах набирает чудовищные обороты. Он не был жертвой. Его сила, скрытая до этого момента, теперь разворачивалась, становясь вровень с мощностью Кайла.

— Потрудитесь объяснить, — Командир медленно перевёл яростный, пылающий рубиновым огнём взгляд на Представителя.

— Внедрение агента в чужеродную зону, — сухо и надменно ответил тот. — Если у вас есть претензии к методам проверки, обратитесь с ними напрямую к Хозяйке.

Тон Представителя был пропитан пренебрежением, и Селена видела, что Кайл на грани. Он подошёл к нему вплотную, нависая всей своей мощью.

— О, я обязательно обращусь, — пророкотал он низко, и в этом звуке слышался скрежет металла. — Но если вы продолжите смотреть на меня свысока, я напомню вам, что могу раздавить вас щелчком пальцев, Секретарь.

Он выделил последнее слово, превращая его в пощёчину. Перед ними стоял Секретарь Хозяйки — фигура влиятельная, стоящая у самой верхушки, но в иерархии силы он был никем перед Высшим надзирателем. Его власть была лишь бумажной бронёй.

— Это угроза? — холодно спросил тот, хотя в его голосе проскользнула тень сомнения. — Хотите попасть под трибунал за принижение Власти?

— Разве я сказал хоть слово про Власть? — Кайл ехидно усмехнулся, глядя на него сверху вниз. — Я говорю о вашем конкретном взгляде на Высшего. Прямо сейчас.

Парень на стуле снова зашёлся в безумном хохоте, наслаждаясь хаосом. Кайл резко развернулся к выходу, отсекая этот звук.

— Прошу вас закончить проверку и покинуть мой Сектор, — сухо отрезал он.

Секретарь ничего не ответил. Под тяжёлым, уничтожающим взглядом Главнокомандующего он просто развернулся и вышел из камеры, сохранив на лице маску высокомерия, которая уже никого не могла обмануть.

— Паразита не трогать! — бросил Кайл напоследок, и его голос, пропитанный ледяной властью, заставил техников оцепенеть.

— Какой негостеприимный... — отозвался парень на стуле, лениво потянувшись, насколько позволяли оковы. Его взгляд, острый и насмешливый, медленно скользнул к Селене, задерживаясь на её лице чуть дольше, чем позволяли приличия.

Девушка не дала ему этого удовольствия. Лишь секунда — и она резко развернулась, направившись к выходу. Её сапоги выбивали по бетону сухой, яростный ритм.

— Вы слышали приказ, — отчеканила она остальным.

— Не боишься, что я отомщу тебе за это? — донеслось ей в спину. В голосе «пленного» слышалось ехидство хищника, который точно знает, что клетка для него — лишь временное неудобство.

— При всём уважении... — Селена остановилась в дверях, её тон сменился на безупречно официальный, — но я исполняю приказы только своего командира. К тому же, судя по всему, вам не составит труда избавиться от оков и самому.

Она вышла, и тяжёлая дверь изолятора с шипением отсекла этот безумный смех. Внутри неё всё дрожало от осознания. Это был Высший. В голове лихорадочно забегали шестерёнки, выстраивая новую, пугающую картину реальности. Её план был под угрозой. Хозяйка подбросила им «паразита», и Селена, сама того не ведая, угодила в капкан, почти раскрыв свои способности перед тем, кто понимал их истинную природу. Девушка судорожно анализировала ситуацию. Его слово — против её. Вопрос был лишь в том, кому поверит Система, если этот агент доложит, что М-4 — тоже «паразит». Способность поглощать чужое ментальное состояние была редким даром; в мире Лабиринта большинство Архитекторов едва могли удерживать структуру собственных Секторов, а те, кто мог использовать других, как «батарею», считались аномалиями высшего порядка просто потому, что либо Архитектор потратил на развитие этой способности всю свою жизнь здесь, или же пришёл уже с развитой извне.

Потенциал ментальной среды был бесконечным — всё зависело от того, к чему у тебя предрасположенность, и насколько хватит фантазии. Этот агент использовал дар, чтобы внедриться в низы, замаскировавшись под пленного. Белая, почти прозрачная кожа Высших позволяла им это сделать без препятствий, и это было коварно даже для Системы — провернуть такой трюк именно сейчас, когда они с Кайлом были так близки к цели. Селена жадно впитывала детали. Она не проявила и капли открытого паразитизма — она лишь «зашила» его потоки, что вполне укладывалось в легенду о её сверхчувствительности. Прямых доказательств у него не было. Но сам факт того, что он мог всё же почувствовать её, не выходил из головы.

Лифт плавно скользил вверх, возвращая группу из душного марева нижних ярусов в стерильную прохладу Цитадели. Тяжёлое молчание нарушил R-5, чей голос буквально разрезал тишину кабины.

— Нет, это как понимать? — он обернулся к напарникам, всё ещё не веря в произошедшее на проверке. — Высший в нижнем Секторе?! Это вообще законно по протоколу?

— Ты слышал Секретаря, — процедил Буйвол, поправляя ремень излучателя. — «Специальная проверка», «внедрение агента»... Хозяйка играет по своим правилам.

— Слишком много экшена для одного раза, — выдохнул М-10. Он внимательно наблюдал за Селеной, которая с самого выхода из изолятора не проронила ни слова. Она стояла, прислонившись к стене лифта, погружённая в свои мысли. — Ты как? — спросил он, обращаясь к ней напрямую.

— Я просто в шоке... — выдохнула она, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

— Да, я тоже... — подхватил R-5, и в его глазах промелькнул азартный блеск. — Я до сих пор не могу отойти от твоего трюка. Как ты его «зашила»? Это было... эффектно.

— Случайно получилось... — девушка выдавила слабую улыбку, надеясь, что её легенда об инстинктивном порыве выдержит напор любопытства.

— Значит, есть потенциал! — R-5 расплылся в улыбке, а затем театрально, наигранно взгрустнул. — Только теперь мне думается, что нас затаскают по новым миссиям из-за тебя. Что дальше, M-4? Начнёшь стрелять из глаз лазерами?

Пространство лифта заполнилось дружным смехом. Напряжение, копившееся последние сутки наконец начало спадать. Парни принялись наперебой спорить, какие ещё способности они хотели бы развить в себе, когда двери лифта разошлись на нужном этаже: Буйвол мечтал о полной неуязвимости к ментальным атакам, а R-5 — о возможности проходить сквозь стены.

Селена слушала их вполуха, продолжая анализировать ситуацию. Пока напарники шутили, она понимала: этот смех — их единственная защита от осознания того, насколько близко они подошли к настоящей бездне. Неясно было, сколько ещё Кайл пробудет на нижних ярусах, разгребая последствия визита Секретаря, поэтому девушка направилась напрямик в свою каюту. Ей жизненно необходимо было побыть одной. Тишина личного пространства приняла её, как убежище. Она долго стояла под обжигающими струями душа, пытаясь смыть не столько физическую пыль «R-8», сколько липкое ощущение чужого, хищного взгляда Паразита. Вечер прошёл в тревожном ожидании, но сообщений от Кайла не поступало — он был официально занят протоколами закрытия проверки.

На следующее утро весь офицерский состав «Резонанса» снова собрали в штабе для разбора полётов. Атмосфера была натянутой. Командир стоял перед строем, заложив руки за спину; его лицо казалось отлитым из стали, а рубиновые глаза метали искры. Он методично прошёлся по каждому Сектору, не скупясь на жёсткие выговоры.

— В «R-12» допустили попытку саботажа прямо под носом у Представителя, — чеканил он, и его голос эхом отражался от стен. — Оперативная реакция надзирателей, смягчила обстоятельства, однако, не думайте, что это смягчит ваше наказание за допущение этой ситуации.

В целом, несмотря на отдельные инциденты, ситуация оставалась в пределах нормы. Система «проглотила» отчёты, признав Сектор «R» функциональным. Когда очередь дошла до «R-8», Кайл на мгновение задержал взгляд на Селене.

— Группа в «R-8» проявила исключительную бдительность, выявив внедрённого агента, — произнёс он официально, но в его тоне Селена уловила скрытую ярость, адресованную не ей, а тем, кто заслал Паразита. — Инцидент исчерпан. Объект передан под прямое управление Хозяйки.

Селена почувствовала, как внутри всё сжалось. Передан Хозяйке. Значит, этот Высший-диверсант доложит о ней «наверх».

— Свободны, — бросил R-1, закрывая совещание. — Всем вернуться к стандартному графику дежурств. M-4, задержись для уточнения протоколов изоляции.

Парни начали расходиться, и R-5, проходя мимо, ободряюще подмигнул ей — мол, опять тебе отдуваться за всех. Как только тяжёлые створки дверей сошлись за последним надзирателем, Кайл стремительно подошёл к девушке. Его маска стального спокойствия рухнула, обнажая живую, пульсирующую тревогу.

— Ты как? — спросил он, мгновенно переходя на шёпот. В этом звуке прорезалось то самое отчаяние, которое он весь день прятал за козырьком фуражки и сухим уставом.

— Это я хотела спросить, — Селена смотрела прямо на него, не отводя взгляда. — Мне показалось, что вы... с тем Высшим, кажется, не ладите.

— Это ещё мягко сказано, — мужчина криво усмехнулся. Его ладонь привычно и нежно скользнула к её лицу, пальцы коснулись скулы. Он жадно всматривался в её сапфировые глаза, ища в них следы ментального вмешательства того Паразита. — Но это не имеет значения. Я горжусь тобой.

Он сделал паузу, и теплота этих слов заставила Селену вздрогнуть. В мире, где её считали лишь эффективным инструментом, признание Кайла весило больше, чем все медали Лабиринта.

— Вырубил козла, — он довольно улыбнулся, и в его рубиновых глазах на миг вспыхнуло торжество хищника, чей партнёр оказался сильнее, чем думали враги.

— Мы оба знаем, что он просто позволил мне это сделать, — девушка улыбнулась ему в ответ, чувствуя, как уходит напряжение вчерашнего дня. — Играл свою роль до конца.

Она замолчала на секунду, а затем, понизив голос ещё немного, добавила, многозначительно взглянув:

— Ты будешь сегодня свободен?

— Да, — он едва заметно кивнул, его большой палец нежно погладил её кожу. — Я напишу тебе вечером, как только закрою отчёты для Секретаря.

В бездушных линзах камер, непрерывно наблюдающих за ними из-под потолка штаба, они выглядели классической парой — влюблёнными, которые ищут любой повод, чтобы уединиться в своём плотном графике. И отчасти это было чистой правдой. Система видела романтическую привязанность, не подозревая, что за этим фасадом скрывается заговор, способный обрушить сами основы Лабиринта.

Селена вошла в покои Командира, когда искусственная ночь окончательно накрыла Сектор «R». Её мягкая домашняя одежда и распущенные волосы резко контрастировали с предельной серьёзностью лица. Она несла в себе холодное знание, которое не давало ей дышать с самого момента возвращения из нижних ярусов.

— У нас проблемы? — спросил Кайл, мгновенно считав её состояние. Он стоял посреди комнаты, будто только сбросил мундир, и его бледная кожа в полумраке казалась почти светящейся.

— Вполне может быть... — устало выдохнула она, останавливаясь в паре шагов.

— Тогда подожди... — мягко перебил он. Мужчина подошёл к ней вплотную, и его руки беспрепятственно скользнули по её лицу, пальцами зарываясь в волосы на затылке. Он заключил её в коротком, нежном поцелуе, словно выставляя барьер между ними и всем остальным миром. Отстранившись через несколько секунд, он едва заметно, ехидно улыбнулся, довольный своей маленькой шалостью. — Теперь продолжай.

Селена невольно улыбнулась в ответ, но тревога быстро вернулась.

— Тот Паразит... — вынужденно выдавила она, стараясь говорить чётко. — Он мог почувствовать меня, когда я заблокировала его потоки. Что, если он доложит Хозяйке обо мне?

Мужчина внимательно вглядывался в её сапфировые глаза, ловя малейшую тень сомнения.

— У него есть доказательства? — спросил он уже совершенно серьёзно.

— Нет. Я не использовала поглощение. Только стандартную блокировку потоков.

— Тогда он ничего не скажет, — отрезал Кайл.

— Ты уверен? — девушка искала в его голосе опору.

— Без прямых доказательств в Лабиринте слова не имеют значения, ты же знаешь. Хозяйка не станет обнулять уникальную единицу только на основании подозрений своего агента, который сам провалил внедрение. Это расписка в собственной некомпетентности.

— Да, но это может стать поводом для новых, куда более изощрённых ловушек, — не отступала она.

Мужчина на мгновение задумался, глядя куда-то сквозь неё. Затем он просто притянул её к себе в крепком объятии, уткнувшись подбородком в её макушку. Ему это было необходимо не меньше, чем ей — просто почувствовать её тепло, чтобы восстановить силы после дня, полного лжи и политических игр.

— Мы справимся с этим, Селена, — хрипло прошептал он, поглаживая её по спине.

Руки девушки машинально легли ему на спину, впиваясь в плотную ткань рубашки. Она до боли хотела, чтобы эти объятия могли просто растворить все её тревоги, но реальность Лабиринта была слишком острой, чтобы её можно было игнорировать. Вдруг Селену осенило. Она почувствовала, каким горячим и напряжённым было его тело, как пахло от него озоном штаба и тяжёлым днём. Девушка отстранилась и заглянула ему в глаза.

— Ты... — выдохнула она, и её брови сошлись у переносицы. — Неужели ты только что освободился?

Кайл промолчал, лишь чуть заметно отвёл взгляд, что для него было равносильно признанию.

— Ты даже не переоделся, не отдохнул... и сразу позвал меня? — в её голосе прорезалось искреннее волнение. — Ты ведь сутками не спал из-за этих проверок!

— Просто хотел поскорее с тобой увидеться, — он мягко улыбнулся, и в этой улыбке не было ни капли власти, только безграничная, изматывающая нежность.

— Так не пойдёт, — решительно отрезала она, окончательно высвобождаясь из его рук. — Хватит строить из себя железного Главнокомандующего. Давай, иди в душ. Приведи себя в порядок, и тогда продолжим.

Кайл замер на мгновение, а затем на его лице расплылась та самая ехидная, чисто «его» усмешка, которая всегда выбивала Селену из колеи. Он сделал шаг к ней, вновь сокращая дистанцию и глядя сверху вниз с лукавым блеском в рубиновых глазах.

— Потрёшь мне спинку? — промурлыкал он, склонив голову набок.

Селена почувствовала, как к щекам прилил жар. Даже будучи на грани истощения, он находил силы на свои провокации. Она легонько толкнула его в грудь, пытаясь сохранить серьёзный вид.

— Иди уже, — буркнула она, пряча улыбку. — А я пока... разгребу твои запасы. Если у Высших вообще есть нормальная еда, а не только концентраты.

Кайл тихо рассмеялся — этот звук, редкий и почти непозволительный в стенах Цитадели, заставил Селену окончательно оттаять. Он послушно поднял руки, сдаваясь её напору, и направился к ванной комнате, на ходу расстёгивая рубашку.

Девушка осталась одна в центре его просторных, погружённых в сумерки покоев. Тишина здесь была другой — не давящей, как в коридорах «R-8», а обволакивающей. Она подошла к небольшому кухонному модулю. У Высших действительно был доступ к вещам, о которых в нижних ярусах слагали легенды: натуральные растительные экстракты, терпкий чай и даже настоящие зёрна кофе. Пока шум воды заглушал мысли, Селена медленно перебирала контейнеры, стараясь сосредоточиться на чём-то простом и мирном. Она выбрала два высоких бокала и приготовила напиток из ягодного концентрата, который пах летом — чем-то, чего в Лабиринте никогда не существовало, но о чём плакала её генетическая память.

Стоя у кухонного модуля и вдыхая ягодный аромат напитка, Селена пыталась унять дрожь в пальцах. Вскоре шум воды в душе стих, сменившись мягким шелестом открывшейся двери.

— Пахнет... непривычно, — произнёс Кайл, подходя ближе. Его голос стал мягче, лишившись всякой официальной стали.

— Решила, что после нижних ярусов нам обоим нужно что-то, что не напоминает о железе и озоне, — она обернулась, чтобы протянуть бокал. И застыла.

Мужчина стоял в паре шагов, небрежно перебросив полотенце через плечо. На нём были только свободные домашние брюки, низко сидящие на бёдрах. Девушка впервые видела его вот так — без брони, без мундира, без защитных слоёв чёрной ткани. Его торс, бледный и поджарый, казался высеченным из слоновой кости, а рельефные мышцы перекатывались под кожей при каждом движении. Тёмные линии татуировок, которые она раньше видела только

на предплечьях, уходили выше, причудливо оплетая ключицы и исчезая где-то на спине. Она засмотрелась на секунду дольше, чем позволяли любые правила приличия, и Кайл, конечно же, это заметил. На его губах заиграла та самая торжествующая усмешка, которая всегда означала, что он перехватил инициативу.

— М-4, ты проводишь визуальный осмотр или пытаешься найти в моём коде критическую ошибку? — промурлыкал он, медленно сокращая дистанцию.

Селена вспыхнула, чувствуя, как жар предательски приливает к щекам. Она попыталась отвернуться, но Кайл уже был слишком близко. Одним плавным движением он прижал её к столешнице, расставив руки по обе стороны от неё и полностью отрезая пути к отступлению. Девушка вздрогнула, её пальцы судорожно впились в прохладное стекло бокала, который она всё ещё держала в руках перед собой. Расстояние между ними сократилось до опасного минимума: она кожей чувствовала исходящее от него живое тепло и свежий аромат воды.

— Так ты ведь этого и добивался, да? — Селена заставила себя поднять взгляд и неловко улыбнулась, пытаясь скрыть за иронией бешено колотящееся сердце. — Хотел застать меня врасплох... Поздравляю. Тебе удалось.

— И как тебе? — мужчина не скрывал своего триумфа. Он явно наслаждался её замешательством, глядя на неё сверху вниз с тем самым нескрываемым лукавством, которое позволял себе только наедине с ней.

Его взгляд медленно скользнул по её лицу, задерживаясь на губах, а затем он осторожно забрал бокал из её застывших пальцев и отставил в сторону. Но отстраняться не спешил. Напротив, мужчина наклонился к самому её уху, обжигая чувствительную кожу влажным теплом после душа.

— Можешь коснуться, если хочешь, — прошептал он, и Селена почувствовала, как его дыхание буквально опалило ей кожу, заставляя мелкие мурашки рассыпаться по плечам. — Я разрешаю. Сегодня регламент... временно приостановлен.

Селена затаила дыхание. Его слова, такие простые и в то же время невероятно дерзкие, повисли в воздухе. Она видела каждую линию его татуировок, каждую каплю воды, не успевшую высохнуть на груди. Искушение было почти осязаемым. Она медленно подняла руку, всё ещё колеблясь, и кончики её угольно-чёрных пальцев зависли в миллиметре от его бледной кожи.

— Ты играешь с огнём, Командир, — тихо выдохнула она, наконец решившись и коснувшись его ключицы.

Кайл лишь тише рассмеялся, подаваясь навстречу её касанию. Его руки переместились с поверхности стола на её талию, медленно и властно притягивая девушку к себе. Теперь между ними не осталось даже миллиметра воздуха. Она чувствовала рельеф его мышц каждой клеточкой своего тела, и это ощущение было мощнее любого ментального резонанса.

— Я готов рискнуть, — прошептал он, зарываясь пальцами в её волосы.

Он приподнял её голову, заставляя снова встретиться взглядами. В его рубиновых глазах больше не было ехидства — только пугающая, обезоруживающая честность. Кайл наклонился и поцеловал её — на этот раз глубоко и томительно, забирая последние крохи её воли и сомнений. Селена подалась навстречу, прижимаясь ладонями к его обнажённой груди, чувствуя под тонкой кожей бешеный ритм его сердца. Одной рукой она потянула полотенце с его плеча, позволяя ему соскользнуть на стол, и её пальцы жадно заскользили выше — по крепким плечам, к шее, зарываясь в ещё влажные волосы на затылке.

Мужчина плавно отстранился, смакуя этот момент. Он видел, как она тянется к нему, как сапфировый блеск её глаз застилает мягкая дымка доверия, и это осознание согревало его истерзанную вечностью душу лучше любого ментального стабилизатора.

— Ну вот... — улыбнулся он, и в этой улыбке смешались нежность и затаённое торжество. — Ещё один барьер преодолен.

Он мягко высвободился из её объятий и сделал пару шагов в сторону, к оставленному на столешнице бокалу. Взяв его, Кайл сделал неторопливый глоток, не сводя с Селены глаз. Его взгляд, теперь открытый и жадный, медленно скользил по её фигуре — от волос до босых ног. Он осматривал её так, словно видел впервые, запоминая каждую чёрточку её кожи в мягком свете ламп. Девушка осталась стоять у стола, чувствуя себя странно беззащитной без его рук, но тепло его присутствия всё ещё окутывало её коконом.

— Ты смотришь на меня так, будто проводишь полную инспекцию юнита, — негромко произнесла она, пытаясь вернуть себе хотя бы тень прежней ироничности.

— Я смотрю на тебя, как на женщину, которая только что добровольно вошла в клетку к зверю, — Кайл поставил бокал и снова начал сокращать расстояние. — И я не уверен, кто из нас двоих сейчас в большей опасности.

Он остановился напротив неё, и его рука легла ей на талию, притягивая ближе к панорамному окну, за которым безмолвно вращались огни Сектора «R».

— Завтра Лабиринт снова заставит нас быть теми, кем мы не являемся, — прошептал он, глядя куда-то вперёд. — Но сегодня... сегодня у нас есть эта тишина.

Они стояли так какое-то время, всматриваясь в мерцающую даль, словно пытаясь разглядеть там, за горизонтом событий, дверь, которая наконец-то откроется. Но мужчина вдруг резко, порывисто нарушил этот меланхоличный покой. Он подхватил Селену на руки — легко, будто она была соткана из самого этого ментального воздуха, — и направился в глубь каюты, к широкой платформе для отдыха. Заливистый, искренний смех девушки разрезал стерильную тишину покоев, отражаясь от гладких стен. В этом смехе не было ни страха, ни субординации — только чистая, детская радость, за которую в этом мире могли обнулить.

Она крепко обхватила его за шею, зарываясь носом в изгиб плеча и жадно вдыхая запах его кожи, пахнувшей озоном и недавним душем. В этот миг ей было абсолютно всё равно, сколько итераций осталось в пепле прошлого и сколько ещё кругов ада им уготовила Система. Все цифры, серийные номера и холодные расчёты отступили перед оглушительным фактом: прямо сейчас его сердце билось в унисон с её собственным, и этот ритм был единственной настоящей истиной во всём Лабиринте. Кайл бережно опустил её на мягкую поверхность, но не отстранился, нависая сверху и удерживая её взгляд своими горящими глазами.

— Ты — моя единственная реальность, Селена, — выдохнул он прежде, чем окончательно стереть остатки дистанции между ними.

Они снова слились в поцелуе, жадно ощущая друг друга, пытаясь раствориться в этом моменте, но внезапно что-то пошло не так. Девушка вздрогнула. Знакомый «шум», который раньше был лишь фоновыми помехами, вдруг превратился в отчётливый гул. Перед глазами, перекрывая реальность каюты, вспыхнули рваные обрывки видений: залитая мягким светом комната, шелест ткани, прикосновение — и снова Кайл, но какой-то другой, без своей ледяной брони надзирателя. Эта картина отозвалась в груди такой щемящей, невыносимой болью, что у Селены перехватило дыхание.

— В чём дело? — спросил мужчина, мгновенно почувствовав, как она внутренне отстранилась, став чужой и холодной в его руках.

Девушка открыла глаза и виновато взглянула на него. Момент был разрушен, и тишина в комнате стала тяжёлой.

— Мои прошлые итерации говорили тебе что-нибудь о видениях? — осторожно спросила она, стараясь унять дрожь в голосе.

Кайл медленно отстранился и сел на край кровати рядом с ней. Его лицо осунулось, ехидство исчезло, уступив место мрачной решимости. Он понял: скрывать это дальше невозможно.

— Ты их наконец увидела? — негромко спросил он.

— Что это? — лицо Селены стало предельно серьёзным. — Это не просто системный сбой. Я чувствую это... здесь. — Она прижала ладонь к сердцу.

Он долго колебался, подбирая слова, словно каждое из них могло разрушить хрупкий мир, который они построили за эту ночь.

— Это воспоминания... — наконец выдохнул он.

— Чьи? — нахмурилась она.

— Наши.

Недоумение на лице девушки сменилось тревогой. Она подалась вперёд, вглядываясь в его рубиновые глаза.

— Объясни... я не понимаю.

— Помнишь, я говорил тебе про наши серийные номера? — Кайл заговорил тише, и его голос вибрировал от скрытого напряжения.

— Да. 10:23. Мы чувствуем друг друга из-за общего резонанса. Это время, когда мы попали в Лабиринт.

— Ты никогда не задумывалась, почему мы попали сюда одновременно? — спросил он, и этот вопрос повис в воздухе как приговор.

Воцарилась оглушительная тишина. В голове девушки лихорадочно вспыхивали догадки, пазлы из «шума» начали складываться в одну пугающую картину.

— Разве одновременно? — прошептала она, и её голос дрогнул. — Просто... совпало время в разных Секторах...

— Нет, Селена. Именно одновременно. В одну и ту же секунду.

Девушка застыла, боясь принять ту жестокую правду, которая уже стояла на пороге её сознания. Она смотрела на его бледное лицо, на его татуировки, борясь с осознанием, что Лабиринт — это не начало их истории.

— Мы попали сюда вместе... — осторожно продолжал мужчина, накрывая её руку своей холодной ладонью. — Потому что уснули тоже вместе... там, в реальности.

Селена застыла, и само дыхание, казалось, превратилось в ледяной кристалл, застрявший в лёгких. Слово «реальность» ударило по сознанию мощнее и болезненнее, чем любой ментальный разряд в изоляторе нижних ярусов. В ту же секунду перед глазами поплыли болезненные воспоминания: тот самый момент, когда её, словно в воронку, затянуло в Лабиринт. Когда осознанный, хрупкий сон внезапно обернулся бесконечным, цикличным кошмаром.

— Уснули... вместе? — прошептала она, и её сапфировые глаза расширились от накатившего ужаса осознания. В этом взгляде была пустота бездны.

Кайл сжал её ладонь так крепко, что кожа теперь казалась ещё более мертвенно-бледной. В его рубиновом взоре, обычно холодном и властном, сейчас плескалась вековая, невыносимая горечь человека, который слишком долго нёс это знание в одиночку.

— 10:23 — это момент, когда Система захватила наши сознания, — его голос надломился, теряя привычную сталь. — Мы стали беспрецедентным случаем для Лабиринта: идеально синхронизированные, близкие. Ему не нужно было ломать нас по отдельности. Он заглотил нас целиком, превратив нашу связь, нашу близость в бесконечный, неисчерпаемый источник энергии для своих нужд.

Девушка непроизвольно отшатнулась, чувствуя, как поверхность кровати становится зыбкой, а весь мир вокруг начинает качаться, точно декорация.

— Но почему я ничего не помню? Почему ты... — она осеклась, глядя на его татуировки, которые в этом новом свете казались шрамами от невидимых цепей. — И ты всё это время просто молчал?

— Я ждал, когда ты снова начнёшь вспоминать... — лицо Кайла исказилось, выдавая глубокое смятение. Он смотрел на неё с мольбой, которую никогда не позволил бы себе в иерархии надзирателей.

В комнате стало невыносимо тесно, стены будто начали сжиматься. Теперь всё вставало на свои места. Её необъяснимая, жгучая жажда покинуть Лабиринт, её вечные поиски «пустот»

— всё это было не просто рвением к абстрактной свободе. Это было подсознательное, отчаянное рвение назад, в те благословенные 10:22, когда мир был осязаемым, тёплым, и, принадлежащим только им двоим.

— Как ты узнал об этом? — спросила она тише, боясь, что даже стены комнаты могут содрогнуться от этой правды. — Просто... вспомнил?

— Почти... — Кайл осторожно сократил оставшееся между ними расстояние, обнимая её так бережно, словно она была единственной хрупкой вещью в этом мире из бетона и кода. — Проблема в том, что эти воспоминания разблокируются только у тех наших итераций, которые сближаются. Мы пришли к такому выводу с 678-й, когда сопоставляли факты.

Руки Селены крупно задрожали. Она вцепилась в его плечи, полностью осознавая теперь, почему их так неумолимо тянуло друг к другу сквозь бесконечные обнуления, разные титулы и километры чужих Секторов. Это не было программным багом или удачным стечением обстоятельств. Это была инерция их настоящих чувств, которая оказалась сильнее любых алгоритмов Лабиринта.

— 678-я... — прошептала она, пытаясь представить ту себя, которая тоже стояла в этих объятиях и осознавала то же самое. — Значит, вот в чём дело... Система не может стереть нас полностью, поэтому стирает декорации.

— Именно, — мужчина прижался лбом к её лбу, и его рубиновые глаза на мгновение закрылись. — Лабиринт может менять наши Сектора, кожу, должности, но он не может изменить тот факт, что мы уснули в одной комнате, держась за руки. Этот резонанс — наш единственный путь домой. Но он же — наша самая большая уязвимость. Хозяйка знает это. И пытается сделать нас эффективными винтиками не только порознь, но и вместе, превращая нашу привязанность в ещё один рычаг управления.

Девушка глубоко, прерывисто вздохнула. Впервые за всю эту итерацию ей было так невыносимо, почти физически плохо. Вся та боль, через которую она прошла, прогрызая себе путь по карьерной лестнице надзирателей, все шрамы и унижения прошлого — всё это казалось ничтожной пылью по сравнению с тем, что сейчас разрывало её изнутри. Огромная, неподъёмная правда придавила её к земле. Она крепко вжималась в Кайла, отчаянно боясь вновь сорваться в ту бездну обнуления, где его не будет рядом, где она снова станет чистым листом.

Он осторожно опустил её на кровать, не размыкая объятий, и притянул к себе, укрывая своим телом от холодного света индикаторов. Крупные, горячие слёзы скатывались по щекам Селены; у неё больше не было сил держать их внутри, как не было сил и бороться с нахлынувшим осознанием. Мужчина больше ничего не говорил. В этой оглушительной тишине слова были бессильны. Он просто молчал, прижимая её к себе каждой клеткой тела, каждую секунду напоминая о своём присутствии, о том, что он здесь, живой и настоящий. Его руки, обычно такие жёсткие на службе, сейчас были самой надёжной опорой в рушащемся мире. Он не собирался покидать её — ни в этом сне, ни в той реальности, что ждала их за порогом 10:23. Эта ночь стала для них тяжёлой, убаюкивающей от горькой беспомощности и одновременно дарящей странное исцеление. Кайл медленно, мерно поглаживал её волосы, перебирая пряди, пока дыхание Селены наконец не выровнялось, и она не уснула, полностью истощённая правдой, которую теперь им предстояло нести вдвоём.

Утро в покоях Высшего казалось серым и вязким, словно сам воздух пропитался тяжестью их ночного откровения. Селена с трудом разлепила веки, чувствуя во всём теле свинцовую усталость — не физическую, а ту самую, ментальную, которая наступает, когда рушится привычная картина мира. Кайл уже сидел на краю кровати, наблюдая за ней. Его взгляд был мягким, но в глубине рубиновых глаз застыла тревога.

— Может, возьмёшь выходной? — спросил он тихо, почти умоляюще. — Я могу оформить это, как период адаптации после инцидента в «R-8». Никто не задаст вопросов.

Селена медленно села, потирая виски. Каждое слово давалось с трудом, но разум уже начал выстраивать защитные барьеры.

— Нет... — выдохнула она. — Ты сам не спал несколько дней из-за этих проверок и Секретаря. Я справлюсь. Работа сейчас — единственное, что не даст мне окончательно сойти с ума.

Ей было невыносимо грустно, внутри всё ещё ныла та самая рана от осознания их общей «человечности», но оставаться наедине с этими мыслями в четырёх стенах каюты было бы ещё страшнее. Лабиринт требовал действий, и она готова была дать их ему. Она встала, быстро умылась ледяной водой, стараясь смыть остатки ночных слёз, и начала собираться. Ей нужно было проскользнуть в свою каюту, переодеться в мундир и явиться на развод с безупречным лицом. Кайл подошёл к ней бесшумно. Его руки сомкнулись на её талии в прощальном, нежном объятии, и он прижал губы к её макушке. Девушка закрыла глаза, на мгновение позволяя себе просто почувствовать его тепло. Она была бесконечно благодарна ему за то, что он не пытается её «лечить» или опекать сверх меры. Он просто был рядом, проживая эту боль вместе с ней, итерация за итерацией.

— Увидимся в штабе, М-4, — негромко произнёс он, отпуская её.

— До связи, Командир, — отозвалась она, уже надевая маску холодного профессионализма.

Выйдя в пустой коридор, Селена глубоко вдохнула озонированный воздух. Теперь, когда она знала об их прошлом, отступить было нельзя.

Утро в Секторе «R» началось с привычного гула голосов в столовой. Селена вошла туда, стараясь чеканить шаг, хотя внутри всё ещё вибрировало эхо ночного признания Кайла. Запах синтетического кофе и шум сотен подносов обычно раздражали её, но сегодня это была необходимая заземляющая реальность. Напарники уже были в сборе. Все с жаром обсуждали вчерашнюю проверку, перебрасываясь шутками.

— Как наш Командир спустил этого Секретаря с небес на землю, а? — хохотнул R-5, пододвигая Селене порцию протеина. — Тот чуть сквозь пол не провалился от злости!

Девушка невольно улыбнулась. Эти нехитрые подначки и привычный задор парней стали для неё настоящей отдушиной. Глядя на них, она на мгновение забыла о недавних потрясениях. Работа и тренировка — вот что было лучшим лекарством от бездны, развёрзшейся в её голове.

Тренировка в зале «Резонанса» прошла на пределе. Селена работала на износ, выплёскивая всё накопившееся напряжение в спарринге. Она отбивала тяжёлые атаки Буйвола, выставляя сапфировые щиты и уворачиваясь от захватов с грацией, которая пугала даже её саму. Физическая нагрузка принесла долгожданное облегчение — мысли о реальности затихли, уступив место инстинктам бойца. Но стоило им закончить и вытереть пот со лба, как сверху, с гостевых трибун, раздался залиvistый, издевательский хохот. Девушка замерла, и её сердце пропустило удар.

Из тени верхнего яруса прямо на арену прыгнула фигура. Приземление было мягким, почти кошачьим. Когда незнакомец выпрямился, вся команда инстинктивно подобралась, готовая к бою. Это был тот самый Паразит из «R-8». Но теперь на нём не было лохмотьев пленного — он был облачён в безупречный мундир Высшего надзирателя, расшитый золотом, а его бледно-розовые волосы теперь аккуратно свисали на плечи.

— Отличный результат! — он громко хлопнул в ладоши, и этот звук эхом ударил по нервам. — Моим парням из Сектора «С» точно стоит поучиться у вас такой... самоотдаче.

Его хохот гремел под сводами зала. Следом за ним по лестнице начали спускаться его сопровождающие, чьи знаки отличия ярко светились в полумраке. Селена смотрела на него в упор, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость.

— Что вы здесь делаете? — её голос прозвучал как лязг затвора. Она не опустила глаз, напротив, гневно сверлила его сапфировым взором. Она метнула быстрый взгляд на дежурных надзирателей своего Сектора, следовавших в тени его свиты. Те выглядели растерянными и напуганными. — Командир в курсе? Почему Высший находится в чужой зоне без официального сопровождения?

— М-мы сообщили Р-1... — пролепетала одна из связисток, не смея подойти ближе.

— Не рычи так, М-4, — усмехнулся Высший, вальяжно поправляя перчатки. — Твой командир занят на совещании. Поэтому я решил не дожидаться формальностей и сразу направился к своим любимчикам.

Он окинул взглядом всю команду, задерживаясь на Селене с таким видом, будто они делили общую постыдную тайну. В воздухе повисло тяжёлое, удушливое напряжение. Они скрутили его в цепи всего сутки назад, когда он играл роль агента. Теперь он вернулся в своей истинной силе. Пришёл ли он, чтобы отомстить за унижение, или его цель была куда масштабнее?

— При всём уважении... — начала девушка. Её голос был сухим и официальным, как рапорт, но в сапфировых глазах горел холодный огонь. — Вы не должны злоупотреблять властью, внося хаос в чужой Сектор.

Слова прозвучали как открытое обвинение. Один из его надзирателей сопровождения, багровея от ярости, шагнул вперёд:

— Смеешь дерзить Высшему, соплячка?! — рывкнул он, сокращая дистанцию.

Но тот остановил его простым, ленивым взмахом руки. Надзиратель мгновенно захлопнул рот и отступил на шаг, словно его ударили током.

— Ну-ну... — Р-8 продолжал улыбаться, наслаждаясь своей властью над пространством зала. — Технически, без сопровождения я не был. Вы ведь здесь, со мной.

Селена промолчала. Он жонглировал формальностями и уставом так, как ему было удобно, и любая попытка спорить сейчас выглядела бы как слабость.

— Почему бы нам с тобой не начать сначала, М-4? — он сделал несколько размеренных шагов к ней. — Клянусь, в моём появлении в «R-8» не было злого умысла. Я лишь выполнял приказ Хозяйки.

— Тогда почему вы сегодня снова здесь? — спросила она спокойно, хотя внутри всё сжалось в ожидании подвоха.

— Из любопытства, — он наклонил голову, глядя ей прямо в глаза, пытаясь нащупать тот самый резонанс, которым она «зашила» его вчера. — Меня искренне удивила твоя работа в допросной...

Он перевёл азартный взгляд на Буйвола, М-10 и Р-5, которые уже выстроились полукругом за спиной девушки, готовые к худшему.

— Почему бы нам не устроить дружеский спарринг, а? — Паразит заметно воодушевился, его аура начала пульсировать, заполняя зал тяжёлой, давящей энергией. — Четверо на одного.

Глаза Высшего заблестели опасным азартом. Одним резким движением он скинул китель на руки подоспевшему помощнику, быстро закатывая рукава рубашки. Его бледные руки были покрыты сетью шрамов.

— Мне чертовски интересно, как далеко вы зайдёте, если перестанете сдерживаться. Покажите мне истинную силу «Резонанса»!

Буйвол хрустнул костяшками пальцев, а Р-5 бросил быстрый взгляд на Селену. Вступать в бой с Высшим без приказа Командира было безумием, но отказ выглядел бы как трусость перед лицом всего Сектора.

— Возьмёте формальности на себя? — спросила девушка строго, и в её голосе прозвучала холодная капитуляция перед неизбежным. Она прекрасно понимала: даже вчетвером, обладая

идеальной синхронизацией, они не смогут уложить Высшего, если тот решит сражаться всерьёз. Он просто хотел поиграть с ними, прощупать их пределы, и для неё это было единственным шансом узнать о его способностях чуть больше.

— Ну разумеется, — расплылся он в предвкушающей улыбке, разминая шею. — Весь протокол я беру под личную ответственность.

Селена внутренне подобралась. Она ни за что не собиралась использовать поглощение или даже намекать на него. Нельзя было дать ему ни единого шанса разоблачить её истинную природу.

— Тогда хотя бы пощадите нас, — начала она, чуть расслабив плечи и принимая более свободную боевую стойку, чтобы сбить его с толку. — Тот ваш вчерашний «трюк» изрядно нас потрепал. Мы всё ещё восстанавливаем ментальный фон.

Она произнесла это буднично, как если бы говорила о сильной головной боли, искусно притворяясь, что понятия не имеет о природе его дара вампиризма. Для неё это была просто «аномальная атака», а не родственная сила.

— Конечно-конечно, — рассмеялся Высший, его глаза азартно блеснули, пока он следил за перемещениями парней.

Буйвол, М-10 и R-5 начали медленно окружать его на тренировочной платформе, двигаясь бесшумно и слаженно, как части единого механизма. Они предельно сосредоточились: нужно было держать лицо элитных бойцов, даже понимая, что их загнали в угол. Отказаться — значит признать слабость Сектора. Победить — невозможно. Оставалось только одно: развлекать этого хищника, тянуть время и молиться, чтобы Кайл поскорее закончил совещание и ворвался в зал, пока этот «спарринг» не превратился в бойню. R-8 сделал первый шаг, и воздух вокруг него ощутимо сгустился.

— Ну же, — подзадорил он, глядя прямо на Селену. — Кто из вас рискнёт первым коснуться бога?

Атаку начал R-5. Его «Теневой шаг» был коронным приёмом: парень буквально растворялся в воздухе, превращаясь в размытое пятно, которое мелькало то слева, то за спиной Высшего, сбивая тому фокус и не давая прицелиться.

— О, как! — хохотнул R-8, легко уходя от невидимого выпада. Его движения были текучими, почти ленивыми, но за этой лёгкостью скрывалась чудовищная скорость.

В ту же секунду подключился М-10. Его ментальные цепи с характерным звоном прорезали пространство, сплетаясь в сложную сеть, ограничивающую манёвры противника. Он блокировал каждый свободный метр платформы.

— А вот и они! — усмехнулся Высший, узнав технику, которой его сковали в изоляторе. — Старые знакомые!

Он ловко проскользнул сквозь ячейку сети, едва не задев плечом мерцающее звено. R-5 продолжал наносить серию молниеносных ударов, пока цепи М-10 ритмично хлестали воздух, загоняя Паразита в ловушку. Высший очевидно веселился, он даже не выставил плотный щит, предпочитая играть на рефlekсах.

Подгадав момент, когда R-8 на долю секунды замер, уворачиваясь от цепи, Селена вступила в игру. Она взорвала прямо за его спиной концентрированный сгусток энергии, предварительно выставив перед R-5 сапфировый щит, чтобы того не задело взрывной волной. Грохот ударил по ушам, платформа содрогнулась. Высший среагировал почти мгновенно, погасив часть удара своим полем, но всё же пошатнулся.

— Чёрт! — задорно выругался он, отряхивая невидимую пыль с плеча. — А девчонка-то кусается!

В этот момент, пользуясь его дезориентацией, в бой вступил Буйвол. Он не полагался на тонкие материи — его физические атаки, усиленные гравитационными имплантатами, заставляли воздух трещать. Каждый его замах был подобен удару тарана. R-8 принял первый удар

Буйвола на блок, и по залу пронеслась мощная звуковая волна. Пол под ногами Высшего треснул, но он устоял, и его глаза вспыхнули настоящим, хищным восторгом.

— Вот это я понимаю — гостеприимство! — прорычал он, и его аура внезапно начала расширяться, становясь тяжёлой и вязкой, как дёготь.

Селена почувствовала, как её щит начал «подтаивать». Он понемногу вытягивал из них силы, превращая бой в опасное истощение. Они и так были вымотаны тренировкой, а теперь этот «гость» методично выпивал ментальное поле вокруг. Воздух стал вязким, движения — тяжёлыми, словно они сражались под толщей воды. Селена чувствовала, как её щиты истончаются, становясь прозрачными и ломкими, но она заставила себя не подавать виду. *«Нельзя реагировать, — чеканила она про себя, стискивая зубы. — Если я сейчас выброшу ответный импульс, чтобы сбросить его «присоски», он сразу поймёт, что я — такая же. Нужно просто тянуть время, пока он не наиграется».*

Она видела, как тяжело приходится парням. R-5 побледнел, его «Теневой шаг» стал дёрганым и коротким. Буйвол наносил удары уже не с той сокрушительной мощью, его движения замедлялись, будто он продирался сквозь невидимую смолу. Высший же, напротив, казался всё более воодушевлённым. Его аура светила всё ярче, подпитываемая их усталостью.

— Что такое? — он картинно зевнул, уклоняясь от очередного замаха Буйвола. — Неужели это всё, на что способны хваленые оперативники? Я ожидал большего от элиты Сектора «R».

Он сделал резкий выпад в сторону Селены, и она едва успела уйти перекатом. Пол под её руками вибрировал. Она чувствовала его голод — он был ненасытным, древним и абсолютно осознанным. В этот момент двери тренировочного зала с грохотом разошлись. На пороге стоял Кайл. Его фигура была окутана багровым маревом ярости, которое буквально вымело чужое давление из помещения.

— Достаточно! — его голос прогрехотал под сводами, как обвал в горах.

Высший из Сектора «С» замер, плавно опустив руки. Он медленно повернулся к коллеге по пантеону, и на его губах снова заиграла та самая ехидная улыбка.

— О, Главнокомандующий! — он издевательски поклонился. — А мы тут как раз обсуждали методику подготовки кадров. Твои ребята... весьма перспективны. Особенно эта, — он указал пальцем на девушку. — У неё удивительная сопротивляемость к «внешним факторам».

— Без тебя знаю, — сурово бросил Кайл, сокращая дистанцию. Его шаги по металлическому покрытию арены звучали как удары молота, выбивая из зала остатки чужого, липкого присутствия.

Селена мгновенно считала сменившуюся атмосферу. Командир больше не прикрывался формальностями и вежливыми протоколами, как это было в разговоре с Секретарём или В-1. Здесь, в тренировочном зале, среди своих бойцов, он демонстрировал открытое презрение к Паразиту. *«Они даже не скрывают ненависти друг к другу», —* отметила про себя она, проводя параллель. Со Стариком из Сектора «F» Кайл вёл себя почтительно, насколько это вообще было возможно для Высшего, признавая его древность и опыт. Здесь же ситуация была противоположной — открытая война двух хищников на одной территории. Это был наглый, намеренный выпад R-8. Он завалился в чужой Сектор «в гости» без всякого предупреждения, в обход всех мыслимых протоколов безопасности, и устроил этот спарринг просто потому, что мог.

Девушку вдруг осенило. R-8, R-5, даже Буйвол, по слухам... Все они изначально были выходцами из этого Сектора. И этот наглый гость сумел вырваться на самую вершину, став Высшими. Она вспомнила и R-2 — того жестокого наставника, который проводил ей изнурительные тесты в Яме, когда она только прибыла в Сектор «R». Похоже, мрачные слухи об этом месте не были пустыми бреднями пленных: это была кузница лучших убийц и самых дисциплинированных бойцов Лабиринта.

— Какого чёрта ты забыл в моём зале? — Кайл остановился в двух шагах от противника, и его голос вибрировал от ярости. Он не стеснялся в выражениях, игнорируя присутствие подчинённых. — Твои замашки «агента» закончились в допросной. Если ты думаешь, что можешь вот так вваливаться сюда и напрягать моих людей — ты глубоко заблуждаешься.

R-8 медленно стёр ухмылку с лица, но в его глазах всё ещё плясали искры вызова. Он картинно вскинул руки, принимая китель у своего помощника.

— Брось, Р-1, — ехидно отозвался он. — Я просто хотел убедиться, что твоя хваленая элита не растеряла хватку после того, как я позволил им себя «поймать». Но им всё же не хватает дисциплины и тренировок.

Командир сделал ещё шаг, и воздух между ними буквально затрещал от статики.

— Переходи к делу или убирайся, — пророкотал он низко. — Пока я не решил, что твоё присутствие здесь — это угроза безопасности Сектора первого уровня. Ты знаешь, что я сделаю с тобой в этом случае, и никакой Секретарь тебе не поможет.

R-8 лишь рассмеялся, но в этом смехе уже не было прежнего веселья. Он понимал, что Кайл на грани того, чтобы превратить спарринг в настоящую бойню.

— Ладно-ладно, — примирительно, но с явной издёвкой протянул Паразит, медленно опуская руки. — Ты что, всерьёз думаешь, что мне заняться больше нечем, кроме как скакать по твоей территории?

— Именно так я и думаю, — отрезал тот. Его голос вибрировал от сдерживаемой ярости, а взгляд не отрывался от лица непрошеного гостя.

— Вообще-то я здесь к тебе по делу, — Высший неспешно надел китель, поправляя воротник. — Не хотел отвлекать тебя от важного совещания, вот и решил пока навестить твою подружку...

Он сделал эффектную паузу, переведя свой наглый, изучающий взгляд на Селену. Девушка стояла неподвижно, её лицо оставалось непроницаемой маской, хотя внутри всё сжалось от его прямоты.

— Занимательные слухи ходят о вас двоих в последнее время, — R-8 хищно улыбнулся. — Признаться, я был очень удивлён...

— Тебе сломать челюсть, чтобы ты научился следить за языком? — Кайл сделал резкий шаг вперёд, и Паразит отшатнулся чисто наигранно, демонстрируя ложный испуг.

— И вот как с тобой разговаривать? — Высший рассмеялся, а затем, игнорируя рычание Командира, обратился напрямую к Селене — Серьёзно, крошка, не понимаю, как ты его терпишь. У него же вместо сердца — кусок камня.

Девушка не шелохнулась. Она видела, что R-8 намеренно провоцирует их обоих, прощупывая почву и проверяя, насколько далеко зашли их отношения.

— Какой кошмар... — притворно вздохнул он, качая головой. — У вас у обоих напрочь отсутствует чувство юмора. Но да ладно, оставим лирику.

Парень внезапно переменился в лице, выключая паясничанье и включая официальный настрой Высшего надзирателя. Взгляд его стал холодным и деловым.

— Я пришёл обсудить с тобой дела насущные. Ты ведь уже освободился? Пошли в твой кабинет, там и договорим.

R-8 небрежно махнул рукой, первым направляясь к выходу из тренировочной зоны, словно это он был здесь хозяином. Кайл проводил его тяжёлым взглядом, и Селена ясно услышала, как он раздражённо цокнул. Глава на мгновение обернулся к своей группе, и его голос снова стал сухим:

— Приведите себя в порядок и немедленно пройдите в медблок для калибровки фона.

Он оставался суровым и справедливым лидером, который прекрасно понимал: схватка с Высшим — это не детские игры, и их ментальные щиты могли пострадать. Отдав приказ, Р-1 молча направился следом за R-8, оставляя за собой шлейф багрового, едва подавленного

гнева. Девушка проводила их взглядом. Тишина, повисшая в зале после ухода двух Высших, казалась оглушительной. Напряжение медленно покидало воздух, оставляя лишь саднящую пустоту в груди и дрожь в коленях.

— Ну и денёк, — выдохнул R-5, вытирая пот со лба. Техники истощили его до предела. — Этот R-8... он ведь даже не запыхался.

— Он играл с нами, как с котятками, — глухо отозвался Буйвол, массируя плечо. — Если бы Командир не пришёл, он бы выпил нас досуха и назвал это «тренировкой».

M-10 промолчал, но его взгляд, направленный на Селену, был тяжёлым. Он видел, как R-8 выделил её, как провокационно назвал «подружкой» при командующем. В Лабиринте такая дерзость могла стать смертельным приговором.

— Идёмте в медблок, — сухо прервала она их размышления. — Вы слышали приказ.

Девушка шла впереди группы, чеканя шаг, но внутри её разум лихорадочно анализировал произошедшее. R-8 не просто «зашёл по делу». Его слова о том, что он «удивлён» их связью с P-1, могли означать что угодно. Секретность их «константы» дала трещину, или же у R-8 были свои, куда более личные мотивы? «Он опасен...» — думала Селена, сжимая кулаки. Этот Высший не просто играл в кошки-мышки — он подбирался к самому сокровенному, к тому, что они с Кайлом так долго прятали от глаз Хозяйки.

В медблоке их встретил слепящий стерильный свет и медсестра — безупречная в своей профессии, с холодными пальцами и лицом, не выражающим ничего, кроме рабочих алгоритмов. Парни, впрочем, были только рады оказаться здесь. Для них это был легальный повод сбросить напряжение боя. R-5, несмотря на измождённость, тут же расплылся в улыбке.

— Госпожа, — прохрипел он, усаживаясь на кушетку, — если вы сейчас же не посмотрите на меня своим лечебным взглядом, мои каналы окончательно иссохнут. Неужели вы позволишь такому красавцу пострадать?

Медсестра даже бровью не повела, поднося сканер к его виску.

— R-5, твой пульс в норме, а вот уровень самомнения зашкаливает. Сиди смирно, — сухо отрезала она, но в уголках её губ на мгновение промелькнуло нечто, отдалённо похожее на тень улыбки.

Буйвол и M-10 тоже не упустили шанса вставить пару замечаний, пытаясь разговорить неприступную красавицу в белом халате. Шутливые перепалки и лёгкий флирт заполняли палату, создавая иллюзию нормальной жизни. Селена сидела в стороне, прислонившись к холодной стене. Она видела, как её напарники цепляются за эти крохи человеческого общения, за этот привычный ритуал «заигрывания с медсестрой», чтобы не сойти с ума от осознания того, кто только что попирает их достоинство на арене.

Сама же она не могла расслабиться. Перед глазами стоял Кайл, уходящий вслед за R-8. Она чувствовала, как внутри неё, словно натянутая струна, вибрирует тревога. О чём они говорят там, за закрытыми дверями кабинета? И не станет ли этот «деловой разговор» началом конца её 842-й итерации?

— M-4, твоя очередь, — голос медсестры вырвал её из раздумий. — У тебя странный фон. Слишком ровный для того, кто только что спарринговал с Высшим.

— Я была дальше всех от него, поэтому меня почти не задело, — спокойно объяснила девушка, стараясь не встречаться взглядом с медсестрой. — Лёгкое недомогание, не более.

Она знала: в этом месте любая исключительность — это мишень. Ей нужно было раствориться в общем фоне усталости своего отряда, стать просто ещё одним измотанным бойцом, а не феноменом с аномальной сопротивляемостью. К тому же, её слова не были ложью — она действительно старалась держать дистанцию, пока Буйвол и R-5 принимали на себя основные ментальные удары Высшего. Медсестра молча провела сканером вдоль её виска. Прибор издал ровный, умиротворяющий писк.

— Фон в пределах допустимого, — сухо заключила она, делая пометку в планшете. — Но я всё равно введу тебе мягкий седатив. Командир приказал провести полную калибровку для всех.

Селена послушно подставила плечо под инъектор. Прохладная жидкость мгновенно растеклась по венам, притупляя остроту чувств, но не проясняя мысли. Парни тем временем продолжали всюду балагурить. R-5, уже получивший свою дозу восстановления, картинно привалился к плечу Буйвола, делая вид, что теряет сознание от красоты медсестры.

— Скажите честно, Госпожа, если я завтра не проснусь, вы придёте на моё обнуление с цветами? — паясничал он.

— Я приду с отчётом о твоей профнепригодности, Пятый, — отрезала она, но в её голосе уже не было прежнего льда.

Селена невольно улыбнулась, глядя на них. Но даже сквозь действие седатива продолжала прислушиваться к внутреннему резонансу. Где-то там, за несколькими уровнями бронированных перекрытий, в кабинете Кайла сейчас решалась их судьба. R-8 не пришёл бы просто так. Вышние не тратят время на светские визиты, если за ними не стоит приказ Хозяйки или запах большой крови.

Спустя какое-то время, когда девушка уже успела переодеться и немного прийти в себя после восстановительных процедур, на её запястье коротко звякнуло уведомление. На экране высветилось лаконичное: *«Зайди в мой кабинет»*. Она направилась туда не раздумывая, всё ещё ощущая во рту привкус препаратов. Когда она шла по главному коридору штаба, двери впереди разошлись, и оттуда вальяжной походкой вышел R-8 в окружении своей свиты. Он театрально улыбнулся ей — так широко и фальшиво, что это походило на оскал. На ходу он шутливо помахал ей ручкой и почти пропел, не сбавляя шага:

— Ещё увидимся, крошка!

Селена даже не дрогнула, проигнорировав его выходку, и вошла в кабинет Главкомандующего. Кайл сидел в своём кресле, откинув голову на спинку. Его лицо выглядело по-настоящему уставшим, глубокие тени под глазами выдавали изнурительные часы переговоров и проверок.

— Нужно подать на него официальную жалобу... — с лёгкой улыбкой произнесла она, подходя к его столу. — Он выхлебал из нашего Командира всё желание жить, без остатка.

Кайл медленно открыл глаза, и в них блеснула искра тепла. Он молча протянул руку, жестом приглашая её подойти вплотную.

— M-4, у тебя сейчас очень важная задача, — подыграл он ей, и его голос, хоть и охрипший, звучал с вкрадчивой нежностью. — Тебе срочно нужно восполнить этот дефицит.

Он властно потянул её на себя, и прежде, чем девушка успела что-то возразить, уже сидела у него на коленях.

— С ума сошёл? — перешла она на испуганный шёпот, хотя и не пыталась встать. Её руки невольно легли ему на плечи. — Что, если кто-то войдёт прямо сейчас?

— Кроме тебя, в этот кабинет никто не заходит без моего прямого разрешения... — пробурчал он, утыкаясь лицом в изгиб её шеи и с силой прижимая её к себе, словно пытаясь впитать её спокойствие и силу.

В этой тишине штаба, за закрытыми дверями, они на мгновение снова стали просто Кайлом и Селеной, а не фигурами на доске Лабиринта. Они сидели в полной тишине, позволяя секундам растягиваться в минуты. Датчики на стенах бесстрастно фиксировали это «превышение полномочий», но Системе было плевать на проявления близости, пока они оставались за закрытыми дверями и не мешали выполнению протоколов. В этом механическом мире их роман был легальной аномалией, и они мастерски пользовались этим, превращая свои чувства в идеальное прикрытие для заговора.

— Как ты? — наконец спросил мужчина, и его голос, лишённый командной жёсткости, вибрировал прямо у её плеча. — Этот ублюдок сильно тебя измотал?

— Всё нормально, — девушка чуть отстранилась, чтобы видеть его лицо. — Я держалась от него на расстоянии, так что он меня почти не задел. Только фоновое давление.

Они говорили ровно то, что Система ожидала услышать от пары надзирателей, обсуждающих рабочий инцидент.

— Вы с ним давние враги или что-то в этом роде? — спросила она, невольно поглаживая его плечо. — Вы так открыто конфликтуете... Как кошка с собакой.

— Это так, — Кайл тяжело выдохнул, и на его лице проступила суровая, почти хищная гордость. — Мы оба претендовали на управление «Резонансом», когда он освободился после прошлого обнуления. Но, оказалось, Глава не может быть выходцем из своего Сектора, поэтому он достался мне.

Звание Главнокомандующего не было просто красивой строчкой в реестре — это был символ абсолютного превосходства в иерархии силы.

— Так вот почему он тебя провоцирует... — Селена задумчиво отвела глаза. — Мстит за свою неудачу?

— Да пусть подавится своим ядом, — прорычал мужчина, и его рука на её талии непроизвольно сжалась. — Я не позволю ему совать нос в дела моей группы. Если заявится так ещё раз, я выставлю турели на лифт, реагирующие на его серийный номер.

Селена невольно улыбнулась. То, как живо и почти по-мальчишески Кайл реагировал на R-8, на самом деле её успокаивало. Это было живым доказательством того, что даже когда её не было рядом в прошлых итерациях, он не превращался в бездушный автомат, просто выполняющий функции. В нём горел огонь, пусть и подпитываемый яростью.

— Ты к нему так равнодушен, — поддразнивала она, чувствуя, как напряжение в его плечах начинает таять. — Мне уже пора начинать волноваться?

Мужчина негромко рассмеялся, обнимая её покрепче и заставляя окончательно расслабиться в его руках.

— Не говори ерунды, — выдохнул он ей прямо в волосы, и его голос стал вибрирующим и тёплым. — Ему никогда с тобой не сравниться.

Девушка молчала какое-то время, перебирая пальцами ткань его форменной рубашки. Игривость ушла, уступая место холодному анализу ситуации.

— Он хотя бы не врал, что пришёл по делам? — спросила она осторожно.

— Угу, — Кайл неохотно вернулся к рабочей теме. — Хотел обсудить совместную плановую работу Секторов. Обмен опытом, коммуникация между группами быстрого реагирования... Всё в этом роде. Назвал это «примирительным жестом» после инцидента на проверке.

— «Обмен опытом»? — Селена нахмурилась. — Это значит, что его люди будут ошибаться здесь, а наши — в его Секторе? Это не слишком рискованно? Он хочет легально запустить своих «ищек» в твою систему.

Мужчина прижал её к себе ещё сильнее, и в его взгляде, направленном на закрытую дверь кабинета, снова блеснула сталь.

— Я знаю. Именно поэтому я согласился только на ограниченный доступ под моим личным контролем. Но теперь нам придётся играть ещё тоньше. Хозяйка одобрила этот проект, так что просто выставить его за дверь не получится. Нам нужно использовать этот «обмен» в свою пользу.

Через несколько дней оперативников «Резонанса» вызвали на общий сбор. Шеренги чёрных мундиров застыли в идеальном строю напротив своего командира, когда массивные двери штаба распахнулись, и в зал буквально влетел R-8. Его свита едва поспевала за ним, а лицо Высшего светилось почти детским восторгом.

— А вот и я! — вскрикнул он, и его голос эхом ударил в высокие своды. — Как и обещал, принёс списки тех, кто, по моему скромному мнению, достоин моего личного внимания!

В зале повисло тяжёлое ожидание. Получить одобрение Высшего само по себе считалось достижением, а попасть под его прямое руководство — даже временное — было гигантским скачком в карьере для надзирателя любого ранга. Глава принял планшет и начал перечислять тех, кто отправится в Сектор «С» для «обмена опытом». Когда среди прочих прозвучал номер Селены, по рядам бойцов пробежал едва уловимый шелест удивления. R-8 внимательно следил за реакцией Кайла, ожидая, что тот начнёт рвать и метать, протестовать или хотя бы выдаст своё бешенство коротким жестом. Но Командир оставался ледяным. Его голос был ровным, а лицо — непроницаемой маской из белого мрамора.

Это явно озадачило R-8. Он-то рассчитывал на грандиозный скандал и публичное унижение соперника, но Кайл даже не дрогнул. А всё потому, что за закрытыми дверями кабинета они с Селеной уже просчитали этот ход. Они знали, что Паразит захочет вытянуть её из-под крыла P-1. Огромным облегчением стало то, что в списке следом прозвучали имена M-10, Буйвола и R-5. Она не отправлялась в логово врага одна — её верная группа шла вместе с ней.

— Выход через два часа, — сухо подытожил Глава, возвращая планшет помощнику R-8. — Подготовьте оборудование.

Селена стояла в строю, глядя прямо перед собой. Она чувствовала на себе жадный, предвкусывающий взгляд R-8. Он думал, что заманил её в ловушку, но на самом деле он сам открыл им двери в ту часть Лабиринта, куда доступ Кайлу был заказан.

— Свободны, — бросил P-1.

Когда шеренги начали расходиться, Паразит подошёл к девушке, игнорируя протоколы дистанции.

— Ну что, M-4? — прошептал он, и его глаза опасно блеснули. — Готова посмотреть, как живут настоящие охотники? В Секторе «С» правила немного... острее.

— Это большая честь для меня, — ответила она сухо, вытянувшись по стойке «смирно». — Приложу все усилия, чтобы не разочаровать вас.

Её голос звучал безупречно механически, как и полагается образцовому члену «Резонанса». R-8 лишь хмыкнул, явно наслаждаясь этой официальной покорностью, которая, как он полагал, была вызвана его превосходством. Он не заметил, как на мгновение сузились зрачки Кайла, стоявшего в нескольких шагах. Девушка развернулась через левое плечо и направилась к жилому блоку. Напарники следовали за ней. Как только они зашли в лифт и двери сомкнулись, отсекая их от лишних ушей, R-5 шумно выдохнул, сорвав с головы фуражку.

— Сектор «С»... — пробормотал он, вытирая испарину со лба. — Да этот тип просто сумасшедший. Он выдернул нас из-под носа Командира, и P-1 даже бровью не повёл. Не к добру...

— Кончится тем, что мы будем пахать в два раза больше, — мрачно отозвался Буйвол. — В Секторе «С» дисциплина строится на страхе, а не на авторитете. Там каждый второй — либо стукач, либо «мясо».

Селена молчала, проверяя настройки своего переносного терминала. В каюте она быстро собрала минимум вещей. Чёрная форма, запасные блоки питания, одежда и предметы личного пользования. *«Мы идём во вражеское гнездо, — размышляла она, застёгивая тяжёлые берцы. — R-8 думает, что берёт нас в рабство. Но он просто даёт нам ключ от чёрного входа в свою систему».*

Группа «Резонанс» стояла у главного телепорта в назначенное время. Кайл вышел проводить их официально. Он не подошёл близко, не сказал ни слова лично Селене. Он просто стоял на капитанском мостике, скрестив руки за спиной, наблюдая, как его лучшие бойцы отправ-

ляются в чужой Сектор. Их взгляды встретились на долю секунды. *«Возвращайся скорее»*, — прочитала она в его глазах. *«Обязательно»*, — ответила она едва заметным кивком.

Портал с тихим шелестом схлопнулся за спинами группы, отсекая их от привычных стен. Селена сделала первый шаг и замерла, впитывая атмосферу Сектора «С». Если Сектор «R» был кузницей солдат — строгим, симметричным и холодным, то этот походил на огромный, вибрирующий биологический процессор. Воздух здесь был влажным, тяжёлым и пропитанным приторным запахом органики и формалина. Освещение было не белым, а пульсирующим бледно-зелёным, словно они находились внутри живого организма.

Специализация Сектора — Культивация и Модификация Ментальных Оболочек. Здесь не просто перерабатывали ресурс. Здесь из «сырого» ментального материала пленных выращивали новые формы: служебных дроидов, органические интерфейсы и, самое жуткое — «пустые» тела для переноса сознания Высших. Сектор «С» был огромной лабораторией по деконструкции человеческой сути и физических аномалий.

— Добро пожаловать в колыбель будущего! — R-8 раскинул руки, вдыхая этот тяжёлый воздух с явным наслаждением, а его белый халат только добавлял моменту триумфальности. — В Секторе «R» вы учите людей подчиняться. Здесь мы учим их переставать быть людьми. Мы разбираем их на атомы и собираем что-то... более совершенное.

Надзиратели Сектора «С» выглядели иначе. Их мундиры были из мягкого полимера, плотно облегающего тело, а на лицах вместо фуражек часто красовались сложные окуляры для слежения за микро-колебаниями эфира. Они двигались бесшумно, как тени, и в их взглядах не было ярости — только холодное научное любопытство, от которого Селене стало не по себе.

— Ваша задача на ближайшее время — охрана периметра «Генезиса», — Высший обернулся к девушке, и в зеленоватом свете его глаза показались ядовитыми. — Там мы выращиваем особо важные заказы для Хозяйки. Уровень стресса у объектов зашкаливает, поэтому мне нужны твои «мягкие лапки», M-4, чтобы стабилизировать фон, пока мы не закончим... ампутацию их воли.

Селена сжала кулаки в белых перчатках. Это место было не просто тюрьмой — это была бойня для душ.

— Приступайте к ознакомлению с постами, — бросил R-8 своим помощникам. — А я пока покажу M-4 её личный терминал. У нас с ней... особый график.

Тошнотворное, но до боли знакомое чувство застыло в горле комом, мешая дышать. Девушка уже испытывала подобное: когда-то в Яме наставник R-2 заставлял её часами перерабатывать ментальный фон пленных, препарирова «шум» их надежд и страхов, чтобы превратить живое сознание в чистую, стабильную пищу для Ядер Лабиринта. Ей вновь предстояло стать мясником для душ, только здесь, в Секторе «С», масштабы препарирования были промышленными. Лицо девушки оставалось непроницаемой маской. Она послушно шла за R-8, чеканя шаг, но её сапфировые глаза под козырьком фуражки жадно фиксировали каждую деталь: расположение камер, частоту пульсации инкубаторов и кодировку на дверях лабораторий.

— Вижу, ты не впечатлена, — бросил Высший через плечо, его голос в этой влажной тишине звучал неестественно звонко. — Это хорошо. Мне не нужны восторги, мне нужна твоя хирургическая точность.

Они подошли к массивному блоку, отделённому от остального яруса двойным силовым полем. Здесь гул аппаратуры становился ниже, переходя в инфразвук, от которого зубы начинали ныть.

— Это Святая Святых, M-4. Здесь мы доводим оболочки до совершенства перед тем, как Хозяйка решит, кто заслужил новую жизнь, — он приложил ладонь к биометрическому сканеру. — Твой пост — Центральный узел мониторинга. Ты будешь видеть каждый всплеск боли, каждую попытку сознания «уйти» в затухание. Твоя задача: не дать им угаснуть раньше, чем мы закончим интеграцию кода.

Он обернулся к ней, и в зеленоватых бликах его лицо казалось маской хищного насекомого.

— Если хоть одна оболочка «сгорит» под твоим присмотром, я сочту это личным оскорблением, — он ехидно улыбнулся. — А ты ведь не хочешь расстраивать нового куратора?

Селена лишь молча кивнула, занимая место у терминала. Панели управления вспыхнули под её пальцами, выводя сотни графиков страданий. Она чувствовала, как её 10:23 содрогается от резонанса с теми, кто кричал за стеклом инкубаторов, но её воля была твёрже стали.

Мониторинг превратился в бесконечный танец с чужой болью. Для обычного оператора это был бы ад из кричащих графиков и зашкаливающих датчиков, но девушка справлялась с этим с пугающим хладнокровием. Её чувствительность к потокам силы, отточенная изнурительными тренировками с Кайлом и парнями, теперь работала, как швейцарский часовой механизм. Она могла сидеть за таким терминалом часами, и это состояние полной концентрации даже приносило странное, болезненное удовлетворение. Чувствовать чужое ментальное пространство, препарировать его, сглаживать пики отчаяния и не давать воле пленных окончательно рассыпаться — всё это давалось ей так естественно, что R-8, наблюдавший за ней прикусил губы от досады. Селена была безупречна. Она строго следовала каждому его приказу, работая аккуратно и чётко. Каждое её движение подтверждало: статус «идеальной пары» Главнокомандующего закрепился за ней не из-за протекции Кайла, а из-за её собственного, пугающего потенциала.

— Невероятно... — прошелестел голос Высшего за её спиной. Он подошёл неслышно, заглядывая через плечо девушки на мониторы, где кривые ментального напряжения выстроились в ровные, послушные линии. — Ты делаешь это так, будто гладишь дикого зверя. P-1 скрывал в тебе настоящего мастера «Генезиса».

Он протянул руку и на мгновение коснулся поверхности её терминала рядом с её пальцами. Селена почувствовала, как его аура снова попыталась «лизнуть» её щиты, ища слабое место, но её 10:23 было надёжно зашито под протоколами маскировки.

— Знаешь, M-4, — он наклонился ближе, и запах формалина от его одежды стал резче, — здесь, в Секторе «С», мы не просто латаем дыры. Мы создаём совершенство. И мне кажется, ты начинаешь понимать вкус этой власти.

Девушка не обернулась. Её пальцы продолжали порхать по сенсорам, удерживая сознание очередного «объекта» в инкубаторе от окончательного затухания.

— Я просто выполняю приказ, Куратор, — сухо ответила она. — Мой интерес ограничен рамками эффективности Сектора.

— Ложь, — почти нежно выдохнул он. — Ты чувствуешь их всех, не так ли? Каждую итерацию, каждую стёртую личность...

— Вы ошибаетесь, если думаете, что мне приносит удовольствие чужое страдание... — продолжала она, не отрывая взгляда от мониторов и полностью игнорируя его попытки залезть ей под кожу. — Я просто делаю то, что от меня требуют, чтобы выжить. Как и все мы здесь.

Её голос был ровным, лишённым всякой эмоциональной окраски. Это был голос идеального солдата, который видит в боли лишь статистику, а в криках — помехи в системе. Она знала, что R-8 ищет в ней трещину, искру сочувствия или, наоборот, садистское наслаждение, за которое можно было бы зацепиться. Но Селена подставила ему лишь зеркальную гладь своего профессионализма. Высший усмехнулся, обнажая зубы, но спорить не стал. Он выпрямился, сложив руки на груди, и продолжил внимательно наблюдать за тем, как её тонкие пальцы в белых перчатках умирят бурю в инкубаторах.

— Выживание — скучный мотив для такого таланта, как твой, M-4, — бросил он, лениво прохаживаясь вдоль ряда мигающих консолей. — Но я ценю твою скромность. Пока показатели в норме, мне плевать, что ты чувствуешь на самом деле.

Девушка ощутила, как давящее присутствие его ауры немного ослабло — R-8 временно удовлетворил своё любопытство, хотя и не сводил с неё изучающего взгляда. Работа по своей сути была однообразной, почти скучной для того, кто обладал таким уровнем контроля. Селене нужно было лишь удерживать уровень энергообмена в заданных рамках, не позволяя ментальному фону «оболочек» уходить в критическую зону или проникать в её сознание. Для неё это было так же естественно, как дышать.

Высший стоял чуть поодаль, прислонившись к холодной стене лаборатории, и в его голове уже роились новые идеи. Он понимал, что просто использовать её как квалифицированного оператора — всё равно что забивать микроскопом гвозди. Он хотел вскрыть её потенциал, присвоить его, сделать частью своего триумфа в Секторе «С». Мужчина всё ещё отчётливо помнил то ощущение в допросной, когда эта хрупкая девушка «зашила» его ментальное пространство. Это было не просто смело — с точки зрения логики Лабиринта это было иррационально. Обычный надзиратель должен был вызвать подкрепление или применить стандартный парализатор, но она вмешалась в саму структуру его силы, ювелирно и беспощадно. Он прокручивал в памяти каждое мгновение своего пребывания в роли «агента». Селена вычислила его слишком легко, почти мгновенно, учуяв хищника под личиной жертвы. Это интриговало его больше, чем все приказы Секретаря.

— Знаешь, M-4, — внезапно нарушил он тишину, и его голос отразился от прозрачных капсул инкубаторов. — В Секторе «R» тебя учили подавлять аномалии, но здесь мы их культивируем. Твой метод «зашивания»... он ведь работает и в обратную сторону, верно? Если ты можешь закрыть брешь, значит, можешь и создать там, где её не было?

Он медленно подошёл к её терминалу, заглядывая в сапфировые глаза, которые в полумраке лаборатории светились ровным, холодным светом.

— Мне интересно, насколько глубоко ты можешь зайти в чужой разум, не разрушив его окончательно? У нас есть один «объект» в спецблоке, который упорно сопротивляется интеграции. Стандартные методы не помогают.

Девушка не дрогнула, хотя внутри всё напряглось. Она понимала, к чему он клонит. Высший хотел проверить её в деле, которое официально было запрещено для надзирателей такого ранга — в прямом ментальном взломе. Внутри Селены всё сжалось в тугий узел. Она кожей чувствовала, как R-8 вгрызается в её лимиты, даже не пытаясь замаскировать этот ментальный допрос под светскую беседу.

— Вы переоцениваете мои возможности, — произнесла она, тщательно удерживая на лице маску бесстрастного исполнителя. — Я никогда не вторгалась в чужой разум. Мой дар попросту для этого не приспособлен.

Она сделала паузу, подбирая слова, которые звучали бы максимально убедительно и приземлённо.

— Если говорить на чистоту, всё, на что я способна — это чувствовать ментальное поле и различать оттенки чужих эмоций. Но считывать фон и управлять чужими мыслями — это две совершенно разные плоскости. Между ними — пропасть.

R-8 едва заметно прищурился. Его забавляло то, с каким ледяным здравомыслием она выстраивает свою защиту.

— Значит, ты всё-таки задумывалась над этим? — На его губах заиграла тонкая, торжествующая улыбка.

Он снова бесшумно скользнул ей за спину, сокращая дистанцию до предела. Его присутствие ощущалось, как статическое электричество перед грозой.

— В тебе отчаянно бунтует исследователь, M-4, но ты нещадно давишь его берцами обычного вояки. Глушишь саму себя, игнорируя очевидное.

— Не согласна с вами, — отрезала она, и в её голосе звякнул металл. — Моя чувствительность — это инструмент. И он нужен именно там, где пространство истончается, ставя под

угрозу само существование Лабиринта. Если такие «обычные вояки», как я, перестанут латать эти дыры, Система рано или поздно схлопнется, поглотив саму себя. А мы ведь этого не хотим?

На мгновение она позволила себе обернуться. Короткий мягкий взгляд скользнул по его лицу, прежде чем Селена снова уткнулась в монитор, проверяя бегущие строки показателей. R-8 искал в ней родственную душу, искру того же опасного любопытства, что сжигало его самого. Но для неё в этот момент он окончательно перестал быть просто куратором. Теперь он казался ей механизмом, у которого сорвало предохранители — непредсказуемым и смертельно опасным. Девушка буквально заставила себя сосредоточиться на пульсации данных на экране, выстраивая вокруг своего разума глухую, серую зону отчуждения. Она была здесь лишь в рамках протокола — формальный «обмен опытом» между Секторами, временная командировка, за пределы которой она не сделает ни шага. Никаких опасных связей, никаких лишних демонстраций. Нужно было во что бы то ни стало удержаться в рамках своей роли, не позволив этому Высшему затянуть себя в его личные, извращённые игры с реальностью Лабиринта.

Она чувствовала его присутствие спиной — не как человека, а как голодную пустоту. R-8 был ментальным вампиром, существом, привыкшим питаться чужими смыслами и энергией прорывов. Его интерес к ней не был научным — он искал резонанс. И, если он поймёт, что она — такая же, как он, или даже сложнее; если он догадается, что за её плечами скрыты итерации, которые Система не смогла обнулить до конца — её план по побегу из этого замкнутого круга сновидений превратится в пыль. В Лабиринте, который бесконечно плодил версии людей, пожирая их память ради собственного существования, единственным шансом была уникальность, скрытая под маской посредственности.

— Протокол обмена опытом подразумевает техническое содействие, а не участие в экспериментальных внедрениях, — чеканя каждое слово, произнесла Селена. Она чувствовала, как её внутренний барьер вибрирует под его невидимым натиском. — Мои лимиты чётко прописаны в личном деле Сектора «R». Всё, что выходит за их рамки, требует авторизации Центрального узла и личного присутствия моего начальства. Вы уже соскучились по P-1?

Она сделала крохотную паузу. Имя Кайла подействовало как разряд тока. R-8 заметно передёрнуло, словно от резкого неприятного звука.

— Упаси, Боже, увидеть его здесь, — брякнул он, и в его голосе на мгновение проступила неприкрытая неприязнь. Соперничество двух Высших было притчей во языцех, но здесь, в тишине лаборатории, эта ненависть ощущалась почти физически.

Однако мужчина быстро взял себя в руки. Он наклонился ещё ближе к Селене, так что она кожей ощутила исходящий от него холод ментального голода.

— Кстати, по поводу него... — вкрадчиво протянул R-8, и в его глазах вспыхнул недобрый огонёк любопытства. — Расскажешь мне, как так вышло, что этот сухарь вдруг обзавёлся «парой»?

Девушка почувствовала, как внутри всё заledenело. Этот вопрос был не просто праздным интересом — это была попытка вскрыть их легенду, найти ту самую нить, которая связывала их с Кайлом не только в текущем цикле Лабиринта, но и в той далёкой, почти стёртой жизни «до». Если Паразит почувствует, что их связь — не просто системная санкция, а нечто большее, их заговор обречён.

— При всём уважении... — Селена снова перешла на тот самый подчёркнуто официальный тон, который, как она видела, уже начал доводить R-8 до белого каления. — Я не могу разглашать личную информацию о Командире.

Короткая фраза прозвучала как захлопнувшаяся бронированная дверь. Она не просто отказала ему — она напомнила о субординации, ясно давая понять: его попытки влезть в её постель или в её прошлое закончатся ничем.

— Грустно, M-4... — отрешённо вздохнул он, и в этом вздохе прозвучало не то разочарование охотника, упустившего добычу, не то скука игрока, чей партнёр отказался делать ставки.

— Я искренне надеялся повеселиться здесь с тобой, пока мы находимся вдали от цепких глаз Р-1...

Он произнёс имя Кайла с особым, ядовитым нажимом, словно проверяя, не дрогнет ли её пульс при упоминании «хозяина». R-8 медленно отстранился, его ментальное давление ослабло, сменившись ледяным равнодушием. Он больше не пытался казаться обаятельным; теперь он просто наблюдал за ней, как за вышедшим из строя механизмом, который всё ещё выполняет заложенную программу. Селена ничего не ответила. Её пальцы уверенно скользили по сенсорной панели, выстраивая ровные ряды диагностических графиков. Внешне она оставалась безупречным надзирателем Сектора «R» — сосредоточенной, исполнительской и абсолютно пустой внутри. Она молча продолжала свою работу, игнорируя тяжёлый взгляд, сверлящий её затылок. Каждое мгновение в этой лаборатории казалось ей вечностью, проведённой на краю обрыва. В глубине души, за всеми ментальными блоками и фальшивыми протоколами, жила лишь одна отчаянная мольба: чтобы эта командировка поскорее закончилась. Чтобы циклы Лабиринта не успели совершить очередной виток прежде, чем она вернётся к Кайлу — в их общий заговор, в их единственную настоящую реальность, которую они так бережно прятали под носом у Системы.

Следующий день начался с густого, липкого напряжения. В столовой «гостей» принимали подчёркнуто холодно: местные надзиратели перешёптывались, бросая косые взгляды на прибывшую группу. Воздух казался наэлектризованным от немого вопроса — почему их Высший выделил именно этих ребят? Селена сидела за длинным стальным столом, остро ощущая своё положение. В этой командировке она была единственной девушкой-оперативником, что лишь добавляло ей ненужного внимания. Однако тяжёлые уверенные фигуры напарников служили надёжным щитом. Их воинствующий, монолитный вид, вызванный то ли страхом перед Главкомандующим, то ли личным долгом, транслировал простую мысль: *«Не подходит»*.

Тишину, нарушаемую лишь звоном столовых приборов, разрезал звук открывшихся дверей. В зал вошёл R-8. Все тут же вытянулись по струнке, превратившись в безмолвные изваяния. Высший, не глядя по сторонам, направился напрямик к Селене. На его лице сияла ехидная улыбка, от которой у неё внутри всё заледенело — интуиция вопила о том, что за этим дружелюбием скрывался новый капкан.

— М-4! Вот ты где, моя протеже, — пропел он, остановившись напротив. — Надеюсь, ты выпалась? Есть жалобы к организаторам вашего распределения?

Он явно наслаждался моментом. Вместо положенных по рангу личных кают, «гостей» демонстративно втиснули в общие комнаты на четверых. Для Селены, вынужденной делить пространство с тремя мужчинами-оперативниками, это было не просто неудобством, а прямой проверкой на выдержку и попыткой унижения.

— Никак нет, — спокойно ответила она, глядя ему прямо в глаза. — Мы ценим ваше гостеприимство.

— Чудно! — R-8 так резко хлопнул в ладоши, что несколько человек в столовой вздрогнули. — У нас сегодня с тобой много работы. Заканчивайте и идите за мной!

Он развернулся на каблуках, не дожидаясь ответа. Селена понимала: вчерашние игры в лаборатории были лишь прелюдией. Что бы ни придумал R-8 на этот раз, это явно выходило за рамки обычного «обмена опытом». Девушка с напарниками шли по бесконечным коридорам, чеканя шаг вслед за Высшим. В её голове металась тревожная догадка: *«Не смог взломать меня напрямую — решил действовать через парней?»*. Она меньше всего хотела втягивать их в эти опасные игры, но горькая правда заключалась в том, что они были втянуты в это с того самого момента, когда все вместе выследили и поймали его, раскрыв сущность агента. Пути назад больше не было. Они вошли в местный Тренировочный центр — огромное, стерильное пространство, залитое холодным светом.

— Мне понравился наш небольшой экспириенс в Секторе «R», — начал R-8, не обращаясь. Его голос эхом разносился под сводами зала. — Вы, ребята, двигаетесь сообща, чутко реагируете на замыслы врага и союзника... однако, вам не достаёт мотивации.

От этих слов у Селены по спине пробежал холод. Она едва успела среагировать, когда в следующую секунду R-8, резко развернувшись, выпустил в них мощную волну ментальной энергии. Девушка мгновенно вскинула руки, выбрасывая перед собой плотный щит, который с гулом принял на себя удар, прикрывая напарников.

— Вот об этом я и говорю, — разочарованно протянул Высший, наблюдая за её усилиями. — Вы полагаетесь на другого больше, чем на самих себя. Это ошибка. Кто защитит вас, если напарника не окажется рядом?

Внезапно пространство вокруг Селены потемнело, тени сгустились, обретая почти физическую плотность. Ментальная рука R-8 сомкнулась на её горле и теле, буквально сминая её в воздухе и отрывая от пола. Парни разом напряглись, их мышцы вздулись под формой, но следующая волна силы, пущенная Высшим, была настолько яростной, что их едва не сбило с ног, заставляя замереть в защитных стойках.

— Вы слишком расслабились с этой девчонкой, — продолжал он свой издевательский урок, глядя на то, как Селена тщетно пытается вырваться из невидимого захвата. — Без неё вы и ломаного гроша не стоите.

Он бил по самому больному — по их профессиональной гордости и мужскому достоинству. Это была чистая, неприкрытая провокация, и по тому, как потяжелели взгляды R-5, M-10 и Буйвола, стало ясно: он добился своего. Воздух в зале буквально затрещал от ярости, которую R-8 так искусно выудил из них наружу.

Парни ринулись в атаку единым фронтом, пытаясь взять Высшего в тиски, но тот двигался с пугающей, неестественной грацией. Он не просто уклонялся — он скользил между ударами, словно зная их траекторию наперёд. С каждым их выпадом воздух в зале становился всё тяжелее, а движения напарников — всё более вязкими. Селена видела, как невидимые нити тянутся от парней к R-8: он буквально высасывал их силы, превращая боевой пыл в своё топливо. И, когда Буйвол, M-10 и R-5 один за другим рухнули на колени, тяжело хватая ртами разрежённый воздух, R-8 наконец повернулся к девушке, и в его глазах пульсировал ядовитый триумф.

— Что будешь делать, крошка? — прошипел он, наслаждаясь моментом. — Мне иссушить их до дна?

Угроза повисла в воздухе, тяжёлая и абсолютно реальная. Селена видела измотанные лица друзей и понимала: Высший зашёл слишком далеко. Вопрос был лишь в одном — готов ли этот Паразит рискнуть своим высоким положением и стабильностью Сектора только ради того, чтобы вытравить из неё правду? Или он настолько уверен в своей безнаказанности, что готов превратить элитных оперативников в пустые оболочки прямо сейчас? Девушка сжала кулаки, чувствуя, как внутри неё, за всеми засовами и печатями, начинает ворочаться та самая сила, которую она так отчаянно пыталась скрыть. Выбор был самоубийственным: либо смотреть, как гибнут её люди, либо раскрыть себя, подарив R-8 ключ к её уничтожению.

Девушка крепко сжала губы, и в ту же секунду само пространство вокруг неё болезненно дрогнуло. Прямо за её спиной воздух начал неестественно кривиться, сталкиваясь в причудливых ломаных потоках и стремительно сворачиваясь в пульсирующую сферу. Напарники Селены синхронно вздрогнули. Они видели эти искажения слишком часто, чтобы ошибиться: перед ними рождался сгусток чистой энтропии, первородный хаос, который их отряд был приучен «зашивать» и умирять. Сфера увеличилась до размеров человеческого роста и замерла, изрыгая во все стороны чёрные электрические разряды. R-8 замер. Его насмешливое лицо вытянулось, а в глазах, только что полных триумфа, промелькнуло подлинное изумление. Он смотрел на Селену так, словно впервые увидел в ней не просто интересную игрушку, а стихийное бедствие.

— Если вы тронете моих друзей, — прошипела девушка, и её голос, обычно тихий и ровный, теперь вибрировал в унисон с гулом за её спиной, — я отправлю весь ваш Сектор на обнуление, R-8.

Это была Язва — то самое критическое искривление пространства, которое она находила по запаху ментальной гнили и латала своей силой. Но сейчас она не собиралась ничего чинить. Она открыто угрожала Высшему, что позволит этому пузырю лопнуть, превратив элитный Тренировочный центр в зону абсолютного небытия. Это было не просто дерзко — это было сродни самоубийству.

Надрывистый, режущий уши звук сирены, предупреждающей о нарушении целостности реальности, прорезал стерильный воздух зала. Красный свет аварийных ламп залил помещение, превращая сцену в кровавое марево. R-8 на мгновение застыл, а затем внезапно запрокинул голову и громко, почти истерически расхохотался. Его смех смешивался с воем сирен, создавая безумную симфонию в самом сердце Лабиринта.

Через пару мгновений тяжёлые гермодвери тренировочного зала разъехались, и внутрь ворвался отряд местных оперативников. Они замерли на полуслове, оцепенев перед пульсирующим разломом реальности и своей коллегой, стоящей в центре этого кошмара. R-8 медленно перевёл взгляд с Язвы на Селену. Его смех стих, сменившись странным, почти благоговейным блеском в глазах.

— Ладно-ладно, — улыбнулся он, картинно вскидывая руки ладонями вверх. — Убедила.

Ментальный пресс, дробивший кости парней, мгновенно испарился, а невидимая хватка на теле девушки ослабла. Она мягко опустилась на пол и одним коротким, выверенным жестом «разгладила» пространство вокруг. Воздух схлопнулся, поглотив искривление, будто его никогда и не было. Сирена захлебнулась и смолкла. Тяжёлая, вакуумная тишина длилась всего пару мгновений, прежде чем её разрезали яростные крики вбежавших надзирателей, приказывающих Селене сдаться и лечь на пол. Но она даже не шелохнулась. Девушка знала: всё, что здесь происходило, было лишь частью безумного спектакля R-8.

— Отставить! — рявкнул Высший, и его пальцы заплясали по сенсорам личного терминала на запястье. — Это санкционированная проверка готовности Сектора! Угроза имитирована и устранена! Всем покинуть помещение и вернуться на посты! Исполнять!

Надзиратели подчинились, хоть и уходили с явной неохотой, бросая подозрительные взгляды на «гостей». Каждый в этом зале понимал: произошло нечто из ряда вон выходящее, но, судя по всему, в этом Секторе уже привыкли к опасным причудам своего лидера. Когда двери за ними закрылись, зал наполнился сухим звуком одиночных аплодисментов.

— Bravo, M-4! — R-8 медленно подошёл ближе, продолжая хлопать. — Никогда не видел, чтобы кто-то так самоотверженно и красиво угрожал Высшему. Я просто тронут.

Селена выпрямилась, чувствуя, как поднимаются с колен тяжело дышащие напарники. В её взгляде, направленном на Паразита, не было ни капли страха, только ледяная решимость.

— Я надеюсь, вы будете так же воодушевлённо писать отчёт Хозяйке об этом инциденте, взяв на себя всю ответственность, — произнесла она. В её голосе не было просьбы — это было сухое требование. — Раз вы так отчаянно хотели проверить мою способность «создавать бреши»...

Она знала, что упоминание Хозяйки — верховной сущности Лабиринта — было рискованным ходом, но сейчас это был её единственный способ загнать хищника обратно в клетку протоколов.

— Не переживай на этот счёт, — R-8 продолжал улыбаться, но в этой улыбке теперь сквозило не только превосходство, но и азарт игрока, встретившего достойного противника. — Я представлю всё в лучшем виде. Это зрелище стоило каждой потраченной секунды, верно, парни?

Он хохотнул и сократил дистанцию, бесцеремонно опустив тяжёлую, давящую ладонь на плечо R-5. Тот не шелохнулся, но в воздухе снова запахло грозой.

— Зато теперь мы все знаем, — вкрадчиво добавил Высший, не сводя глаз с Селены, — что ты способна не только «сшивать» пространство, но и «дырявить»...

— Формально это не было секретом, — девушка приняла вызов, продолжая эту изнурительную информационную дуэль. Она стояла прямо, олицетворяя собой ледяное спокойствие. — Я специалист по потокам энергий. Логично было предположить, что я способна не только умирять их, но и сталкивать друг с другом.

Она сделала шаг вперёд, перехватывая инициативу. Теперь её голос звучал не как отчёт подчинённого, а как вердикт судьи. Парни невольно сглотнули — они ещё никогда не видели, чтобы кто-то так методично ставил Высшего на место.

— И раз уж вы так любопытны, R-8, скажу сразу: в моём арсенале есть и другие техники, использование которых официально запрещено. Если вам нужны детали — можете запросить их у Хозяйки. Но предупреждаю: если вы ещё раз попытаетесь спровоцировать меня или мой отряд, я подам официальную жалобу на ваше имя. Прямо Совету.

В зале воцарилась звенящая тишина. Угроза трибуналом от рядового оперативника в адрес Высшего звучала безумно, но после только что явленной Язвы никто не посмел бы назвать это блефом.

— А теперь, с вашего разрешения, — отчеканила она, давая понять, что разговор окончен, — я отведу своих напарников в медблок. Им нужно восстановиться после тренировки с вами.

Она коротко кивнула своим, и отряд направился к выходу, оставляя R-8 одного посреди пустого зала под мигающими лампами аварийного освещения. Селена чувствовала его взгляд на своей спине — жадный, изучающий и бесконечно опасный. Она знала: он не отступил, а просто сменил тактику.

Гулкие коридоры Сектора отзывались эхом шагов, пока они отдалялись от тренировочного зала. Напряжение, висевшее в воздухе, начало понемногу осыпаться, сменяясь глухим недоумением.

— Думаешь, он это так оставит? — первым не выдержал R-5, бросив короткий взгляд назад, словно ожидая, что R-8 вот-вот выскочит из-за угла с новой порцией «сюрпризов».

— Во всяком случае, нужно признать, — подал голос M-10, криво усмехнувшись и потирая затёкшую шею, — это было эффектно.

Он повернулся к Селене, и в его глазах промелькнуло смешанное с опаской восхищение:

— Это правда была настоящая Язва?

— Скорее её макет, — девушка позволила себе слабую, почти призрачную улыбку. Только она знала, каких усилий ей стоило удержать эту конструкцию, не дав той по-настоящему вгрызться в ткань реальности.

— А ведь пока ты не сказала, я и не задумывался... — протянул R-5. — Ты ведь и впрямь можешь создавать дыры в пространстве, а не только зашивать их. Логика железная, но до этого момента мы видели в тебе только «доктора».

— Это не станет поводом к обнулению? — внезапно спросил Буйвол.

Его низкий голос прозвучал как гром среди ясного неба. Весь отряд настороженно замер. Слово «обнуление» в Лабиринте было синонимом смерти — окончательной и бесповоротной потери себя, стирания личности до состояния чистого листа.

— Будем на это надеяться... — отозвалась Селена. Её голос прозвучал странно отрешённо, будто она уже находилась где-то далеко, просчитывая варианты, к которым её напарники ещё даже не подобрались.

— Сказала так, будто это меньшая из твоих проблем, — недовольно брякнул М-10, заметив её холодную отстранённость.

Отчасти он был прав. Девушка понимала: в лучшем случае её ждёт дисциплинарное собрание, каскад штрафов и унижительные запреты на использование способностей. Но по-настоящему её изматывала другая мысль. Кайл. Она знала, что Хозяйка не оставит этот инцидент без внимания, и тень её поступка неминуемо падёт на Р-1. Он пострадает из-за её выходки, и эта цена казалась ей выше любой угрозы обнуления. Единственным слабым утешением было то, что в этом хаосе ей удалось главное: она не выдала ни одной своей скрытой способности. Р-8 увидел лишь то, что она позволила ему увидеть — логическое продолжение её официального дара. Её истинная суть, их общая с Кайлом тайна, всё ещё оставалась под надёжным замком.

На следующее утро Селену вызвали в кабинет Высшего. Коридоры Сектора «С» встретили её липким шёпотом и презрительными взглядами местных надзирателей — слухи об инциденте в тренировочном зале разлетелись со скоростью системного сбоя. Когда Р-8 дал добро, она вошла. Обстановка здесь разительнo отличалась от строгого минимализма кабинета Кайла, но внешнее лощение не могло скрыть схожую, вьёвшуюся в кости усталость хозяина кабинета. Паразит долго хранил молчание, сверля её взглядом, прежде чем нарушить тишину.

— Присаживайся, М-4, — выдохнул он, и в этом вздохе слышался груз принятых решений. — Разговор не будет коротким.

Девушка послушно опустилась в кресло. Она контролировала каждое микродвижение, удерживая пульс и биоритмы в пределах нормы, чтобы вездесущие датчики не считали ни тени подозрения в её поведении. Р-8 тяжело поднялся и направился к ней. Его шаги по мягкому покрытию были почти бесшумными.

— Ты должна меня поблагодарить, — произнёс он, остановившись за её спиной. — Разбор твоего дела только что завершился. Знала бы ты, каких трудов мне стоило выгородить тебя перед аналитиками за вчерашнюю выходку.

— Вы должны были это предвидеть, — спокойно парировала она, глядя прямо перед собой. — В тот самый момент, когда решили угрожать жизнями моих напарников.

Он усмехнулся — сухо, по-хищному — и наклонился к самому её уху, обдав холодом своего присутствия.

— Тебе нужно быть осторожнее, — сделал он томительную паузу. — Твоё высокомерие выдаёт тебя с головой.

— Скорее, дело в вас, а не во мне, — она нашла его мутное отражение в стеклянных фасадах мебели перед собой и зацепилась за него взглядом. — Вы проявляете нездоровый интерес к оперативнику чужого Сектора, копаетесь в её прошлом и личных делах. Это вам стоит проявлять осторожность... Своими действиями вы ставите под удар отношения с Р-1, а вашей репутации лишние конфликты ни к чему.

Вместо ожидаемой вспышки гнева Р-8 внезапно залился громким, искренним смехом. Его забавляла эта ситуация. Он кожей чувствовал, что эта девушка — не просто функциональный винтик системы. Другие надзиратели едва смели дышать в его присутствии, не то что огрызаться или диктовать условия, но Селена была сделана из другого теста. И это лишь подогревало его опасный азарт.

— Это близость с Р-1 тебя так воодушевляет? — он снова наклонился к ней, и на этот раз его губы почти коснулись её уха, обжигая опасным шёпотом. — Тех, кто забывает своё место, Система очень быстро возвращает с небес на землю. Р-1 не сможет защищать тебя вечно. Ты ведь понимаешь, что в этой игре он такой же заложник протокола, как и ты?

Девушка не отодвинулась. Она заставила себя оставаться неподвижной, хотя каждый нерв кричал об опасности.

— Я прекрасно помню о своём месте, — голос её был ровным, лишённым каких-либо эмоций, которые могли бы зацепить его. — Вы так любезно напоминаете мне о нём при каждой нашей встрече, что забыть об этом просто невозможно.

R-8 усмехнулся. Его дыхание опалило её кожу, и в этом жесте было столько же угрозы, сколько и странного, извращённого восхищения. Он видел перед собой не просто оперативника, а редкий экземпляр, который отказывался ломаться под давлением.

— Подумай, М-4, — его голос стал вкрадчивым, почти интимным, проникая под кожу лучше любого ментального зонда. — Здесь, со мной, ты бы смогла добиться куда большего, чем под крылом Р-1. Я могу раскрыть твой истинный потенциал, вытащить наружу то, что ты так старательно прячешь за своими «масками». И тогда... больше никто и никогда не посмеет указывать тебе на твоё место. Ты станешь силой, с которой Системе придётся считаться.

Возникла гнетущая пауза. Воздух в кабинете, казалось, загустел, превращаясь в вязкий кисель. Селена видела, как он ждёт её реакции — любого знака, тени сомнения или искры интереса. Он предлагал ей свободу, которая на самом деле была лишь другой формой клетки, ещё более изопрённой и кровавой. Девушка понимала: сейчас он не просто вербовал её, он пытался нащупать ту самую трещину в её преданности Кайлу, через которую можно было бы пробраться к их общему заговору.

— Вы правы... — начала она осторожно, позволяя словам медленно соскальзывать с губ. — Похоже, «близость с Р-1» и впрямь даёт о себе знать. Я наблюдаю за ним уже достаточно долго, чтобы понять: власть в этом месте меня ничуть не привлекает. Все эти бесконечные отчёты, вечные проверки, подковёрная борьба за влияние... Меня это совершенно не интересует.

Она сделала паузу. В этот момент маска исполнителя на мгновение дала трещину, и в её голосе впервые прозвучала пугающая, обезоруживающая искренность.

— Хозяйка сама втянула меня в этот смертельный танец. Сначала она выделила мои таланты, фактически поставив мишень у меня на спине своей пометкой «кандидата в Высшие». Затем назвала меня «идеальной парой» для Р-1. — Она глубоко вздохнула и вдруг коротко, почти весело усмехнулась, глядя на озадаченное лицо R-8. — Мне уже начинает казаться, что она делает это специально. Ей просто нравится подкидывать вам всем побольше проблем, используя моё уникальное умение их находить.

R-8 замер, переваривая её слова. В кабинете повисла тишина, но теперь она не была давящей — она была наэлектризованной. Он привык к тем, кто жаждет власти, и к тем, кто её боится, но искреннее пренебрежение Селены к иерархии Лабиринта сбивало его с толку. Она не просто не играла по его правилам — она вообще не признавала наличие доски.

— Ты либо слишком умна, либо абсолютно безумна, М-4, — наконец произнёс он, и в его тоне промелькнуло нечто, похожее на уважение. — Но Хозяйка никогда ничего не делает «просто так». Если она столкнула тебя с Р-1 и бросила в мой Сектор — значит, Лабиринту нужно, чтобы ты что-то сломала. Или что-то создала.

Он резко сделал шаг в сторону, чтобы видеть её лицо, и его рука в белоснежной перчатке обхватила подбородок девушки. Это было грубое, почти неуместное движение, нарушающее все мыслимые протоколы дистанции. R-8 заставил её смотреть прямо себе в глаза, и на его лице вдруг проступила та самая опасная ухмылка, которая предвещала начало настоящей охоты. Мужчина наклонился ещё ниже, переходя на едва уловимый шёпот — настолько тихий, что его не могли зафиксировать даже самые чувствительные датчики в кабинете.

— Я ведь могу помочь тебе в твоей игре... — его глаза сверкнули холодным блеском. — Хищникам лучше держаться вместе, ты так не считаешь?

В ту же секунду его тяжёлая, маслянистая аура с размаху ударила в её ментальный щит. Селена почувствовала это физически: давящее, удушающее чувство опасного сближения, от которого хотелось отпрянуть, но стальная хватка на подбородке не давала шевельнуться. Как

ни крути, он оставался Высшим — существом, чей потенциал в Лабиринте был почти безграничен. И сейчас этот хищник предлагал ей не просто союз, а сделку, которая могла либо стать её билетом на волю, либо окончательно похоронить её и Кайла в недрах Системы. Он почувствовал вкус её тайны и теперь, как истинный вампир, не собирался отпускать добычу, пока не выпьет всё до капли. Девушка замерла, ощущая, как её собственный «внутренний хищник» скалится в ответ, с трудом удерживаясь от того, чтобы не разорвать пространство прямо здесь, между ними. Она молчала, глядя в его расширенные зрачки, и это молчание было громче любого ответа.

— Помочь? — её шёпот был едва различим, вибрируя на грани слышимости. — В Лабиринте за помощь всегда выставляют счёт, который невозможно оплатить.

Она не отвела взгляда, позволяя ему видеть в своих глазах отражение его собственного хищного блеска. Это была опасная игра — признать, что она понимает его истинную природу, значило подтвердить, что она не та, за кого себя выдаёт.

— Хищники не держатся вместе, R-8, — продолжала она, и уголок её губ дрогнул в подобии усмешки. — Они просто делят территорию, пока один не совершит ошибку. Вы предлагаете мне сделку, но забываете, что моя работа — устранять аномалии, а не становиться их частью.

Его хватка на её подбородке чуть усилилась, пальцы в белой ткани едва заметно дрогнули от возбуждения. Он чувствовал, как её щит пульсирует, сдерживая его натиск, и это сопротивление доставляло ему почти физическое удовольствие.

— Ты лжёшь даже самой себе, крошка, — выдохнул он ей в самые губы. — Ты уже давно часть этой аномалии, и P-1 знает это лучше всех. Он прячет тебя, как сокровище, но сокровища созданы для того, чтобы ими владели.

Он медленно разжал пальцы, но не отстранился, оставаясь в её личном пространстве, игнорируя все протоколы безопасности.

— Я дам тебе время подумать. Моё предложение в силе до конца твоей командировки. Можешь продолжать играть в «верного вояку», но помни: когда Система решит, что ты стала слишком большой дырой для её одеяла, P-1 будет первым, кому прикажут тебя обнулить.

Селена медленно поднялась, чувствуя, как в лёгкие наконец возвращается воздух. Она поправила воротник формы, восстанавливая маску безупречного офицера. Девушка вышла из кабинета, не оборачиваясь, но в ушах всё ещё стоял его тихий, торжествующий смех. Она знала: этот разговор изменил всё. R-8 не просто догадывался — он был уверен, что нашёл в ней ключ к разрушению всего, что они с Кайлом так долго строили. Теперь каждый её шаг в Секторе «С» был прогулкой по минному полю.

Высший не собирался давать ей поблажек. Напротив, он воспринял её строптивость как вызов, на который стоило ответить с изящной жестокостью. Под предлогом «необходимого сдерживания потенциально опасного объекта» он приурочил Селену к своим самым рискованным экспериментам в спецблоке. Её чувствительность к энергетическим потокам была ему на руку: там, где аппаратура давала сбои, девушка видела структуру разрыва. R-8 виртуозно жонглировал дырами в протоколе, выставляя её участие как «вынужденную меру безопасности». В итоге он таки раздобыл официальное разрешение у Хозяйки, сделав её заложницей собственных талантов.

Экспериментальный зал спецблока встретил её гулом силовых полей и запахом озона. В центре, в прозрачном кубе, билось нечто, лишённое постоянной формы.

— Твоя задача проста, M-4, — голос Высшего раздался из динамиков, пока сам он находился за бронированным стеклом пульта управления. — Я начну подачу дестабилизирующего импульса. Ты должна удерживать границы этого существа, не давая ему расплыть сознание по всему Сектору.

Она встала у края куба. Воздух вокруг неё начал вибрировать, когда нечто, почуяв её присутствие, выбросил в её сторону жгут чёрной, изломанной энергии.

— Начинаю первый цикл, — холодно произнёс R-8.

Селена стиснула зубы. Мощный толчок чужой агонии ударил в её разум, проверяя на прочность выставленные щиты. Это не было тренировкой — Высший использовал её как живой громоотвод, бросая в самое пекло ментального шторма. Она чувствовала, как за каждым её движением, за каждой вспышкой силы следят десятки датчиков, записывая её почерк, её слабости, её истинную мощь. Он хотел не просто интеграции объекта. Он хотел увидеть, как она сломается, чтобы потом собрать её заново — уже по своим чертежам.

— Глубже, M-4, — прошептал он, и она знала, что он сейчас улыбается. — Не бойся коснуться бездны. Она уже давно тебя узнала.

С каждым новым циклом нагрузка росла. Девушка чувствовала, как её сознание растягивается, словно тонкая мембрана, отделяющая упорядоченный мир Лабиринта от воющего хаоса, в который превратился этот монстр. R-8 не просто наблюдал — он методично выкручивал регуляторы мощности, заставляя её работать на пределе.

— Коэффициент синхронизации — восемьдесят два процента, — прозвучал его сухой голос. — Давай, M-4, покажи мне, где заканчивается «заплата» и начинается истинная пустота.

Внутри куба существо взревело беззвучным ментальным криком. Селена пошатнулась. Её пальцы, вытянутые к прозрачному экрану, дрожали. Она видела, как внутри куба побежали искры — монстр пытался прорваться сквозь щит, используя её собственную энергию как проводник.

— Я не смогу... долго... — выдохнула она, чувствуя, как во рту появляется металлический привкус крови.

— Сможешь, — отрезал R-8. — Или ты позволишь ему стереть твоих напарников, которые сейчас дежурят за дверью? Если поле рухнет, их разумы выгорят первыми.

Это был удар под дых. Он знал, что её преданность своим людям — главная слабость и одновременно единственный рычаг управления. Внезапно нечто изменило тактику. Вместо того чтобы бить в щит, он замер, и Селена ощутила странный, ледяной резонанс. Существо в кубе узнало её. Не как надзирателя, а как родственную душу, такую же пленницу циклов, которая прячет правду под маской. *«Помоги... мне...»* — шелест чужого разума коснулся её мыслей, минуя все блокировки. — *Мы... одно...* Селена застыла. Датчики на панели R-8 бешено замигали.

— Что это было? — его голос мгновенно потерял скучающий тон. — M-4, статус! Ты только что пропустила всплеск!

Она не ответила. В этот момент об стенку её сознания билась правда: это существо не просто аномалия, это истерзанная душа. И если она сейчас не закроет этот контакт, R-8 увидит бездну, которую та так бережно латала внутри себя всё это время. Громкий хлопок раздался в воздухе, а затем по структуре экспериментального поля пробежали микроразрывы, которые на секунду ослепили все сенсоры лаборатории. Девушка упала на колени, когда куб заволокло непроницаемым туманом. Она тяжело дышала, глядя в пол. Ей удалось разорвать связь, но она знала: Высший не поверит в случайность. Теперь он будет искать причину этого «сбоя» с ещё большим остервенением.

— Что случилось? — взревел R-8, вихрем влетая в лабораторию. — Что ты сделала?!

Его самообладание, так тщательно выстраиваемое днями, дало трещину. Он подлетел к Селене, его пальцы мёртвой хваткой вцепились в её предплечье, пытаясь встряхнуть, выбить ответ. Но девушка отреагировала мгновенно: резким, рваным движением она сбросила его руку. Она тяжело, с присвистом дышала, а её обычно холодные сапфировые глаза сейчас горели такой неприкрытой, обжигающей ненавистью, что R-8 невольно отступил на полшага. По её

подбородку, пачкая воротник формы, потекла тонкая струйка крови — цена, которую она заплатила за экстренный разрыв связи.

— Почему... — её голос сорвался, пальцы заметно дрожали, — почему ты не сказал, что это чья-то душа? Не аномалия, не «объект»... а живое, вывернутое наизнанку сознание?

В этот момент тяжёлые двери снова разъехались, и в зал ворвались её напарники. R-5 и Буйвол сразу оценили обстановку: Селена на коленях, кровь, разъярённый Высший. Они инстинктивно положили руки на рукояти табельного оружия.

— Что случилось? — выкрикнул R-5.

— Это не имеет значения, — сухо отозвался R-8, мгновенно возвращая себе маску ледяного безразличия. Он проигнорировал враждебность оперативников, глядя только на девушку. — Твоя задача была чёткой: сдерживать ментальное поле. Этические дефиниции не входят в твою компетенцию, M-4.

Он выпрямился, поправляя обшлага своих безупречных белых перчаток, хотя его глаза всё ещё лихорадочно блеснули от осознания того, что Селена коснулась чего-то, что было не под силу его приборам.

— Эксперимент окончен на сегодня. Уведите её в жилой блок.

Девушка поднялась, опираясь на плечо подросшего Буйвола. Она вытерла кровь тыльной стороной ладони, не сводя глаз с Высшего. Теперь она знала правду о том, что он здесь пытается сделать.

Группа молча миновала пост охраны, и только когда автоматические двери заблокировали доступ посторонним, тишина коридора взорвалась приглушёнными голосами.

— Ты как? — негромко спросил M-10, заглядывая ей в лицо. Его пальцы нервно сжимали лямку разгрузки.

— Нормально... — сухо отозвалась Селена, хотя каждый шаг отдавался в висках ударом молота.

Всё тело ныло от жуткой ментальной перегрузки, а остаточное эхо прикосновения чужой разорванной в клочья души всё ещё билось о внутренние стенки её разума, как пойманная птица. Это было не просто истощение — это было осквернение.

— Что там было? — прошептал R-5, перехватывая её поудобнее и практически неся на себе. Он чувствовал, как её бьёт мелкая, контролируемая дрожь.

— Он сумасшедший... — выдохнула девушка, и в этом признании было больше усталости, чем страха. — Я не знаю, что именно он пытается создать, какую химеру лепит в этом кубе... но он хуже всех, кого я видела в Лабиринте. Он играет с законами природы, как с пластилином. Без оглядки на то, что этот пластилин когда-то был человеком.

Она замолчала, экономя остатки сил. Напарники переглянулись — в их глазах читалась угрюмая решимость. Они привыкли сражаться с монстрами извне, но столкнуться с чудовищем, которое носит форму Высшего и распоряжается их жизнями, было куда сложнее.

Сначала парни отвели её в медблок. Стерильный белый свет ламп казался девушке невыносимо ярким, а запах антисептиков — удушающим. Пока автоматический диагност сканировал её показатели, она закрыла глаза, пытаясь выстроить разрушенные блоки в сознании. Селена знала: если R-8 продолжит свои опыты, ей придётся либо стать соучастницей его безумия, либо пойти на открытый конфликт, который уничтожит их всех.

— Коэффициент нейронного износа — сорок процентов, — бесстрастно доложил медицинский дроид. — Рекомендуется глубокий сон и изоляция.

— Отдохни, — коротко бросил Буйвол, занимая пост у входа в палату. — Мы здесь. Ни один из местных к тебе не прикоснётся, пока мы дышим.

Селена благодарно кивнула и провалилась в тяжёлое, принудительное, липкое забытие, где вместо снов была чёрная пустота существования и смех Высшего.

На следующее утро девушка не стала ждать вызова. Она вошла в кабинет R-8 сама — с остекленевшей от решимости прямой в осанке.

— Отстраните меня от ваших экспериментов, — сухо, без тени просьбы отчеканила она, едва переступив порог.

Мужчина, до этого изучавший какие-то отчёты, медленно поднял голову.

— Ещё чего... — бросил он, лениво поднимаясь из-за стола. Его шаги по ковру казались крадущимися. — M-4, неужели я был к тебе слишком добр? С чего ты взяла, что можешь мне указывать?

— Можете наложить на меня любые штрафы, лишить привилегий, но я не вернусь к той штуке в кубе, — она даже не дрогнула, когда он подошёл вплотную. — Я сказала вам сразу: я не имею дел с душами. Это не входит в мой функционал.

— Какая избирательная чистоплотность, — R-8 склонил голову набок, разглядывая её, как диковинное насекомое. — Ты ведь просто фильтровала ментальный фон. Обычная работа с потоками, которую ты делаешь каждый день в Лабиринте. Так в чём разница?

— Разница в том, что когда ты латаешь дыру в пространстве, никто не лезет тебе в душу и не копошится в ней своими липкими щупальцами! — её голос на мгновение сорвался на сталь, но она выдержала его тяжёлый взгляд. — Накажите меня, если вам так будет проще. Назначьте сверхурочные отработки, двойные караулы, что угодно. Но в ту лабораторию я больше не зайду.

R-8 замер, вглядываясь в её лицо так пристально, словно пытался прочесть текст, написанный невидимыми чернилами между строк её гнева. На его губах медленно, почти плотоядно расплзлась хищная улыбка. Он сократил дистанцию до абсолютного минимума, заставляя её почувствовать холод его ауры.

— В чём дело, M-4? — перешёл он на вкрадчивый шёпот, от которого по коже пробежал мороз. — Так боишься, что кто-то коснётся твоей души? Твоих маленьких, тщательно упакованных тайн?

Воздух в кабинете снова стал вязким. Она понимала: её отказ для него — не бунт подчинённого, а косвенное признание. Он почуял её страх, её сомнения. Рука Высшего, обтянутая белой тканью, снова плавно коснулась её подбородка, фиксируя лицо Селены так, чтобы она не могла отвести взгляд. Её дерзость была для него лучшим компасом: чем яростнее она выстраивала баррикады, тем отчётливее он понимал — там, за ними, спрятано нечто бесценное.

— И что же ты сделаешь, M-4, если я просто... откажусь? — спросил он, смакуя каждое слово, словно дорогое вино. — Если я прикажу тебе вернуться в ту камеру прямо сейчас?

Ресницы девушки на миг дрогнули, выдавая внутреннее напряжение, но она не отпрянула. Напротив, она сделала глубокий, размеренный вдох, словно собираясь с силами для последнего прыжка.

— Послушайте, — начала она, и её голос обрёл пугающую глубину. — Вам, возможно, и приносит истинное удовольствие копошиться в чужих душах... препарировать их, вытягивать жизнь по капле, как нектар.

Она сделала выразительную паузу, в упор глядя в его расширенные зрачки. Это был прямой удар — она открыто назвала его паразитом, существом, которое живёт лишь за счёт чужой сути. В этом Секторе об этом знали все, но никто не осмеливался произнести вслух, боясь стать следующим «блюдом» в его меню.

— Но для меня... — продолжала девушка, и в её глазах промелькнула тень той боли, которую она испытала вчера. — Для меня это не пиршество. Это болезненный, грязный процесс. В то время как вы просто поглощаете чужую суть, насыщаясь ею, я вынуждена пропускать через себя каждую их эмоцию. Весь страх, всю агонию и всё то, что осталось от их человечности.

Она говорила о его способности так прямо, будто видела его насквозь, обнажая природу ментального вампира перед лицом его же амбиций.

— Вы хищник, R-8. Вы едите. А я — я резонирую. И если вы заставите меня войти туда снова, вы получите не данные для отчёта, а сломанный инструмент, который в следующий раз может просто не справиться и разнести этот Сектор на атомы вместе с вами.

Его ухмылка на мгновение застыла. Теперь это был не просто спор о полномочиях — это была схватка двух существ, которые понимали природу друг друга слишком хорошо. Селена рискнула всем, выложив карты на стол: она признала свою уязвимость, чтобы показать ему, насколько опасным может быть её разрушение. Она вложила в этот взгляд всю доступную ей правдоподобность, имитируя надлом. Девушка знала: лучшая ложь — это та, что густо замешана на правде. Её дрожащие пальцы и прерывистое дыхание не были фальшивкой, но она использовала их как дымовую завесу, пытаясь убедить R-8, что её сопротивление вызвано лишь инстинктом самосохранения и физическим отвращением к его методам.

Она хотела, чтобы он поверил: за этой яростью не стоит заговор или великая миссия, а лишь обычный человеческий страх перед ментальным загрязнением. Страх «инструмента», который боится затупиться о чужую агонию. Всший медленно разжал пальцы, отпуская её подбородок, но его ладонь осталась в считанных сантиметрах от её лица. Он изучал её, как ювелир изучает трещину на редком камне: была ли она там всегда или появилась после вчерашнего?

— Резонанс... — тихо повторил он, словно пробовал слово на вкус. — Значит, ты не просто «заплата», а камертон. Ты вибрируешь в унисон с тем дерьмом, которое мы здесь препарируем.

Он сделал пару шагов назад, внезапно потеряв интерес к физическому давлению. В кабинете стало подозрительно тихо.

— Это... прискорбно, M-4. Такая чувствительность делает тебя эффективной, но крайне хрупкой. P-1, должно быть, очень бережно с тобой обращается, раз ты до сих пор не выгорела дотла.

Он сел на край стола и сцепил руки на груди в замок, глядя на неё будто поверх, сказанных ею слов. В его глазах больше не было издёвки, там появилось нечто более опасное — расчёт.

— Хорошо. Я принимаю твой ультиматум. На сегодня ты отстранена от работ в спецблоке. Вместо этого ты получишь то, что просила — двойные смены по периметру Сектора.

Он сделал паузу и добавил, нехорошо прищурившись:

— Иди. Но не думай, что ты победила. Ты просто выбрала более медленный способ сойти с ума. А мне будет интересно посмотреть, как долго твои «швы» продержатся под прямым давлением пустоты без защиты лабораторных стен.

Селена коротко кивнула, не тратя слова на благодарность, и направилась к выходу. Она чувствовала, как в затылок ей бьёт его тяжёлый, липкий взгляд. Она получила передышку, но цена была высока: R-8 отправил её туда, где реальность была наиболее зыбкой. Туда, где Лабиринт был почти прозрачен, и где её верность Системе подвергнется самому суровому испытанию.

Девушка несла свои смены на внешнем периметре с ледяным достоинством. Свист пустоты за тонкими переборками и вечные сумерки Сектора казались ей благословением по сравнению с тем богохульством, что творилось в лаборатории R-8. Она понимала: чтобы спасти главную тайну, ей пришлось скормить хищнику свою слабость. Это была дорогая цена, но она сработала — Паразит казался фанатиком, но дураком точно не был. Он был воодушевлён новой «игрушкой», но ломать её окончательно не входило в его планы, особенно, когда он убедился, что она не лгала о своей боли. Ей нужно было просто дотянуть до конца командировки. Просто выстоять.

Размышления Селены прервал резкий хохот. Группа местных надзирателей, делавших обход, вальяжно приближалась к её посту. В их позах не было дисциплины — только самодовольство хозяев положения.

— Эй! — выкрикнул один из них, намеренно громко топая берцами по металлическому настилу. — Что, М-4, недолго музыка играла? Почему он сослал тебя сюда, в этот сквонзьяк? Не удалось «задобрить» нашего командира?

— Расскажи нам, дорогая «протеже», — подхватил другой, скалясь в полумраке. — Как там в кабинете у Высшего? Неужели твои таланты оказались... недостаточно гибкими? Ну же, поделись опытом.

Для них она была лишь чужаком из Сектора «R», девчонкой, которая непонятно как привлекла внимание их сумасшедшего лидера. В их глазах её компетенция равнялась нулю, а единственный аргумент, объясняющий интерес R-8, сводился к сальным шуткам. Они обступили её полукольцом, преграждая путь и явно надеясь на то, что «элитная гостья» сорвётся или начнёт оправдываться. Селена даже не шелохнулась. Её взгляд был направлен в сторону пустоты, а рука привычно покоилась на рукояти излучателя.

— Моя компетенция подтверждена приказами Хозяйки, — ровно произнесла она, не глядя на задир. — А ваши шутки подтверждают лишь то, что в Секторе «C» дисциплина хромает так же сильно, как и воображение.

Один из оперативников резко сократил дистанцию, его лицо оказалось в паре сантиметров от её лица.

— Ты слишком дерзкая для той, кого выкинули на периметр, — прошипел первый, обдавая её несвежим дыханием. — Здесь нет R-8, чтобы тебя защитить. Как нет и твоих дружков из Сектора «R». Ты и с ними забавляешься в личном блоке? Расскажи, каково это — быть единственной девчонкой в мужском отряде?

— Эй! — вдруг воскликнул второй, и в его глазах вспыхнуло узнавание, смешанное с грязным восторгом. — Это же про неё говорили, а? Та самая. Подружка P-1.

— Чего? — удивился первый. Он резко, с силой дёрнул Селену за плечо, заставляя её развернуться к нему всем телом. — Какого хрена? Ты что, коллекцию из Высших собираешь? Ничего себе замашки...

Он окинул её сальным, оценивающим взглядом, от которого по коже хотелось пройтись наждаком. Остальные оперативники сузили круг, отрезая ей путь к отступлению.

— Может, и нас тогда в список добавишь? — хохотнул другой, подаваясь вперёд. — Мы, конечно, не Высшие, но в Секторе «C» знаем толк в «разрядке». Раз уж ты такая универсальная...

Селена чувствовала, как внутри неё закипает холодная, расчётливая ярость. Эти люди не просто оскорбляли её — они топтали то единственное настоящее, что связывало её с Кайлом, превращая их глубокую, пронесённую сквозь циклы связь в дешёвую сплетню для столовой. Она медленно перевела взгляд на руку, всё ещё сжимавшую её плечо. Датчики на её запястье пульсировали ровным синим светом, но ментальное поле вокруг неё начало едва заметно вибрировать.

— Убери руку, — произнесла она. Голос был тихим, почти шёпотом, но на пустом периметре он прозвучал, как щелчок взводимого курка.

— А то что? — издевательски протянул оперативник, сильнее сжимая пальцы. — Побежишь жаловаться? Давай, покажи, на что ты способна без своих заступников...

Он не понимал, что прямо сейчас заглядывает в бездну. Девушка знала: если она применит силу здесь, R-8 получит идеальный повод затащить её обратно в лабораторию «на допрос». Но если она терпит — они не дадут ей житья до конца командировки. Ей нужно было ударить так, чтобы не оставить следов на теле, но навсегда отбить желание подходить к ней ближе, чем на милю. Селена даже не шелохнулась, но внутри неё что-то беззвучно щёлкнуло, переключившись.

чая режим из «наблюдателя» в «карателя». На лице мужчины, который только что с упоением сжимал её плечо, внезапно исказилась гримаса — сначала непонимания, а затем первородного, животного ужаса.

Он взревел, но звук застрял в горле хриплым клёкотом. Оперативник пошатнулся и отступил, судорожно хватаясь пальцами за собственную грудь, не в силах осознать, что именно скребётся у него прямо под кожей, выворачивая мышцы и заставляя кровь пульсировать в обратном ритме. Остальные замерли, парализованные зрелищем. Девушка перед ними даже не моргнула. Её сапфировые глаза светились ровным, ледяным светом, а пространство вокруг стало настолько тяжёлым, что каждый вдох давался нападавшим с трудом. Они не знали о её истинных талантах ровным счётом ничего, считая лишь «удобной грелкой» для Высших.

— Большая ошибка — задирать того, о ком вы ничего не знаете... — тихо, почти ласково произнесла она.

Её голос прорезал тишину периметра, как скальпель. Селена медленно перевела взгляд на остальных. Те попятились, с ужасом наблюдая, как их товарищ корчится на полу в неестественной позе, не понимая, откуда исходит атака. Она не касалась его физически, она играла его внутренними потоками, как струнами расстроенного инструмента, создавая дикий, невыносимый дисбаланс энергий в его теле.

— Кто следующий? — спросила девушка, и в этом вопросе не было вызова, только холодная констатация факта. — Кто ещё хочет проверить, насколько «гибки» мои таланты?

Воздух вокруг неё затрепал от статического напряжения. Селена знала, что рискует, но сейчас это было единственным способом выжить в этом гадюшнике. Она заставила их почувствовать то же самое, что чувствовал монстр в кубе — беспомощность перед тем, кто может переписать твою структуру одним усилием воли. Один из оперативников, самый трусливый, сорвался с места и бросился к ближайшему посту, выкликая подмогу. Девушка позволила ему уйти. Ей нужно было, чтобы легенда о «неприкосновенной из Сектора R» обросла новыми, кровавыми подробностями. Теперь ни один из них не посмеет подойти к ней ближе, чем на длину выстрела.

Селена разжала невидимые тиски, позволяя своей жертве рухнуть на пол мешком изломанных мышц. Остальные, не дожидаясь приглашения, подхватили стонущего товарища и буквально испарились, спотыкаясь и оглядываясь. *«Ничего, — отстранённо размышляла она, поправляя перчатки. — Сошлюсь на самооборону. К тому же, я была к ним милосердна. Система не сделает из этого проблему. В мире, где люди грызут друг другу глотки за кусок хлеба получше, такие стычки — обычное дело. Просто производственные издержки».*

Однако R-8 не упустил случая вызвать её «на ковёр». Когда девушка вошла в его кабинет, он даже не пытался выглядеть разгневанным. Напротив, в его позе сквозило ленивое удовлетворение.

— Что, уже настучали? — усмехнулась Селена, останавливаясь посреди комнаты. В её голосе не было и капли раскаяния.

— Услышал странные слухи о «ведьме на периметре», вот и решил проверить записи с камер, — улыбнулся Высший. Он сидел, откинувшись в кресле, и покручивал в пальцах тонкий стилус. — Зрелище было... любопытным. Ты ведь почти не шевелилась, М-4. Потерпевший описывает это так, будто у него внутри взорвался ультразвуковой миксер.

Он подался вперёд, и его взгляд стал колючим.

— Для «обычного вояки» у тебя очень специфические методы самообороны. Ты не ударила его, ты дестабилизировала его биологический ритм через резонанс полей. Это уровень магистра, а не простого латальщика дыр.

R-8 сделал паузу, наслаждаясь моментом.

— Знаешь, что самое забавное? Официально я должен тебя наказать за неуставные отношения. Но неофициально... ты только что сэкономила мне кучу времени на дрессировку личного состава. Теперь они боятся тебя больше, чем меня.

Он встал и медленно обошёл стол.

— Но скажи мне одну вещь: если ты способна на такое с живым человеком, почему ты так дрожала в лаборатории? Там ты изображала жертву, а здесь — палача. Какое из этих лиц твоё настоящее, М-4?

Она медленно подняла на него взгляд, выдерживая паузу ровно столько, сколько требовалось, чтобы тишина в кабинете стала осязаемой. В её глазах не было ни вызова, ни раскаяния — только холодная, кристально чистая уверенность.

— Я не терплю насилия, — произнесла она чётко, вбивая каждое слово, как гвоздь. — Но принижать себя я не позволю никому.

Р-8 снова хищно улыбнулся, и на этот раз в его улыбке промелькнуло нечто, похожее на искреннее восхищение. Он не ошибся, когда почуял в ней родственную, хищную натуру, скрытую за скучными протоколами Лабиринта. Но теперь его пазл пополнился новой, парадоксальной деталью: этот хищник умел быть хрупким, умел чувствовать чужую боль, как свою собственную, и именно эта уязвимость делала её силу такой опасной.

— «Никому»... — эхом повторил он, смакуя это слово. — Смелое заявление в стенах моего Сектора.

Он подошёл почти вплотную, но теперь в его движениях не было прежней агрессии — скорее любопытство натуралиста, обнаружившего новый вид угрозы.

— Значит, ты защищаешь свои границы так же яростно, как и свои тайны. Это делает тебя... ценным приобретением. Даже если это приобретение кусается, — он на мгновение замолчал, глядя на неё сверху вниз. — Можешь идти. Считай, что твой «инцидент» на периметре исчерпан. Но помни: в Лабиринте нет места для тех, кто слишком сильно дорожит своим «Я». Система пережует тебя, как только поймёт, что ты перестала быть деталью и стала личностью.

Селена коротко кивнула и направилась к выходу. Она чувствовала, что сегодня выиграла ещё немного времени. Но она также понимала, что Р-8 теперь не просто изучает её — он начинает быть ею одержим. И эта одержимость может стать либо их с Кайлом спасением, либо их окончательным приговором. Когда за ней закрылась дверь, Высший ещё долго смотрел ей вслед, постукивая пальцами по столу.

— Хрупкий палач... — прошептал он в пустоту кабинета. — Какая ирония, Р-1. Ты нашёл себе идеальную пару, которая тебя же и погубит.

Вечером, когда пульс Сектора замедлился, а коридоры погрузились в режим энергосбережения, Селену вызвали в Тренировочный центр. Она шла по пустому зданию, и эхо её шагов казалось слишком громким. В голове крутился один вопрос: что Р-8 задумал теперь? Тот факт, что он не позвал её напарников, распределив их по другим поручениям, лишь усиливал тревогу.

Она вошла в зал. Огромное пространство было залито тусклым, ровным светом. В самом центре, неподвижный и сосредоточенный, стоял Высший. Он был один. Девушка подошла к нему, чеканя шаг, и остановилась ровно на той дистанции, которую диктовал устав. Мужчина медленно, почти по-хозяйски, окинул взглядом её тренировочный костюм, плотно прилегающий к телу и не стесняющий движений.

— Радует, что ты продолжаешь играть роль идеального подчинённого, — произнёс он, и в его голосе послышались нотки искреннего удовольствия. Он сократил расстояние, нарушая ту самую должностную границу, которую она пыталась соблюсти.

— Придумали очередное развлечение? — спросила она, глядя ему прямо в переносицу. Её голос был сухим и ровным, как шелест старой бумаги.

R-8 усмехнулся, и эта усмешка предвещала нечто куда более опасное, чем вчерашний инцидент на периметре.

— Можно и так сказать, — вкрадчиво ответил он. — Хочу... проверить твой хваленый резонанс в деле. Вокруг тебя и P-1 ходят такие легенды, что мне и самому до смерти захотелось ощутить это на себе.

Он сделал ещё полшага, оказываясь в её личном пространстве.

— Говорят, рядом с тобой пространство оживает. Говорят, ты чувствуешь партнёра так, словно вы — единая нервная система. Давай проверим, M-4, насколько ты резонируешь с тем, кто не является твоим Командиром?

Воздух вокруг него начал густеть. R-8 не просто предлагал спарринг — он предлагал ментальное слияние, опасный танец на грани фола, где любой неверный импульс мог выжечь разум обоим. Он хотел почувствовать то же, что чувствовал Кайл, хотел украсть частичку их близости, превратив её в объект своего исследования.

— Не думаю, что мы сработаемся... — Селена намеренно понизила голос, стараясь звучать рассудительно, как учёный, обсуждающий сухую теорию. — Наш резонанс с P-1 даёт результат только потому, что наши поля фундаментально совместимы. Не мне вам объяснять законы мироздания, R-8. Наши с вами силы...

— Уверен, они прекрасно поладят, — грубо перебил её мужчина.

Он склонился к самому её лицу, так близко, что девушка видела в его зрачках собственное напряжённое отражение. Холод его присутствия теперь не просто давил — он просачивался сквозь поры кожи.

— Не пытайся прикрыться формальностями и учебниками, M-4. Мы оба знаем, что ты можешь это сделать. Ты гибкая, умеешь подстраиваться под любой хаос.

Он сделал короткую паузу, жадно вглядываясь в её черты, словно пытался разглядеть за ними движение самой души.

— К тому же, — его голос стал вкрадчивым и жёстким одновременно, — законы мироздания таких, как мы с тобой, никогда не останавливали. Мы сами пишем эти законы, когда у нас достаточно воли.

R-8 медленно выпрямился, явно довольный тем, что лишил её последнего логического убежища. Он загнал её в угол, где не действовали уставы и ранги — только чистая энергия и столкновение двух хищных начал.

— Встань в круг, — приказал он, и на этот раз в его тоне не было ни капли игры. Только ледяная сталь Высшего. — Покажи мне, как звучит твоя аура, когда рядом нет P-1. Начни трансляцию поля. Сейчас же.

Девушка медленно выдохнула. Она понимала: если откажется, он сочтёт это за подтверждение её скрытности. Если согласится и «сфальшивит» — он поймёт, что она им манипулирует. Ей нужно было найти ту тонкую грань, где их силы соприкоснутся, но не раскроют её истинную глубину. Она сделала шаг в центр тренировочного круга. Воздух вокруг её ладоней начал едва заметно подрагивать, окрашиваясь в холодный сапфировый свет. Грянул первый аккорд их опасного эксперимента.

— Связь какого толка вы хотите проверить? — спросила она, сохраняя пугающее спокойствие, пока её поле медленно разворачивалось, заполняя пространство между ними холодным статическим гулом. — Слухи, которыми полнится Сектор «R», касаются лишь боевой поддержки. В паре с P-1 всё предельно функционально: пока я латаю разрывы, он подпитывает мою стабильность и служит щитом от внешних факторов.

Она сделала небольшую паузу, и её глаза на мгновение вспыхнули ярче, отражая свет ламп.

— Что именно интересно вам? Вы хотите стать моим «щитом»? Или надеетесь, что я стану вашей подпиткой?

Селена была в самую суть его природы. R-8, как ментальный вампир, не привык отдавать энергию — он привык её забирать, подчинять и перерабатывать. Предложение роли «поддержки» звучало для него почти как оскорбление, но девушка намеренно сводила всё к сухим техническим терминам, лишая их близость того сакрального смысла, который он пытался в ней нащупать. Мужчина медленно обвёл её взглядом, и в его глазах промелькнуло опасное веселье.

— Поддержка? — он почти выплюнул это слово, пробуя его на вкус с явным отвращением. — Оставь эти сказки для аналитиков из Центра, М-4. Я не собираюсь быть твоей «батерейкой».

Он сделал резкий пас рукой, и воздух в тренировочном круге мгновенно потяжелел, приобретая серый оттенок его собственной, агрессивной энергии.

— Я хочу проверить резонанс на вторжение. Ты говорила, что пропускаешь через себя эмоции. Я хочу знать, что произойдёт, если я нажму на твои «струны» со всей силы своего ранга. Сможешь ли ты удержать строй, когда партнёр не защищает тебя, а пытается сломать изнутри?

R-8 медленно выставил руку вперёд, почти касаясь невидимой границы её личного пространства. В ту же секунду по защитному полю Селены прошла тяжёлая, маслянистая рябь, напоминающая переливы на поверхности мыльного пузыря перед тем, как тот лопнет. Он не бил наотмашь, он действовал тоньше — плавно ввинчивал свою волю в её структуру, изучая сопротивление материала. Его аура, тяжёлая и голодная, начала сжимать девушку со всех сторон, слой за слоем сминая внешние контуры её защиты.

— Не сопротивляйся, М-4... — на его губах заиграла торжествующая улыбка, когда он почувствовал первую брешь. — Просто поддайся моему ритму. Почувствуй, каково это — когда ведомый становится частью ведущего.

Он сделал ещё шаг вперёд, буквально вклиниваясь своим телом в её поле. Давление стало почти физическим, выбивая воздух из лёгких. R-8 наклонился к ней, и его голос перешёл на вкрадчивый, гипнотический шёпот, который вибрировал прямо в её костях:

— Впусти меня в своё поле... Подстройся под мои импульсы, стань моим продолжением...

Селена чувствовала, как его ментальные «пальцы» перебирают её энергетические узлы, пытаются навязать им рваный, хищный такт своего существования. Это было похоже на попытку поглотить её целиком, стереть границы между «Я» и «Он». Внутри неё всё кричало о необходимости ударить в ответ, выплеснуть накопленную ярость и отшвырнуть его к стене. Но она понимала: R-8 ждёт именно этого. Он ждёт искры, чтобы разжечь пожар, в котором сгорит её тайна. Ей нужно было совершить невозможное — впустить его, но остаться не пойманной. Позволить ему занять всё пространство, не оставив ему ни кусочка своей настоящей сути.

Она прикрыла глаза, чувствуя, как серое марево его ауры затапливает её зрение, и начала медленно, пульс за пульсом, подстраивать свой ритм под его разрушительную волну. Это был танец со смертью, где малейшая ошибка означала полную потерю контроля.

Высший затаил дыхание, наблюдая за тем, как сдаётся её оборона. Он видел, как мелко дрожат её ресницы, как её холодный сапфировый фон начинает рассыпаться, дробиться и, вопреки всем законам логики, вклиниваться в его собственное поле — кусочек за кусочком, импульс за импульсом. Селена медленно выставила руки вперёд, ладонями к нему. Она не отталкивала его, она совершала нечто гораздо более пугающее: она брала под контроль саму пустоту между ними, превращая её в проводник.

В ту же секунду мужчина ощутил, как его собственный фон, обычно подчиняющийся только его воле, вдруг неистово откликнулся на её безмолвный зов. По его коже пробежали мурашки, а в висках застучала кровь. Это не было простым столкновением — их поля начали переплетаться, плавиться и сливаться, превращаясь в единое, вибрирующее целое. Он хотел

подчинить её, но вместо этого почувствовал, как она затягивает его в свой ритм. Границы размылись. Его хищная, давящая энергия вдруг обрела форму, проходя сквозь неё, а её нити начали латать его собственные ментальные шрамы, о которых он давно предпочёл забыть.

— Вот оно... — выдохнул он, и его голос потонул в гулком резонансе, заполнившем зал.

Они стояли в центре тренировочного круга, скованные этой невидимой, пылающей связью, где на уровне энергий бушевал шторм. Селена стала его зеркалом, его эхом, его продолжением. R-8 чувствовал триумф, смешанный с первобытным страхом: он впервые коснулся силы, которая не сопротивлялась ему, а принимала, растворяя его агрессию в своей бесконечной, дисциплинированной глубине. Он наконец получил то, что хотел, — почувствовал вкус её резонанса, но теперь не знал, сможет ли он когда-нибудь добровольно разорвать эту цепь.

Пальцы Высшего медленно, почти торжественно скользнули между её пальцев, смыкаясь в тугие, неразрывные замки. В этот момент барьеры окончательно рухнули, и ментальное слияние захлестнуло их обоих, как ледяная волна. Это был изнурительный, ювелирный процесс: Селена не просто принимала его силу, она буквально вклинивалась в его пространство, прошупывая каждую вспышку ярости, каждый застарелый узел его боли. Она действовала инстинктивно, как привыкла делать это с пространственными Язвами — разглаживала его фон, перестраивала рваные края его ауры под ту форму, которую знала только она. Она была внутри него, в самом эпицентре его ментального шторма.

Её руки в его ладонях крупно дрожали. Напряжение было почти невыносимым: аура Высшего ощущалась как ревущий океан, бездонный и сокрушительный. Для надзирателя её ранга такая близость к источнику подобной мощи была сродни попытке удержать в руках оголённое ядро реактора. Селена тяжело, прерывисто дышала, чувствуя, как пот катится по вискам. Она не решалась поднять взгляд, боясь, что если увидит его глаза сейчас, то окончательно потеряет остатки своего «Я» в этом чудовищном резонансе. Это был жестокий, наглядный урок: между ними лежала не просто пропасть в рангах, а целая вселенная в силе. R-8 был стихией, а она — лишь сосудом, который он наполнял до краёв, заставляя трещать по швам.

— Ты чувствуешь это, M-4? — его голос над её ухом шелестел. — Чувствуешь, как твой «порядок» тонет в моей воле? Как ты растворяешься во мне...

Мужчина чувствовал её дрожь, чувствовал, как она отчаянно пытается структурировать его хаос, и это доставляло ему почти пугающее наслаждение. Он нашёл идеальный резонанс, но цена этого единства была слишком высока для неё — он буквально выжигал её изнутри своим присутствием. Девушка чувствовала, как её сознание начинает крошиться по краям. Вязкая, обжигающая мощь Высшего заполняла её внутренние каналы, подобно раскалённому свинцу, не оставляя места для её собственных мыслей. Это не был обмен — это была аннексия. Её колени подогнулись, и если бы не его стальная хватка в замке их пальцев, она бы просто осела на пол.

— Хватит... — выдохнула она, и этот звук больше походил на сдавленный всхлип.

Но R-8 не спешил разрывать контакт. Он упивался этим состоянием, смакуя её агонию и её покорность, которые переплетались в этом чудовищном резонансе. Его аура пульсировала в такт её учатившемуся сердцебиению, поглощая волю. В этот момент он видел её насквозь — или ему так казалось.

— Ещё секунду, M-4, — прошептал он, и его губы почти коснулись её виска. — Почувствуй, каково это — быть частью чего-то по-настоящему великого. Твой P-1 никогда не даст тебе такой полноты... Он слишком боится тебя сломать. А я — нет.

Селена из последних сил сконцентрировала остатки своего «Я» в одной точке. Ей нужно было прервать это, пока её ментальный отпечаток не стёрся окончательно. Она не стала бороться с его силой — она сделала резкий, парадоксальный «вдох» энергии внутрь себя, создавая кратковременный вакуум в месте их соприкосновения. Законы физики Лабиринта сработали мгновенно. Возникшая разность потенциалов отбросила их друг от друга. Связь

лопнула с оглушительным ментальным звоном. Девушка отлетела назад, едва удержав равновесие, и судорожно схватилась за горло, пытаясь вдохнуть обычный, не наэлектризованный воздух. R-8 остался стоять на месте, лишь слегка качнувшись. Его глаза сияли первобытным, торжествующим светом, а на бледных щеках проступил нездоровый румянец.

— Невероятно... — выдохнул он, глядя на свои ладони, которые всё ещё искрились остатками её сапфирового фона. — Ты выжила. И ты не просто резонировала... а пыталась меня поглотить в ответ.

M-4 молчала, не в силах вымолвить ни слова. Её тело сотрясала крупная дрожь, а в голове всё ещё стоял гул его чудовищной воли. Она поняла одну страшную вещь: R-8 теперь не просто интересовался её талантом. Он ощутил вкус её сути, и теперь он не остановится, пока не сделает этот резонанс постоянным. Командировка превращалась в смертельную ловушку, из которой у неё оставалось всё меньше шансов выбраться прежней.

Селена с трудом подняла голову, её взгляд был расфокусированным, а перед глазами всё ещё плясали серые пятна его ауры. Она чувствовала себя так, словно её выпотрошили и заполнили битым стеклом. Каждая клетка тела вибрировала от чужеродного присутствия, которое не желало уходить.

— Это... — она закашлялась, голос был хриплым, едва узнаваемым, — это не резонанс. Это насилие.

R-8 медленно двинулся к ней. В его походке больше не было ленивой вальяжности — только хищная грация сытого зверя. Он остановился в шаге от неё, и девушка невольно сжалась, ожидая нового удара, но он лишь протянул руку и аккуратно, кончиками пальцев, убрал прилипшую к её влажному лбу прядь волос.

— Ты называешь это насилием, потому что боишься того, как легко твоя суть откликнулась на мою, — прошептал он, и в его голосе слышалось пугающее нетерпение. — Твой порядок жаждет моего хаоса, M-4, пусть ты и не желаешь этого признавать. Ты создана, чтобы структурировать такую мощь, как моя.

Он убрал руку, и Селена почувствовала, как место прикосновения жжёт, будто клеймо.

— На сегодня свободна, — внезапно бросил он, возвращаясь к своему обычному тону. — Иди отдыхай. Увидимся с тобой завтра, ты больше не сможешь спрятаться за протоколами.

Девушка не стала ждать второго приглашения. Она развернулась и, пошатываясь, направилась к выходу. С каждым шагом по холодному полу тренировочного зала она чувствовала, как внутри неё медленно восстанавливается тишина, но это была другая тишина — тяжёлая, отравленная его присутствием. Выйдя в коридор, Селена привалилась спиной к ледяной стене. Этот Паразит не просто «проверил» её. Он взломал её код безопасности. И если она не найдёт способ очистить свой фон от его отпечатков, он станет тем, кто разрушит Лабиринт изнутри — просто чтобы посмотреть, как она будет его чинить. «Кайл...» — мысленно позвала она, закрывая глаза и пытаясь нащупать знакомый, тёплый свет в бесконечной тьме сновидений.

Следующие несколько дней превратились для Селены в изнурительный марафон на выживание. R-8 стал одержим идеей найти дно её выносливости, каждый вечер затаскивая её в Тренировочный центр, который теперь казался ей камерой пыток. Он больше не играл в «поддержку». Каждая их сессия была актом ментальной вивисекции. Мужчина обрушивал на неё каскады своей тяжёлой, давящей энергии, заставляя её поле растягиваться до критического истончения. Он заставлял её резонировать с самыми тёмными углами своего сознания, проверяя, сколько чужого хаоса она сможет структурировать, прежде чем её собственный разум начнёт давать трещины.

— Ещё, M-4! — его голос гремел, когда они стояли в замке, сплетя пальцы. — Не смей закрываться! Пропускай это через себя! Становись этим!

Девушка чувствовала, как её сапфировый фон тускнеет, пропитываясь его пепельной агрессией. После каждой тренировки она выходила из зала серой тенью самой себя. Её напарники — R-5, M-10 и Буйвол — встречали её у дверей, и в их глазах читалась смесь ярости и бессилия. Они видели, как «гаснут» её глаза, как дрожат руки, когда она пытается удержать стакан с водой, но против приказа Высшего, санкционированного Хозяйкой, они были бессильны. R-8 действовал методично. Он изучал, как быстро она восстанавливается, как меняется её пульс при разных типах его воздействия. Он искал тот самый «код доступа», который позволил бы ему владеть её силой так же естественно, как это делал Кайл.

Для Селены же эти дни стали временем величайшей скрытности. Находясь в эпицентре его ментального шторма, она научилась выстраивать «ложное дно». Пока Паразит упивался своей властью над её видимым фоном, она прятала свою истинную суть и свои воспоминания о Кайле в самую глубокую, непроницаемую складку своего сознания. Она позволяла ему выжигать внешние слои, принося их в жертву, чтобы спасти «ядро».

— Ты удивительная, — прошептал он ей в один из вечеров, когда она почти потеряла сознание от перегрузки. — Другой бы уже давно обнулился. А ты... ты только становишься чище под моим давлением.

Он не понимал, что эта «чистота» была лишь ледяной маской абсолютной ненависти. Девушка считала дни до конца командировки. Она знала: R-8 уже не просто тренирует её. Он готовит её к чему-то масштабному, к какому-то финальному аккорду, который должен был навсегда привязать её к Сектору «С» и его безумному хозяину.

Финальный день командировки наступил внезапно, принес с собой вязкое, давящее затишье. Паразит не вызывал её с самого утра, и это молчание пугало сильнее, чем его крики в тренировочном зале. Селена сидела в жилом блоке, глядя на свои ладони. Кончики пальцев всё ещё покалывали — фантомное ощущение его тяжёлой, маслянистой энергии, которая за эти дни, казалось, въелась под самую кожу. Она чувствовала себя грязной, ментально изнасилованной, но её «ядро» осталось нетронутым. Ложное дно выдержало.

— На выход, — голос дежурного по интеркому прозвучал сухо. — Высший ждёт всех в Пункте Перемещений.

Сердце Селены пропустило удар. Свобода? Или последняя ловушка?

Там было холодно. Огромные гермовороты приоткрывали вид на серую бесконечность Лабиринта. Группа выстроилась в идеальную шеренгу. R-5, M-10 и Буйвол стояли не шелохнувшись, но в их позах чувствовалась сжатая пружина. Девушка замыкала строй, измотанная, но с высоко поднятым подбородком. Они не сводили глаз с Высшего, который приближался к шеренге, заложив руки за спину.

R-8 медленно прошёлся вдоль рядов. Его белые перчатки ослепительно сияли в холодном свете зала. Он остановился в центре, окинув «гостей» покровительственным взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.